

RUSSIAN JOURNAL OF LINGUISTICS

2022 Volume 26 No. 3

**Founded in 1997
by the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)**

Научный журнал

Издается с 1997 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-76503 от 02.08.2019 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

DOI: 10.22363/2687-0088-2022-26-3

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed/abstracted in Scopus, Web of Science Core Collection (ESCI), RSCI, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Aims and Scope

The Russian Journal of Linguistics is a peer-reviewed international academic journal publishing research in Linguistics and related fields. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The aims of the journal:

- ♦ to promote scholarly exchange and cooperation among Russian and international linguists and specialists in related areas of investigation;
- ♦ to disseminate theoretically grounded research and advance knowledge pertaining to the field of Linguistics developed both in Russia and abroad;
- ♦ to publish results of original research on a broad range of interdisciplinary issues relating to language, culture, cognition and communication;
- ♦ to cover scholarly activities of the Russian and international academia.

As a Russian journal with international character, it aims at discussing relevant intercultural/linguistic themes and exploring general implications of intercultural issues in human interaction in an interdisciplinary perspective. The most common topics include *language and culture, comparative linguistics, sociolinguistics, psycholinguistics, cognitive linguistics, pragmatics, discourse analysis, intercultural communication, and theory and practice of translation*. In addition to research articles, the journal welcomes book reviews, literature overviews, conference reports and research project announcements.

The Journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, open access and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/linguistics>.

E-mail: lingj@rudn.ru

---

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Включен в каталог периодических изданий Scopus, Web of Science Core Collection (ESCI), RSCI, DOAJ, Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory): <http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать: 36436.

Цели и тематика

Журнал Russian Journal of Linguistics – периодическое международное рецензируемое научное издание в области междисциплинарных лингвистических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала:

- ♦ способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными лингвистами, а также специалистами смежных областей;
- ♦ знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области лингвистических исследований, разрабатываемых как в России, так и за рубежом, и их практическим применением;
- ♦ публиковать результаты оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных лингвистических проблем междисциплинарного характера, касающихся языка, культуры, сознания и коммуникации;
- ♦ освещать научную деятельность как российского, так и международного научного сообщества.

Будучи международным по своей направленности, журнал нацелен на обсуждение теоретических и практических вопросов, касающихся взаимодействия культуры, языка и коммуникации. Особый акцент делается на междисциплинарные исследования. Основные рубрики журнала: *язык и культура, сопоставительное языкознание, социолингвистика, психолингвистика, когнитивная лингвистика, прагматика, анализ дискурса, межкультурная коммуникация, теория и практика перевода*. Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, научные обзоры, информацию о конференциях, научных проектах.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: Отрасль науки: 10.00.00 – филологические науки; Специальности научных работников: 10.02.01 – русский язык, 10.02.04 – германские языки, 10.02.05 – романские языки, 10.02.19 – теория языка, 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, сформулированных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/linguistics>.

Электронный адрес: lingj@rudn.ru

Подписано в печать 01.09.2022. Выход в свет 28.09.2022. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Тираж 500 экз. Заказ № 833. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ИПК РУДН: 115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, 3

Printed at the RUDN Publishing House: 3, Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,

+7 (495) 952-04-41; E-mail: publishing@rudn.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Tatiana V. LARINA, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Russia
e-mail: larina-tv@rudn.ru

HONORARY EDITOR

Istvan KECSKES, State University of New York at Albany, USA
e-mail: ikecskes@albany.edu

ASSOCIATE EDITORS

Douglas Mark PONTON, University of Catania, Italy
Olga A. LEONTOVICH, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Alexander V. IGNATENKO, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Russia
e-mail: ignatenko-av@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Laura ALBA-JUEZ, National Distance Education University (UNED), Spain
Steven A. BEEBE, Texas State University, USA
Liudmila BOGDANOVA, Lomonosov Moscow State University, Russia
Donal CARBAUGH, University of Massachusetts, USA
Vadim DEMENTYEV, Saratov State University, Russia
Jean-Marc DEWAELE, Birkbeck, University of London, UK
Yulia EBZEEVA, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Russia
Zohreh ESLAMI, Texas A&M University at Qatar, Qatar / USA
Cliff GODDARD, Griffith University, Australia
Svetlana IVANOVA, Pushkin Leningrad State University, Russia
Olga IRISKHANOVA, Moscow State Linguistic University, Russia
Dániel Z. KÁDÁR, Research Institute for Linguistics, Hungarian Academy of Sciences, Hungary
Vladimir KARASIK, Pushkin State Russian Language Institute, Russia
Eleonora LASSAN, Vilnius University, Lithuania
Carmen MAÍZ-ARÉVALO, Complutense University of Madrid, Spain
Sara MILLS, Sheffield Hallam University, UK
Andreas MUSOLFF, University of East Anglia, UK
Etsuko OISHI, Tokyo University of Science, Japan
Aneta PAVLENKO, University of Oslo, Norway
Martin PÜTZ, University of Koblenz-Landau, Germany
Klaus SCHNEIDER, University of Bonn, Germany
Maria SIFIANOU, National and Kapodistrian University of Athens, Greece
Olga A. SOLOPOVA, South Ural State University (National Research University), Russia
Yuhua SUN, Dalian University of Foreign Languages, China
Neelakshi SURYANARAYAN, Delhi University, India
Rafael Guzman TIRADO, University of Granada, Spain
Maria YELENEVSKAYA, Technion, Israel Institute of Technology, Israel
Anna ZALIZNIAK, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Russia
Franco ZAPPETTINI, University of Liverpool, UK

Review editor *Konstantin V. Zenkin*
English language editor *Julia B. Smirnova*
Computer design *Natalia A. Yasko*

Editorial office:

10/2 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia
Tel.: +7 (495) 434-20-12;
e-mail: lingj@rudn.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ЛАРИНА Татьяна Викторовна, Российский университет дружбы народов, Россия
e-mail: larina-tv@rudn.ru

ПОЧЕТНЫЙ РЕДАКТОР

КЕЧКЕШ Иштван, Университет штата Нью-Йорк, США
e-mail: ikecskes@albany.edu

НАУЧНЫЕ РЕДАКТОРЫ

ПОНТОН Дуглас Марк, Катанийский университет, Италия

ЛЕОНТОВИЧ Ольга Аркадьевна, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

ИГНАТЕНКО Александр Владимирович, Российский университет дружбы народов, Россия
e-mail: ignatenko-av@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

АЛЬБА-ХУЭС Лаура, Национальный университет дистанционного образования (UNED), Испания

БИБИ Стивен А., Университет штата Техас, США

БОГДАНОВА Людмила Ивановна, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия

ГОДДАРД Клифф, Университет Гриффит, Австралия

ГУСМАН Тирадо Рафаэль, Гранадский университет, Испания

ДЕВАЕЛЕ Жан-Марк, Лондонский университет, Великобритания

ДЕМЕНТЬЕВ Вадим Викторович, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия

ЕЛЕНЕВСКАЯ Мария, Технион – Израильский политехнический институт, Израиль

ЕСЛАМИ Зохран, Техасский университет А&М в Катаре, Катар / США

ЗАЛИЗНЯК Анна Андреевна, Институт языкознания РАН, Россия

ЗАПЕТТИНИ Франко, Ливерпульский университет, Великобритания

ИВАНОВА Светлана Викторовна, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Россия

ПРИСХАНОВА Ольга Камалудиновна, Московский государственный лингвистический университет, Институт языкознания РАН, Россия

КАДАР Дэниел, Институт лингвистики Венгерской академии наук, Венгрия

КАРАСИК Владимир Ильич, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Россия

КАРБО Донал, Массачусетский университет, США

ЛАССАН Элеонора, Вильнюсский университет, Литва

МАИС-АРЕВАЛО Кармен, Университет Комплутенсе де Мадрид, Испания

МИЛЛС Сара, Университет Шеффилд Холлэм, Великобритания

МУЗОЛФ Андреас, Университет Восточной Англии, Великобритания

ОИСИ Эцуко, Токийский исследовательский университет, Япония

ПАВЛЕНКО Анета, Университет Осло, Норвегия

ПУТЦ Мартин, Университет Кобленц-Ландау, Германия

СИФЬЯНУ Мария, Афинский национальный университет им. Каподистрии, Греция

СОЛОПОВА Ольга Александровна, Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет), Россия

СУНЬ Юйхуа, Даляньский университет иностранных языков, КНР

СУРЬЯНАРАЯН Нилакши, Делийский университет, Индия

ШНАЙДЕР Клаус, Боннский университет, Германия

ЭБЗЕЕВА Юлия Николаевна, Российский университет дружбы народов, Россия

Литературный редактор **К.В. Зенкин**

Редактор англоязычных текстов **Ю.Б. Смирнова**

Компьютерная верстка **Н.А. Ясько**

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: +7 (495) 434-20-12; e-mail: lingj@rudn.ru

CONTENTS

Seongha RHEE (Nakhon Pathom, Thailand / Seoul, Republic of Korea) Where to go at the end: Polylexicalization and polygrammaticalization of <i>KAz</i> ‘edge’ in Korean	571
Mohsen KHEDRI (Sohar, Oman), Eatidal HASAN (Gharyan, Libya) and Konstantinos KRITSIS (Nicosia, Cyprus) Rhetorical structure and persuasive features of advertising: An intercultural analysis of English and Arabic online advertisements	596
Kenneth RICHTER (Guanajuato, Mexico), Behruz LOTFI GASKAREE and Milad MIRZAI (Zabol, Iran) A functional analysis of lexical bundles in the discussion sections of applied linguistics research articles: A cross-paradigm study	625
Olga BOGINSKAYA (Irkutsk, Russia) Functional categories of hedges: A diachronic study of Russian-medium research article abstracts	645
Hamada HASSANEIN (Alkharj, Saudi Arabia / Mansoura, Egypt) Double or half reading, double or full meaning: Amphibological and anacoluthic syntax through the lens of Qur’an translators	668
Olga LEONTOVICH and Nadezhda KOTELNIKOVA (Volgograd, Russia) A semiotic portrait of a big Chinese city.....	701
Lyubov KOZLOVA and Anna KREMNEVA (Barnaul, Russia) Lingua-artistic technique of writing and its role in portraying an artist	721
Anna KONSTANTINOVA (Krasnodar, Russia) Lingua-cultural strata of modern American social media: Precedent phenomena in anti-Trump discourse	744
Liliya KOMALOVA and Lyubov KALYUZHNYAYA (Moscow, Russia) Broadening the ontology of threats verbalized in written communication on the Internet.....	779
Albina BOYARKINA (Saint Petersburg, Russia) Principles of libretto translation and problems of multimodal text interpretation.....	807
Book reviews	
Sunhee YAE (Seoul, Republic of Korea) Review of Seongha Rhee. 2021. <i>Linguistic Forms at the Border of Lexis and Grammar: Grammaticalization of Adpositions across Languages</i> . Seoul: Global Contents Publisher	831
Alexei SHMELEV (Moscow, Russia) Review of Anna Wierzbicka. 2021. <i>Vo Chto Veryat Khristiane: Istoriya Boga i Lyudei</i> [What Christians Believe: The Story of God and People]. Moscow: YaSK Publishers, 2021.....	837
Obituaries	
Marina GLOVINSKAYA – aspectologist, lexicographer, researcher of the spoken language and the language of emigration, specialist in error grammar.....	844
Mark BLOKH – founder of the school of communicative-paradigmatic linguistics.....	847

СОДЕРЖАНИЕ

RHEE S. (Nakhon Pathom, Thailand / Seoul, Republic of Korea) Where to go at the end: Polylexicalization and polygrammaticalization of <i>Kaz</i> ‘edge’ in Korean (Полилексикализация и полиграмматикализация корейской лексемы <i>Kaz</i> ‘край’)	571
KHEDRI M. (Sohar, Oman), HASAN E. (Gharyan, Libya), KRITSIS K. (Nicosia, Cyprus) Rhetorical structure and persuasive features of advertising: An intercultural analysis of English and Arabic online advertisements (Риторическая структура и средства убеждения в рекламных текстах: межкультурный анализ английской и арабской онлайн-рекламы)..	596
RICHTER K. (Guanajuato, Mexico), LOTFI GASKAREE B. , MIRZAI M. (Zabol, Iran) A functional analysis of lexical bundles in the discussion sections of applied linguistics research articles: A cross-paradigm study (Функциональный анализ лексических связей в научных статьях по прикладной лингвистике: кросс-парадигмальное исследование) ...	625
BOGINSKAYA O.A. (Irkutsk, Russia) Functional categories of hedges: A diachronic study of Russian-medium research article abstracts (Функциональные категории хеджирования: диахронический анализ русскоязычных аннотаций).....	645
HASSANEIN H. (Alkharj, Saudi Arabia / Mansoura, Egypt) Double vs. half reading, double vs. full meaning: Amphibological and anacoluthic syntax through the lens of Qur’an translators (Двойное или половинное прочтение, двойное или полное значение: амфибологический и анаколутический синтаксис глазами переводчиков Корана)	668
LEONTOVICH O.A. , KOTELNIKOVA N.N. (Volgograd, Russia) A semiotic portrait of a big Chinese city (Семиотический портрет большого китайского города).....	701
КОЗЛОВА Л.А. , КРЕМНЕВА А.А. (Барнаул, Россия) Лингвоживописная техника письма как один из приемов интермедиальности	721
КОНСТАНТИНОВА А.А. (Краснодар, Россия) Лингвокультурные слои современного американского Интернет-пространства: дискурсивный анализ прецедентных феноменов «антитрамповского дискурса».....	744
КОМАЛОВА Л.Р. , КАЛЮЖНАЯ Л.В. (Москва, Россия) Расширение онтологии угрозы в письменной интернет-коммуникации.....	779
БОЯРКИНА А.В. (Санкт-Петербург, Россия) Принципы перевода либретто и проблемы интерпретации мультимодального текста.....	807
Рецензии	
Sunhee YAE (Seoul, Republic of Korea) Рецензия на книгу: Seongha Rhee. 2021. <i>Linguistic Forms at the Border of Lexis and Grammar: Grammaticalization of Adpositions across Languages</i> . Seoul: Global Contents Publisher	831
ШМЕЛЕВ А.Д. (Москва, Россия) Рецензия на книгу: Анна Вежбицкая. Во что верят христиане: История Бога и людей. М.: Издательский дом ЯСК, 2021.....	837
Памяти ученых	
Мария Яковлевна ГЛОВИНСКАЯ – известный аспектолог, лексикограф, исследователь разговорного языка и языка эмиграции, специалист по грамматике ошибок.....	844
Марк Яковлевич БЛОХ – основоположник школы коммуникативно-парадигматической лингвистики.....	847

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-30616>

Research article / Научная статья

Where to go at the end: Polylexicalization and polygrammaticalization of *KAZ* ‘edge’ in Korean

Seongha RHEE

Mahidol University, Nakhon Pathom, Thailand
Hankuk University of Foreign Studies, Seoul, Republic of Korea

 srhee@hufs.ac.kr

Abstract

Nominal lexemes undergo in history extensive development in the lexical as well as grammatical domains. Their semantic change involves diverse threads of conceptualization which shows significant aspects of language development. Despite the series of intriguing changes in form and meaning that the Late Middle Korean lexeme *kAZ* ‘edge’ has undergone, encompassing polylexicalization and polygrammaticalization that merit an in-depth analysis, it has not yet received earnest attention to date. Thus, this paper aims to fill the research gap by analyzing the lexeme’s development from Late Middle Korean to Modern Korean from the grammaticalization perspective, drawing upon data from a historical corpus and dictionaries. An extensive diachronic data analysis based on concordance and lexical searches shows that new meanings or functions are so diverse that some of them even form an antonymic relation. Such a wide-ranging semantic and functional diversity is attributable in part to the role of the participating forms in word formation processes such as derivation and compounding but, more importantly, to differential conceptualizations of the source meaning ‘edge’ e.g., entity-internal and entity-external conceptualizations; mapping the ‘edge’ onto different continua, e.g., degree, path, likelihood; and involvement of subjectification, e.g., evaluative-epistemic judgment such as counter-expectation. The innovated meanings resulting from such cognitive operations form a conceptual network. The developmental processes of the lexeme *kAZ* ‘edge’, in general, can be explained with reference to grammaticalization mechanisms, such as desemanticization, extension, decategorialization, and erosion, and some mechanisms are also operative in lexicalization as well. However, erosion, or the reduction of phonetic volume, is not prominent in these changes, suggesting that the principles should be interpreted as tendencies rather than deterministic diagnostics. These findings contribute to a better understanding of the complex relationship between lexicalization and grammaticalization.

Keywords: *grammaticalization, polylexicalization, polygrammaticalization, Korean, conceptual motivation, subjectification*

© Seongha Rhee, 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation:

Seongha, Rhee. 2022. Where to go at the end: Polylexicalization and polygrammaticalization of *Kaz* ‘edge’ in Korean. *Russian Journal of Linguistics* 26 (3). 571–595. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30616>

Полилексикализация и полиграмматикализация корейской лексики *Kaz* ‘край’

Санха РИ

Университет Махидол, Накхонпатхом, Тайланд
Университет иностранных языков Хангук, Сеул, Республика Корея
 srhee@hufs.ac.kr

Аннотация

Лексемы номинального типа переживают период интенсивного развития как в сфере лексики, так и грамматики. Их семантические изменения связаны с различными тенденциями концептуализации, указывающими на развитие существенных аспектов языка. Несмотря на ряд любопытных изменений в форме и значении лексики *kaz* ‘край’ в корейском языке позднесреднего периода, охватывающих полилексикализацию и полиграмматикализацию, которые заслуживают углубленного анализа, они до сих пор не получили достаточного внимания. Цель статьи – заполнить пробел в анализе развития лексики *kaz* в корейском языке от позднесреднего до современного периода с позиций грамматикализации на основе данных из исторического корпуса и словарей. Расширенный диахронический анализ, основанный на сочетаемости и лексическом поиске, показывает, что новые значения и их функции настолько разнообразны, что некоторые из них иногда даже вступают в антонимические отношения. Столь широкомасштабное семантическое и функциональное разнообразие обусловлено отчасти ролью используемых форм в словообразовательных процессах, таких как деривация и словосложение, но, что еще более важно, дифференциальной концептуализацией исходного значения «край», то есть концептуализацией, направленной на внутреннюю или внешнюю сущность понятия «край» в разных континуумах, таких как степень, способ, сходство; и субъективизацией, например, оценочно-эпистемическими суждениями, такими как обманутые ожидания. Новые значения, возникающие в результате таких когнитивных операций, формируют концептуальную сеть. В целом процессы развития лексики *kaz* ‘край’ могут быть объяснены с учетом механизмов грамматикализации, таких как десемантизация, расширение, декатегоризация и эрозия; некоторые механизмы также задействованы в процессе лексикализации. Однако эрозия, или редукция фонетического объема, не играет существенной роли в этих изменениях, в связи с чем данные принципы следует интерпретировать как тенденции, а не предопределяющие факторы. Результаты исследования позволяют лучше понять сложные взаимоотношения между лексикализацией и грамматикализацией.

Ключевые слова: грамматикализация, полилексикализация, полиграмматикализация, корейский язык, концептуальная мотивация, субъективизация

Для цитирования:

Rhee S. Where to go at the end: Polylexicalization and polygrammaticalization of *Kaz* ‘edge’ in Korean. *Russian Journal of Linguistics*. 2022. V. 26. № 3. P. 571–595. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30616>

1. Introduction

It is an aphorism that linguistic form and meaning are in constant change, though unnoticeable unless seen from a historical perspective. The change may create new meanings resulting in polysemy (of a single word) or ‘heteronymy’

(of multiple, related words across word classes; Lichtenberk 1991), or new grammatical functions, a process known as grammaticalization. A single word may display multiple lines of such changes over time. It is well known in grammaticalization studies that a single lexeme may develop into diverse grammatical markers across multiple functional domains ('polygrammaticalization' Craig 1991, Rhee 2019). Similarly, at the lexical level, individual languages have different strategies for word-formation, often closely related to their typological features (Rhee & Khammee 2022), e.g., using a single lexeme for diverse extended meanings ('the polysemy strategy'), coining entirely new words ('the monosemy strategy'), systematically modifying an existing word, such as derivation ('the derivation strategy'), or creating multi-word expressions ('the phraseology strategy' or 'the compounding strategy'). Languages may use different combinations of these strategies to different degrees. All these processes, by virtue of their end results being the creation of new lexical items, are subsumed under the lexicalization strategies. When a word is subjected to multiple lexicalization processes, this may, by analogy with polygrammaticalization, be referred to as 'polylexicalization' (cf. Kou 2018).

The Korean nominal lexeme *kAZ* 'edge' has undergone change across diverse lexical and functional domains.¹ The extent of change is so wide-ranging that it showcases a number of theoretically significant aspects in lexicalization and grammaticalization and, more generally, conceptual change. Despite such merits, the change of *kAZ* 'edge' has not received much attention to date and this paper intends to fill this research gap.

Thus, the objectives of this paper are twofold; to describe the lexicalization and grammaticalization paths of *kAZ* 'edge', focusing on the extension patterns and conceptual networks, and to discuss select issues that carry significance in grammaticalization theory, and more generally, language change. In particular, it intends to show that changes branching out of a source form are the results of divergent conceptual extension motivated by different conceptualizations of an 'edge', and that subsequent changes, being contiguous to the previous stage, form a conceptual network.

This paper is organized in the following way. In section 2, we will briefly describe the Korean language with a focus on typological characteristics that are relevant to the change displayed by *kAZ* 'edge'. Section 3 deals with the data sources and research methodology. Section 4 describes the development of *kAZ* from Late Middle Korean to contemporary Korean, focusing on the lexical origin (4.1), formal

---

¹ In the earliest extant data written in Korean script *Hangeul* (= *Hankul*), *kAZ* and *kAS* occur in a mixed way (see 4.2 below). A general pattern is that *kAZ* occurs when followed by a particle without an onset consonant, and *kAS* occurs when standing alone or followed by a particle with an onset consonant (for discussion on various positional issues regarding /z/ and /s/, see Yi 2021). Evidently, *kAC-* (as in *kAcang/kAcay* 'extremely, most') is a variant developed from *kAZ*, as is often attested in historical change of certain lexemes, e.g., examples in (6) in 4.3.2 (Jung 1995, Yi 2021). Great spelling variability is a norm in historical data, a situation that continues until the implementation of the First Hangeul Orthographic Regulation (*Hankul Macchwumpep Thongilan*) in 1933. Unless warranted by the context, the lexeme is represented as *kAZ* not specifying variants.

changes (4.2), polylexicalization (4.3) and polygrammaticalization (4.4). Section 5 discusses the noteworthy issues, i.e., multiple paths of language change (5.1), grammaticalization mechanisms (5.2), and conceptual motivation (5.3). Section 6 summarizes the findings and concludes the paper.

2. Typological characteristics and word-formation in Korean

Korean is spoken by 81.7 million people worldwide, of which 75.6 million are in the Korean peninsula (Eberhard, Simons & Fennig 2022). Genealogically, it has often been regarded as an Altaic language since eminent Finnish Altaic linguist Gustaf Ramstedt proposed it in 1939 (Ramstedt 1997 [1939]), but in the modern linguistic research tradition the Altaic hypothesis is often contested (see Kim 1992, Sohn 1999, among others, for discussion of the issue). Eberhard, Simons and Fennig (2022) list it as a Koreanic language along with Jejueo, a language variety spoken in Jeju Island. Most recently, it is frequently discussed under the geographically motivated classificatory term ‘Transeurasian languages’ (Johanson & Robbeets 2010, Robbeets 2013), often along with Japanese since the two languages share many structural characteristics (Narrog & Rhee 2013, Robbeets 2017).

Typologically, Korean is an agglutinating, head-final, SOV language. In line with the SOV word order characteristics in morphology, it is suffixal and postpositional. Prepositions do not exist, and prefixes are relatively unproductive. Grammatical forms are predominantly suffixes and postpositions, as shall be seen with the development of *kaz* ‘edge’. Argument NPs are often omitted, and NPs may occur without their postpositional particles. The particles most susceptible to omission are primary case-markers, e.g., Nominative, Accusative (and, to a lesser degree, Dative and Allative), and those with more specific semantic content, such as those developed from *kaz* ‘edge’, tend to be retained for preservation of meaning. Syntactic and thematic functions of NPs are marked with case-markers and postpositions. In terms of verbal morphology, finite verbs are marked with tense, aspect, mood, and modality, whereas non-finite verbs are often marked with ‘converb’-markers (*converbialia*, Ramstedt 1903), of which the main function is adverbializing a non-finite verb (Haspelmath 1995).

Relevant to our discussion is the verb formation strategy, i.e., the productive use of the light verb (*ha-* ‘do/be/say’) for lexicalization of property words (e.g., anxiety-do > be anxious (adj.)), a feature widely shared among Transeurasian languages (Robbeets 2017: 595–596). The use of the light verb is also a common strategy for forming a verb). In such verb formation, the Accusative case-marker is deleted from the syntactic construction of [N-ACC *ha-*] ‘do N’, resulting in the verb [N-*ha-*], e.g., food-ACC do > food-do > cook (v.). In addition, the use of the verbs of existence (*iss-* ‘exist’) and non-existence (*eps-* ‘not exist’) in lexicalization and grammaticalization is also common. In such word formation, the Nominative case-marker is deleted from the syntactic construction of [N-NOM *iss-/eps-*]

‘N exists/does not exist’ (e.g., ‘taste exists/doesn’t exist’), resulting in the verb/adjective [N-*iss-*] (e.g., ‘be tasty/be tasteless’) (see 4.3.2 below for more).

Based on these typological and word-formation characteristics, this study aims to describe the lexicalization and grammaticalization patterns of the lexeme *kAZ* ‘edge’ and analyze their interrelation and conceptual motivations. As shall be made clear in the following discussion, the typological characteristics of headedness play a crucial role in the development of grammatical forms and functions.

3. Data and methodology

The primary data source for investigation of diachronic change patterns is the Sejong Historical Corpus, a 15-million word corpus derived from the 21st Century Sejong Corpus, a 200-million word corpus, developed by the Korean Ministry of Culture and Tourism and the National Institute of the Korean Language (1998–2006). This corpus encompasses data from the fifteenth century to the early twentieth century (1446–1912). The corpus consists of Buddhist scriptures, commentaries, edifying textbooks, medical advisories, poems, diaries, interpreter training textbooks, bilingual dictionaries, Biblical texts, Christian commentaries, novels, short stories, newspaper articles, and personal correspondences, among others. The search engine used is UNICONC, developed by Jin-Ho Park of Seoul National University. All spelling variants used in historical sources are first identified and their attestations are retrieved from concordance searches using UNICONC. All concordance hits are individually examined to ensure their relevance by eliminating homonyms or spelling variations of irrelevant lexemes.

In addition to the corpus, a number of historical dictionaries have been consulted (see the list in References). These dictionaries contain extensive data compiled from diverse sources from Late Middle Korean (LMK; 15th – 16th c.) and onward. As is the case with concordance data, dictionaries contain headwords that are not related to the target item, largely because of the great level of spelling variation in historical data (see Figure 1 for all relevant forms). A thorough investigation into the various usages of the target lexeme and its derived forms manifested in the historical sources reveals now-defunct usages that are likely to have worked as bridges for the development of contemporary functions.

4. The development of *kAZ* ‘edge’

4.1. The lexical origin

The nominal *kAZ* is attested in LMK, carrying the meaning of ‘edge’ and related concepts (e.g., ‘shore, limit, boundary, end, etc.’), as exemplified below:²

---

² The Extended Yale Romanization System (Rhee 1996) is used for romanization of the Korean data. Also, following the convention, the Chinese characters in historical sources are rendered with their Modern Korean pronunciation value, indicated in upper-case.

(1) *kAZ/kAS* noun ‘shore, boundary, limit’

a. *LUNGKASAN-i*   *NAM.CHENCHWUK*   *palAl-s*   *kAZ-ay*   *is-nAni*
 Mt.Leungga-NOM   South.India   sea-GEN   edge-at   exist-CONN
 ‘Since Mt. Leungga is located at the coast of Southern India...’
 (1447, *Sekposangcel* 6:43b)

b. *MILAY-s*   *kAZ-i*   *taA-tAlok*
 future-GEN   end-NOM   reach-till
 ‘until (Buddha’s truths) reach the end of the future worlds’
 (1459, *Welinsekpo* 13:39)

In contemporary Korean, the surviving nominal form of *kAZ* is *ka*, which resulted from the loss of the coda consonant (see 4.2 below), as exemplified below³:

(2) *ka* n. ‘margin, edge, limit, vicinity’

a.	<i>wumwul</i>	<i>ka</i>	b.	<i>yenmos</i>	<i>ka</i>
	fountain	edge		pond	edge
	‘fountain side’			‘pond side’	
c.	<i>kil</i>	<i>ka</i>	d.	<i>nanlo</i>	<i>ka</i>
	road	edge		stove	edge
	‘street side’			‘fireside’	

The form has undergone a series of changes in form and function in history. Some of the forms and functions are lost over time and are obsolete in contemporary Korean. We will now look at the changes in more detail, first formal changes, followed by semantic-functional extensions through lexicalization and grammaticalization.

4.2. Formal change

The LMK noun *kAZ*, with the primary meaning ‘edge’, has a few variant forms, e.g., *kAZ*, *kAS*, *KA*, *ka*, and *kas*. In the earliest data, i.e., of the 15th century, it appears as *kAZ* and *kAS*, which often have the same phonetic representation, i.e., [kʌt], due to the general rule of final-consonant neutralization into an alveolar stop. When *kAZ* is followed by a particle with no onset consonant, the /z/ is phonetically realized as [z].

In the 16th century /z/ begins to disappear as part of a historical change, adding *KA* to the inventory of variants, and the final consonant /z/ is no longer found in Early Modern Korean (EModK; 17th–19th c.) and onward. The coda /z/ is changed either to /c/ (usually when occurring word-medially), or /s/ (phonetically realized as [t], when occurring word-finally), or it is completely eroded. The vowel ‘A’ /ʌ/ in LMK is changed to ‘a’ /a/ in Modern Korean (ModK; 20th c. – the present), and consequently the only nominal form surviving in contemporary Korean is *ka* /ka/ (apart from the derived nouns).

³ The most common nominalizer (or dependent noun) in ModK is *kes* ‘thing’, the origin of which is hypothesized as *kes/kas* ‘skin, surface’ (Hong 1983). Semantic affinity between ‘edge, boundary’ and ‘skin, surface’ and formal similarity between *kAZ/kAS* and *kes/kas* suggest a possibility that the two words are cognates. However, the connection has not yet been established.

While the form is undergoing the reductive change of the loss of the coda, there also occur additive changes over time. Some of the major morpho-syntactic changes are as shown in (2):

- (3)
- a. suffixation of the diminutive *-ang*
  - b. compounding of (a) with *cali* ‘place’
  - c. syntactic combination of (a) with the light verb *hA-* ‘do/be/say’
  - d. derivation of (c) with a causative morpheme *-i/-y-*
  - e. absorption of the genitive *-s* in the preceding nominal
  - f. syntactic combination with the verb *ep(s)-* ‘not exist’

We will look at each of the processes listed above in more detail. The suffix *-ang*, etymologically traceable to *ak/aki* ‘child’ (Rhee 2001), is a diminutive affix for a noun (Kang 1993: 96). The effect of the affixation of the diminutive suffix to *kAZ* ‘boundary’ is reduction of the size of the ‘edge’ to its extreme and thus creates intensified meaning, i.e., ‘the very edge, the extreme boundary, the very limit,’ from which various ‘extreme’ meanings emerge (see 4.3.2 below). The derived word is further phonetically reinforced by compounding with *cali* ‘place’, i.e., *kacangcali* ‘boundary, edge’ from the turn of the 20th century (1915 *Sincacen*), which is the most commonly used noun denoting ‘edge’ in ModK, and the original stem *ka* is more frequently used in compounds, e.g., *kangka* ‘riverside’, *pataska* ‘beach, coast’, etc.

The diminutivized *kacang/kAcang* undergoes a syntactic operation by combining with the light verb *hA-* ‘do/be/say’, whereby the noun is changed into a verb. The verbalized *kAcanghA-*, literally meaning ‘do the edge’, denotes ‘reach the point of; act arbitrarily; enjoy to the heart’s content; exert self to the limit, etc.’ The word undergoes a further morphological change through suffixation of the causative *-y* (a variant of *-i*), resulting in *kAcanghAy-*, which denotes ‘let someone do at will; let someone act arbitrarily; let someone do something to his/her heart’s content; etc.’ Still another derivation is through the suffixation of *-tAoy-* ‘become, fit’, i.e., *kAcangtAoy-* ‘become complete’. The derived words *kAcanghA-*, *kAcanghAy-* and *kAcangtAoy-* are all attested in LMK (1459 *Welinsekpo*, 1475 *Nayhwun*, and 1482 *Kumkamkyengsamkahay*, respectively) but are obsolete in ModK (see 4.3.2 below).

The diminutivized *kAcang*, when it is preceded by a noun, typically occurs with the genitive case-marker *-s*, in the structural template of *X-s kacang* [X-GEN edge] ‘X’s edge’ (note that Korean is a head-final language with the G-N phrasal order, a common Transeurasian feature, Robbeets 2017). In this configuration, a reanalysis of the morpheme boundary occurs from [X-s kacang] to [X-skAcang], whereby *kAcang* becomes *skAcang*, in which the onset ‘sk’ is the tensified /k/.⁴ The morphosyntactic reanalysis also leads to the functional reinterpretation of the nominal *kAcang* ‘edge’ into the postposition *-skacang* ‘till, up to’ (written as *-kkacang* in ModK). The surviving ModK forms of *kAZ/kAS* contain the initial

⁴ Some researchers (Choe 1982, Hur 1975, Kim 1955, Lee 1955, among others) hypothesize that *sk* was phonetically realized as [sk]. Transeurasian languages, however, tend to avoid word-initial consonant clusters (Deny 1924, Robbeets 2017).

consonant either /k/, when used as a nominal, or /kʰ/ (= /kk/), when used as a dependent form, most notably the postposition ‘to, till’. Thus, the development of the particle can be characterized as [X-s *kAcang* ‘X’s edge’ > X-*skAcang* ‘till/to X’]. A slight variation is observed here, i.e., in some cases of the dependent forms (i.e., suffix), *kAcang* is realized as *-khAcang*, as in *sulkhAcang* ‘to the point one hates; to one’s heart’s content’ derived from the verb *sulh-* ‘dislike, hate’, of which /h/ changes /k/ into an aspirated /kh/. Its reduced form *silkses* ‘maximally, heartily, pamperingly’ survives in ModK.

The last extension of *kAZ* is its syntactic combination with the verb *ep(s)-* ‘not exist’. As briefly noted in 2 above, an idiosyncrasy of Korean is the productive use of the verbs of existence *iss-* ‘exist’ (e.g., *mas.iss-* ‘be tasty’) and non-existence *eps-* ‘not exist’ (e.g., *mas.eps-* ‘be tasteless’) in lexicalization (Koo 2005, 2008). The nominal *kAZ* also undergoes this operation, producing *kaz-ep(s)-* [edge-not.exist] ‘be limitless, be boundless’ (< ‘the edge does not exist’), which later becomes *kayep(s)-* ‘be pitiable’ (note, however, that there is no lexicalization of *kAZ* involving *iss-* ‘exist’) (see 4.3.2 below for more).

In addition to formal changes, there occurred a number of notable semantic-functional changes. Many changes already occurred in LMK texts, the earliest data written in *Hangeul*. Some changes led to a dead-end before MoK, leading the forms to disuse, while many others survive in ModK. The *kAZ*-derived words and morphemes are distributed across many word classes. Depending on the nature of the final item created, we discuss the broad two-way categorization of lexicalization and grammaticalization. Put simply, lexicalization refers to the creation of major class words, e.g., verbs, adjectives and adverbs, whereas grammaticalization refers to the emergence of the forms carrying grammatical functions.⁵

4.3. Polylexicalization

The lexeme *kAZ* has undergone a number of lexicalization processes, notably, conversion, derivation, and compounding, and we turn to an elaboration of each of them.

4.3.1. Conversion

The simplest form of lexicalization that *kAZ* has undergone is ‘conversion’ (Haspelmath 2002: 24–26, Valera 2006: 172–175), i.e., the case in which the form of the base remains unaltered in derivation of a word in a different part of speech, e.g., *hammer* (noun to verb), *book* (noun to verb), etc. in English. This process is also often referred to as ‘zero-derivation’ for the lack of formal change. In the case of *kAZ*, the most prominent case of conversion is the change from a noun into an adverb, as shown by the examples below, taken from historical texts:

⁵ Creation of adverbs may or may not be considered as lexicalization. For instance, Heine, Claudi and Hünemeyer (1991: 3) treat adverbs as non-major (closed) class words (contra Anttila 1972: 151) and the lexicon by Heine et al. (1993) includes their development in grammaticalization.

- (4) a. *kaS* adverb ‘just now, only, barely’
kutuy CENGSA cizwu-lye theh-ul kaS SICAKhA-ya toy-enul
 you temple build-PURP lot-ACC just.now start-CONN measure-CONN
 ‘You just started and measured the lot to build a temple, but...’ (1447, *Sekposangcel* 6:35)
- b. *kaS* adverb ‘just now, only, barely’
kaS kul payh-on hyekun salAm-Ay mal-Al musumula tulu-si-li-isko
 just.now letter learn-ADN small person-GEN word-ACC why listen-HON-FUT-Q
 ‘Why would you listen to an unimportant man who only started to learn letters recently?’
 (1481, *Yekwu Samkang Cwuwuncelham* 7a)

The adverb *kaS* denotes ‘just now, recently, etc.’, typically modifying an eventive verb by adding the meaning that the event occurred not long ago. The notion of physical vicinity in ‘edge’ is metaphorically transferred to that of temporal vicinity, i.e., recency.

The conversion between major classes is a relatively unproductive strategy in Korean, largely because major word classes, e.g., nouns and verbs, tend to be different in stem forms and derived forms tend to carry morphological trappings that indicate the derivation (see, however, Hong 1947 [1927], Nam & Ko 2011 [1992], Ko & Koo 2018 for discussion of ‘cross-categorial uses’ in Korean). The instance described above, however, occurs early in history, i.e., LMK, at the same time when the nominal form *kaZ* is attested. In ModK, *kas* as an adverbial is often found as exemplified in (5):

- (5) *kas* adv. ‘just now, recently’
a.	<i>kas</i>	<i>phi-</i>	b.	<i>kas</i>	<i>kyelhonha-</i>	c.	<i>kas</i>	<i>kwup-</i>
	recently	bloom		recently	marry		recently	bake
	‘bloom(ed)	just now’		‘marry(/married)	recently’		‘bake(d)	just now’

4.3.2. Derivation and compounding

Among a few lexicalization patterns involving morphological derivation is the creation of the adverb *kaCay* ‘most, very’, i.e., involving the variant form of *kaZ* and the adverbializing suffix *-ay* ‘at, to’. The semantic change from ‘at/to the edge’ to ‘extremely’ is intuitively well motivated. This short-lived form is attested in LMK literature (e.g., 1466, *Mokwucaswusimkyel* 20a; 1527, *Hwunmongcahoi* II 15b, etc.) but is completely obsolete in ModK. As is evident from its form (*kaCay*) and its initial meaning (‘at the edge’), the word develops into the postposition *kkaci* ‘to, toward, etc.’ as the cohesion between the preceding noun and the adverbial increases. Thus, the adverbial *kaCay* ‘at the edge’ is the bridge from the noun to postposition, a state of affairs corroborating the directionality proposed by Heine, Claudi & Hünnemeyer 1991: 167), i.e., lexical > (adverbs >) adpositions > case affixes > zero. The fully developed adverbial meanings are Elative (‘extremely, very’) and Superlative (‘the most’), a noteworthy directionality of change, considering the parallel development of the adverb *kaCang* (see below).

Another type of morphological derivation is ‘diminutivization’, involving the diminutive suffix *-ang*, traceable to *aki* ‘baby’ (see (3a) above). The ModK *kaCang* carries adverbial functions, as exemplified in (6), taken from historical texts:

- (6) a. *kAcang* adv. ‘all, altogether, completely’
ILCElSEYKAN-ay-s   *mAZAM-Al*   *kAcang*   *pAli-ko*
mundane.world-at-GEN   mind-ACC   altogether   discard-and
‘Giving up (worldly thoughts) altogether, and...’ (1467, *Mongsanhwasang pepe* 23)
- b. *kAcang* adv. NPI ‘(not) at all’
CAMI   *kAcang*   *eps-un*   *pskuy*
taste   not.at.all   not.exist-ADN   time
‘when it has no taste at all’ (1467, *Mongsanhwasangpepe* 15)
- c. *kAcang* adv. ‘very, greatly, very much’ (Elative)
hanAl   *stah-i*   *kAcang*   *CINTONGha-ni*
heaven   earth-NOM   greatly   shake-CONN
‘as the heaven and earth shook very violently...’ (1459, *Welinsekp* I 8)

In LMK, the adverb *kAcang* is used for a few different, yet related meanings. As illustrated in (6), they all make reference to the notion of ‘entirety’ inclusive of the extreme members. The usage of (6c), i.e., the Elative degree marker function, was very productive in LMK. In such contexts, it modified eventive or stative verbs, as in *kAcang tulechi-* ‘(the earth) shakes very violently’ (1447 *Yekcwu Welinsekp* 20: 52b), *kAcyang hyotoha-* ‘be very dutiful to parents’ (1514, *Soksamkang Yel*: 22b), etc. The usages illustrated in (6), however, are no longer current in contemporary Korean. Instead, *kAcang* is used as the Superlative degree marker, as exemplified in (7):

- (7) *kAcang* adv. ‘most’ (Superlative)
a. <i>kAcang</i> <i>palk-</i>	b. <i>kAcang</i> <i>ppalu-</i>	c. <i>kAcang</i> <i>ttokttokha-</i>
most be.bright	most be.fast	most be.smart
‘be brightest’	‘be fastest’	‘be smartest’

The ModK adverb *kAcang* in (7) is the Superlative marker, modifying a stative verb (= adjective), even though it was an Elative degree marker in LMK. The shift from Elative to Superlative seems to have completed around the 17th c. (e.g., 1670, *Nokeltayenhay* I: 10).⁶

Another type of lexicalization involving *kAZ* is compounding. Compounding is presumed to be universal (Greenberg 1966[1963]: 93, Guevara & Scalise 2009: 102), even though the level of productivity may vary across languages. As briefly discussed in 3.1, *kAZ* survives as *ka* in ModK as a full-fledged nominal, still carrying the original meaning ‘edge’. There is a more commonly used derived nominal, i.e., *kAcangcali*, which is a fortified form through diminutivization (with *-ang*) and compounding (with *cali* ‘place’), as exemplified in (8):

⁶ There are rare instances that were amenable to both Elative and Superlative interpretations in LMK, e.g., *kAcang motin nimkum* ‘the very/most cruel king’ (1459, *Welinsekp* 4:6). However, previous to the 17th century, there are few, if at all, instances carrying the Superlative function. In contrast, the form is invariably the Superlative marker in ModK (see Rhee 2022 for more discussion).

- (8) *kacangcali* n. ‘edge, brim, perimeter’
a. <i>hwatan</i>	<i>kacangcali</i>	b. <i>nwun</i>	<i>kacangcali</i>	c. <i>khep</i>	<i>kacangcali</i>
flowerbed	edge	eye	edge	cup	edge
‘edge of flower-bed’		‘region around the eyes’		‘brim of a cup’	

When the examples of *kacangcali* in (8) are compared with those of *ka* in (2) above, it is obvious that the two nominals are nearly synonymous and can often be used interchangeably. The former, however, being the phonetically and semantically fortified form of the latter, tends to refer to a more expansive, often circumferential, region. Thus, *nwun ka* ‘the side of eyes’ tends to refer to a smaller region, the outer corner of the eyes (e.g., where the crow’s-foot lines are visible) whereas *nwun kacangcali* ‘region around the eyes’ refers to a wider region surrounding the eyes (e.g., where a dark circle is visible). Similarly, *ip ka* ‘the side of mouth’ tends to refer to the two end points of the lips (e.g., where smiling is most noticeable), whereas *ip kacangcali* ‘region around the mouth’ tends to refer to a wider region surrounding the mouth (e.g., where some unsightly food particles may smudge while eating).

Another type of compounding involving *kAZ* is one in which the light verb *ha-* (historically *ha-*) ‘do/be/say’ and the verbs of non-existence *ep(s)-* ‘not exist’ (see (3c) and (3f) above) participate. Haspelmath (2002: 85–86) notes that the type of compounds formed by the notional object and the verb (called ‘incorporation’ e.g., *drawbridge* or *babysit* in English) is unproductive in English but productive in morphologically rich polysynthetic languages. Compounding of *kAZ* and the light verb *ha-* constitutes an instance of an ‘incorporation’ process. However, compounding involving the notional subject and its predicate *eps-* ‘not exist’ is a syntactically peculiar case (note, however, that morphosyntactic operations developing into morpholexical operations over time is not infrequent; Sadler & Spencer 2001). The instances of the first type attested in historical data are exemplified below:

- (9) a. *kasha-* verb ‘reach the point of’ (< *kAs(-ul) ha-* [boundary(-ACC) do])
<i>chivi-yeyS</i>	<i>kechu-n</i>	<i>phul-i</i>	<i>KALSEKSAN-ay</i>	<i>kasha-ni</i>
cold-at	wild-ADN	grass-NOM	[name]-to	reach-CONN
- ‘As the wild grass reaches (the top of) Mt. Kalsek. (1481, *Twusienhay* Cho 21:36)
- b. *kazeps-* verb ‘be endless’ (< *kAZ-i eps-* [edge-NOM not.exist])
<i>kazeps-un</i>	<i>KONGTEK</i>	<i>ila-sy-a</i>	<i>CWUNGSAYNG</i>
be.endless-ADN	virtue	accomplish-HON-CONN	people
- KWUha-si-nAN tal*
save-HON-ADN NOMZ
‘(The Boddhisatva heard) that (Buddha) accomplished endless virtues and saved people.’
(1447, *Welinchenkangcikok* 324)
- c. *kacangha-* adjective ‘be great’ (< *kAcang(-ul) ha-* [boundary(-ACC) do])
<i>culkewum-i</i>	<i>kacangh-om-ay</i>	<i>meli</i>	<i>syey-yom-Al</i>	<i>sul-noni</i>
pleasure-NOM	be.great-NOMZ-CSL	hair	gray-NOMZ-ACC	lament-CONN
- ‘(I) lament the graying of my hair because my pleasure is at its height.’
(1481, *Twusienhay* Cho 21:30)

In ModK the lexicalized verbs and adjectives, exemplified above, are obsolete. But compounding involving the verb of non-existence *eps-* ‘not exist’, an instance of ‘univerbation’ (Lehmann 2015[1982]) of a syntactic construction, survives in ModK. The source construction is a clause *ka-i eps-* [edge-NOM not.exist] ‘the boundary does not exist; limitless’, which later changes to ‘be pitiable’, in the sense that ‘the pity is boundless’, as is exemplified in (10):

- (10) *kayep(s)-* adjective ‘be pitiable’
ku hwanca-ka kayep-ta
 that patient-NOM be.pitiable-DEC
 ‘The patient is pitiable.’

Incidentally, the univerbation process, whereby the internal composition becomes increasingly opaque, is still ongoing, which is observable in the fact that there are two adnominal inflected forms, i.e., the conservative *kayeps-un* (in which /s/ of *eps-* ‘not exist’ survives) and the more eroded *kayew-un* (from which /s/ disappeared; note that [p] > [w] is a lexically-controlled phonological rule, applicable to many words in Korean).

4.4. Polygrammaticalization

Another important group of changes that *kAz* has undergone is grammaticalization, i.e., the creation of linguistic forms that carry grammatical functions. In a now classical work, Kuryłowicz (1976 [1965]: 69) defined grammaticalization as “an increase of the range of morpheme advancing from a lexical to a grammatical or from a less grammatical to a more grammatical status,” according to which the development of derivational morphemes is relatively less grammatical than that of inflectional morphemes. In this spirit, we can distinguish weakly grammaticalized *kAz*-forms, e.g., prefixes and suffixes, and strongly grammaticalized *kAz*-forms, e.g., postpositional particles.

4.4.1. Derivational prefix

The first type of grammaticalization is found in *kAz* used as a derivational prefix, as exemplified in historical and modern sources:

- (11) *kAs-* nominal prefix ‘just, just now, fresh, recent’
- a. *kAs-* nominal prefix
kAs-swin-i cyem-ul-kka-manAn ka-n tAy-mata swul-ul po-ko
 just-50-NOM be.young-FUT-Q-CONN go-ADN place-DIST wine-ACC see-CONN
 ‘(One) may wonder if [no one would think that] (my) age just having turned 50 is young, but (I) see (and drink) wine wherever I go, and... (15xx, *Songkangkasa* Sengcwu ed. 58)
- b. *hanselnal kAs-pAlki-yey*
 New.Year.day just-daybreak-at
 ‘at the very beginning of the daybreak of the New Year’s day’
 (1613, *Kanipyekonpangenhay* 18)

- c. *kas-pyengali*
fresh-chick
'a newly hatched chick' (Paek 2012: 42)

The lexeme *kas* also develops into an adjectival prefix in ModK, as shown below:

- (12) *kas*- adjectival pref. 'just, freshly'
a. <i>kas-ikun</i> just-ripened 'freshly ripened (fruit)'	b. <i>kas-nemun</i> just-past 'just over (age)'	c. <i>kas-capun</i> just-caught 'freshly caught (fish)'

The prefix *kas*- in (12) is a development from the adverbial use of *kas* 'just now, recently', which is evident not only in meaning but also from the fact that its host is usually a deverbal adjective, i.e., it includes a verbal stem, e.g., *ik*- 'ripen' in (12a), *nem*- 'pass' in (12b), *cap*- 'catch' in (12c), etc. However, *kas*- in these forms is better analyzed as a prefix because it occurs with these deverbal adjectives with a high degree of interlexical cohesion (cf. Paek 2012: 42).

4.4.2. Derivational suffix

The ModK nominal *ka* 'edge, limit' develops into a nominal suffix, which adds the meaning of '-side, -shore, etc.' as shown in (13):

- (13) *-ka* nominal suffix '-side, shore'
a. <i>hayan-ka</i> coast-side 'coast, sea-shore'	b. <i>chang-ka</i> window-side 'window side'	c. <i>mwutem-ka</i> grave-side 'graveside'

It is obvious that the suffix *-ka* in (13) is the development from compounding, as exemplified in (2) above. The increased cohesion between the two compounded nominals through frequent use must have demoted the nominal status of *ka*, whereby *ka* is reinterpreted as a suffix, analogous to the development of the English *seaside* (< *sea-side* < *sea side*), *seashore* (< *sea-shore* < *sea shore*), etc. Incidentally, many words involving *ka* in contemporary Korean occur without interlexical spacing (in which *-ka* is regarded as a suffix), or with spacing (in which *ka* is regarded as an independent noun in compounding), or with the Genitive *-s* inserted between the two nominals (in which *ka* is the head of an NP of a syntactic construction), in dictionaries and in popular writing.

Historical texts also show other *kaZ*-derived nominal suffixes, e.g., *-kaS* and *-skAcang*, as exemplified in (14):

- (14) a. *-kaS* nominal suffix 'utmost, to the maximum degree of, to the fullest'
<i>KUMKANGSAN HAK-i</i>	<i>toy-e</i>	<i>ILMANICHENPONG-uy</i>	
[name]	crane-NOM	become-CONN	12,000.peaks-to
<i>mAum-kaS</i>		<i>sosaol-na</i>	
heart-utmost	soar.up-CONN		
- '(I) wish I would become a crane and fly up to the top of 12,000 peaks of Mt. Kumkang to my heart's content, and...' (1498, *Manpwunka* 9)

b. *-skaci* postposition ‘up to, till’

nilk-ki-lal   *etAy-skaci*   *hA-yes-nA-nyo*

read-nomz-ACC   where-till   do-PST-CR-Q

‘Where did (we) stop reading (last time)? (lit. Up to where did we do reading?)’

(1677 *Pakthongsaenhay* I:44)

In contemporary Korean, the postposition survives in the form of *-kkaci* (though *-kkacang* also survives in certain dialects) and functions as a signal of diverse functions of forward-direction marking, e.g., goal (Allative), addition (Additive), inclusion (Inclusive), or end point (Terminative). It also marks counter-expectation (Mirative). These uses are exemplified in the following:

(18) *-kkaci* postposition

a. Allative ‘to’

Paris-kkaci   *ka-nun*   *pihayngki*

Paris-ALL   go-ADN   airplane

‘a plane going to Paris’

b. Additive ‘in addition to’

chuwu-untey   *pi-kkaci*   *nayli-n-ta*

be.cold-CONN   rain-ADD   come-PRES-DEC

‘On top of cold, it’s raining, too.’

c. Inclusive ‘including’

i   *khong-un*   *kkepcil-kkaci*   *mek-nun-ta*

this   bean-TOP   pod-INCL   eat-PRES-DEC

‘This bean is (the type) that (we) eat its pod as well.’

d. Terminative ‘till, up to’

l-si-kkaci   *cemsimsikan-i-ta*

1-time-TMN   lunch.hour-be-DEC

‘The lunch hour is until 1 o’clock.’

e. Mirative ‘even’

yecachinkwu-kkaci   *ttena-ss-ta*

girlfriend-TMN.MIR   leave-PST-DEC

‘Even (my) girlfriend left me.’

The five sub-functions of the postposition *-kkaci* illustrated above are not mutually exclusive and cannot always be delineated clearly. For instance, some of these, especially, Additive, by virtue of signaling addition of the extreme member on a scalar continuum, tend to carry the overtone of counterexpectation (Mirative).

The development of *kaz* and its derived forms in history can be diagrammatically presented as in Figure 1. The diagram shows that the lexeme changes in a number of ways either reductively or expansively and that a few forms are lost in history. One caveat is that the distance between the forms and Middle Korean or Present-Day Korean and their relative positions are not proportional to the time of their emergence in history.

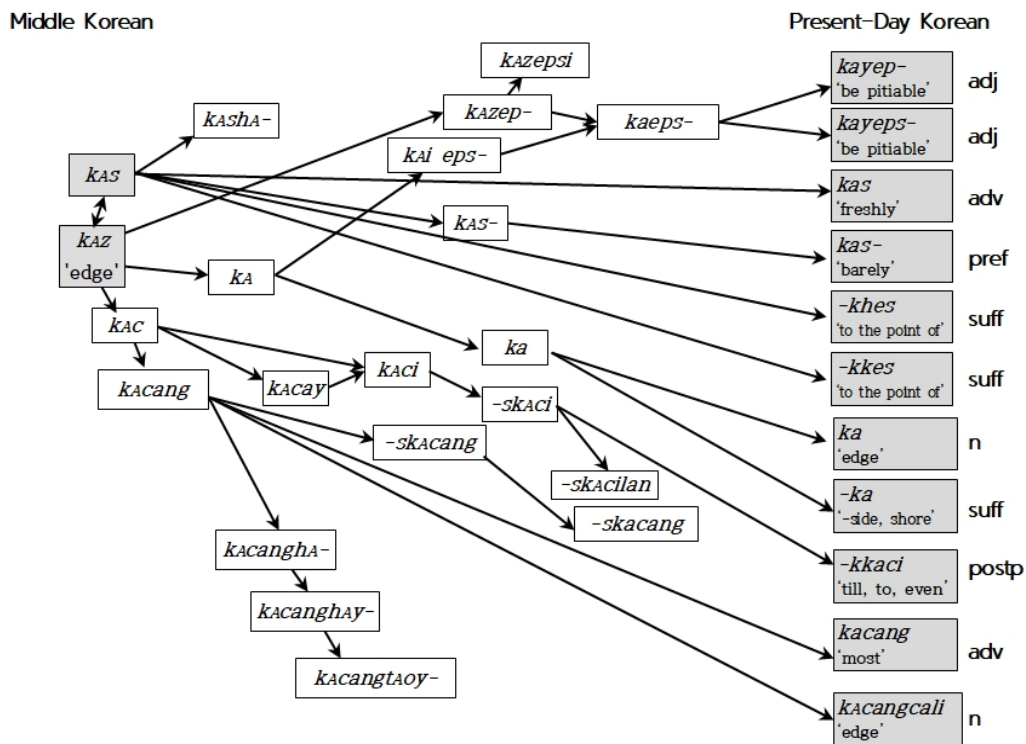

Figure 1. Formal change of *kAZ* from LMK to Present-Day Korean

5. Discussion

We noted in the above that the lexeme *kAZ* has undergone various changes in history. The description warrants discussion of a number of theoretically interesting issues, but we will limit our discussion to three major issues, i.e., multiple paths (5.1), grammaticalization mechanisms (5.2), and conceptual motivation (5.3).

5.1. Multiple paths

The changes of *kAZ* described above encompass lexicalization (4.3) and grammaticalization (4.4). Diverse semantic and grammatical functions that the nominal *kAZ* acquired over the course of time can be summarized as follows (note that certain meanings are not exemplified in 3):

(19) Polylexicalization of *kAZ*

- a. NOUN: 'edge' 'shore' 'boundary' 'limit' 'end' 'levee' 'adjacent area' 'outskirts' 'brim' 'brink'
- b. VERB: 'act arbitrarily' 'do x to one's heart's content' 'do x to the limit' 'let someone do x arbitrarily', 'become complete' 'become satisfactory' 'reach the point of x' 'put x as the limit'
- c. ADJECTIVE: 'endless' 'be great' 'be extreme' 'be pitiful (with Neg)'
- d. ADVERB: 'most' 'highest in degree' 'all' 'very' 'just now' 'only' 'barely' 'for the first time' '(not) at all [NPI]' 'greatly' 'endlessly (with Neg)'

(20) Polygrammaticalization of *kAZ*

- a. PREFIX: 'just' 'just now' 'freshly' 'recently'
- b. SUFFIX: 'utmost' 'to the maximum degree of' 'to one's heart's content' 'to the fullest'
- c. POSTPOSITION: 'to' (Allative), 'in addition to' (Additive), 'even' (Counter-expectation), 'till' (Terminative), 'including' (Inclusive)

Lexicalization processes, inclusive of conversion, derivation, and compounding, listed in (19), are some of the ways whereby a lexicon is enriched, either through spontaneous shifts of functions in different word classes (conversion) or morphosyntactic operations involving a single stem (derivation) or multiple stems (compounding). In these lexical operations, *kAZ* tends to designate the 'limit' or 'end', often physical but sometimes abstract. When the operation recruits a negative word (e.g., *eps-* 'not exist'), the word denotes the absence of such 'limit' or 'end'. On the other hand, in the case of adverbs, *kAZ* often denotes 'edge' or 'periphery', thus not having advanced enough toward the center, even though it also denotes 'limit' or 'end', thus maximal degree in some instances (see 5.2 for more discussion of conceptual motivation).

More intriguing is the grammaticalization listed in (20) in that the change makes the source lexeme depart from its original lexical function and acquire grammatical functions. As we have seen, grammaticalization of *kAZ* is varied and proceeds into different grammatical domains, thus constituting polygrammaticalization. In other words, the single lexeme develops into diverse grammaticalized forms in the domains of derivational morphemes (e.g. prefixes and suffixes) and of postpositions (Allative, Additive, Inclusive, Terminative, Mirative, etc.). In the case of prefixes, as their development is closely related to that of adverbs, *kAZ* tends to denote shallow depth (from 'edge, boundary') in time, hence, temporal recency. In the case of suffixes, as their development is closely related to nominal compounding, *kAZ* tends to denote 'edge' or 'end', i.e., the source meaning of the lexeme. A similar developmental scenario is observed with the grammaticalization of postpositions. As *kAZ* occurred in the nominal compounding configuration, it tends to designate the 'end point' with variable foci.

When the meanings of *kAZ* in the lexicalized forms and those in the grammaticalized forms are compared, the semantics of the lexicalized forms are substantially more concrete. This is in line with the observation that grammaticalization involves 'abstraction' in meaning (Traugott 1980, Heine, Claudi & Hünnemeyer 1991), which is closely tied to the fact that grammatical meanings in general are abstract (see also Sapir 1921). The abstraction process is so robust in grammaticalization that it is often considered a mechanism or principle, sometimes with a different name, i.e., desemanticization (see 4.2 below).

5.2. Grammaticalization mechanisms

In this context, we can briefly review the mechanisms of grammaticalization, as proposed by Heine and Kuteva (2002) and Kuteva et al. (2019), i.e.,

desemanticization, extension, decategorialization, and erosion. As shall be seen, these grammaticalization mechanisms are often observable in lexicalization processes as well, because grammaticalization is not exclusive of lexicalization. Rather, grammaticalization is often accompanied by lexicalization, and both processes exhibit fluctuation of form and function.

Desemanticization, also commonly called ‘semantic bleaching’ in figurative terms, refers to the loss in meaning content. The lexeme *kAZ*, even at the lexicalization level, has undergone extensive semantic bleaching from its original meaning of ‘edge’, a physical object, to abstract meaning of ‘limit’, ‘degree’, and temporal meaning of ‘recency’, among others. When it develops into grammatical markers, it also acquires more abstract meanings as addition, termination, inclusion, surprise, etc. Also notable is the fact that when desemanticization or abstraction occurs, the previous meanings remain, and thus the process is not meaning shift (e.g., from A to B) but meaning extension (e.g., from A to A&B). In this regard, desemanticization of *kAZ* (and in fact most instances of grammaticalization) is related to ‘generalizing abstraction’, a process whereby the number of distinguishing features of a concept is reduced to its most central characteristics (Heine, Claudi & Hünnemeyer 1991: 43). In this sense, desemanticization (i.e., the reduction of distinguishing features) is in fact semantic enrichment (i.e., the increase in the number of semantic designations).

The mechanism of extension, also known as context generalization, refers to the use of a form in new contexts. In its lexicalization and grammaticalization stages, *kAZ* extends its use context from its original position, i.e., an argument position by virtue of a noun, to other non-argument positions, e.g., modifier of a verb or verb phrase (as an adverbial), which enables its further positional extension, i.e., placement before a deverbal adjective (as an adjectival prefix). When the meaning becomes more abstract, its placement in compounding becomes not restricted to behind a concrete noun with physical edges or boundaries; it can be affixed to an abstract noun such as ‘heart’, ‘power’, ‘sincerity’, etc. (as a nominal suffix).

Decategorialization refers to the loss in morphosyntactic properties characteristic of lexical or other less grammaticalized forms. Since *kAZ* is a noun, decategorialization *kAZ* necessarily involves the loss of the characteristic features of the nominal category. The characteristics of the nominal category typically include pluralizability, modifiability by an adjective, ability to be case-marked, ability to function as an argument, among others (note that the ability to be marked by an article is not applicable in Korean). At the level of lexicalization whereby the nominal *kAZ* has changed its word class into a verb, adjective, or adverb, such categorial features are all lost. Likewise, at the level of grammaticalization, whereby the lexeme has changed to a prefix, suffix, or postposition, such categorial features are lost.

Erosion, also known as phonetic reduction, refers to the loss in phonetic substance. An agglutinating language, Korean has instances of substantial loss of phonetic volume of multiply stacked postpositional particles and verbal suffixes.

However, the change of *kAZ* does not always involve reduction of phonetic volume. The change from the LMK noun *kAZ* to ModK noun *kA* is an instance of erosion. Lexicalization processes such as compounding and derivation, needless to say, lead to increase of phonetic volume. Even in grammaticalization, the developments of the prefix *kas-*, the suffixes *-khes*, *-kkes*, and *-ka*, and the postposition *-kkaci* do not uniformly exhibit erosion. Rather, most of them have clearly increased phonetic volume, as shown by additive processes listed in (3) above. This state of affairs suggests that the mechanisms are by no means the prerequisites or absolute diagnostics of grammaticalization; they indicate a general directionality of grammaticalization processes.

5.3. Conceptual motivation

As illustrated in the preceding exposition, the series of semantic changes *kAZ* has undergone in history involves diverse threads of conceptualization, some of which seem to be antonymous to each other, namely the maximal meanings ('most', 'extremely', 'completely', 'very', 'to the limit', etc.) vs. the minimal meanings ('barely', 'freshly', 'recently', 'only just now', etc.). Such a seemingly peculiar antonymic semantic change diverging from the identical origin is not uncommon in language (Rhee 1996) and reveals the flexibility of human conceptualization, i.e., in the case of *kAZ*, how an image-schema of an 'edge' is represented in various ways in the mind.

An 'edge' may be conceptualized, from an entity-external perspective, in relation to other surrounding areas, in which case the edge is the object's boundary that separates it from the environment. In this entity-external conceptualization, the edge is the beginning, i.e., the surface of the mass of the entity. Thus, the conceptualization leads to the emergence of such senses as 'barely', 'freshly', 'only just now', etc., all implying that some movement, be it physical or imaginary, has not sufficiently advanced toward the center of the referenced entity. If a word-formation operation recruits a negative word (e.g., *eps-* 'not exist'), the newly formed word denotes the absence of the minimum, thus complete absence (e.g., *cami kacang epsun* 'with no taste at all', (6b)). Furthermore, from this entity-external perspective, the edge may be the object itself because the boundary may represent the whole entity in this macroscopic conceptualization. Thus, the grammatical marker *-kkaci* with the Allative, Terminative, Inclusive, Additive functions may denote reaching the referent, e.g., 'a plane going to Paris' (in (18a)). In other words, in this conceptualization, reaching the edge of an object is tantamount to reaching the object.

On the other hand, an 'edge' may be conceptualized from an entity-internal perspective, i.e., in relation to the 'center', in which case the edge is the periphery. In this entity-internal conceptualization, the edge is the end. Thus, the conceptualization leads to the emergence of such senses as 'limit', 'margin', 'end', 'extreme', 'outskirts', 'brim', etc. When the word-formation operation recruits a negative word (e.g., *eps-* 'not exist'), the newly formed word denotes the absence

of such ‘limit’ or ‘end’, thus ‘limitless’ ‘endless’, etc. This entity-internal conceptualization may be further subjectified by involving the speaker’s evaluative-epistemic judgment such as likelihood of an occurrence of an event. Thus, the ‘extreme’ on a scale of likelihood engenders the subjective, counter-expectation meaning ‘even’ (Mirative). This is an excellent exemplar of ‘subjectification’ (Traugott & Dasher 2002).

In this regard, the diverse meanings of *kAZ* can be said to be the results of variable conceptualizations of the ‘edge’ on different kinds of continua, as in (21b) through (21d):

- (21) a. objective, physical configuration (‘edge’, ‘shore’)
 b. on the degree continuum (‘very’ ‘most’)
 c. on the path continuum (‘to’)
 d. on the likelihood continuum (‘even’)

Further, the results of the multi-linear development form a conceptual network, by virtue of the development’s gradual nature, which can be shown as Figure 2.

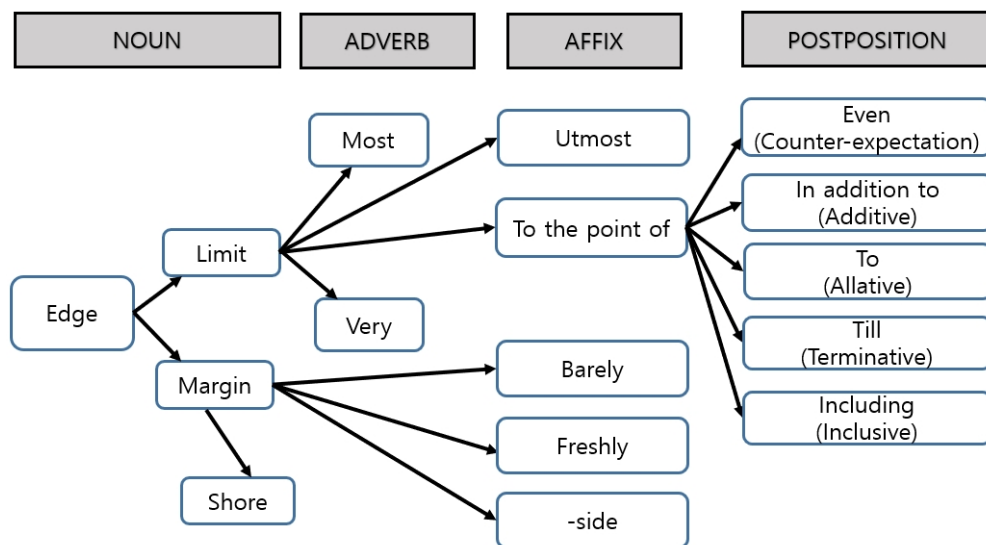

Figure 2. Conceptual network of *kAZ* ‘edge’ in lexicalization and grammaticalization

The Korean situation can be briefly reviewed from a crosslinguistic perspective. The documentation of grammaticalization of ‘edge’ is not extensive. The lexicon by Kuteva et al. (2019) shows that the source lexeme *EDGE* tends to grammaticalize into Locative signaling a (proximal) location, e.g., Welsh prep. *yn ymyl* ‘near to’; Kpelle postp. *da*: ‘at, in front of’; Italian prep. *accanto a* ‘beside’; Colonial Quiché adp. *ch(i)* ‘in’, ‘within’, ‘into’, ‘at the edge of’; Medieval Chinese *bian* ‘nearby, surrounding’; Basque postp. *bazterrean* ‘at the side of’; Albanian prep. *ânës* ‘at’, etc. (for illustration and original data sources, see Kuteva et al. 2019). All these documented cases seem to be based on the conceptualization of the edge from an entity-external viewpoint, thus an edge of an entity is either the location close to

the center of an entity (as in ‘near’ ‘beside’) or the entity itself (as in ‘at’ ‘in’). Kuteva et al. (2019: 154) analyze this development as an instance of a more general process whereby relational nouns (e.g., BOTTOM, BOUNDARY, HOME, SIDE, TOP, etc.), give rise to relational (typically spatial or temporal) grammatical markers. Kuteva et al. (2019: 266), citing Luraghi (2016: 361), report another case in which the Turkish multifunctional postposition *için* (Benefactive and other case functions) grammaticalized from *uç* ‘edge’ or *iç* ‘interior’. Since benefaction is a highly subjective notion, this development is clearly an instance of subjectification. However, as Luraghi (2016) characterizes it as an ‘unpredicted trend’ in semantic change, this type of grammaticalization does not seem to have been frequently observed across languages.

From a crosslinguistic perspective, the development of *kAZ* ‘edge’ exhibits a particularly extensive grammaticalization (and possibly lexicalization) and shows a wide range of conceptualizations that has brought about diverse meanings and functions.

6. Summary and conclusion

This paper addressed polylexicalization and polygrammaticalization of the LMK lexeme *kAZ* ‘edge’. The nominal lexeme *kAZ* ‘edge’ has undergone extensive development in the lexical as well as grammatical domains. A diachronic investigation shows that there emerged many forms from the lexeme in history and some of them have fallen into disuse. Through lexicalization processes, such as conversion, derivation, and compounding, new words are formed in the word classes of noun, verb, adjective, and adverb. In contemporary Korean, however, there is no surviving verb, and the adverb formerly carrying the Elative (intensifier) function has changed into a Superlative marker. Through grammaticalization processes, such grammatical forms as prefix, suffix, and postpositions have emerged. The grammaticalized functions all survive in contemporary Korean.

The meanings of *kAZ* ‘edge’ are diverse, partly because of the semantics of the participating forms in derivation (e.g., with a diminutive suffix) and compounding (e.g., with a verb of non-existence), but more crucially because of differential conceptualizations of the source meaning ‘edge’, i.e., entity-internal and entity-external conceptualizations; mapping the ‘edge’ onto different continua, e.g., degree, path, likelihood; and the involvement of subjectification, e.g., evaluative-epistemic judgment such as counter-expectation. This paper also showed that due to the gradient and gradual nature, diverse meanings form a conceptually motivated network.

Acknowledgments

Earlier versions of this paper was presented at the 2nd Conference on Uralic, Altaic and Paleo-Asiatic Languages, The Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia (online), October 8–10, 2020, and the 25th International Conference on Historical Linguistics, University of Oxford, U.K., August 1–5, 2022. This

research was supported by Mahidol University and the Ministry of Education of the Republic of Korea & the National Research Foundation of Korea (NRF-2021S1A5A2A01060515). Special thanks go to Shaun Manning for proofreading the manuscript. No conflicts of interest are hereby declared.

Abbreviations

ACC: accusative; ADJ: adjective; ADN: adnominal; ADV: adverb; CAUS: causative; CONN: connective; CR: current-relevance; CSL: causal; DEC: declarative; DIST: distributive; FUT: future; GEN: genitive; HON: honorific; N: noun; NEG: negative; NOM: nominative; NOMZ: nominalizer; POSTP: postposition; PEF: prefix; PST: past; PURP: purposive; Q: question; RET: retrospective; SUFF: suffix

REFERENCES

- Ahn, Byung Hee. 1967. *Mwunpepsa* [History of Grammar]. *Enemwunhaksa* Vol. 5 of *Hankwukmwunhwasa Taykyey*. Seoul: Research Institute of Korean Studies, Korea University.
- Antilla, Raimo. 1972. *An Introduction to Historical and Comparative Linguistics*. New York: Macmillan.
- Choe, Hyun-Bae. 1982. *Kochin Hankulkal* [Revised Korean Grammar]. Seoul: Jungeum Publishing.
- Craig, Collette. 1991. Ways to go in Rama: A case study in polygrammaticalization. In Elizabeth C. Traugott & Bernd Heine (eds.), *Approaches to grammaticalization* 2. 455–492. Amsterdam: John Benjamins.
- Deny, M. Jean. 1924. Langues turques, langues mongoles et langues tongouzes. *Les langues du monde par un groupe de linguistes sous la direction de A. Meillet et Marcel Cohen* (n° XVI de la *Collection publiée par la Société de Linguistique de Paris*). 185–244. Paris: Champion.
- Eberhard, David M., Gary F. Simons & Charles D. Fennig (eds.). 2022. *Ethnologue: Languages of the World, Twenty-fifth edition*. Dallas, Texas: SIL International. Online version: <http://www.ethnologue.com> (accessed 27 August 2022).
- Greenberg, Joseph. 1966 [1963]. *Universals of Language* (2nd ed.). Cambridge, MA: The MIT Press.
- Guevara, Emiliano & Sergio Scalise. 2009. Searching for universals in compounding. In Sergio Scalise, Elisabetta Magni & Antonietta Bisetto (eds.), *Universals of language today*, 101–128. Berlin: Germany.
- Haspelmath, Martin. 1995. The converb as a cross-linguistically valid category. In Martin Haspelmath & Ekkehard König (eds.), *Converbs in Cross-Linguistic perspective: Structure and meaning of adverbial verb forms – Adverbial participles, gerunds*, 1–55. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Haspelmath, Martin. 2002. *Understanding Morphology*. London: Arnold.
- Heine, Bernd, Ulrike Claudi & Friederike Hünemeyer. 1991. *Grammaticalization: A Conceptual Framework*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Heine, Bernd, Tom Güldermann, Christa Kilian-Hatz, Donald A. Lessau, Heinz Roberg, Mathias Schladt & Thomas Stolz. 1993. *Conceptual Shift: A Lexicon of Grammaticalization Processes in African Languages*. Köln: Universität zu Köln.
- Heine, Bernd & Tania Kuteva. 2002. *World Lexicon of Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Hong, Ki-Moon. 1947 [1927]. *Cosenmwuncenyolyeng* [Korean Grammar] *Hyentayphyenglon*. Reprinted in Hong, Ki-Moon (1977).
- Hong, Jongseon. 1983. Myengsahwa emiuy pyenchen [Historical change of nominalizing particles]. *Kwukekwukmwunhak* 89. 31–89.
- Hong, Ki-Moon. 1977. *Cosenmwuncenyolyeng Cosenmwupepyenkwu. Yektayhankwukmwunpep Taykyey*. [Collection of Korean Grammars] Part 1. Vol. 15. Seoul: Tower Press.
- Hur, Woong. 1975. *Kwukeumwunhak* [Korean Phonology]. Seoul: Jungeum Publishing.
- Johanson, Lars & Martine Robbeets. 2010. Introduction. In Lars Johanson & Martine Robbeets (eds.), *Transeurasian verbal morphology in a comparative perspective: Genealogy, contact, chance*, 1–5. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Jung, Seung-chul. 1995. *Ceycwuto Pangenuy Thongsiumwunlon* [Diachronic Phonology of the Jeju Dialect]. Seoul: Thayhaksa Publishing.
- Kang, Eun Kook. 1993. *Cosene Cepmisauy Thongsicek Yenkwu* [A Diachronic Study of Korean Endings]. Seoul: Sekwanghakswulcalyosa.
- Kim, Min-soo. 1955. Hapyongpyengse umkalon [A study of the phonetic values of non-identical bigraphs]. *Kwukekwukmwunhak* 13. 10–44.
- Kim, Nam-Kil. 1992. Korean. In William Bright (ed.), *International Encyclopedia of Linguistics*, 282–286. Oxford: Oxford University Press.
- Ko, Yong-Kun & Bonkwan Koo. 2018. *Wulimal Mwunpeplon* [Korean Grammar]. Seoul: Jipmoondang.
- Koo, Hyun Jung. 2005. At the crossroad of negative and affirmative: Strategic uses of negation in Korean. Paper presented at the 2005 *Southeastern Conference on Linguistics (SECOL-72)*, North Carolina State University, Raleigh, NC.
- Koo, Hyun Jung. 2008. Grammaticalization of negation markers in Korean. *Discourse and Cognition* 15 (3). 1–27.
- Kou, Xin. 2018. The Polylexicalization and Grammaticalization of Zhiyu. In Yunfang Wu, Jia-Fei Hong & Qi Su (eds.), *Chinese lexical semantics, 235–242. CLSW 2017. Lecture Notes in Computer Science*, vol. 10709, Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-73573-3_20
- Kuryłowicz, Jerzy. 1976 [1965]. The evolution of grammatical categories. In Eugenio Coseriu (ed.), *Esquisses Linguistiques II*, 38–54. Munich: Fink.
- Kuteva, Tania, Bernd Heine, Bo Hong, Haiping Long, Heiko Narrog & Seongha Rhee. 2019. *World Lexicon of Grammaticalization* (2nd ed.). Cambridge: Cambridge University Press.
- Lee, Ki-Moon. 1955. Etwucaumkwunuy sayngseng mith paltaley tayhaye [On emergence and development of initial consonant clusters]. *Chin-Tan Hakpo* 17. 188–258.
- Lee, Seung-uk. 2001. The stage of grammaticalization and the formation of morphemes. *Journal of Korean Linguistics* 37. 263–283.
- Lee, Hyun Sook. 2016. A cognitive comparative analysis of stance marking in English and Korean. *Language and Linguistics* 71. 189–214. <https://doi.org/10.20865/20167109>
- Lehmann, Christian. 2015 [1982]. *Thoughts on Grammaticalization* (3rd ed.). Berlin: Language Science Press.
- Lichtenberk, Frantisek. 1991. Semantic change and heterosemy in grammaticalization. *Language* 67 (3). 475–509. <https://doi.org/10.2307/415035>
- Luraghi, Silvia. 2016. The mapping of space onto the domain of benefaction and some unpredicted trends in semantic change. *Linguistics* 54 (2). 339–379.
- Nam, Ki Shim & Yong-Kun Ko. 2011 [1992]. *Phyocwun Kwukemwunpeplon* [A Standard Grammar of Korean]. Seoul: Tower Press.
- Narrog, Heiko & Seongha Rhee. 2013. Grammaticalization of space in Korean and Japanese. In Martine Robbeets & Hubert Cuyckens (eds.), *Shared grammaticalization: With special*

- focus on the Transeurasian languages*, 287–315. Amsterdam: John Benjamins. <https://doi.org/10.1075/slcs.132.21nar>.
- Paek, Mun-sik. 2012. *Wulimal Hyengthayso Sacen* [Morpheme Dictionary in Korean]. Seoul: Pakijong Publishing.
- Park, Jin-Ho. 2015. A historical study of delimiters. *Journal of Korean Linguistics* 73. 375–435.
- Ramstedt, Gustav John. 1903. *Über die Konjugation des Khalkha-Mongolischen*. Helsingfors: Société Finno-Ougrienne.
- Ramstedt, Gustav John. 1997 [1939]. *A Korean Grammar*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Rhee, Seongha. 1996. *Semantics of Verbs and Grammaticalization: The Development in Korean from a Cross-Linguistic Perspective*. Ph.D. dissertation, The University of Texas at Austin. Seoul: Hankook Publisher.
- Rhee, Seongha. 2001. Forms and functions of diminutives. *The Journal of Linguistic Science* 19. 115–146.
- Rhee, Seongha. 2019. On polygrammaticalization of *see*-derived auxiliaries in Korean. *Discourse and Cognition* 26 (2). 91–119. <https://doi.org/10.15718/discog.2019.26.2.91>.
- Rhee, Seongha. 2022. Comparatives in Korean: A grammaticalization perspective. *Lingua* 265. 1–23. <https://doi.org/10.1016/lingua.2021.103163>.
- Rhee, Seongha & Kultida Khammee. 2022. Same and different ways of seeing faces: The cases in Korean and Thai. Paper presented at the 9th Int'l Conference on Intercultural Pragmatics & Communication (INPRA-9), The University of Queensland, Brisbane, Australia, June 21–23, 2022.
- Robbeets, Martine. 2013. Genealogically motivated grammaticalization. In Martine Robbeets & Hubert Cuyckens (eds.), *Shared grammaticalization: With special focus on the Transeurasian languages*, 147–175. Amsterdam: John Benjamins.
- Robbeets, Martine. 2017. The Transeurasian languages. In Raymond Hickey (ed.), *The Cambridge handbook of Areal linguistics*, 586–626. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sadler, Louisa & Andrew Spencer. 2001. Morphology and argument structure. In Andrew Spencer & Arnold M. Zwicky (eds.), *The Handbook of morphology*, 206–236. Oxford: Blackwell. <https://doi.org/10.1002/9781405166348.ch10>
- Sapir, Edward. 1921. *Language: An Introduction to the Study of Speech*. New York: Harcourt, Brace & World.
- Sohn, Ho-Min. 1999. *The Korean Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Traugott, Elizabeth C. 1980. Meaning-change in the development of grammatical markers. *Language Sciences* 2 (1). 44–61.
- Traugott, Elizabeth C. & Richard Dasher. 2002. *Regularity in Semantic Change*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Valera, Salvador. 2006. Conversion. In Keith Brown (ed.), *Encyclopedia of language and linguistics* (2nd ed.), 172–175. Amsterdam: Elsevier.
- Yi, Junhwan. 2021. A study on the relationship between the phonetic realization of /Δ/ and its change in the Middle-Korean Language. *Journal of Chung-Ang Language and Literature* 86. 73–110. <https://doi.org/10.15565/jll.2021.06.86.73>

Dictionaries and lexical consulted

- Dong-A Saykwukesacen* (Lee, Ki-Moon) 1988. Seoul: Dong-A Publishing.
- Hankuke Ewen Sacen* (Kim, Moo-Rim) 2015. Seoul: Cisikkwa Kyoyang Publishing.
- Hankul Phyenci Ehwi Sacen* (Hwang, Mun-hwan) 2016. 6 volumes. Seoul: Youkrak Publishing.

Koe Sacen (Park, Jae-Yeon) 2010. Seoul: Ihoy Publishing.

Koe Taysacen (Park, Jae-Yeon and Lee, Hyeonhie) 2016. 21 volumes. Asan: Sun Moon University Press.

Kwuke Ewen Sacen (Suh, Jung-Bum) 2000. Seoul: Bogosa Publishing.

Kyohak Koe Sacen (Nam, Kwang-Woo) 2007 [1997]. Seoul: Kyohaksa Publishing.

Philsapon Koe Taysacen (Park, Jae-Yeon) 2010. 7 volumes. Seoul: Hakkobang Publishing.

Wulimalsaym (National Institute of the Korean Language) (n.d.). web-searchable online dictionary. <https://opendict.korean.go.kr>

Article history:

Received: 29 April 2022

Accepted: 21 June 2022

Bionote:

Seongha RHEE is Professor of Linguistics at Mahidol University, Thailand, and Professor Emeritus at Hankuk University of Foreign Studies, Korea. He received his Ph.D. in linguistics from the University of Texas, Austin, in 1996. He published *World Lexicon of Grammaticalization* (2019, CUP); book chapters in *The Cambridge Handbook of Korean Linguistics* (2022, CUP); and research articles in *Nature*, *Journal of Pragmatics*, *Language Sciences*, *Russian Journal of Linguistics*, and *Lingua*, among others. His primary research interest is to identify cognitive and discursive mechanisms that enable language change from the crosslinguistic and typological perspectives.

e-mail: srhee@hufs.ac.kr

ORCID: 0000-0003-0312-0975

Сведения об авторе:

Санха РИ – профессор лингвистики Университета Махидол, Тайланд, и профессор эмерит Университета иностранных языков Хангук, Республика Корея. Получил докторскую степень по специальности «Лингвистика» в Техасском университете, Остин, в 1996 году. Среди его публикаций – монография *World Lexicon of Grammaticalization* (2019, CUP), главы в книге *The Oxford Handbook of Grammaticalization* (2011, Oxford University press), статьи в журналах *Nature*, *Journal of Pragmatics*, *Language Sciences*, *Russian Journal of Linguistics*, *Lingua* и др. Его основной исследовательский интерес – выявление когнитивных и дискурсивных механизмов, влияющих на изменение языка с кросс-лингвистической и типологической точек зрения.

e-mail: srhee@hufs.ac.kr

ORCID: 0000-0003-0312-0975

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-24591>

Research article / Научная статья

Rhetorical structure and persuasive features of advertising: An intercultural analysis of English and Arabic online advertisements

Mohsen KHEDRI¹ , Eatidal HASAN² and Konstantinos KRITSIS³

¹*Sohar University, Sohar, Oman*

²*University of Gharyan, Gharyan, Libya*

³*University of Cyprus, Nicosia, Cyprus*

 mkhedri@su.edu.om

Abstract

Nowadays, the bulk of e-commerce is carried out in English. At the same time, however, the emergence and growth of Arab e-commerce has attracted attention from e-commerce giants, such as AliBaba and Amazon. Acquiring a deeper understanding of culture-specific advertising practices is thus quickly becoming necessary for digital advertisers and marketers seeking to tap into both English- and Arabic-speaking consumer markets. Despite this, little has been written on online advertising discourse within the particular contexts. To address this, the present study reports on a pragmatic two-level rhetorical analysis of the macro-structure of the sub-genre of online advertisements in English and Arabic and focuses on the identification of the persuasive linguistic features employed to signal constituent moves. Drawing upon Swales' move-step model of rhetorical analysis, the exploration of a comparable corpus of 100 online advertisements of skin care products per language introduced new layers in the rhetorical organisation of [online] advertisements. The results revealed that English and Arabic advertisements consisted of both common and culture-specific rhetorical moves. The persuasive strategies employed common lexico-grammatical features at syntactic, semantic, and discursal level, albeit to a different extent. Overall, the results of this study illustrate that online advertisements of skin care products could be considered as a particular sub-genre with context-specific macro- and micro-structures. Through the investigation of the specific datasets, this study expands upon the existing analytical frameworks used for the study of advertising discourse and adds to the intercultural exploration of the rhetorical structures and persuasive strategies used in online advertisements.

Keywords: *online advertisement, genre, rhetorical structure, move, persuasive language, technical writing*

For citation:

Khedri, Mohsen, Eatidal Hasan & Konstantinos Kritsis. 2022. Rhetorical structure and persuasive features of advertising: An intercultural analysis of English and Arabic online advertisements. *Russian Journal of Linguistics* 26 (3). 596–624. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-24591>

Риторическая структура и средства убеждения в рекламных текстах: межкультурный анализ английской и арабской онлайн-рекламы

**Мохсен ХЕДРИ¹ , Итидал ХАСАН², Константинос КРИТСИС³ **

¹Сохарский университет, Сохар, Оман

²Гарьянский университет, Гарьян, Ливия

³Кипрский университет, Никосия, Кипр

 mkhedri@su.edu.om

Аннотация

В наши дни большая часть интернет-торговли осуществляется с использованием английского языка. В то же время возникновение и рост арабской интернет-коммерции привлекает внимание таких гигантов интернет-торговли, как AliBaba и Amazon. В связи с этим возрастает потребность в более глубоком понимании культурно-специфических рекламных практик рекламодателями и маркетологами, стремящимися выйти как на англоязычные, так и арабоязычные потребительские рынки. Однако, работы, посвященные онлайн-рекламному дискурсу в определенных контекстах, немногочисленны. Настоящее исследование посвящено прагматическому двухуровневому риторическому анализу макроструктуры субжанра англоязычной и арабоязычной онлайн-рекламы. В центре внимания авторов – языковые средства убеждения, используемые как сигналы конститутивных ходов. Рассмотрение сравнительного корпуса 100 интернет-реклам продуктов для ухода за кожей, проведенное с опорой на модель риторического анализа ходов/ шагов (Swales), позволяет выделить новые слои риторической организации онлайн-рекламы. Результаты показывают, что в англоязычной и арабоязычной рекламе применяются как общие, так и культурно-специфические риторические ходы. Стратегии убеждения в разной степени используют общие лексико-грамматические черты на синтаксическом, семантическом и дискурсивном уровнях. В целом, результаты анализа показывают, что онлайн-рекламу продуктов для ухода за кожей можно рассматривать как определенный субжанр с культурно-специфическими макро- и микроструктурами. Исследование специфических баз данных позволяет расширить аналитические подходы, используемые для анализа рекламного дискурса, и вносит вклад в межкультурное изучение риторической структуры и стратегий убеждения, используемых в онлайн-рекламе.

Ключевые слова: *онлайн-реклама, жанр, риторическая структура, ход, язык убеждения, техническое письмо*

Для цитирования:

Khedri M., Hasan E., Kritis K. Rhetorical structure and persuasive features of advertising: An intercultural analysis of English and Arabic online advertisements. *Russian Journal of Linguistics*. 2022. V. 26. № 3. P. 596–624. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-24591>

1. Introduction

The term *advertising* derives from the Medieval Latin verb *advertere*, ‘to direct one’s attention to’ a service or product through some oral or written public pronouncement (Danesi 2015). Since its roots in antiquity, the craft of advertising has, ipso facto, created a type of promotional discourse whose mastery requires an understanding of the typical rhetorical structures and lexico-grammatical devices employed for reasons of persuasion. That is, a sensible adoption of linguistic features and an adequate balance of persuasive and objective information are central for turning consumers towards accepting the message transmitted and acting upon it. The study of advertising as a persuasive social discourse has been approached from many disciplinary perspectives, including anthropology, psychology, sociology, linguistics, and semiotics. This is because advertisements clearly enhance intercultural exchange as well as contribute to modern civilisation (Cheung 2008). Persuasive language has also been the subject of investigation in various genres in different languages, including English, Chinese, and Persian sales emails (Ahangar & Dastuyi 2017, Cheung 2010), English and Arabic earning calls (Crawford Camiciottoli 2011, Suchan 2014), English fundraising letters (Goering et al. 2011), English commercial advertisements (Romanova & Smirnova 2019), English online social advertisements (Popova 2018), English media texts (Larina et al. 2020), and English argumentative essays (Al-Momani 2014).

Despite the considerable number of studies on persuasive language, the literature reveals that only a handful have explored it in the sub-genre of online advertisements (e.g. online magazines). Among the few is the study of Labrador et al. (2014), which looked into the rhetorical structure and the persuasive language of online advertisements of small electronic devices in an ad hoc English-Spanish comparable corpus of 100 texts. The gap is more acute when it comes to the intercultural exploration of advertising discourse where, for example, there seem to have been virtually no systematic investigation of persuasive language in online advertisements of skin care products in Western (English) and Non-Western (Arabic) cultures.

To address this, the current investigation attempts to bring to light cultural similarities and/or differences between English and Arabic by examining specifically the rhetorical structure as well as the persuasive linguistic features employed in online advertisements of skin care products brought forward in both languages. In order to ascertain persuasive resources in the two contexts, following past studies (e.g. Cheung 2008, 2010, Labrador et al. 2014), this study draws on a schematic structure analysis that further helps identify persuasive features and connect them to the moves and steps that represent the communicative functions

conveyed in the text. This approach, which adopts genre analysis, aims to explicate persuasive techniques in a series of social interactions, exploring the discursive and linguistic choices involved. In general, the major research questions addressed in the present study are as follows:

1. What are the typical rhetorical patterns used in English and Arabic online advertisements of skin care products?
2. What are the lexico-grammatical resources signalling persuasion in such advertisements in each context?
3. What are the similarities and differences between English and Arabic online advertisements of skin care products in terms of rhetorical structure and persuasive techniques?

2. Theoretical background

2.1. Genre and move-step rhetorical analysis

Culture is an indispensable part of writing and affects its habits. This is because writing, as a product of social activities, is a “cultural object, existing only in the social world of humans” (Mauranen 1993: 4). As with academic genres, discourse construction in professional settings demands compliance with particular norms, which make promotional texts recognisable as belonging to a particular genre. Such norms build up a common pattern where all writings within a given genre are composed of the same linguistic features with nearly similar functions in virtually identical positioning. That is to say, discourse communities develop specific rhetorical patterns for a specific text type. To illustrate, full-length empirical research articles conform to the Introduction, Method, Results and Discussion (IMR&D) layout – a widely accepted conventional format proposed by Swales (1990).

Within the field of discourse analysis, scholars have approached the study of genres from different linguistic angles. A functional perspective was followed in this paper to study the sub-genre of online advertisements. The field of discourse, the participants in the communicative event, and the importance of the context are all aspects of variations across languages that accentuate the social function of language as the key attribute of human communication. Within this framework, Swales initiated the exploration of discourse genres with his pioneering work on research article introductions (1990), establishing the communicative purpose as the focal point shared by all the writings within the same genre. Rather more recently, Bhatia (2004) referred to genre as “language use in a conventionalised communicative setting in order to give expression to a specific set of communicative goals of a disciplinary or social institution which gives rise to stable structural forms by imposing constraints on the use of lexico-grammatical as well as discoursal resources” (Ibid: 23).

The description of communicative units in specific genres and the development of a model for the rhetorical analysis of the internal structure of various forms of

discourse have been attempted by a number of approaches. Among them is Swales' move-step model of rhetorical analysis, which hierarchically systematised a number of 'moves' and 'steps'. He defines move as a discursual segment or an expression that represents a definitive or a specific communicative goal (Swales 1990, 2004). In the words of Biber et al. (2007), "each move not only has its own purpose but also contributes to the overall communicative purpose of the genre" (Ibid: 23). In essence, a move is likely to be made up of smaller units (steps and sub-steps) that work together to create "various patterns of similarity in terms of structure, style, content and intended audience" across the text (Swales 1990: 58).

Swales' move-step model has been further expanded and/or modified in several rhetorical genre studies, such as grant proposals (Connor & Mauranen 1999), research articles (Brett 1994, Dudley-Evans 1994), recommendation letters (Precht 2000), letters of application (Upton & Connor 2001), and business letters (Bhatia 1993, Vergaro 2004, Zhu 2001). Intercultural investigation has been an important line of inquiry in many of these rhetorical studies focusing on different genres, such as medical research papers (Williams 2012), academic book reviews (Suárez Tejerina & Fernández 2008), football match reports (Díez-Fernández 2009), and scientific abstracts (Arroyo et al. 2007, Martín 2003, 2005). We will follow Swales' move-step model in this paper for the study of the rhetorical structure of online advertisements of skin care products in English and Arabic.

2.2. The sub-genre of online advertisements

Within the genre of advertisements, we may consider online advertisements as a particular discourse sub-genre, along with other sub-genres including print, TV and radio advertisements. They all share the communicative purpose of offering a service or presenting a product in such a way that the reader is convinced of its quality and utility and reflect on purchasing it. Despite this, online advertisements "tend to apply a more interactional-conversational language approach [which affects] language use, message flow, and types of direct user addressing" (Janoschka 2004: 9–10).

Following Cook's (2001) classification and based on the criteria listed below, Labrador et al. (2014) offer the following description of online advertisements:

1. Item advertised: product versus non-product advertisements. Online advertisements may offer services, or they may serve to sell products.

2. Medium: The fact that they appear on the internet (and not in printed books, newspapers, television, radio, or magazines) greatly determines their internal structure.

3. Length: short copy versus long copy. Online advertisements belong to the long copy group because unlike short attention-grabbing advertisements, they are more informative and descriptive texts.

4. Technique: Services or products may be sold on the internet by the use of the soft-sell technique that "relies more on mood than on exhortation, and on the

implication that life will be better with the product” (Cook 2001: 15) or by means of the hard-sell technique (i.e. making a direct appeal to consumers).

5. Consumer profile: This criterion deals with the socio-economic background of targeted consumers who are computer-literate adults usually looking for advertisements on the internet.

6. Appeal type: tickle versus reason. “Reason ads suggest motives for purchase. [...]. Tickle ads, on the other hand, appeal to emotions, humour, and mood” (Cook 2001: 15). Online advertisements may be of both types.

2.3. The persuasive language of advertisements

By seeking to combine “information-and-publicity (or ‘telling-and-selling’)” (Fairclough 1992: 279), advertising relies on the use of ‘loaded language’ (Leech 1966) that exploits emotive words, catchphrases, metaphors, informal expressions, and comparisons to appeal to consumers. This implies that what is typically considered to be colloquial language is used to approach potential customers, for example, by giving the impression of treating each of them as an individual rather than en masse. This strategy, called ‘synthetic personalization’ by Fairclough (1989), could be achieved through the use of inclusive language, which extends beyond the application of personal pronouns. Examples would be expressions such as “Welcome to Shawarma Palace” or “Have a safe journey” in the case of restaurant and air travel advertisements respectively, which seem to project a personalised message. Other researchers (Fuertes-Olivera et al. 2001, Janoschka 2004) have listed some of the most frequently used persuasive features found in advertisements, such as rhetorical questions, alliterations, or commands. Multiple modifications, specifically of syntactic features, such as combining two or more adjectives, are also used “to give a colourful and attractive description of the [advertised] products or services and [communicate the intended message] more on an emotive level” (Rush 1998: 161).

3. Methodology

This section provides a description of the methodology used in collecting and analysing the data, as well as of the analytical framework developed to suit the purpose of the study.

3.1. The corpus

This mixed-method study was guided by a built corpus consisting of 200 texts (100 per context). The entire corpus amounted to 31572 words (8149 words in English and 23423 words in Arabic). The unequal corpus size was not relevant for the aim of this study as an equal number of advertisements in each context were used. The texts, randomly extracted from online magazines, concerned online advertisements of skin care products written originally in English and Arabic. Although they did not advertise the same products, they were all promoting items,

models, and brands of skin care products for women. The English advertisements were obtained from *InStyle*, *Salon*, and *Glamour*, which are prestigious online magazines in the UK. The texts in Arabic were sourced from the Arabic magazines *Sayidaty*, *Anazahra*, and *Al-Jamela*, which are equally popular in Saudi Arabia and the other Gulf Cooperation Council (GCC) countries.

3.2. Data collection procedure

Various guidelines were followed in the process of data collection. Firstly, following the understanding of a text as a ‘semantic unit’ of meaning (Halliday & Hassan 1976), there was no limit set for the length of each advertisement. Secondly, the texts collected were published between 2011 and 2020. Thirdly, the selected texts in each language were grouped according to the functions of the products advertised, including anti-aging products, moisturizing products, sun care products, and eye products (25 texts per function in each context). Finally, while we are aware of the fact that non-verbal elements, like visual features, play an instrumental role in fulfilling the communicative purpose of advertising, we limited the study of persuasive strategies to linguistic resources necessary to express persuasion so that professionals working in both advertising contexts may construct their messages in attractive and conducive ways. We are of the view that the non-verbal elements will not pose a problem in constructing online advertisements in the two cultures as they are similar in that aspect. Therefore, the exploration of the semiotic dimension of online advertising goes beyond the scope of this study. The challenges are to be found in the verbal elements, which were the focus of the work at hand.

3.3. Analytical framework

The current study was guided by the existing frameworks developed by Kathpalia (1992), Bhatia (2004), and Labrador et al. (2014; see Tables 1–3). A preliminary analysis of a small sub-set of the corpus (10 texts per context) showed that the following moves (M) were observed across the corpus: ‘identifying product and purpose’, ‘describing the product’ (Labrador et al. 2014), ‘justifying the product/service’, ‘endorsement/testimonials’, ‘establishing credentials’ (Bhatia 2004, Kathpalia 1992), and ‘urging action’ (Kathpalia 1992). Furthermore, the corpus at hand presented some new steps (S), ‘pricing’ and ‘providing extra details’, and one new sub-step (Sub) ‘instructing the use’. This led to the expansion of the existing analytical models to meet the needs of the analysis of the corpus at hand (see Table 4). It needs to be noted that ‘illustrating the product with a picture’, which was introduced as a step in the move model by Labrador et al. (2014), was not taken into consideration because as mentioned in the previous section the exploration of semiotic features in advertisement was beyond the scope of this study.

Table 1. Move model by Kathpalia (1992)

Move 1: Appraising the product/service
Move 2: Establishing credentials
Move 3: Justifying the product/service
Move 4: Targeting the market
Move 5: Offering incentives
Move 6: Urging action
Move 7: Endorsement/Testimonial
Move 8: Headlines

Table 2. Move model by Bhatia (2004)

Move 1: Headlines/Attracting readers' attention
Move 2: Targeting the market
Move 3: Justifying the product or service
Move 4: Detailing the product or service
Move 5: Establishing credentials
Move 6: Celebrity or typical user endorsement
Move 7: Offering incentives
Move 8: Using pressure tactics
Move 9: Soliciting responses

Table 3. Move model by Labrador et al. (2014)

Move 1: Identifying product and purpose

- Step 1: Referring to the manufacturing company
- Step 2: Naming the product
- Step 3: Stating the applications
- Step 4: Illustrating the product with a picture

Move 2: Describing the product

- Step 1: Objective characteristics
  - Sub-step 1: Listing features
  - Sub-step 2: Listing models
  - Sub-step 3: Listing data sheets
  - Sub-step 4: Listing extra options
- Step 2: Persuasive characteristics
  - Sub-step 1: Evaluating the product positively
  - Sub-step 2: Comparing the product with other similar products

Table 4. Framework used in the present study

Move 1: Identifying product and purpose (Labrador et al. 2014)

- Step 1: Referring to the manufacturing company (Labrador et al. 2014)
- Step 2: Naming the product (Labrador et al. 2014)
- Step 3: Pricing (New step)
- Step 4: Targeting the market (Bhatia 2004, Kathpalia 1992)
- Step 5: Providing extra details (New step)

Move 2: Describing the product (Labrador et al. 2014)

- Step 1: Objective characteristics (Labrador et al. 2014)
  - Sub-step 1: Listing features (Labrador et al. 2014)
  - Sub-step 2: Listing models (Labrador et al. 2014)
  - Sub-step 3: Instructing the use (New sub-step)
- Step 2: Persuasive characteristics (Labrador et al. 2014)
  - Sub-step 1: Evaluating the product positively (Labrador et al. 2014)

Move 3: Justifying the product (Bhatia 2004, Kathpalia 1992)
Move 4: Endorsing the product (Bhatia 2004, Kathpalia 1992)
Move 5: Establishing credentials (Bhatia 2004, Kathpalia 1992)
Move 6: Urging action (Bhatia 2004, Kathpalia 1992)

3.4. Data analysis procedure

The collected data was subjected to two phases of analysis: rhetorical moves analysis followed by the exploration of lexico-grammatical features expressing persuasive meanings. Regarding the first phase of analysis, the study followed Swales' (1990) three-level genre model (communicative purpose, move structure, and rhetorical strategies) to break each text down into distinctive moves, steps, and sub-steps, which were identified based on their functions in the text. Reference was also made to previous studies on the rhetorical structure of advertisements or similar genres (Bhatia 2004, Kathpalia 1992, Labrador et al. 2014). However, as discussed earlier, after the preliminary analysis and subsequent modifications to the existing move classifications, a coding schema, which best fitted the purpose of this study, was tailored and used to analyse the whole corpus.

When coding the data, three themes needed to be addressed: (1) the general approach to the analysis of data; (2) the unit of analysis, which refers to a text segment that carries a meaning; and (3) the strategies used to identify the boundaries of moves. Therefore, the study primarily took a top-down approach (based on meaning) when coding the data. However, to code a text segment that its function was fuzzy, a bottom-up approach was used for confirmation, and reference was made to several linguistic features. Since the study is derived from Swales' perspective on genre, the unit of analysis should realise the communicative purpose of the text. Hence, the study was flexible about the unit of analysis, initially proposing the sentence as its smallest one. To identify the writers' communicative purposes and then the boundaries of the texts, a functional approach was taken to identify moves and steps. Following past studies (del Saz Rubio 2011, Khedri & Kritsis 2018, Ozturk 2007), in a likely condition whereby more than one move appeared in the sentence, the most dominant one was selected.

Concerning the prominence level of occurrences of moves, steps, and sub-steps, reference was primarily made to Howe's (1995) four-grade system. However, to avoid possible confusions, the marginal prominence level of frequency – 50% of occurrence as both 'prominent' and 'non-prominent' – was revised as follows: 0-49% and 50-100% of occurrences were considered as 'non-prominent' and 'prominent', respectively.

Regarding the second phase of analysis, following Labrador et al. (2014), linguistic resources expressing persuasive meanings were only searched in the persuasive section (M2S2: persuasive characteristics), as this is the part where we expected more cases to be found. Each piece of text designated as persuasive was read and then all lexico-grammatical features associated with persuasion were identified. Following that, the final list of persuasive features was categorised according to part of speech and then used to determine the frequency of occurrence.

In this study, to reduce the risk of randomness and demarcate the precision of the analytical approaches taken at an adequately high level of consensus, a consistent method was very central to data codification in this study, where the focus is on content analysis across languages or cultures with different rhetorical

norms. As a result, the analysis was improved through a channel of inter-coder agreement, albeit the data was mainly analysed by the researchers. The texts were first coded sentence by sentence and a sheet of analysis was appended to each one for systematic analysis. A PhD graduate, who was bilingual (English and Arabic) and had completed his dissertation on genre-based text analysis, was then recruited to analyse a small sub-set of the dataset (10 texts per context). He received extensive training for several sessions and was also given a coding manual comprising descriptions and examples. Once the corpus was analysed, the coder and the researchers went through the texts to identify any conflicting results. Despite minor inconsistencies in move boundaries, which were ironed out in discussions, the obtained value of the inter-coder agreement measured by Cohen’s kappa signalled a high reliability index of .87.

4. Results and discussion

In this section we will first comment on some general findings concerning the rhetorical structure of the English and Arabic online advertisements of skin care products. This is followed by commenting upon the analysis of the different persuasive linguistic features mapped onto moves and/or steps that integrate the rhetorical structure of online advertisements.

4.1. Rhetorical structure in English and Arabic online advertisements

Findings depicting the frequency and prominence level of moves, steps, and sub-steps found in the present corpus are presented in Table 5. The data showed two obligatory moves in each language sub-corpus: M1 (identifying product and purpose) in both corpora as well as M6 (urging action) and M3 (justifying the product) in English and Arabic, respectively. The prevalence of M1 was not unexpected given the high importance the particular function carries in adverts (Labrador et al. 2014). What follows presents a detailed description of the analysis of moves, steps, and sub-steps in each advertising context accompanied with examples sampled from the corpus.

Table 5. Frequency and prominence level of rhetorical moves, steps, and sub-steps in the English and Arabic corpora

Moves	English sub-corpus		Arabic sub-corpus	
	%	PL	%	PL
Move 1: Identifying product and purpose	59	P	53	P
Step1: Referring to the manufacturing company	9	NP	43	NP
Step 2: Naming the product	100	P	100	P
Step 3: Pricing	93	P	18	NP
Step 4: Targeting the market	48	NP	55	P
Step 5: Providing extra details	9	NP	4	NP
Move 2: Describing the product	29	NP	48	NP
Step 1: Objective characteristics	19	NP	26	NP
Sub-step 1: Listing features	40	NP	47	NP

Moves	English sub-corpus		Arabic sub-corpus	
	%	PL	%	PL
Sub-step 2: Listing models	4	NP	15	NP
Sub-step 3: Instructing the use	13	NP	17	NP
Step 2: Persuasive characteristics	60	P	71	P
Sub-step 1: Evaluating the product positively	60	P	71	P
Move 3: Justifying the product	46	NP	62	P
Move 4: Endorsing the product	30	NP	3	NP
Move 5: Establishing credentials	7	NP	33	NP
Move 6: Urging action	76	P	17	NP

PL: Prominence Level; P: Prominent; NP: Non-prominent.

4.1.1. Move 1: Identifying product and purpose

As shown in Table 5, M1 consisted of five steps which were found in each language sub-corpus, albeit to a different extent as far as their prominence levels are concerned. As can be seen in Fig. 1, ‘naming the product’ was a prominent step within M1 in the two sets of data. However, while ‘pricing’ was deemed a prominent step in the English advertisements, ‘targeting the market’ was regarded prominent in the Arabic advertisements. The following figure illustrates the frequencies of steps within M1 in both datasets.

M1: Identifying product and purpose

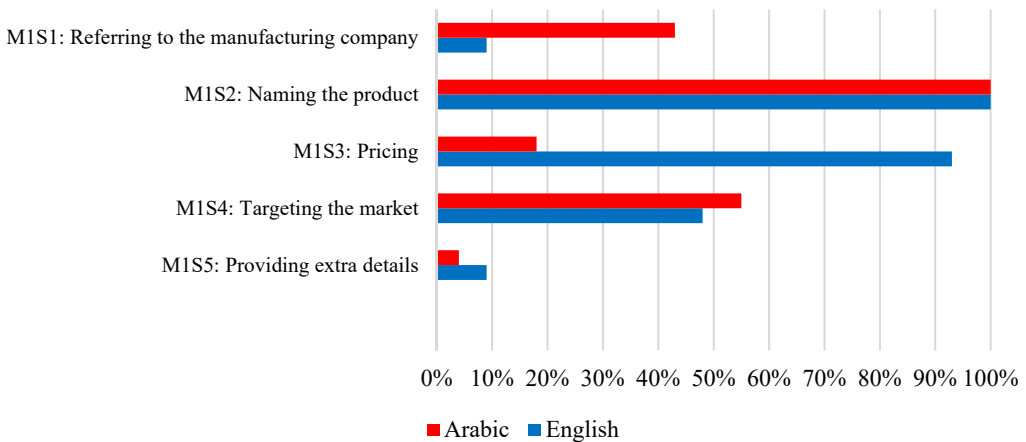

Fig. 1. Frequencies of steps within M1 in the English and Arabic corpora

When buying a product or acquiring a service, people usually consider the reputation and history of the company or retailer offering it. MIS1 assists in establishing credentials and boosting consumers’ confidence towards the product/service on offer. Unlike past studies (e.g. Kathpalia 1992), mentioning the company’s name was concluded to stand out as an advertising strategy warranting to be a step on its own within M1, as was also categorised by Labrador et al. (2014),

to give greater accuracy to the matching of moves to their communicative purposes. While this step was not prominent in the corpus at hand, it was denser in the Arabic dataset (43%) than in the English counterpart (9%). This could be attributed to the Arabic greater cultural attachment to the significance and value of name as being a trust-building device, thus deciding to impact this function more ‘prominently’ in comparison.

(1)

a. *You’re probably already a convert to Olay’s totally brilliant anti-ageing regenerist line.*

b.

لا تجاعيد بعد اليوم مع Olay.

[*No more wrinkles with Olay.*]

Regarding M1S2, it was extensively employed in all the advertisements in each language sub-corpus (100% per context), which could be considered as a point of departure for content elaboration (see examples in 2). The present result is compatible with Labrador et al.’s (2014) findings.

(2)

a. *Estee Lauder Resilience Lift Sculpting Oil Cream.*

b.

كريم ”استي لودر“ لبشرة نقية خالية من اللمعان.

[*Estee Lauder cream for pure skin and free from gloss.*]

Emphasis on M1S3 (pricing) was different in the two corpora as it was more prominent in the English sub-corpus (93%; example 3a) than in the Arabic sub-corpus (18%; example 3b). The norm that stating the price appears to be more important in Western advertisements could be explained through explicit consumerism principles (e.g. consumers’ rights) or ethical practices (e.g. fixed price policy). In addition, effective pricing helps avoid serious financial implications. Advertisers would believe in a ‘fair’ price for their sales. However, the results of the present study indicate that the same perspective is not necessarily shared in the Arabic context. There are different possible explanations. One could be that citing a cost can sometimes lead to a turnoff as consumers might consider it to be (too) high and decide to simply ‘flip the page’. Another explanation could be the sense of pride and dignity consumers in Middle Eastern culture(s) feel when being able to negotiate better prices. Therefore, the absence of a fixed price signals the possibility of a special deal or treatment to be held.

(3)

a. *M&S Formula Age Repair Targeted Concentrate, £12.*

b.

يبلغ ثمن القارورة حجم 30 مل 209 درهم.

[*The price of the flask combating 30 MM is 209 Dirham.*]

Another step within M1 was S4 ‘targeting the market’, which refers to the reaching out by advertisers to the intended audience of the advertised products. M1S4 could be determined by different factors, such as the type of skin or problem, the time of marketing a product, etc. These factors play an important role in the

way(s) in which the product is promoted and the persuasive approach that will be adopted accordingly. This enables advertisers to deliver messages more precisely and to prevent wasted coverage to people falling outside the intended audience. In the English sub-corpus, M1S4 was influenced by different factors, such as type of skin, season, and problem (examples 4a–c). In the Arabic sub-corpus, M1S4 was similarly achieved through mentioning the type of skin, related skin problem, season, and other factors like origin (examples 4d–g).

4)

a. *Murad's new Anti-Aging Blemish Control range is designed to specifically target blemishes in an adult skin while simultaneously addressing the signs of ageing.*

b. *Sensitive skin sufferers, delight: E45 have launched a new range of moisturisers to give your delicate skin a touch of luxury.*

c. *Estee Lauder's ultra-rich new firming cream is perfect for the winter months when your skin is zapped of hydration.*

d. قدمت ديور اطلاقاً جديدة لعلاج علامات تقدم سن البشرة بتقديم فائدة جديدة أساسية .

[*Dior has launched a new product designed to cure signs of ageing.*]

e. يقدم Crème Fraîche de Beauté الجديد من نوكس حلاً فعالاً لترطيب البشرة الحساسة والمصابة بالجفاف وتلطيفه .

[*Crème Fraîche® de Beauté introduced an effective solution for sensitive and dry skin.*]

f. يتمتع أحدث Cream BB من غارنييه بتרכيبة تمتاز بدرجة حماية عالية ، لتتمكن بشرتك من التمتع بتأثير Cream BB الرائع طوال فصل الصيف .

[*BB cream features excellent high-level protection for you to enjoy smooth skin during the summer.*]

g. اختبري فوائد مستحضر الرفع المتطور وتصحيح علامات التقدم في السن من Re-Nutriv مع إضافتين جديدتين لمجموعة Re-Nutriv Ultimate Lift Age-Correcting بتרכيبة صممت خصيصاً لبشرة المرأة الآسيوية الرقيقة [...] .

[*Test the benefits of Re-Nutriv Ultimate Lift Age-Correcting Collection which is especially designed for the skin of Asian women [...].*]

Despite not being a clearly prominent move in the English sub-corpus (48%), which is compatible with Kathpalia's (1992) findings on move structure of advertisements, in the Arabic sub-corpus M1S4 was considered prominent (55%). Having said that, its strong presence in the two sets of advertisements indicates that it could be viewed as a generic feature (Cheung 2008) in online advertisements of skin care products.

Finally, regarding the last step within M1 (providing extra details), this step provides advertisers an avenue to go into elaborations, such as those that pertain to shape, size, or colour in order to satisfy the consumers' need to know the product (see examples in 5). This sharing of product knowledge revealed a low priority in both English (9%) and Arabic (4%) corpora, which arguably suggests that this step is not viewed as a key element (Cheung 2010) in the sub-genre of online

advertisements. This is not surprising as a compact discourse, such as an advertisement, cannot allocate too much space for elaborations as details may be technical and would not appeal to all consumers. Instead of elaborations, advertisements may rely on other persuasive strategies to promote a product, such as using non-verbal elements that appeal to the sense of sight for effect.

(5)

a. *Plus, it comes in a sizable bottle and lasts for ages.*

b. كل مجموعة مغلقة بشكل مثالي داخل حقيبة شبكية فاخرة.

[Each package is covered perfectly in a luxury bag.]

4.1.2. Move 2: Describing the product

The main body of all advertisements consist of product description which is further subdivided into two sections, namely a) object characterisation and b) persuasive aspects of the advertisement. Thus, M2 was divided into two steps portraying ‘objective characteristics’ (M2S1) and ‘persuasive characteristics’ (M2S2). The former, which was non-prominent in the two sets of data (19% in English and 26% in Arabic), was further split into three sub-steps: ‘listing features’, ‘listing models’, and ‘instructing the use’. All these sub-steps were also found to be non-prominent in both corpora. On the other hand, M2S2, i.e. the persuasive characteristics, which only consisted of the sub-step ‘evaluating the product positively’ (M2S2Sub1), was found to be prominent in the two sets of data (see Table 5).

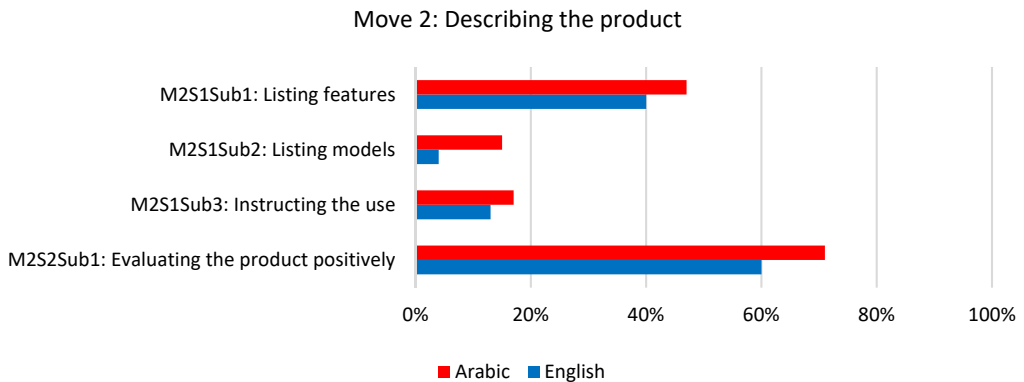

Fig. 2. Frequencies of sub-steps within M2 in the English and Arabic corpora

M2S1Sub1 refers to the listing of the product’ ingredients that render it unique and attractive (see examples in 6). This in turn helps increase the consumers’ trust in the product. As discussed above, it was found to be non-prominent in both corpora recording the frequencies of 40% and 47% in the English and Arabic advertisements, respectively. The same sub-step was also observed in the corpus of Labrador et al. (2014), albeit to a different extent compared to the present findings

(100% in both English and Spanish advertisements). This notable difference in frequencies can be attributed to the type of products studied. Believability of electronic products depends significantly on their technical features, while buying skin care products depends on other factors, such as the type of skin or skin problems. Although advertisers of new products need to be more attentive to listing their features in comparison with known products, the features of skin care products are varied, and technical names of ingredients do not appeal to most consumers. Advertisers of skin care products in general might be of the view that product features should be simple and that adding new features may affect the profitability of the company and decrease established product usability.

(6)

a. *The anti-aging formula contains Dr. Murad's Resilient-C Complex, which is 50 per cent more powerful than ordinary topical vitamin C and maximises collagen production, while Retinyl Palmitate minimises the appearance of fine lines and wrinkles and Tangerine Butter smoothes and hydrates.*

b. وقد تم الآن إثراء تركيبته بإضافة أربع مستخلصات نباتية عضوية هي: أوراق شجرة الجنكة الصينية "جينكغو Cornflower بيلوبا" وزهرة الحقول وزهرة البابونج والصبار.

[*The texture has been enriched through the addition of four organic plants which are: the leaves of Ginkgo biloba, cornflower, chamomile and cactus flowers.*]

M2S1Sub2, which concerns reference(s) to the collection range of a product (see examples in 7), was non-prominent in both English (4%) and Arabic (15%) corpora. This result is in line with Labrador et al.'s (2014) findings. Variation in the frequencies of the particular sub-step in both advertising contexts can be attributed to the fact that advertised products often are regarded as single products. In case there are multiple products, they are packaged as a combination of different items, but not as variants of the same product.

(7)

a. *The range includes E45 Touchably Smooth, E45 Nourish and Restore and, our pick, E45 Silky Radiance.*

b. وهي تتألف من سيروم Revolumizing Serum المقدم في عبوة أنيقة (والمصمم ليبدو كالحقنة) إضافة إلى الكريم النهاري.

[*Revitalift is packed in a beautiful bag and consists of serum and day cream.*]

As illustrated in examples in 8, the advertisers provided information on how to apply the product. This is a new sub-step (M2S1Sub3) named 'instructing the use', which is absent from the existing frameworks (Bhatia 2004, Kathpalia 1992, Labrador et al. 2014). Some cases were found in the dataset (13% in English and 17% in Arabic); however, the sub-step was regarded as non-prominent in both corpora, which is not surprising as there is not much space in online advertisements

to give detailed information about how a product should be used unless it is very new in the market or there are very specific instructions that need highlighting.

(8)

a. *To get the best out of your Moisturizing Soft Cream, take a small amount between the fingertips and press gently into the skin. It works miracles!*

b. يستخدم مرة كل أسبوع ليصبح مظهر البشرة أكثر تماسكا ، ورفقا وشبابا .

[*Use once a week to make skin look firmer, lifted, and younger.*]

As regards the only sub-step within M2S2, ‘evaluating the product positively’ plays a key part in persuading consumers that the advertised product is worth buying as it highlights its qualities and properties using positive adjectives (see examples in 9). Positive adjectives in M2S2Sub1 also contribute to consumer satisfaction, which is benchmarked on how well the product is supposed to work. M2S2Sub1 registered a high frequency of occurrence and was considered as prominent in both corpora (60% in English and 71% in Arabic). These results were close to Labrador et al.’s (2014) findings. This may imply that M2S2Sub1 is a generic part of online advertisements and is viewed as a common strategy of product differentiation (Bhatia 1993). While this sub-step is deemed necessary to elicit sufficient and positive evaluations from consumers and motivate purchase, the results showed that its use was moderate as the use of too many strong adjectives could result in too much of a ‘hard’ sell that could affect the credibility of the product.

(9)

a. *Darphin’s Eye Sorbet Mask is a real wonder product. It has a beautiful light texture that melts into skin and leaves the eye area hydrated and smooth.*

b. يتمتع هذا السائل البودري الناعم ، بخفته وأدائه المدهشين ، حيث ينساب ويتوزع على البشرة على نحو رائع ، فيجعل تطبيق كريم الأساس أكثر سهولة. كما يتميز بتقنية ^{TM}Elasto-Smooth ، التي تصقل سطح البشرة و تنشر الضياء لإخفاء العيوب .

[*This liquid is soft, wonderful, and easy to use. It flows and distributes on the skin in a wonderful way, making the application of the foundation cream easier. It also features ^{TM}Elasto-Smooth technology which refines the skin’s surface to hide the flaws.*]

4.1.3. Other rhetorical moves

The following figure shows the frequencies of Moves 3–6 in both English and Arabic corpora. M3 (justifying the product) is an effective means of establishing a positive brand image of the advertised product. It aims to persuade consumers that the product is important and worth buying by highlighting its benefits as well as abilities to overcome real-life challenges. Highlighting the benefits of the advertised product is a key strategy in persuasive advertising, and the language used must be such that it conveys the uniqueness of the product. Addressing skin problems is arguably linked to the promise that the advertised product can and will offer the

best solution. Considering that the skilful use of such linguistic resources lies arguably in the secret of successful selling (Bhatia 1993), one would have expected this move to have been more aggressively used.

M3 was regarded as non-prominent in the English sub-corpus (46%) and was realised only by highlighting the benefits of the advertised products in the English data (example 10a). In the Arabic sub-corpus, on the other hand, this move registered a high frequency of occurrence (62%) and was materialised by features not only to highlight the benefits of the advertised products but also to establish a niche (examples 10b–c). One possible reason for it being non-prominent in some contexts, such as English, could be the exercise of caution, as false claims could invite painful lawsuits. As such, advertisers are unlikely to go overboard with ‘benefits’ claim preferring instead to spread out the persuasion elements. However, the Arabic advertisements were found to use this move more strongly, which could be attributed to differences in cultural practices in the business world.

(10)

a. *Not only does it wake up and illuminate lacklustre skin but the ingredients also nourish and visibly reverse signs of ageing.*

b. ويعمل هذا الخليط على تخفيض مستوى النجاعيد ومظهر الخطوط الدقيقة في غضون 14 يوماً فقط ، مما يمنح بشرة أكثر نعومة ويخفي الخطوط الدقيقة .

[*This mixture works to reduce the level of wrinkles and the appearance of fine lines in just 14 days, which makes the skin appear smoother and hides fine lines.*]

c. تتيح هذه المجموعة الفرصة للحصول على بشرة ناعمة ومتوهجة مع فوائد محاربة لعلامات تقدم البشرة في السن ، ويساعد على حماية البشرة ضد الإعتداءات البيئية. لقد تم تصميم لوسيون *The Reparative Face Sun Lotion SPF30* ولوسيون *The Reparative Body Sun Lotion SPF30* بفاعلية عالية لحماية البشرة من الأشعاع فوق البنفسجية *UVA* و *UVB* . وللمساعدة على الحد من تضرر البشرة في المستقبل ، بينما يعملان على ترطيبها وإصلاح علامات الأضرار السابقة .

[*This group provides an opportunity to get a smooth skin, fighting against the signs of skin aging and helping to protect the skin against the effects of the environment. The Reparative Face Sun Lotion SPF 30 and lotion and the Reparative Body Sun Lotion SPF 30 High were designed effectively to protect the skin from ultraviolet UVA and UVB rays, and to help reduce damage to the skin, as well as hydrate and repair previous damage marks.*]

Regarding M4, this move refers to comments made by consumers, who had used the product, experts, or famous people, i.e. celebrities, for the purpose of persuading consumers of the quality and value of the advertised product. Sharing testimonials helps in raising the confidence level of the target market. Although to a different extent, ‘endorsing the product’ was another non-prominent move in the English (30%) and Arabic (3%) texts (see Fig. 3), with comments made either by experts or specialists (example 11a) or by famous people like celebrities in the form

of recommendations (example 11b). English advertisements appear to be more open to include the sharing of experience in this manner, while the newness of some of the products advertised in the Arab contexts could explain the lack of such public display of confidence.

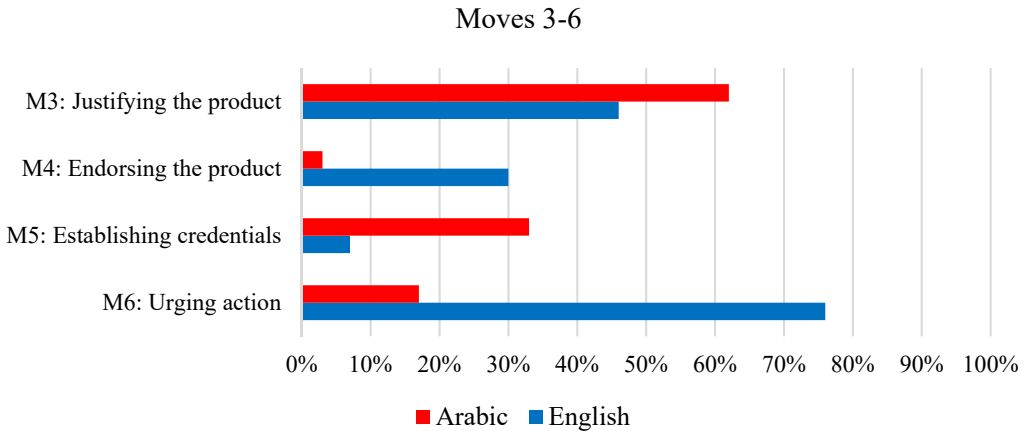

Fig. 3. Frequencies of Moves 3–6 in the English and Arabic corpora

(11)

a. *We loved the fresh scent and the easy applicator of the Age Defence and Age Repair pens we tested.*

b. *وقالت الممثلة ثاندي نيوتن حول تجربتها مع كريم' أولاي توتال إيفكتس تتش أوف فاونديشن 'وتفضيلها له: "أنا مغرمة بمنتج أولاي توتال إيفكتس تتش أوف فاونديشن بي بي كريم' الجديد ، وأواظب على استعماله منذ مدة طويلة ، فلطالما رغبت بالماضي بالحصول على منتج مثالي كهذا ، وها هو بات اليوم متوفراً بين يدي جميع السيدات "*

[*The actress Thandie Newton talked about her experience with Olay Total Effects Touch of Foundation cream and her preference for it: "I am in love with the new Olay Total Effects Touch of Foundation BB cream. I have been using it regularly for a long time. I always wished to get such a perfect product, and here it is available today in the hands of all ladies".*]

As an ‘adversary glorification’ move (Bhatia 1993), M5 helps advertisers glorify the credentials of the company or the brand of the advertised product. As illustrated in examples in 12a–b, M5 was realised through different paths, which include giving rewards, achievement display, and historical profiling. These approaches help increase the consumers’ confidence and trust towards the advertised product leading to product buying. Regarding its frequency, the advertising option was non-prominent in both groups of advertisements (see Table 5), with the English advertisements (7%) employing it less than their Arabic counterparts (33%; see Fig. 3). One possible explanation for such difference might

be that emergent markets may consider credentials as an important factor in persuading consumers of the worth of the advertised product/service.

(12)

a. *It won the Best Eye Cream for Crow's Feet gong in our 2014 and 2015 Best Beauty Buys.*

b. تتميز بـ 25 براءة اختراع وأخرى بانتظار الحصول عليها عالمياً.
[*It features 25 patents and pending for one more patent.*]

Regarding the last move, 'urging action' aims to 'force' consumers to decide on buying the product. This can be achieved by mentioning the website, contact number, email address, and/or the name of outlet in the advertisement (see examples in 13). The data analysis revealed that the two languages varied in the frequency of occurrence of M6 (see Fig. 3), which was considered prominent in the English sub-corpus (76%) and non-prominent in the Arabic sub-corpus (17%; see Table 5). Contrary to the English advertisements, which encouraged consumers to visit the company's website where they would be able to get more information about the brand and its products, the Arabic advertisements appear to have preferred to rely more on persuasive features related to the description of the product advertised (see examples in 13). This proclivity among the English advertisers could be attributed to the wider use of digital interfaces to facilitate communication, which may be lacking in Arabic countries making it more difficult for advertisers there to invite consumers to use other means of communication for product verification.

(13)

a. *Available at www.boots.com from August.*

b. كريم UV Plus HP متوافر في عبوة حجم 30 مل ، و تباع بحوالي 100 درهم إماراتي أو ما يعادلها ، في الصيدليات و جميع فروع Boots.

[*UV Plus HP cream, available in a 30 ml package, is sold for approximately AED 100 or its equivalent, in pharmacies and all Potts branches of Boots.*]

4.2 Persuasive language in English and Arabic online advertisements

As mentioned earlier, the present study also aimed to explore persuasive strategies used in the sub-genre of online advertisements of skin care products. To this end, the corpus was searched for persuasive linguistic features exclusively employed in the persuasive section (M2S2: persuasive characteristics). As can be seen in Table 6, persuasive language was characterised by syntactic, semantic, and discursal resources used to express positive evaluation and thus contribute to the overall persuasive force of the moves. As previous studies have long established, positive evaluation is achieved by mentioning different properties, qualities, and/or characteristics of the advertised product within the same paragraph or even sentence (Hunston & Thompson 2000, Labrador et al. 2014, Martin & White 2005). The lexico-grammatical resources used to express evaluation in discourse in the corpus

at hand were found to be wide, including superlatives (*smallest, best, etc.*), comparators (*brighter, smoother, etc.*), personal pronouns, adverbs, adjectives, as well as enumerations (*in addition to, also, etc.*), and personifications (*this cream allows...*). What follows is a detailed description of the analysis of each set of persuasive linguistic features found in the corpus at hand.

Table 6. Incidence of use of persuasive features in the English and Arabic corpora

Features	English sub-corpus	Arabic sub-corpus
	Frequency	Frequency
Syntactic	309	401
Adjectives	140	243
Personal pronouns	86	82
Adverbs	40	41
Multiple modifiers	23	24
Rhetorical questions	8	11
Non-finite clauses	12	0
Semantic	49	41
Personifications	29	17
Similes	14	7
Hyperboles	6	11
Metaphors	0	6
Discoursal	61	192
Emphatic enumeratives	61	192

4.2.1. Syntactic features

Different persuasive syntactic features, namely adjectives, personal pronouns, adverbs, multiple modifiers, rhetorical questions, and non-finite clauses were found in the advertisements in each advertising context. As can be seen in Table 6, adjectives were prevailing in the two corpora, especially in the Arabic texts (243 vs 140 cases). To be specific, non-gradable positive adjectives were used more often in the corpus, typically signalled by terms, such as جديد (*new*; 44 cases) and طبيعي (*natural*; 43 cases) in the Arabic advertisements and *new* (25 cases) in the English counterparts. Such features help advertisers give an attractive description to the product advertised and communicate its unique qualities (Ahanger & Dastuyi 2017, Bhatia 1993, Lapanská 2006, Leech 1966, Pilatova 2015). As illustrated in examples in 14, there was also evidence of gradable adjectives in the dataset. For instance, comparative adjectives were used to help establish a positive attitude towards the product advertised by offering consumers a comparison between an assumed present situation and an improved situation made possible by using the product. Superlative adjectives, on the other hand, were employed to express the high quality of the product, thus emphasising its superiority over competitors. Below are some actual uses sampled from the data.

(14)

a. *It also contains SPF, **perfect** for protecting the sensitive eye area from 20sun-related ageing.*

b. *You'll notice your skin looks **brighter** and feels **smoother**.*

c. *L'Occitane's Divine Cream is still considered one of **the best** anti-ageing creams in the industry.*

d.

تعطي لون ذهبي رائع و ترطيب مثالي للوجه .

[*It gives a wonderful golden color.*]

e.

ليظهر البشرة بمظهر أكثر شباباً .

[*It makes the skin look younger.*]

f.

وهو لوسيون الخاص بالنساء والأكثر شهرة .

[*Losyon is specially designed for women and it is the most famous one.*]

At other times, the two groups of advertisers used personal pronouns carrying a persuasive value to set a conversational tone, create a sense of solidarity with consumers, establish a rapport between themselves and consumers, and reduce the impression that consumers are only being addressed as part of a mass audience. Results showed that in the English advertisements personal subject pronouns, namely *you* (33 cases) and *we* (19 cases), were more frequent than objective and possessive pronouns, which were only characterised by *us* (4 instances) and *your* (30 instances). However, in Arabic where personal pronouns are typically attached to a word (acting as subject pronoun) or detached from it (acting as either object or possessive pronoun), only attached personal pronouns, such as the object pronoun *ك* (*you*; 40 cases) and possessive pronouns *الك* and *لك* (*your*; 42 cases) were found in the dataset. In general, the use of the possessive pronoun in both English and Arabic makes instruction more personal. Linguistically speaking, they refer to a single person or a group of people; however, when reading the advertisement, consumers feel that they are individually addressed (Janoschka 2004, Sternkopf 2005). Below are text examples in both languages.

(15)

a. *This all-in-one anti-ageing product works its magic as **you** sleep.*

b. *After just one use **you**ll notice **your** skin looks brighter and feels smoother.*

c.

يساعد على تجديد جمالك بفهم جديد ليلاً .

[*This will help you in renewing your beauty at night.*]

d.

يوفر لك منتج كريم الأساس الجديد من مكياج طبقة من المسام تسمح للوجه بالتنفس والحفاظ على حيوية البشرة ونقاؤها .

[*It provides you with a layer of pores that allow your face to breathe and keep your skin pure.*]

Adverbs were also used as means of persuasion to describe action or the state of being (e.g. *instantly, perfectly, quickly, powerfully, effectively, freshly*, etc.; see examples in 16). Although the data analysis showed a similarity between the two corpora in the incidence of use of adverbs (see Table 6), with *instantly* being the most frequently used adverb in both datasets, the adverbial features appeared in more various forms in English than in Arabic.

(16)

a. [...] *the cooling cream and ice-cold roller ball will **instantly** refresh and leave your eyes feeling tighter.*

b.

وبالتالي ينعم البشرة على الفور.

[*It smoothens the skin instantly.*]

Another notable resource carrying persuasive value was multiple modification of a single noun phrase. This implies the coordination of two or more adjectives in a single noun phrase (see examples in 17), building up a positive evaluation of the advertised product in an attractive way. Scholars like Rush (1998) have also highlighted the complex noun phrase structure used in advertisements where descriptive pre-modifiers (and post-modifiers) allow for a more compacted, colourful, and attractive description of the advertised service or product, and so communicate more on an emotive level. Although multiple modifications were attested at a similar frequency in English (23 cases) and Arabic (24 cases), the cases found in the English sub-corpus were either pre- or post-modifiers (examples 17a–b) whereas all cases in the Arabic sub-corpus belonged to the post-modification type (examples 17c–d).

(17)

a. *This roll-on version has all the **brilliant de-puffing, cooling and brightening** benefits [...].*

b. [...] *is perfect for keeping your skin **shine-free, smooth and toned**.*

c.

ستكتسبين تدريجياً رونقاً مثالماً و صحياً جميلاً و طويل الثبات .

[*Elegant, beautiful, healthy, and long stable appearance.*]

d.

يجعل البشرة ناعمة، حريرية و ملساء .

[*It makes the skin soft, silky, and smooth.*]

Other noteworthy syntactic features conveying persuasive characteristics of the product advertised were rhetorical questions and non-finite clauses. The former make consumers feel engaged and as a result can lead them to agreeing with what the text is about (Fuentes-Oliver et al. 2001, Janoschka 2004, Leech 1966). The results showed that rhetorical questions were present in both corpora, albeit to a slightly different extent (8 cases in English vs 11 cases in Arabic; see examples in 18). Regarding non-finite clauses, like past studies (e.g. Labrador et al. 2014), they were observed only in the English advertisements, totalling 12 cases (see examples in 19). This is likely due to structural differences between English and Arabic languages, which merits further focused study.

(18)

a. *You know how most high SPF creams are thick and greasy?*

b. هل تعلمين أن "كلينيك" كانت إحدى أوائل شركات مستحضرات التجميل التي قدمت حلاً لجفاف البشرة؟

[*Do you know Clinique is the first company that provides a solution for dry skin?*]

(19)

a. *Avoiding that fake, sweet scent that many creams possess, the fragrance is deliciously organic and natural.*

b. [...], *it has been specifically formulated to emulate the results of Botox, peels, lifting and injection treatments to restore radiance and eliminate signs of tiredness and aging.*

4.2.2. Semantic features

As illustrated in Table 6, persuasive semantic features were materialised by various rhetorical properties, such as personifications, metaphors, similes, and hyperboles, but were used to a lesser extent than syntactic and discursual features. This could be attributed to the possibility of the particular advertisers' aversion to the risks of meaninglessness and misinterpretation entailed in the use of figurative language (Larson 1998).

As a figure of speech that attaches human-like qualities to inanimate objects, personifications are used in advertisements to encourage long-term memory (Labrador et al. 2004, Lapanská 2006) and create more personal and engaging advertisements. Cases of personification were found in both English (29 cases) and Arabic (17 cases) corpora. As shown in examples in 20, the advertisers tried to make their products 'real' by personalising them through life-like characteristics (Cuddon 2013, Pilatova 2015).

(20)

a. *Pledging to increase skin hydration by 66% in just two weeks, **it also promises** to decrease wrinkle depth by half, in four weeks.*

b. يسمح هذا الكريم للبشرة بالتنفس.

[*This cream allows the skin to breathe*].

Other resources conveying a persuasive effect were similes and hyperboles. The former refer to "a figure of speech whereby two concepts are imaginatively and descriptively compared" (Cuddon 2013, Wales 2001: 358; see examples in 21). As regards the latter, a hyperbole is the deliberate use of overstatements or exaggerations to achieve emphasis so that consumers are persuaded to try out the result of using a specific product (Lapanská 2006; see examples in 22). The two sub-sets of semantic features occurred in both advertising contexts, albeit to a different extent. Similes appeared in the English advertisements twice as often as their counterparts used in the Arabic advertisements (14 vs 7 cases). In contrast,

hyperboles were almost two times more frequent in the Arabic context than in the English one (11 vs 6 instances).

(21)

a. *This wrinkle-tackling amino acid complex might feel as light as tears to the touch.*

b. وهو ناعم كالحرير.
[*It is soft as silk.*]

(22)

a. *We smoothed some on the fine lines around our eyes and noticed an impact within seconds.*

b. في عشر دقائق فقط ، تبدو البشرة أكثر توهجاً وشفافية وانتعاشاً وتحافظ على مظهرها لغاية أسبوع .
[*In just 10 minutes, the skin looks more radiant and transparent.*]

Despite metaphors playing a key role in advertising by stimulating curiosity and expressing a message in a compact manner (Lapanská 2006, Tanaka 1999), in the present corpus they were exclusive to the Arabic sub-set (6 cases; see example 23) with no evidence in the English counterpart. As mentioned earlier, the limited use of such figurative language is arguably the result of the advertisers' strategy to pre-empt possible misinterpretation or lack of reference on the consumers' end.

(23)

a. للقضاء على أعداء محيط العين.
[*To eliminate the enemies around the eye.*]

4.2.3. Discoursal features

Discoursal features have not been frequently highlighted as persuasive linguistic features in the literature. A notable exception is the study by Labrador et al. (2014) where the authors found that emphatic enumeratives are discourse elements with persuasive effect and force in online advertisements. Likewise, emphatic enumeratives were persuasive discoursal features that frequently occurred in the present data, materialised by different phrasal and clausal resources in English (*in addition to, also, even, plus, not only ... but also, as well as, that's not all it offers, go beyond*) and in Arabic (*أيضاً, هذا ليس كل ما تقدمه, بالإضافة الى*, etc.). By using such features, advertisers lay emphasis on elaborating certain ideas in a seamless way and without burdening consumers with much conscious effort. Interestingly, enumerations were more than three times more prominent in the Arabic context than in the English one (192 vs 61 cases). Text examples are:

(24)

a. *The multi-functional moisturizer assists **not only** in improving the overall appearance of the skin, **but also** leaves skin feeling moisturized and looking smoother and firmer.*

b. *يتمتع هذا المزيج القوي بالقدرة على تنعيم البشرة ، بالإضافة الى مفعول تلطيف البشرة الذي يدوم لـ 24 ساعة .*

[*It smooths the skin. Additionally, it refreshes the skin for 24 hours.*]

5. Conclusion

This corpus-based linguistic study reported on an intercultural investigation of rhetorical structure and persuasive strategies used in an ad hoc English-Arabic comparable corpus of 100 online advertisements of skin care products. Regarding rhetorical structure, while similarities were observed in the way the two groups of advertisers organise their advertising discourse, the results also revealed subtle differences in the two advertising contexts. These differences are mainly related to different culture-specific practices in terms of retail trade traditions (M1S3: pricing) and caution exercised towards false claims (M3: justifying the product) as well as different levels of access to digital media (M6: urging action).

As for persuasive strategies found in the corpus, they comprised syntactic, semantic, and discursal features used to express positive evaluation and thus contribute to the overall persuasive force of the moves. The results indicated variations in both the frequency and use of persuasive strategies, especially when both corpora were compared for contrasting effects in terms of non-finite clauses and metaphors used. The absence of the former in the Arabic sub-corpus is to be attributed to the structural characteristics of the particular language, while the absence of the latter in the English sub-corpus can be explained by advertisers' attempt to forestall any misinterpretation or inability of the consumers to decode the intended message.

Overall, the genre-based approach followed by the work at hand revealed that online advertisements of skin care products constitute a particular sub-genre with context-specific macro- and micro-structures requiring advertisers to tailor their discourse to represent values, beliefs, and perception processes that are congruent with the culture addressed.

As for implications, in addition to contributing to the intercultural investigation of the rhetorical structures and persuasive strategies used in online advertisements, this study further adds to the growing body of research on genre analysis by expanding upon the existing analytical frameworks used for the study of advertising discourse. Despite not being a central concern of the present study, one cannot overlook its potential usefulness for the creation of pedagogical materials to facilitate comprehension of how specific text types achieve their communicative purposes.

There are some limitations to this study which further research could tackle. The dataset was limited to specific products advertised within specific cultural contexts. Therefore, the findings cannot be extrapolated to other types of (beauty) products or to other cultures represented by the working languages. Future research will help determine whether the rhetorical differences found in this comparable corpus of online advertisements of skin care products are relevant in these and other advertising cultures. Another limitation to the present study is that the observations here were restricted to the scrutiny of verbal elements. It would be interesting to replicate this study taking into account the semiotic features in advertisement to cast more light on advertising discourse in the two contexts.

REFERENCES

- Ahangar, Abbas Ali & Seddigheh Zeynali Dastuyi. 2017. Persuasive language in the subgenre of Persian sales e-mails. *Language & Communication* 53. 69–86. <http://dx.doi.org/10.1016/j.langcom.2016.08.010>
- Al-Momani, Kawakib Radwan. 2014. Strategies of persuasion in letters of complaint in academic context: The case of Jordanian university students' complaints. *Discourse Studies* 16 (6). 705–728. <https://doi.org/10.1177%2F1461445614546257>
- Arroyo, Belén López, Martín J Fernández Antolín & Rosario de Felipe Boto. 2007. Contrasting the rhetoric of abstracts in medical discourse. Implications and applications for English Spanish translation. *Languages in Contrast* 7 (1). 1–28. <http://dx.doi.org/10.1075/lic.7.1.02lop>
- Bhatia, Vijay Kumar. 1993. *Analysing Genre: Language Use in Professional Settings*. London: Longman.
- Bhatia, Vijay Kumar. 2004. *Worlds of Written Discourse: A Genre-Based View*. London: A&C Black.
- Biber, Douglas, Ulla Connor & Thomas Upton. 2007. *Discourse on the Move: Using Corpus Analysis to Describe Discourse*. Amsterdam: John Benjamins.
- Brett, Paul. 1994. A genre analysis of the results sections of sociology articles. *English for Specific Purposes* 13 (1). 47–59. [https://doi.org/10.1016/0889-4906\(94\)90024-8](https://doi.org/10.1016/0889-4906(94)90024-8)
- Crawford Camiciottoli, Belinda. 2011. Ethics and ethos in financial reporting: Analyzing persuasive language in earnings calls. *Business Communication Quarterly* 74 (3). 298–312. <https://doi.org/10.1177%2F1080569911413810>
- Cheung, Ming. 2008. 'Click Here': The impact of new media on the encoding of persuasive messages in direct marketing. *Discourse Studies* 10 (2). 161–189. <https://doi.org/10.1177%2F1461445607087007>
- Cheung, Ming. 2010. The globalization and localization of persuasive marketing communication: A cross-linguistic socio-cultural analysis. *Journal of Pragmatics* 42 (2). 354–376. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2009.06.012>
- Cook, Guy. 2001. *The Discourse of Advertising*. London: Routledge.
- Connor, Ulla & Anna Mauranen. 1999. Linguistic analysis of grant proposals: European union research grants. *English for Specific Purposes* 18. 47–62. [http://dx.doi.org/10.1016/S0889-4906\(97\)00026-4](http://dx.doi.org/10.1016/S0889-4906(97)00026-4)
- Cuddon, John Anthony. 2013. *Dictionary of Literary Terms and Literary Theory*. Oxford: John Wiley & Sons.
- Danesi, Marcel. 2015. *Advertising Discourse*. New York: John Wiley & Sons.
- del Saz-Rubio, M. Milagros. 2011. A pragmatic approach to the macro-structure and metadiscourse features of research article introductions in the field

- of Agricultural Sciences. *English for Specific Purposes* 30 (4). 258–271. <http://dx.doi.org/10.1016/j.esp.2011.03.002>
- Díez-Fernández, Mercedes. 2009. *English–Spanish Contrastive Analysis of Football Match Reports in Printed Press. From Description to Applications*. PhD thesis. University of León, Spain.
- Dudley-Evans, Tony. 1994. Genre analysis: An approach for text analysis for ESP. In Malcolm Coulthard (ed.), *Advances in written text analysis*, 219–228. London: Routledge.
- Fairclough, Norman. 1989. *Language and Power*. London: Longman.
- Fairclough, Norman. 1992. *Discourse and Social Change*. Cambridge: Polity Press.
- Fuertes-Olivera, Pedro A., Marisol Velasco-Sacristán, Ascensión Arribas-Baño & Eva Samaniego-Fernández. 2001. Persuasion and advertising English: Metadiscourse in slogans and headlines. *Journal of Pragmatics* 33 (8). 1291–1307. [http://dx.doi.org/10.1016/S0378-2166\(01\)80026-6](http://dx.doi.org/10.1016/S0378-2166(01)80026-6)
- Goering, Elizabeth, Ulla M. Connor, Ed Nagelhout & Richard Steinberg. 2011. Persuasion in fundraising letters: An interdisciplinary study. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly* 40 (2). 228–246. <https://doi.org/10.1177/0899764009339216>
- Halliday, Michael, Alexander Kirkwood & Ruqaiya Hassan. 1976. *Cohesion in English*. London: Longman.
- Howe, Yuen Sen. 1995. *A Genre-based Analysis of Car Advertisements in a Local Newspaper*. PhD thesis. National University of Singapore, Singapore.
- Hunston, Susan & Geoff Thompson. 2000. *Evaluation in Text: Authorial Stance and the Construction of Discourse*. Oxford: Oxford University Press.
- Janoschka, Anja. 2004. *Web Advertising: New Forms of Communication on the Internet*. Philadelphia: John Benjamins.
- Kathpalia, Sujata Surinder. 1992. *A Genre Analysis of Promotional Texts*. PhD thesis. National University of Singapore, Singapore.
- Khedri, Mohsen & Konstantinos Kritsis. 2018. Metadiscourse in applied linguistics and chemistry research article introductions. *Journal of Research in Applied Linguistics* 9 (2). 47–73. <https://dx.doi.org/10.22055/rals.2018.13793>
- Labrador, Belén, Noelia Ramón, Héctor Alaiz-Moretón & Hugo Sanjurjo-González. 2014. Rhetorical structure and persuasive language in the subgenre of online advertisements. *English for Specific Purposes* 34. 38–47. <http://dx.doi.org/10.1016/j.esp.2013.10.002>
- Lapanská, Jana. 2006. *The Language of Advertising with the Concentration on the Linguistic Means and the Analysis of Advertising Slogans*. Diploma thesis. Komenskeho University, Bratislava, Slovakia.
- Larina, Tatiana, Vladimir Ozyumenko & Douglas Mark Ponton. 2020. Persuasion strategies in media discourse about Russia: Linguistic ambiguity and uncertainty. *Lodz Papers in Pragmatics* 15 (1). 3–22. <https://doi.org/10.1515/lpp-2019-0002>
- Larson, Mildred L. 1998. *Meaning-Based Translation: A Guide to Cross-language Equivalence*. University Press of America.
- Leech, Geoffrey. 1966. *English in Advertising: A Linguistic Study of Advertising in Great Britain*. London: Longmans.
- Martin, James R. & Peter R. White. 2005. *The Language of Evaluation: Appraisal in English*. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan.
- Martín, Pedro Martín. 2003. A genre analysis of English and Spanish research paper abstracts in experimental social sciences. *English for Specific Purposes* 22. 25–43. [https://doi.org/10.1016/S0889-4906\(01\)00033-3](https://doi.org/10.1016/S0889-4906(01)00033-3)
- Martín, Pedro Martín. 2005. *The Rhetoric of the Abstract in English and Spanish Scientific Discourse: A Cross-Cultural Genre-Analytic Approach*. Bern: Peter Lang.

- Mauranen, Anna. 1993. Contrastive ESP rhetoric: Metatext in Finnish–English economics texts. *English for Specific Purposes* 12. 3–22. [https://doi.org/10.1016/0889-4906\(93\)90024-I](https://doi.org/10.1016/0889-4906(93)90024-I)
- Ozturk, Ismet. 2007. The textual organization of research article introductions in applied linguistics: Variability within a single discipline. *English for Specific Purposes* 26. 25–38. <https://doi.org/10.1016/j.esp.2005.12.003>
- Pilatova, Adella. 2015. *The Language of Advertising: Analysis of Advertising Slogans in Fast Food Industry*. PhD thesis. Masarykova University, Brno, Czech.
- Popova, Ksenia. 2018. Persuasion strategy in online social advertising. *Training, Language and Culture* 2 (2). 55–65. <https://doi.org/10.29366/2018tlc.2.2.4>
- Precht, Kristen. 2000. *Patterns of Stance in English*. PhD thesis. Northern Arizona University, Flagstaff, USA.
- Romanova, Irina & Irina Smirnova. 2019. Persuasive techniques in advertising. *Training, Language and Culture* 3 (2). 55–70. DOI: <https://doi.org/10.29366/2019tlc.3.2.4>
- Rush, Susan. 1998. The noun phrase in advertising English. *Journal of Pragmatics* 29. 155–171. [https://doi.org/10.1016/S0378-2166\(97\)00053-2](https://doi.org/10.1016/S0378-2166(97)00053-2)
- Sternkopf, Sylva-Michèle. 2005. *English in Marketing: International Communication Strategies in Small and Medium-Sized Enterprises*. Berlin: Frank & Timme.
- Suárez Tejerina, Lorena & Ana Isabel Moreno Fernández. 2008. The rhetorical structure of academic book review of literature. An English–Spanish cross-linguistic approach. In Ulla Connor, Ed Nagelhout & William Rozycki (eds.), *Contrastive rhetoric. Reaching to intercultural rhetoric*, 147–167. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Suchan, Jim. 2014. Toward an understanding of Arabic persuasion: A Western Perspective. *International Journal of Business Communication* 51 (3). 279–303. <https://doi.org/10.1177%2F2329488414525401>
- Swales, John. 1990. *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Swales, John & Christine B. Feak. 2004. *Academic Writing for Graduate Students: Essential Tasks and Skills*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.
- Tanaka, Keiko. 1999. *Advertising Language: A Pragmatic Approach to Advertisements in Britain and Japan*. London: Routledge.
- Upton, Thomas A & Ulla Connor. 2001. Using computerized corpus analysis to investigate the textlinguistic discourse moves of a genre. *English for Specific Purposes* 20. 313–329. [http://dx.doi.org/10.1016/S0889-4906\(00\)00022-3](http://dx.doi.org/10.1016/S0889-4906(00)00022-3)
- Vergaro, Carla. 2004. Discourse strategies of Italian and English sales promotion letters. *English for Specific Purposes* 23 (2). 181–207. [https://doi.org/10.1016/S0889-4906\(03\)00003-6](https://doi.org/10.1016/S0889-4906(03)00003-6)
- Wales, Katie. 2001. *A Dictionary of Stylistics*. Harlow: Longman.
- Williams, Ian A. 2012. Cultural differences in academic discourse: Evidence from first-person verb use in the methods sections of medical research articles. In Stefania Marzo, Kris Heylen & Gert De Sutter (eds.), *Corpus studies in contrastive linguistics*, 63–88. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Zhu, Yunxia. 2001. Comparing English and Chinese persuasive strategies in trade fair invitations: A Sociocognitive Approach. *Document Design* 2 (1). 2–17. <https://doi.org/10.1075/dd.2.1.02yun>

Bionotes:

Mohsen KHEDRI is an Assistant Professor at the Faculty of Language Studies at Sohar University in Oman. His research covers a wide field centred on the study of language, ranging from discourse studies to pragmatics and English for specific purposes. He has publications in such prestigious journals as *Australian Journal of Linguistics*, *Discourse Studies*, *Poznan Studies in Contemporary Linguistics*, *Southern African Linguistics* and *Applied Language Studies*.

e-mail: mkhedri@su.edu.om

ORCID: 0000-0002-9286-4230

Eatidal HASAN was awarded an MA in Linguistics by the University of Malaya, Malaysia. She is currently an Assistant Lecturer at the Faculty of Arts at the University of Gharyan in Libya. Her research interests include genre analysis, discourse studies, and second language writing.

e-mail: eathasan@yahoo.com

Konstantinos KRITSIS is a Lecturer in Translation and Interpreting Studies at the Department of English Studies of the University of Cyprus. His areas of interest centre on translation and interpreting, as well as cross-linguistic and cross-cultural discourse studies. He has published papers in high stake journals, including the *Australian Journal of Linguistics*, *Journal of Research in Applied Linguistics*, *Sendeban*, and *Translation & Interpreting*.

e-mail: kritsis.konstantinos@ucy.ac.cy

ORCID: 0000-0002-8011-2138

Сведения об авторах:

Мосен ХЕДРИ – доцент факультета лингвистики Сохарского университета (Оман). Его научные интересы сосредоточены на дискурсологии, прагматике и английском языке для специальных целей. Публиковался в таких престижных журналах, как *Australian Journal of Linguistics*, *Discourse Studies*, *Poznan Studies in Contemporary Linguistics*, *Southern African Linguistics*, *Applied Language Studies*.

e-mail: mkhedri@su.edu.om

ORCID: 0000-0002-9286-4230

Итидаль ХАСАН получила магистерскую степень в Малайском университете (Малайзия). В настоящее время является старшим преподавателем факультета искусств Гарьянского университета (Ливия). Ее научные интересы включают жанроведение, дискурс-анализ и письмо на иностранном языке.

e-mail: eathasan@yahoo.com

Константинос КРИТСИС – старший преподаватель кафедры английского языка Кипрского университета. В сферу его научных интересов входят переводоведение, кросс-языковая и кросс-культурная дискурсология. Он является автором статей в таких престижных журналах, как *Australian Journal of Linguistics*, *Journal of Research in Applied Linguistics*, *Sendeban*, *Translation & Interpreting*.

e-mail: kritsis.konstantinos@ucy.ac.cy

ORCID: 0000-0002-8011-2138

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-27752>

Research article / Научная статья

A functional analysis of lexical bundles in the discussion sections of applied linguistics research articles: A cross-paradigm study

Kenneth Geoffrey RICHTER¹ , Behruz LOTFI GASKAREE²
and Milad MIRZAI²

¹University of Guanajuato, Mexico

²University of Zabol, Zabol, Iran

Lotfi@uoz.ac.ir

Abstract

Lexical bundles, as “building blocks of discourse” (Biber & Barbieri 2007: 263), vary across disciplines and genres. Mastery of lexical bundles signals professionalism and helps identify writers and speakers as members of specific discourse communities. Despite the contribution of lexical bundle research to our understanding of disciplinary variation, the constraints placed by the genre conventions of quantitative, qualitative, and mixed-methods approaches to research writing on the use of lexical bundles remain under-researched (Le & Harrington 2015). This study aims to explore the extent to which quantitative, qualitative, and mixed methods research articles are similar or different with respect to the frequency and functional patterns of their lexical bundles. Towards answering this question, however tentatively, the present exploratory study reports on the extent to which lexical bundles function similarly or differently in the discussion sections of quantitative, qualitative, and mixed-methods research articles in the field of applied linguistics. A corpus-based analysis of discussion sections in 150 research articles culled from ten highly rated international journals in the field of applied linguistics suggest that at the level of discussion sections, different methodological paradigms are characterized by different functional uses of lexical bundles. These lexical bundles are sufficiently formulaic that it can be argued that they constrain writers’ language preferences. These findings may be of interest to applied linguists, second language educators and advanced learners of academic English.

Keywords: *applied linguistics, research article, discussion section, lexical bundles, methodological paradigms*

For citation:

Richter, Kenneth G., Behruz Lotfi Gaskaree & Milad Mirzai. 2022. A functional analysis of lexical bundles in the discussion sections of applied linguistics research articles: A cross-paradigm study. *Russian Journal of Linguistics* 26 (3). 625–644. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-27752>

**Функциональный анализ лексических связей
в дискуссионных разделах научных статей
по прикладной лингвистике:
Кросс-парадигмальное исследование**

Кеннет Джеффри РИХТЕР¹ ,
**Бехран ЛЮФТИ ГАСКАРИ² , Милад МИРЗАЙ² **

¹*Университет Гуанахуато, Мексика*

²*Университет Забола, Забол, Иран*

 Lotfi@uoz.ac.ir

Аннотация

Лексические связи, выступающие как «строительные блоки дискурса» (Biber & Barbieri 2007: 263), различаются в зависимости от дисциплины и жанра. Умение использовать лексические связи говорит о профессионализме и помогает идентифицировать авторов письменных текстов и докладчиков как членов определенных дискурс-сообществ. Несмотря на наличие исследований лексических связей, которые вносят вклад в понимание различий между дисциплинами, ограничения, накладываемые использованием количественных, качественных и смешанных методов на применение лексических связей в разных жанрах, изучены еще недостаточно (Le & Harrington 2015). Цель настоящего исследования – проследить, в какой степени научные статьи, в которых применяются количественные, качественные и смешанные методы, сходны или различны в отношении частотности использования лексических связей и их функциональных моделей. Корпусный анализ разделов «Дискуссия», состоящий из 150 текстов, взятых из научных статей 10 высокорейтинговых международных журналов по прикладной лингвистике, показывает, что различные методологические парадигмы в этих разделах характеризуются разным функциональным использованием лексических связей. Эти лексические связи достаточно шаблонны, поэтому вряд ли можно утверждать, что они ограничивают языковые предпочтения авторов текстов. Полученные результаты могут быть интересны специалистам в области прикладной лингвистики, преподавателям иностранных языков и тем, кто изучает академический английский на продвинутом уровне.

Ключевые слова: *прикладная лингвистика, научная статья, лексические связи, методологические парадигмы*

Для цитирования:

Richter K.G., Lotfi Gaskaree B., Mirzai M. A functional analysis of lexical bundles in the discussion sections of applied linguistics research articles: A cross-paradigm study. *Russian Journal of Linguistics*. 2022. V. 26. № 3. P. 625–644. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-27752>

1. Introduction

Lexical bundles (hereinafter LBs) have been defined as “extended collocations which appear more repeatedly than expected by chance” (Hyland & Jiang 2018: 383). Research has shown that the meaning and the coherence of academic texts is heavily influenced by the use of LBs (Hyland 2008a, Hyland & Jiang 2018). LB studies have informed our understanding of disciplinary variation (e.g. Abdollahpour & Gholami 2018, Durrant 2015, Hyland 2008b, Johnston 2017), genre distinctions (e.g. Hyland 2008a, Jalali 2013, 2017), mode specification (e.g. Biber, Johansson, Leech, Conrad & Finegan 1999, Biber & Barbieri 2007, Biber, Conrad & Cortes 2004), and rhetorical moves (e.g. Cortes 2013, Le & Harrington 2015, Mizumoto, Hamatani & Imao 2017, Omidian, Shahriari & Siyanova-Chanturia 2018).

Despite an ample literature on lexical bundles, there continues to be a relative paucity of research that focuses on the distinct functional meanings of LBs in academic texts. The current paper addresses a particular gap in the literature (Le & Harrington 2015): how LBs function across quantitative, qualitative, and mixed-methods paradigms in research articles¹. A number of functional typologies have been elaborated for dealing with texts (e.g., Biber, Conrad, & Cortes 2004). In this study, we have chosen to use Hyland’s (2008b) taxonomy because it is mostly focused on academic texts.

In the hopes of contributing to a better understanding of how lexical bundles operate in academic texts (specifically, how LBs contribute to intradisciplinary and intrageneric variation among the different methodological paradigms), the present study compares the functions of four-word LBs in the discussion sections of quantitative, qualitative, and mixed-methods RAs within the field of applied linguistics. The study was guided by the following research questions:

1. What sets of LBs are most frequently encountered in the discussion sections of quantitative, qualitative, and mixed-methods RAs in applied linguistics?
2. To what extent do the functional meanings of these lexical bundles differ across methodological paradigms?

2. Literature review

A large number of studies have examined the use and characteristics of LBs in academic texts. The functions of lexical bundles in creating disciplinary variation

---

¹ Henceforth, the terms ‘methodological paradigms’, ‘methodological approaches’, ‘research paradigms’ and ‘research approaches’ are used interchangeably

(e.g. Durrant 2017, Hyland 2008b, Johnston 2017), genre distinction (e.g. Hyland 2008a, Jalali 2013), and mode specification (e.g. Biber et al. 1999, Biber & Barbieri 2007) have been the primary foci of these studies. The relationship between LBs, moves, and steps (e.g. Cortes 2013, Le & Harrington 2015) and the use of LBs in the discussion sections of research papers (e.g. Basturkmen 2009, Hashemi & Gohari Moghaddam 2016, Le & Harrington 2015, Ruiying & Allison 2003) have also been explored.

Johnston (2017), Durrant (2017), and Hyland (2008b) have demonstrated that LBs are central to disciplinary variation within academic discourse. For instance, in his study of the functional uses of LBs in academic writing, Hyland (2008b) found that text-oriented bundles (i.e., bundles that serve to organize, link, and contextualize textual elements) were used more frequently in applied linguistics and business studies as compared to electrical engineering and biology. The literature has also contributed to our understanding of generic variation of LBs in academic disciplines (Hyland 2008a, Jalali 2013). Hyland (2008a), for example, found that LBs used in the genre of research articles in the fields of biology, electrical engineering, applied linguistics, and business studies were different from the bundles used in the genre of PhD dissertations in these same disciplines. Functional analysis of the LBs showed that text-oriented bundles are used most frequently in the genre of research articles whereas research-oriented bundles (i.e., those that help structure and report accounts of research activities) are used most frequently in master's theses. Similarly, Jalali (2013) showed variations in master's theses and doctoral dissertations in terms of LB use (frequency, distribution and functions) in applied linguistics.

A few studies have focused on the relationship between lexical bundles and the patterns of moves and steps in research articles. Cortes (2013) found variation of LBs across moves and steps in the introductory sections of RAs in various disciplines. Le and Harrington (2015) focused on the discussion sections in quantitative RAs in applied linguistics. Highlighting variation in LBs, they demonstrated that in a single move (the *commenting on results* move), different sets of LBs were used to form the steps of *interpreting results* and *accounting for results*.

The literature has also examined LB use from a pedagogical perspective. These studies have demonstrated that LB use may indicate both a writer's expertise level and distinguish native-speaker students from non-native speaker students. In the disciplines of biology and history, for instance, LBs appear relatively rarely in student writing (Cortes 2004). Ucar (2017), Adel and Erman (2012), and Chen and Baker (2010) found that non-native writers tend to employ LBs less frequently than native writers and that the variation of the LBs in their writing was less diverse.

Different subgenres of academic RAs have been the foci of a great number of studies (Hashemi & Gohari Moghaddam 2016, Juan & Tao 2013, Lim 2006, Tanko 2017, Yang & Allison 2003). However, only a small handful of studies have examined discussion sections in academic texts (e.g. Basturkmen 2009, Hashemi &

Gohari Moghaddam 2016, Le & Harrington 2015, Ruiying & Allison 2003). These studies all focused on exploring rhetorical moves, with the exception of Le and Harrington's (2015) study, which looked at the distribution of LBs in single move (*commenting on results*) and its associated steps in the discussion sections of quantitative RAs in the field of applied linguistics. Their results demonstrated that different LBs are characteristically used in the steps *interpreting results* and *accounting for results*.

3. Methods

3.1. The corpus

The employment of language corpora allows researchers to mine for data on the frequency and use of particular linguistic items that are generally invisible to methods relying on linguistic intuition alone, thus allowing for objective measures of writerly preferences (Grabowski 2018). The current article reports findings from the analysis of a corpus made up of discussion sections taken from a sample of 150 quantitative, qualitative, and mixed-methods RAs published in ten high-impact journals within the field of applied linguistics: *Applied Linguistics*, *Journal of English for Academic Purposes*, *Journal of English for Specific Purposes*, *Language Learning*, *Language Teaching Research*, *RELC*, *TESOL Quarterly*, *The Modern Language Journal*, *Second Language Writing*, and *System*. Approximately 15 textual samples were culled from each of these journals. The least sampled journal was *Language Learning*, from which 10 articles were selected. The most heavily sampled was *System*, from which 20 samples were taken. To control for possible changes in genre style over time (Guinda 2015), only articles published between 2015 and 2018 were included in the corpus.

3.2. Procedure

First, research articles that explicitly identified their discussion sections with a heading were selected for possible inclusion in the study (sections with hybrid headings such as *Results and Discussion* or *Discussion and Conclusion* were excluded from the analysis so as to avoid genre intermingling). From this initial pool, discussion sections were chosen on the basis of the methodological paradigms their articles employed (i.e., quantitative, qualitative, and mixed-methods). The methodological paradigm of each article was determined by both the explicit descriptions found in the articles' methods sections and by a careful examination of the studies themselves. In this way, three corpora, each comprised of 50 discussion sections, were formed.

Once the texts had been selected, a separate Microsoft Word document (.docx format) was generated for each discussion section. After converting the texts into software-analyzable text files, each of the paradigm-specific corpora was subjected to analysis using Anthony's (2018) AntConc software. The application was set to identify four-word lexical bundles within the three corpora. Only four-word bundles

were considered since four-word bundles are far more common than other types (Cortes 2013, Hyland 2008b, 2012) and because four-word bundles obviously entail three-word bundles (Cortes 2004: 401).

In order to determine which lexical phrases count as legitimate objects of study, minimal frequency and distribution thresholds were determined. ‘Frequency’ refers to the number of times a particular lexical bundle appears in a specific text. ‘Distribution’ is defined as the number of times a LB appears across various texts in a corpus. Establishing criteria for determining frequency and distribution thresholds for LBs is rather arbitrary (Adel & Erman 2012), differing “from one study to another, primarily depending on corpus size and mode of language” (Esfandiari & Barbary 2017: 22).

As the three individual corpora examined in this study were small (the quantitative corpus consisted of 67,635 words, the qualitative corpus consisted of 56,838 words, and the mixed-methods corpus consisted of 59,508 words), a normalization procedure was used to determine LB frequency. This is considered standard procedure when corpora are composed of fewer than one million words (Biber & Barbieri 2007, Chen & Baker 2010). The frequency value obtained through the normalization process was 3 for each group of discussion sections; that is, any lexical phrase appearing at least three times in a given sub-corpus was identified as a lexical bundle.

The distribution threshold (Biber & Barbieri 2007) was also determined by normalizing the three corpora. According to Biber and Barbieri (2007), a word combination can be considered a LB when it occurs in three or more texts in a corpus of 50,000 to 100,000 words. Due to the small size of our corpora, the distribution threshold of 3 was adopted for each of the three paradigm-specific corpus. In summary, four-word clusters had to appear at least three times in three different texts in each corpus in order to be considered a true LB. After determining the LBs, each bundle was recorded individually. Next, the bundles were classified according to their functional patterns. To do this, the functional taxonomy developed by Hyland (2008b) was employed (see Table 1). The three corpora were compared to each other in order to determine differences in terms of LB frequency and the functional roles that the LBs played in each. A small number of LBs were excluded from the study. These included random patterns of words with no semantic meaning (e.g. *writing on the other, et. al found that*).

Table 1. Hyland’s (2008b: 13–14) functional classification of lexical bundles.

Functions	Sub-categories	Description (<i>example</i>)
<i>Research-Oriented</i>	Location	Indicate time/place (<i>at the beginning of</i>)
	Procedure	Provide rationale or function (<i>the purpose of the</i>)
	Quantification	Related to measurement (<i>one of the most</i>)
	Description	Related to depiction of features (<i>the structure of the</i>)
	Topic	Related to the field of research (<i>in the Hong Kong</i>)
<i>Text-Oriented</i>	Transition signals	Establish additive or contrastive links between elements (<i>in addition to the</i>)

Functions	Sub-categories	Description (<i>example</i>)
	Resultative signals	Indicate inferential or causative relationships between elements (<i>these results suggest that</i>)
	Structuring signals	Text-reflexive markers which organize stretches of discourse or direct the reader elsewhere in the text (<i>in the next section</i>)
	Framing signals	Situate arguments by specifying limiting conditions (<i>with respect to the</i>)
Participant-Oriented	Stance features	Convey the writer’s attitudes and evaluations (<i>are likely to be</i>)
	Engagement features	Address readers directly (<i>it should be noted</i>)

4. Results

The results of the study are presented in the order of the research questions posed above.

4.1. Frequently used lexical bundles

In the quantitative, qualitative and mixed-methods corpora, 168, 78 and 123 distinct LBs were identified, respectively (Figure 1), totaling 369 in all.

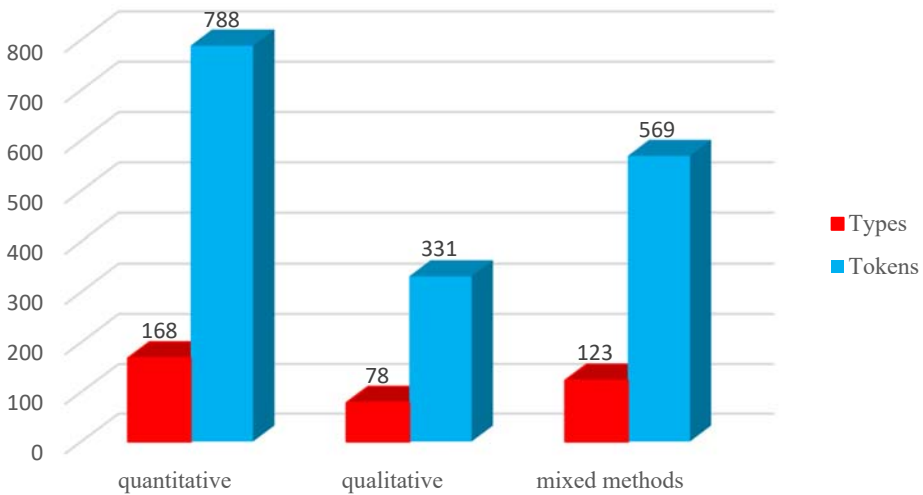

Fig. 1. Types and tokens of LBs in all three research approaches

Quantitative RAs contained the most lexical bundles, both in terms of types and tokens; the qualitative RAs contained the least. Many lexical bundles appeared in more than one corpus.

On the other hand, in the present study, and in the current study were the most frequent LBs found in the discussion sections of both quantitative and mixed-methods RAs. *On the other hand* occurred 28 times and appeared in more than one third of the texts in quantitative RAs. *At the same time* was the most frequent LB in qualitative RAs, occurring 13 times in 10 different qualitative texts. Results showed that 67.26% (113 tokens) of the LBs found in quantitative RAs, 61.54% (48 tokens) of the LBs found in qualitative RAs, and 55.29% (68 tokens) of the LBs found in mixed-methods RAs were unique to their particular corpus. That is, more than half

of the lexical bundles in each paradigm did not occur in the other two. More than a third of the LBs were shared across two or three research approaches. Only 18 LBs were shared by all three research approaches (Table 3).

Table 2. Top 10 LBs in quantitative, qualitative, and mixed-methods RAs

R	Quantitative	F	Qualitative	F	Mixed-methods	F
1	on the other hand	28	at the same time	13	on the other hand	22
2	in the current study	18	teachers in this study	9	in the present study	18
3	in the present study	13	in the case of	8	in the current study	13
4	the second research question	13	in the current study	8	is in line with	10
5	it is possible that	12	in the form of	8	in line with the	9
6	the fact that the	12	on the other hand	8	in terms of the	9
7	the results of the	12	as well as the	7	as a result of	8
8	to the fact that	11	in the present study	7	it is interesting to	8
9	of the current study	10	the ways in which	7	the end of the	8
10	the first research question	10	in line with the	6	the fact that the	8

Note: R= Rank; F= Frequency

Table 3. 18 lexical bundles shared across all three research approaches

Lexical bundles	Quantitative		Qualitative		Mixed-methods	
	F	R	F	R	F	R
on the other hand	28	20	8	6	22	13
in the current study	18	10	8	4	13	8
in the present study	13	11	7	5	18	13
it is possible that	12	8	4	4	5	4
the first research question	10	10	4	3	6	5
in the case of	9	4	8	7	6	5
as well as the	8	8	6	6	6	6
at the same time	6	5	13	10	6	5
is in line with	6	6	4	4	10	8
students were able to	6	4	3	3	3	3
in terms of the	5	5	4	4	9	8
in the context of	5	3	3	3	6	6
it is important to	5	4	6	6	4	4
on the one hand	5	4	4	4	4	4
a wide range of	4	4	3	3	4	4
the findings of this	4	4	3	3	3	3
in line with the	3	3	6	5	9	7
in this study the	3	3	6	5	3	3

Note: F= Frequency; R= Range

The greatest affinity between the three methodological approaches was between quantitative and mixed-methods approaches: these had 31 LBs in common. These LBs did not occur in qualitative RAs (see Table 4).

Table 4. 31 lexical bundles found in both quantitative and mixed-methods articles

Lexical bundles	Quantitative		Mixed-methods	
	F	R	F	R
the second research question	13	12	6	6
the fact that the	12	11	8	6
the results of the	12	10	5	5
to the fact that	11	9	8	8
of the current study	10	7	5	5
as a result of	7	6	8	8
be due to the	7	6	6	5
due to the fact	7	7	4	4
in light of the	7	5	7	5
in the use of	7	5	5	4
results of this study	7	5	3	3
the findings of the	7	5	6	5
the results of this	7	5	3	3
in other words the	6	5	7	6
of the importance of	6	6	4	4
over the course of	5	3	7	4
the case of the	5	4	3	3
this is consistent with	5	3	4	3
it is likely that	4	4	5	5
the other hand the	4	4	4	4
the results showed that	4	4	4	4
findings of the study	3	3	4	4
in addition to the	3	3	3	3
in the absence of	3	3	6	5
in the process of	3	3	5	5
may not have been	3	3	5	5
of the use of	3	3	5	5
research question asked whether	3	3	4	3
the end of the	3	3	8	8
the present study the	3	3	3	3

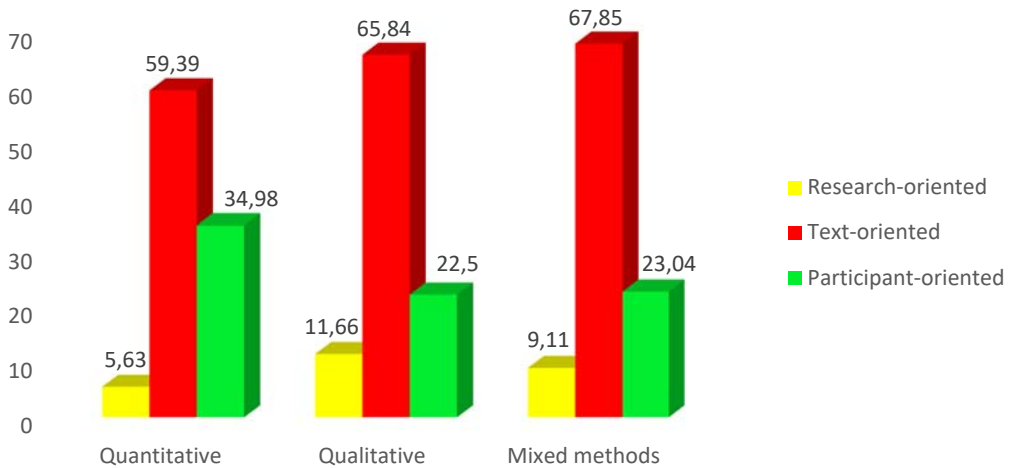
Note: F= Frequency; R= Range

Overall, the findings showed that the LBs used in the discussion sections of the quantitative, qualitative, and mixed-methods articles were largely different. In other words, each of the three paradigmatic corpora demonstrated relatively little commonality in terms of the LBs that were employed. In addition, the LBs that were shared across paradigms differed markedly in their frequencies. For instance, LBs found in both quantitative RAs and mixed-methods RAs occurred twice as often in the former than in the latter.

4.2. Functional uses of lexical bundles

The functional characteristics of LBs were analyzed using Hyland's (2008a) taxonomy, which categorizes LBs according to their typical meanings in academic writing. As was noted previously, Hyland divides academic LBs into three primary

functional categories: text-oriented, participant-oriented, and research-oriented. Text-oriented bundles are used to organize, link, and contextualize textual elements in order to express the author’s understandings of research results. *On the one hand*, *results of this study*, *the first research question*, and *in the context of* are examples of this category. Participant-oriented bundles focus “on the writer or reader of the text” (Hyland 2008b: 14). *It is important to* and *it is likely that* are two examples of participant-oriented LBs, which serve engagement and stance functions, respectively. Research-oriented bundles are used to help structure and report accounts of the research activities and the world in which they take place in. *Over the course of*, *a wide range of* and *as a process of* are examples of research-oriented bundles. A comparative analysis of the LBs’ functions across the three methodological paradigms is displayed in Figure 2.

Fig. 2. Functional use of LBs in each research approach as a percentage of tokens

All three paradigms in the corpus of applied linguistics RAs had similar distributions of research-, text-, and participant-oriented bundles. Text-oriented LBs were the most frequent across paradigms, accounting for more than half of the bundle tokens in each research approach. Participant-oriented LBs ranked second across the three paradigms. Research-oriented bundles were the least prevalent in all three research approaches, accounting for less than 12% of all the bundle tokens in each.

The results showed that text-oriented LBs were most frequent in the discussion sections of mixed-methods RAs (67.85%). Participant-oriented LBs were more prevalent in quantitative RAs (34.98%). The frequency of these was comparable in qualitative and mixed-methods RAs, where they accounted for approximately 23% of bundle tokens in each paradigm. The frequency of research-oriented bundles was similar in qualitative and mixed-methods RAs, where they accounted for 11.66% and 9.11% of bundle tokens, respectively. Research-oriented bundles formed just

5.63% of the bundle tokens discovered in the quantitative RAs. A detailed analysis of each functional category and their sub-categories across the three paradigms is provided below.

4.2.1. *Text-oriented lexical bundles*

Text-oriented bundles are concerned “with the organization of the text and its elements as a message” (Hyland 2012: 159). The relatively high frequency of text-oriented bundles across all three paradigms indicates their relative importance in applied linguistics RAs. Hyland (2012: 159) asserts that text-oriented bundles are “the most discursively crafted and rhetorically machined genre of the three, and almost two thirds of [their] clusters present research by engaging with a literature, providing warrants, establishing background, connecting ideas, directing readers around the text, and specifying limitations.” According to Hyland (2008a), text-oriented LBs can be further broken down into a number of sub-categories. Each of these is considered, below.

Framing signals

The sub-category framing signal “situates arguments by specifying limiting conditions” (Hyland 2008a: 49).

- (1) *The higher level of cognitive information available to the learners (i.e., having pre-tasks for generating ideas) helped improve their performance in terms of content, focusing on meaning, but **at the expense of accuracy.***

A comparative analysis showed that framing signals were distributed similarly between qualitative and mixed-methods RAs, accounting for 29.17% and 31.58% of the bundle tokens, respectively. Framing signals were less frequent in quantitative RAs, in which they accounted for just 14.68% of the total number of bundle tokens.

Resultative signals

Resultative signals mark “inferential or causative relations between elements” (Hyland 2008a: 49).

- (2) *However, the bottom-up group was found to have undergone a larger growth in controlled productive vocabulary knowledge **as a result of the treatment; this difference in growth between the two groups was found to be statistically significant. (Expressing cause and effect/result relations)***

According to Hyland (2012: 159) “the number of resultative markers ... shows a high degree of reader awareness as it points to the writer’s interpretations and highlights the inferences the writer wants readers to draw.” The cross-paradigm analysis showed that the quantitative RAs included the largest number of resultative signals (27.81% of bundle tokens in quantitative RAs). Resultative bundles in mixed-methods RAs and qualitative RAs accounted for 21.01% and 11.25% of bundle tokens respectively. Lexical bundles in this sub-category were used

primarily to present study findings (e.g. results of this study, findings of this study). Some of the resultative bundles were used to establish inferential or causative links between elements of some studies in the corpora.

Transition signals

Transition signals are used for “establishing additive or contrastive links between elements” (Hyland 2008a: 49).

- (3) *It is perhaps unsurprising, thus, that due to repetitive exposure to these forms, students tended to recycle them in their writing. **On the other hand**, the words nevertheless and nonetheless do not appear in any of the lists of the most frequent words in the Corpus.*

The majority of the LBs used as transition signals had relatively straightforward meanings (*on the other hand*). Analysis of the transition signals showed that they were most prevalent in qualitative RAs, where they accounted for 13.75% of all bundle tokens. In both quantitative and mixed-methods RAs, transition signals accounted for about 10% of the bundle tokens.

Structuring signals

Hyland (2008a: 49) defines structuring signals as text-reflexive markers which “organise stretches of discourse” or direct readers to the text itself or to specific sections of it.

- (4) *The second research question **in the present study** asked whether narrow reading contributes to productive vocabulary knowledge.*

Structuring signals were a bit more frequent in qualitative RAs in comparison with the quantitative and mixed-methods discussion sections. They accounted for 11.67% of the bundle tokens in the qualitative RAs. These signals were less frequent in the quantitative and mixed-methods RAs, where they accounted for 7.17% and 5.06% of bundle tokens, respectively. Examples of structuring signals within each paradigm are presented below. Table 5 presents a comparative analysis of text-oriented bundles across the three paradigms. Functional sub-categories were not distributed equally across the three paradigms.

Table 5. Functional patterns of text-oriented bundles across paradigms

Functions	Sub-categories	Quantitative	Qualitative	Mixed-methods
Text-oriented	Transition signals	9.73%	13.75%	9.88%
	Resultative signals	27.81%	11.25%	21.01%
	Structuring signals	7.17%	11.67%	5.06%
	Framing Signals	14.68%	29.17%	31.9%
Total (% of tokens)		59.39%	65.84%	67.85%

4.2.2. Participant-oriented lexical bundles

Participant-oriented bundles play a significant role in academic work as they contribute to establishing links between writers and readers: they help writers “express their positions, represent themselves, and engage their audiences” (Hyland

2005: 176). Hyland (2008b: 19) states that in his study “participant bundles were predominantly a feature of the research articles.” According to Hyland (2008b: 18), participant-oriented bundles in RAs convey two main functions: (1) *stance*, which refers to “ways writers explicitly intrude into the discourse to convey epistemic and affective judgments, evaluations and degrees of commitment to what they say”; and (2) *engagement*, which he described as “the ways writers intervene to actively address readers as participants in the unfolding discourse.” Table 6 shows that within the participant-oriented category of LBs, stance features were much more frequent than engagement features across all three paradigms.

Table 6. Functional patterns of participant-oriented bundles across paradigms

Functions	Sub-categories	Quantitative	Qualitative	Mixed-methods
Participant-oriented	Stance features	32.0%	21.25%	20.25%
	Engagement features	2.56%	1.25%	2.79%
Total (% of tokens)		34.9%	22.5%	23.04%

Stance

All the LBs in the stance subcategory serve as hedges suggesting “a degree of tentativeness” (Cortes 2004: 410). Stance bundles in the corpora “allow writers to present information as an opinion rather than as accredited fact ... [and] protect the writer from possible false interpretations, and indicate the degree of confidence that it may be prudent to attribute to the accompanying statement” (Hyland 2012: 58).

- (1) *Therefore, it can be argued that though not conclusive, it is possible that learners’ attention was drawn to form.*

The results of the current analysis demonstrated that stance bundles are much more frequent than engagement feature across the three paradigms. Findings also showed that stance bundles were most frequently found in the quantitative RAs, in which they accounted for 32.42% of all the bundle tokens in this paradigm. Qualitative and mixed–methods RAs were almost identical in terms of the number of stance tokens in each. They accounted for 21.25% and 20.25% of bundle tokens in these paradigms, respectively.

Engagement

Engagement bundles “address readers directly” (Hyland 2008a: 49). They were much less common as compared to stance bundles. They had a relatively similar distribution across the three research approaches, accounting for less than 3% of bundle tokens in each.

- (2) *On the whole, it is interesting to point out that the patterns outlined here are reflective of these identified for the moment-by-moment changes in motivational intensity in studies investigating.....*

4.2.3. Research-oriented bundles

Research-oriented bundles “help writers to structure their activities and experiences of the real world” (Hyland 2008b: 13–14). These bundles were the least

frequent bundles among the three research approaches. Within this category, there are five sub-categories; location (which can refer to both time and physical location), procedure, quantification, description, and topic.

Table 7. Functional patterns of research-oriented bundles across paradigms

Functions	Sub-categories	Quantitative	Qualitative	Mixed-methods
Research-oriented	Location	0.51%	1.66%	6.08%
	Procedure	0%	0%	0%
	Quantification	4.10%	5.84%	1.77%
	Description	1.02%	4.16%	1.26%
	Topic	0%	0%	0%
Total (% of tokens)		5.63%	11.66%	9.11%

Results indicated that quantification bundles are the most frequent research-oriented functional sub-category in qualitative RAs; here, they accounted for 5.84% of bundle tokens. Within the quantitative paradigm, they were also the most frequent research-oriented functional sub-category, accounting for 4.10% of bundle tokens. While location bundles were the most frequent research-oriented sub-category in mixed-methods RAs (accounting for 6.08% of bundle tokens). Description bundles were a bit less frequent in the three research approaches. Procedure bundles and topic-oriented lexical bundles were both entirely absent in the discussion sections of the three research approaches.

5. Discussion

The findings of the current study help highlight intradisciplinary and intragenric variation with respect to the language features writers use to express their meanings. The study (1) identifies paradigm-specific lexical bundles in the discussion sections of applied linguistics RAs and (2) locates the commonalities and divergences among quantitative, qualitative, and mixed-method articles with respect to the functional purposes of their LBs. The implications of these findings – particularly in terms of their relation to pedagogical issues – are discussed below.

Different fields of study depend upon different methodological paradigms. Psychological, economic, and demographic studies generally favor quantitative approaches, for instance, while sociological, historical, and anthropological research tends to rely on qualitative methodologies. Of course, within the varying discourse communities of a given field, researchers may have certain methodological preferences. In the social sciences, for example, work is guided by different paradigms depending on a study's purpose (Creswell 2012). In all cases, depending on the methodological paradigm deployed, different ontological, epistemological, methodological, and axiological assumptions influence how research is designed and conducted (Denzin & Lincoln 2011). Paradigmatic assumptions also influence writerly choices. Writers – even those working in the same field – are influenced in their stylistic decisions by the research paradigm they have chosen to work with. That is, their language is influenced by and reflects

attitudes about the world, reality and knowledge that are embedded in different methodological choices.

In terms of this study, results suggest that the sets of LBs specified for each of the three paradigms considered encode preferences held by the discourse communities working within applied linguistics. The current study highlights the fact that methodological decisions create intradisciplinary variation in terms of language use. Even the most common LBs occurred with different frequencies within the three corpora. The quantitative researchers, for instance, used a larger range of LB types than did the qualitative and mixed-methods researchers. Some LBs, such as *the fact that the* and *the result of the*, occurred twice as often in quantitative RAs than in mixed-methods RAs.

Although different methodological paradigms call for different sets of LBs, analysis indicated that LBs that did cross paradigm boundaries maintained the same functional meanings regardless of which paradigm they were found in. That is, these LBs functioned similarly regardless of methodological approach. For example, text-oriented LBs were the most frequent and research-oriented LBs were the least frequent formulaic sequences across the three research paradigms.

The prevalence of text-oriented bundles is also interesting because these LBs have likewise been shown to predominate in English literature (Johnston 2017), psychology (Esfandiari & Barbieri 2017), and business (Hyland 2008b, Yin & Li 2021). This may be because within the “soft” sciences, of which applied linguistics is a part, “persuasion is more explicitly interpretative and less empiricist,” and the author’s voice tends to be more actively present. This can be contrasted with the “hard” sciences (Hyland 2008b: 16), in which the role of the author tends to be backgrounded in order for claims to “speak for themselves.” The fact that text-oriented bundles were as pervasive in qualitative applied linguistics studies as they were in quantitative studies suggests that even on the “harder” side of the applied linguistics research spectrum, the “soft” rhetorical norms of the field continue to predominate.

Academic writing is generally characterized by its detached and impersonal style (Hyland & Jiang 2017). Yet, by selecting specific language options, academic authors do project their personas and attempt to create connections with their readers (Halliday 1985). One way they do this is through the use of participant-oriented lexical bundles. Participant-oriented LBs allow writers to create links between themselves and their readers, helping them to “express their positions, represent themselves, and engage their audiences” (Hyland 2005: 176). It is interesting, then, that the results of this study showed that participant-oriented bundles ranked second among the three paradigms in terms of their frequency of occurrence, as it highlights the extent to which academic writers project their individual voices. A familiarity with participant-oriented bundles may help novice writers focus on the ways in which accomplished academic writers present themselves in texts that are ostensibly marked by authorial evacuation.

Research-oriented bundles were shown to be used relatively infrequently in all three paradigms. Reporting on the relatively low frequency of research-oriented LBs in applied linguistics and business studies as compared to biology and electrical engineering, Hyland (2008b) argues that research bundles are generally reserved for the “hard knowledge fields,” where they express and undergird a scientific ideology which “emphasises the empirical over the interpretive, minimising the presence of researchers and contributing to the ‘strong’ claims of the sciences.” (Ibid: 15). In the same way, the interpretive ideology which informs the soft sciences call for a greater reliance on text-oriented bundles, which tend to foreground authorial involvement in the research process.

6. Conclusion

The present study is a corpus-based investigation of the frequency and functions of lexical bundles in the discussion section of quantitative, qualitative, and mixed methods RAs in applied linguistics. The primary objective of the study was to investigate the similarities and differences in functional patterns of LBs across three groups of research articles belonging to different methodological paradigms. Generally, the researchers wished to discover if and to what extent or in what ways LBs play different functional roles in different contexts.

Results reveal the intradisciplinary variation of LBs and support the view that methodological paradigms act as constraints on writers’ stylistic choices. The paradigms were found to be similar in their use of LBs. The LBs in the three paradigms explored tend to follow the same functional patterns in the discussion sections of RAs. For example, text-oriented LBs were used most frequently across the three paradigms whereas research-oriented LBs were the least frequently used. However, each paradigm was found to rely on different sub-categories of LBs. While resultative signals were the most frequent functional categories used in quantitative RAs, they were the least frequent used in qualitative RAs. It is logical to argue that since LBs are treated differently (at least in terms of type and functional sub-categories) in different research paradigms, their variations need to be taken into account by academic writers working within different methodological paradigms. In addition, the reliance of all three paradigms on the same functional pattern of LBs shows that the discussion section of RAs across the three paradigms seek to use similar major functions. Drawing on the findings of this study, it can be argued that as discussion sections mainly focus on arguing and drawing conclusions, text-oriented bundles are chiefly employed to present results and to limit the writers' findings and interpretations to the study at hand.

Because an important distinguishing difference between novice and expert writers can be found in how each group employs LBs in the texts they create (Adel & Erman 2012, Chen & Baker 2010, Cortes 2004, Hyland 2008b, Ucar 2017), the study of LBs is of obvious pedagogic interest. For this reason, a number of researchers have highlighted their usefulness in EAP instruction. Swales (2019), for instance, argues that frequently occurring bundles that serve clear textual functions have particular pedagogical potential.

Theoretically, a strong case can be made for the study of LBs in ESOL academic writing classrooms. Psycholinguistically, mental access to LBs has “a processing advantage over creatively generated language” for both native and non-native speakers and writers (Conklin & Schmitt 2008: 72). This is because LBs are learned as “wholes” (Pérez Llantada 2014: 83) and stored in memory as “unanalyzed multi-word chunks” (Biber et al. 2004: 400) which can be easily retrieved for use. Once learned, they appear to contribute to more fluent language production (Biber et al. 2004, Hyland & Jiang 2018, Wray 2008). Awareness of LB clusters can, at the very least, promote noticing (Zhang 2012). That is, drawing explicit attention to lexical bundles has the potential to increase student awareness of these key features of academic language, thus increasing recognition, storage and processing of them over multiple exposures.

In practical terms, a focus on specific language features responds to the challenge posed by those mainstream genre approaches which tend to foreground meaning at the expense of the particular language forms that make meaning possible (Paltridge 2007). As previously mentioned, only 18 LBs were found in all three research approaches. This is useful pedagogical information. Teachers working in second language acquisition and TESOL programs might well wish to focus their students’ attention on the formulaic aspects of writing the discussion and conclusion sections of research papers. Such teachers would certainly want to start with the ‘core’ 18. In fact, 18 is a relatively large number of LBs to teach and learn during a single academic writing course, in which an enormous number of writing issues vie for attention. Therefore, in a real-life classroom situation, these LBs might well be the only bundles that should be covered explicitly. The insight that all of the paradigms are highly phrasal might be useful to teachers and students, as well.

Taxonomical analysis showed that the discussion sections found in applied linguistic texts were dominated by text-oriented bundles. For pedagogical purposes, this suggests that teachers should spend time with their students working on not only how to organize texts but on how to signal organization moves to the reader.

In short, writing students can be encouraged to appreciate that their meaning-making choices are not only bound by the norms of their research community (Swales 1990), but that they are also constrained by the paradigm employed to guide their research (quantitative, qualitative, or mixed). The findings of the study unpack the constraints imposed by paradigms on language use in academic writing, therefore helping to broaden the “scope of genre... in order to serve the pedagogical purposes of the EAP practitioner” (Swales 2019: 76).

The results of this study constitute new information about the differences between the frequency and functions of LBs in the discussion sections of RAs in applied linguistics. As with any exploratory, small-scale study, the results must be highly caveated and call for the analysis of larger corpora. Nonetheless, by providing preliminary evidence concerning lexical differences in quantitative, qualitative and mixed methods articles, the present study introduces a number of

research topics that might be usefully taken up in future research. For instance, it was discovered that some LBs simultaneously served different functional purposes in a single occurrence. *In the present study*, for example, functioned both as a resultative and framing signal in the texts that were analyzed. These groups of multifunctional LBs deserve further investigation. The factors affecting the choice and use of LBs in different paradigms is another area of interest. Future research could systematically explore multifunctional LBs in professional and academic texts. Lastly, the pedagogical implications of these findings would be worthy of future attention.

REFERENCES

- Abdollahpour, Zeinab & Javad Gholami. 2018. Building blocks of medical abstracts: Frequency, functions and structures of lexical bundles. *The Asian ESP Journal* 14 (1). 82–110.
- Ädel, Annelie & Britt Erman. 2012. Recurrent word combinations in academic writing by native and non-native speakers of English: A lexical bundles approach. *English for Specific Purposes* 31 (2). 81–92. <https://doi.org/10.1016/j.esp.2011.08.004>
- Anthony, Laurence. 2018. AntConc (Version 3.5.7) [Computer Software]. Tokyo, Japan: Waseda University. Available from <http://www.laurenceanthony.net/software>
- Biber, Douglas & Federica Barbieri. 2007. Lexical bundles in university spoken and written registers. *English for Specific Purposes* 26 (3). 263–286. <https://doi.org/10.1016/j.esp.2006.08.003>
- Biber, Douglas, Susan Conrad & Viviana Cortes. 2004. If you look at...: Lexical bundles in university teaching and textbooks. *Applied Linguistics* 25 (3). 371–405. <https://doi.org/10.1093/applin/25.3.371>
- Biber, Douglas, Stig Johansson, Geoffrey Leech, Susan Conrad & Edward Finegan. 1999. *Longman Grammar of Spoken and Written English*. London: Longman.
- Chen, Yu-Hua & Paul Baker. 2010. Lexical Bundles in L1 and L2 Academic Writing. *Language Learning & Technology* 14 (2). 30–49.
- Conklin, Kathy & Norbert Schmitt. 2008. Formulaic sequences: Are they processed more quickly than nonformulaic language by native and nonnative speakers? *Applied Linguistics* 29 (1). 72–89. <https://doi.org/10.1093/applin/amm022>
- Cortes, Viviana. 2004. Lexical bundles in published and student disciplinary writing: Examples from history and biology. *English for Specific Purposes* 23 (4). 397–423. <https://doi.org/10.1016/j.esp.2003.12.001>
- Cortes, Viviana. 2013. The purpose of this study is to : Connecting lexical bundles and moves in research article introductions. *Journal of English for Academic Purposes* 12 (1). 33–43. <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2012.11.002>
- Creswell, John W. 2012. *Educational Research: Planning, Conducting, and Evaluating Quantitative and Qualitative Research* (4th ed.). Boston, MA: Pearson.
- Denzin, Norman K. & Yvonna S. Lincoln (Eds.). 2011. *The Sage Handbook of Qualitative Research*. Sage.
- Durrant, Philip. 2015. Lexical bundles and disciplinary variation in university students' writing: Mapping the territories. *Applied Linguistics* 38 (2). 165–193. <https://doi.org/10.1093/applin/amv011>
- Esfandiari, Rajab & Fatima Barbary. 2017. A contrastive corpus-driven study of lexical bundles between English writers and Persian writers in psychology research articles. *Journal of English for Academic Purposes* 29. 21–42. <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2017.09.002>

- Grabowski, Lukasz. 2018. Stance bundles in English-to-Polish translation: A corpus-informed study. *Russian Journal of Linguistics* 22 (2). 404–422. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-2-404-422>
- Guinda, Carmen S. 2015. Genres on the move: Currency and erosion of the genre moves construct. *Journal of English for Academic Purposes* 19. 73–87. <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2015.07.001>
- Halliday, Michael A. K. 1985. *Spoken and Written Language*. Oxford: Oxford University Press.
- Hyland, Ken. 2005. Stance and engagement: A model of interaction in academic discourse. *Discourse Studies* 7 (2). 173–192. <https://doi.org/10.1177/1461445605050365>
- Hyland, Ken. 2008a. Academic clusters: Text patterning in published and postgraduate writing. *International Journal of Applied Linguistics* 18 (1). 41–62. <https://doi.org/10.1111/j.1473-4192.2008.00178.x>
- Hyland, Ken. 2008b. As can be seen: Lexical bundles and disciplinary variation. *English for Specific Purposes* 27 (1). 4–21. <https://doi.org/10.1016/j.esp.2007.06.001>
- Hyland, Ken. 2012. Bundles in Academic Discourse. *Annual Review of Applied Linguistics* 32. 150–169. <https://doi.org/10.1017/S0267190512000037>
- Hyland, Ken & Feng K. Jiang. 2017. Is academic writing becoming more informal? *English for Specific Purposes* 45. 40–51.
- Hyland, Ken & Feng K. Jiang. 2018. Academic lexical bundles: How are they changing? *International Journal of Corpus Linguistics* 23 (4). 383–407.
- Jalali, Hassan. 2013. Lexical bundles in applied linguistics: Variations across postgraduate genres. *Journal of Foreign Language Teaching and Translation Studies* 2 (2). 1–29.
- Jalali, Hassan. 2017. Reflection of stance through *it* bundles in applied linguistics. *Ampersand* 4. 30–39. <https://doi.org/10.1016/j.amper.2017.06.001>
- Johnston, Kathryn M. 2017. *Lexical Bundles in Applied Linguistics and Literature Writing: A Comparison of Intermediate English Learners and Professionals*. (Master's thesis). Portland State University. Portland, Oregon.
- Le, Thi. N.P. & Michael Harrington. 2015. Phraseology used to comment on results in the discussion section of applied linguistics quantitative research articles. *English for Specific Purposes* 39. 45–61. <https://doi.org/10.1016/j.esp.2015.03.003>
- Mizumoto, Atsushi, Sawako Hamatani & Yasuhiro Imao. 2017. Applying the bundle–move connection approach to the development of an online writing support tool for research articles. *Language Learning* 67 (4). 885–921. <https://doi.org/10.1111/lang.12250>
- Omidian, Taha, Hesamoddin Shahriari & Anna Siyanova-Chanturia. 2018. A cross-disciplinary investigation of multi-word expressions in the moves of research article abstracts. *Journal of English for Academic Purposes* 36. 1–14. <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2018.08.002>
- Paltridge, Brian. 2007. Approaches to genre in ELT. *International Handbook of English Language Teaching*. 931–943. Springer, Boston, MA.
- Swales, John M. 1990. *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*. Cambridge University Press.
- Swales, John M. 2019. The Futures of EAP Genre Studies: A Personal Viewpoint. *Journal of English for Academic Purposes* 38. 75–82. <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2019.01.003>
- Ucar, Serpil. 2017. A Corpus-based Study on the Use of Three-word Lexical Bundles in the Academic Writing by Native English and Turkish Non-native Writers. *English Language Teaching* 10 (12). 28–36. <https://doi.org/10.5539/elt.v10n12p28>
- Wray, Alison. 2008. *Formulaic Language: Pushing the Boundaries*. Oxford: Oxford University Press
- Yin, Xiaoyi & Shuangling Li. 2021. Lexical bundles as an intradisciplinary and interdisciplinary mark: A corpus-based study of research articles from

business, biology, and applied linguistics. *Applied Corpus Linguistics* 1 (1). 1–11.
<https://doi.org/10.1016/j.acorp.2021.100006>

Zhang, Sumin. 2012. Promoting noticing in EFL classroom. *Theory and Practice in Language Studies* 2 (3). 579–584.

Article history:

Received: 22 October 2021

Accepted: 21 April 2022

Bionotes:

Kenneth RICHTER works at the University of Guanajuato as an Associate Professor of the Language Department's second language teacher education program. He has also taught at the Regional English Language Centre (RELC) in Singapore and served as an English Language Fellow in Argentina for the U.S. Department of State.

e-mail: ken.richter@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2072-0569

Behruz LOTFI GASKAREE is Assistant Professor of applied linguistics the University of Zabol, Sistan and Balouchestan, Iran. He teaches teaching methodology, language assessment and testing, English for academic purposes, academic writing and research methodology. He has published on EAP themes and teacher education.

e-mail: lotfi_au_ct@yahoo.com

ORCID: 0000-0002-2413-3620

Milad MIRZAI is an MA candidate the University of Zabol. His research interests include teacher education, English for academic purposes, and discourse/genre analysis.

e-mail: mirzaimilad20@yahoo.com

ORCID: 0000-0001-9713-7553

Сведения об авторах:

Кеннет РИХТЕР имеет степень Ph.D., является доцентом кафедры лингвистики в Университете Гуанахуато, Мексика, и преподает в программе подготовки учителей иностранного языка. Он также работал в Региональном центре английского языка (RELC) в Сингапуре и был стипендиатом Госдепартамента США в Аргентине.

e-mail: ken.richter@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2072-0569

Бехруз ЛОФТИ ГАСКАРИ – старший преподаватель Университета Забол, Систан и Балучестан, Иран. Преподает такие дисциплины как методика обучения, языковая оценка и тестирование, английский язык для академических целей, академическое письмо и методология научных исследований. Имеет публикации на темы, связанные с английским языком для академических целей и педагогическим образованием.

e-mail: lotfi_au_ct@yahoo.com

ORCID: 0000-0002-2413-3620

Милад МИРЗАЙ – магистрант Университета Забола. Его научные интересы включают педагогическое образование, английский язык для академических целей, дискурс- анализ и жанроведение.

e-mail: mirzaimilad20@yahoo.com

ORCID: 0000-0001-9713-7553

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-30017>

Research article / Научная статья

Functional categories of hedges: A diachronic study of Russian research article abstracts

Olga BOGINSKAYA

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

 olgaa_boginskaya@mail.ru

Abstract

The interactional nature of academic discourse has been analyzed in linguistics literature from different perspectives. However, these studies have been predominantly conducted on English materials. Little is known of how interactional metadiscourse elements are used in Russian academic prose and what diachronic changes in metadiscourse have occurred in the last decade. Building on previous research that suggests cross-linguistic, cross-cultural and diachronic differences in the use of hedges in academic prose, this paper explores functional categories of hedges used in Russian research article abstracts from a diachronic perspective. The main focus is on quantitative and qualitative variations in the functional realization of hedging, since it may be expected that it could change over time. The study was conducted on a corpus of 112 linguistics research article abstracts published in four Russian journals in two periods (2008–2014 and 2015–2021). To investigate hedging devices and their functional categories, this study employed quantitative and qualitative analyses. The quantitative analysis indicated that in the first period (2008–2014) hedging was most frequently realized through modals, reporting verbs, and quantifiers. In the second time span (2015–2021), reporting verbs, epistemic verbs, and adjectives of probability were among the most frequent functional categories of hedging. Overall, the distribution of functional categories of hedging changed in the second period when hedging was realized through a variety of lexical means belonging to different functional categories. In terms of the functions of hedging, the difference was also striking. In the first time span, hedges were employed to diminish an authorial presence in the text, while in the second one authors hedged to point toward possible methodological limitations and to signal inaccuracies of research results. Despite some data limitations, this study could be seen as a starting point for future research of metadiscourse in Russian-language academic prose from cross-disciplinary, cross-cultural or diachronic perspective.

Keywords: *academic discourse, research article abstract, hedging, metadiscourse, Russian*

© Olga Boginskaya, 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation:

Boginskaya, Olga. 2022. Functional categories of hedges: A diachronic study of Russian-medium research article abstracts. *Russian Journal of Linguistics* 26 (3). 645–667. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30017>

Функциональные категории хеджирования: диахронический анализ русскоязычных аннотаций

О.А. БОГИНСКАЯ

*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Иркутск, Россия*
 olga_boginskaya@mail.ru

Аннотация

Интеракциональная природа академического дискурса неоднократно становилась объектом лингвистических исследований. Однако анализ преимущественно проводился на материале английского языка. Проблема использования метадискурсивных элементов в русскоязычных научных статьях, в том числе в диахроническом аспекте, остается малоизученной и требует своего решения, что позволит получить новые данные о развитии метадискурсивной компетенции российских исследователей. Объектом исследования является хеджирование как важная метадискурсивная стратегия, которой пользуются авторы научных статей для представления своих концепций и поддержания диалога с читателем. В статье рассматриваются функциональные категории хеджирования в русскоязычных аннотациях с диахронической точки зрения. В фокусе находятся количественные и качественные различия в функциональной реализации хеджирования как метадискурсивной стратегии. Материалом исследования послужили 112 аннотаций статей, опубликованных в четырех высокорейтинговых российских лингвистических журналах в 2008–2021 годах, которые были разделены на два периода: 2008–2014 и 2015–2021. Для целей исследования использовались методы количественного и интерпретативного анализа. Количественный анализ показал, что в первый исследуемый период (2008–2014) хеджирование преимущественно осуществлялось с использованием модальных глаголов, глаголов непрямой речи и квантификаторов. Во втором периоде (2015–2021) наиболее частотными средствами хеджирования оказались глаголы непрямой речи, эпистемические глаголы и прилагательные со смысловым компонентом вероятности. В целом, во второй период набор функциональных категорий хеджирования изменился за счет расширения арсенала лексических средств. Интерпретативный метод позволил выявить изменения в функционале средств хеджирования. Анализ показал, что если в первый период хеджи использовались для элиминации авторского присутствия с целью защиты от возможной критики, то во второй период их доминирующей функцией было указание на методологические ограничения и возможные неточности результатов исследования. Несмотря на ограниченность корпуса данных небольшим временным промежутком, результаты настоящего исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения метадискурсивных маркеров в русскоязычном научном дискурсе.

Ключевые слова: *академический дискурс, аннотация статьи, хеджирование, метадискурс, русский язык*

Для цитирования:

Boginskaya O.A. Functional categories of hedges: A diachronic study of Russian-medium research article abstracts. *Russian Journal of Linguistics*. 2022. V. 26. № 3. P. 645–667. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30017>

1. Introduction

Hedges offer an interesting insight into academic discourse functioning as metadiscourse devices used to present authorial claims with various degrees of caution, to express a perspective on authorial statements, and to enter into a dialogue with the reader (Hyland 1996: 251–252).

Hedging in academic discourse has been examined in a large number of works (Al-Khasawneh 2017, Alonso-Almeida 2014, Alward 2012, Aull & Lancaster 2014, Dontcheva-Navratilova 2016, Haufiku & Kangira 2018, Heng & Tan 2022, Hyland 1998, Kozubikova 2021, Lenardič & Fišer 2021, Petchkij 2019, Vassileva 2001). Varttala (2001) examined the status of hedging in popularized articles as opposed to research articles from three disciplines – economics, medicine, and technology. From the same cross-disciplinary perspective, Takimoto (2015) investigated research articles to measure the frequencies and functions of hedges in humanities, social and natural sciences. Haufiku & Kangira (2018) explored the use of hedges in Master’s theses and concluded that similarities and differences in hedging depend on the data being analyzed, the writer’s level of English language proficiency, and the need to conform to the accepted academic writing style. Aull & Lancaster (2014) adopted a different approach to compare undergraduate research papers and research articles with the aim to reveal stance-taking changes as researchers gain experience in academic writing. The findings revealed distinctions in the use of hedges emerging between novice writers and advanced writers, which indicates a clear developmental trajectory in terms of hedging. Dontcheva-Navratilova (2016) explored cross-cultural variation in the use of lexical hedges and boosters to shed light on ways in which Anglophone and Czech writers express different degrees of commitment in their assertions when striving to persuade their target readership to accept their views and claims. It was revealed that the existing variation reflects differences in the linguacultural and epistemological traditions of the Anglophone and Czech linguistics communities, which favor different rhetorical strategies when approaching writer-reader interaction. These studies conducted on English materials indicate the less intense use of hedges by non-native English writers (Belyakova 2017, Chen & Zhang 2017, Dontcheva-Navratilova 2016, Hu & Cao 2011, Ji 2015, Sládková 2017, Thuy 2018, Vassileva 2001, Yagiz & Demir 2014). At the same time, it has been found that different linguistic cultures use different functional categories to hedge in academic discourse: Vietnamese writers, for example, prefer modal verbs (Thuy 2018), while Iranian researchers often use adverbs, including approximators (Rezanejad 2015).

While these works are valuable, there is still a complementary contribution to be made by a corpus-based study that compares the use of hedging devices in

Russian academic discourse from a diachronic perspective. It is possible that such a comparative analysis can reveal diachronic differences in the functional categories of hedges used in Russian academic prose. Thus, in an attempt to contribute to literature on hedging in academic discourse, the present study focuses on the use of this metadiscourse device in Russian-language research article (RA) abstracts. The research seeks answers to the following questions:

- 1) Are there any differences in the functional categories of hedges in Russian RA abstracts written in 2008–2014 and 2015–2021?
- 2) What is the frequency of occurrence of different functional categories of hedges used in RA abstracts written in two different periods?
- 3) Are there any differences in the functions of hedging devices in two different time periods?

2. Theoretical background

The concept of hedging was coined by Lakoff (1973) who described the communicative value of hedging markers and logical properties of words and phrases, such as *rather*, *largely*, *sort of*, *very* used to make things fuzzier/less fuzzy. Lakoff's definition was used as a starting point by many other researchers. Brown & Levinson (1987: 145) defined hedges as “elements that modify the degree of membership of predicate or a noun phrase in a set” and are used to achieve linguistic vagueness. In the same line, Prince (1982) described hedges as items making things fuzzier, and Channel (1994: 20) defined them as “vague language”, expressions whose meaning can be contrasted with another that “appears to render the same proposition” or expressions whose meanings are stimulated by “intrinsic uncertainty”.

The second group of definitions provided by Crismore & Vande Kopple (1988), Hyland (1996, 1998) and Salager-Meyer (1994) describes hedges as linguistic devices that convey the writer's uncertain attitude towards the respective statement and help avoid responsibility toward the utterance. Crismore & Vande Kopple (1988: 185) defined hedges as elements that “signal a tentative or cautious assessment of the truth of referential information” and allow the author to reduce his/her responsibility toward the information presented. In Myers' (1989) definition, hedges are “rational strategies used for dealing with the social interactions involved in publishing an article”. According to Markkanen & Schröder (1997: 5), “hedges can offer a possibility for textual manipulation in the sense that the reader is left in the dark regarding the truth value of what is being expressed and who is responsible for it.” Martin (2001) claimed that hedges are used to communicate academic knowledge in a way that will enable them to gain community acceptance of their contribution without the risk of Face Threatening Acts. Hyland (1995: 33) argued that hedges allow writers to convey their attitude to the truth of the statements, thereby presenting unproven claims with caution and softening categorical assertions. The writers also hedge to invite the reader to get involved in open discussion about the nature of propositions and to accomplish

closure by reaching consensus on a particular issue (Hyland & Zou 2021). According to Holmes (1997: 32), hedges are used to “create conviviality, facilitate discussion, show politeness and oil the phatic wheels”. Politeness was also emphasized in Hubler’s (1983) definition of hedging devices used to avoid apodictic statements overlooking the readers’ wish to judge for themselves. Salager-Meyer’s (1994: 6) definition “embraces three aspects of hedging, including hedging as a politeness strategy: 1. that of purposive fuzziness and vagueness (threat-minimizing strategy); 2. that which reflects the authors’ modesty for their achievements and avoidance of personal involvement; 3. that related to the impossibility or unwillingness of reaching absolute accuracy and of quantifying all the phenomena under observation. From the same perspective, hedging was treated by Larina & Ponton (2020: 483) who defined it as the discursive style, “by means of which a speaker represents their views as contingent and subjective rather than objectively true, thus mitigating the face threatening potentialities of disagreement and criticism”.

Thus, as can be seen from the definitions provided above, the research tradition on hedging focuses on the three crucial aspects: hedging as vague language, hedging as a way to avoid responsibility toward the utterance, and hedging as a politeness strategy. Hedging has thus been approached as a semantic or pragmatic phenomenon. For the purpose of the current study, Hyland’s (1995) pragmatically-oriented definition of hedges as a multifunctional phenomenon will be used as it seems to be more persuasive. Hedging will be treated as a metadiscourse strategy employed to indicate different degrees of commitment and responsibility towards the propositional content and involve the reader in a dialogue. It is assumed that pragmatic functions of hedging in discourse depend on communication situations.

Judging by a large number of definitions of hedges provided by different scholars, it is logical that there are various taxonomies of hedging devices (Clemen 1997, Crompton 1997, Hyland 1996, Mauranen 1997, Salager & Meyer 1994). They draw on formal, lexical, or grammatical criteria or adopt a hybrid approach. Crompton (1997) divided all hedges based solely on their form: sentences with copulas other than *be*; sentences with epistemic modals; sentences with probability clauses; sentences with probability adverbials; sentences where authors explicitly designate themselves as responsible for the proposition and sentences where authors use an impersonal subject but the agent is intended to be understood as themselves; sentences containing a reported proposition that a hypothesized entity X exists and the author(s) can be taken to be responsible for making the hypothesis. Despite being persuasive and complete, Crompton’s (1997) taxonomy does not take into account the pragmatic situation in which the same forms serve different purposes. In addition to that, Crompton’s taxonomy excludes the possibility of naming certain linguistic devices as hedges, which is also disputable.

Salager-Meyer (1994) proposed a different taxonomy of hedges, which embraces both formal and functional criteria. Here are five categories of hedging in this taxonomy: shields (all modal verbs expressing possibility, semi-auxiliaries,

probability adverbs, and epistemic verbs); approximators (stereotyped adaptors of quantity, degree, frequency and time); authors' personal doubt and direct involvement; emotionally-charged intensifiers; compound hedges comprising the juxtaposition of several hedges. Unfortunately, Salager-Meyer's taxonomy does not comprise all the elements that seem relevant for hedging.

Hyland's (1996, 1998) taxonomy of hedging focuses on the pragmatic functions of this metadiscourse category. The model accounts for the possibility of multiple interpretations of hedging devices. In Hyland's model, the main categories of hedges are *content-oriented hedges* and *reader-oriented hedges*. The first one includes features referring to the ways writers present themselves and convey their opinions and commitments. This group of hedges mitigates the relationship between the propositional content and the representation of reality (Hyland 1996). It includes *accuracy-oriented hedges* and *writer-oriented hedges*. *Accuracy-oriented hedges* specify the extent to which the terms "describe the events and state of affairs referred to" and indicate "limits on certainty by restricting the time, quality or generalizability of the proposition" or express subjective uncertainty in a proposition. *Writer-oriented hedges* refer to the relationship between a claim and a writer rather than to the relationship between "propositional elements". The use of these markers may refer to those cases in which the writer diminishes his/her presence in the text by using impersonal, agentless and passive structures. *Reader-oriented hedges* deal with the relationship between the author and the reader, confirm the attention the writers give to the interactional effects of their statement, and solicit collusion by addressing the reader as an intelligent colleague capable of participating in the discourse with an open mind (Hyland 1996). These hedges attenuate the writer's meaning by increasing the degree of subjectivity of the utterance and transform an assertion into a question, which signals a high degree of indeterminacy and implies the need for confirmation on the part of the reader. They also make readers involved in a dialogue and invite them to judge the proposition.

Hence, the key distinction between reader-oriented hedges and content-oriented hedges is that the latter deal with accuracy in regard to the world whereas the former deal with the relationship with an audience and conventions of the academic discourse community. Although it is sometimes difficult to identify ideal classes of content-or reader-oriented hedges, and a hedge may be referred to any category, Hyland's taxonomy can be used to illustrate the realization of hedging through a variety of functional categories and has been taken as a theoretical basis for the present study.

3. Materials and methodology

3.1. Research design

To address the research questions set in the Introduction section, we collected linguistics RA abstracts. The selection of the discipline of linguistics was motivated by several considerations. First, very few diachronic studies of RA abstracts in

Russian have examined this discipline, leaving an obvious lacuna to fill in. Second, it would be important to focus on a single discipline to leave aside culture-specific and language-determined effects on the distribution of hedges and their functional categories. Third, as a representative of the linguistics discourse community, I have sufficient knowledge of its discourse and metadiscourse practices, which would be advantageous to the present study.

In designing the current study, a methodological framework proposed by Connor and Moreno (2005) was used to reveal similarities and differences in hedging in RA abstracts derived from different time spans. Connor and Moreno's (2005) framework is based on the concept of equivalence, which implies the need for a common basis of comparison (e.g., textual data, metadiscourse markers, functional categories), that allows the researcher to compare quantitative results and draw reliable conclusions about diachronic differences in the use of hedging devices.

3.2. Corpus design

Diachronic variation in the functional categories of hedges was investigated on a specialized corpus consisting of 112 research article abstracts published in four Russian journals in the field of linguistics (*Russian Journal of Linguistics*, *Issues of Cognitive Linguistics*, *Voprosy Jazykoznanija*, and *Tomsk State University Journal of Philology*) in 2008–2021. All the journals have a large readership and high prestige in the field (Q1–Q2 SJR in 2021). The judgements on the origin of the authors were made according to their family names and affiliation. Articles published in the journals cover a wide range of linguistics sub-disciplines such as semantics, cross-cultural studies, translation studies, discourse studies, genre studies, sociolinguistics, etc.

Abstracts are an integral part of RAs published in these journals. The journals impose strict requirements on the quality and structure of abstracts, which is not always the case with other Russian journals. This is the reason why these journals were chosen as a source of abstracts for the present study.

Since the present study examines RA abstracts from a diachronic perspective, they were taken from different volumes of *Russian Journal of Linguistics*, *Issues of Cognitive Linguistics*, *Voprosy Jazykoznanija*, and *Tomsk State University Journal of Philology* starting from 2008 up to 2021, covering 14 years. The corpus was compiled to ensure comparability in terms of genre (RA abstracts), authors' origin (Russia) and field (linguistics).

Russian Journal of Linguistics has been published by the People's Friendship University of Russia since 1997. Its intended readership is most likely to comprise the international linguistics discourse community, as it publishes predominantly English-medium research articles accompanied by Russian-language abstracts. *Tomsk State University Journal of Philology* is published by Tomsk State University. It is a more locally oriented national linguistics journal publishing research articles since 2007. Its intended readership is the Russian linguistics

discourse community, since most of the articles published in this journal are written in Russian. The same is true for *Issues of Cognitive Linguistics* published by the Russian Cognitive Linguists Association since 2003. *Voprosy Jazykoznanija* is the oldest Russian linguistics journal published since 1952 by the Russian Academy of Sciences. It publishes both Russian-medium and English-medium research articles and reviews intended for the Russian and international linguistics discourse communities. It should be noted that the differences in the intended readership of the four journals may not be seen as a reason for variation in the hedging devices employed by writers, since the present study focuses on Russian-language RA abstracts intended for the Russian reader.

The time span under study was divided into two periods: from 2008 to 2014 and from 2015 to 2021. Within each period, eight abstracts from eight randomly selected volumes of each journal with a one-year interval between them were chosen. The result was 56 abstracts per each period, i.e. 112 abstracts altogether. The RA abstracts taken from the issues published between 2008 and 2014 made the first sub-corpus (SC1), and the RA abstracts derived from the 2015–2021 issues were included into the second sub-corpus (SC2).

3.3. Methods

In order to investigate hedging devices and their functional categories, this study adopted corpus-based and computational techniques together with quantitative and qualitative analyses.

Quantitative analysis supplemented with manual contextual analysis was applied to all instances of hedging markers in the two sub-corpora to identify their functions. First, hedges were identified manually in the RA abstracts. Second, the markers found in the corpus were manually analyzed in context. Following Hyland's (1998) taxonomy, the markers were divided into two main groups: content-oriented hedges and reader-oriented hedges. The results were annotated in tables and the frequencies contrasted.

The difference in word-count between SC1 and SC2 was normalized per 1,000 words. The occurrences were processed with AntConc 3.4, an advanced text analysis application, which provides details about the text and can ensure the accuracy of research results. The chi-square test was used to decide on the statistical significance of the results.

Occurrences of hedges in the corpus were identified by drawing on lists suggested by Hyland (2005) and taking into account the categories of lexical items functioning as hedges. The examples discussed are intended to illustrate variation in the functional categories of lexical items used for hedging in the two time spans.

A qualitative analysis was conducted to interpret the findings of the quantitative analysis. A combination of the qualitative and quantitative methods can contribute to more explanatory findings. The quantitative analysis identified the frequency of occurrence of functional categories of lexical items functioning as hedges in the two sub-corpora. The results of the analysis of the frequency of

occurrence of functional categories of hedging markers in the two sub-corpora were used as the basis for a comparative diachronic study of the ways Russian academic writers approach writer-reader interaction and manifest their authorial voice in the two periods.

4. Results

In this section, the data obtained from the study is presented, beginning with the total frequency of hedges found in the two sub-corpora (Table 1). Thereafter, the focus is placed on the frequency of the types of hedges (Table 2) and functional categories most frequently-used to hedge in the two sub-corpora, after which the findings are discussed from a diachronic perspective.

4.1. Frequency of occurrence of hedges in the two sub-corpora

Table 1 summarizes the results of a quantitative analysis of hedges occurring in the two sub-corpora. It is important to emphasize that the research is based on the analysis of RA abstracts from four linguistics journals. It is therefore more objective to interpret the findings as certain trends in the field. The table shows that the use of hedges in linguistics RA abstracts has increased significantly in the second period (31.2 per 1000 words in 2008–2014 vs 15.7 per words in 2015–2021). The RA abstracts written in 2015–2021 appear over-hedged in contrast to the ones written in 2008–2014. Writers tend to speculate more, avoiding categorical assertions to stay cautious and not to make inaccurate statements. In the first period, on the other hand, the writers are more likely to opt for a less dialogic style or employ alternative persuasive devices. An increase in the number of hedges in the second period may be interpreted as a diachronic change reflecting pressure on the Russian academic community, a desire of Russian writers to comply with the international academic writing conventions. In the first period, Russian writers seem to follow the rhetorical conventions of their native academic discourse.

Table 1. Hedges from a diachronic perspective (frequency per 1,000 words)

SC	Hedges
SC1	15.7
SC2	31.2

4.2. Distribution of hedges by type

If we take a look from another angle, that is, from the perspective of the most employed types of hedging in the two sub-corpora, the results are also different (Table 2).

Table 2. Hedging by type (% of the total)

Categories	SC1	SC2
<i>Content-oriented hedges</i>	92	93
- Accuracy-oriented	44	79
- Writer-oriented	51	11
<i>Reader-oriented hedges</i>	8	7

The table shows clear differences in the use of different types of hedging in the two periods. Although content-oriented hedging was generally more frequent than reader-oriented one in both sub-corpora, the distribution of its subtypes differed.

The results of the analysis of distribution of hedges across the functional categories in the two sub-corpora are presented in Table 3.

Table 3. Distribution of hedges across the functional categories

Functional categories	SC1		SC2	
	%	Per 1000 words	%	Per 1000 words
<i>Nouns</i>				
Epistemic nouns	5.5	0.86	7.7	2.5
Probability nouns	7.1	1.11	6.9	2.24
Assertive nouns	0	0	0.49	0.97
Conative nouns	1.2	0.19	8.6	2.09
<i>Total</i>	<i>13.8</i>	<i>2.16</i>	<i>23.7</i>	<i>7.71</i>
<i>Adjectives</i>				
Probability adjectives	7.2	1.13	11.1	3.46
Frequency adjectives	1.1	0.17	3.3	1.03
<i>Total</i>	<i>8.8</i>	<i>1.3</i>	<i>14.4</i>	<i>4.49</i>
<i>Verbs</i>				
Epistemic verbs	9.5	1.52	11.42	2.93
Reporting verbs	19.8	3.1	17.3	5.4
Conative verbs	0	0	2.18	0.68
Modal verbs	21	3.3	10	3.7
<i>Total</i>	<i>50.3</i>	<i>5.92</i>	<i>40.8</i>	<i>12.71</i>
<i>Adverbs and adverbial expressions</i>				
Approximative adverbs and adverbial expressions	2	0.31	4.9	1.53
Frequency adverbs	7.1	1.11	4.6	1.44
Probability adverbs	5.2	0.82	4.7	1.47
<i>Total</i>	<i>15.2</i>	<i>2.24</i>	<i>14.2</i>	<i>4.44</i>
<i>Quantifiers</i>	9.7	1.49	4.9	1.53
<i>Total</i>	<i>9.7</i>	<i>1.49</i>	<i>4.9</i>	<i>1.53</i>
<i>Pronouns</i>				
First person plural pronouns	1.9	0.3	1.8	0.56
Possessive pronouns	1.2	0.19	0.1	0.03
<i>Total</i>	<i>3.1</i>	<i>0.49</i>	<i>1.9</i>	<i>0.59</i>
TOTAL	100	15.7	100	31.2

The study revealed that in SC1 hedging was most frequently realized through modal verbs (21%), reporting verbs (19.8%), and quantifiers (9.7%). In SC2, reporting verbs were the most frequently used functional category (17.3%). Epistemic verbs and probability adjectives were also among the frequently used hedging elements (11.42 and 11.1%, respectively). As can be seen, the frequency of occurrence of the functional categories differ significantly in the two sub-corpora. What is interesting is a limited number of lexical means used for hedging in SC1. In SC2, hedging was realized through a variety of the functional categories.

4.3. *Writer-oriented hedging and functional categories*

An analysis revealed that *writer-oriented hedges* as a subtype of content-oriented hedging were used more frequently in the RA abstracts written between 2015 and 2021. Contrary to the international academic writing instruction to avoid passive voice, the Russian writers sought to diminish their presence in the text by using passive structures. In most RA abstracts from SC1 (79%) and SC2 (69%), author's responsibility was reduced though the use of passive voice (1, 2, 3). The constructions of “abstract rhetors”, which are more typical of Anglophone academic writing style, were also used in the corpus but to a lesser extent (14% and 15.6%, respectively) (4, 5).

- (1) *Грамматическая категория **рассматривается** как двустороннее единство содержания и формы.* (The grammatical category **is considered** as a two-sided unity of content and form)¹ (SC2)
- (2) ***Выявлены** новые языковые тенденции (небинарный подход к отражению гендера; изменения в концептуализации расы, обозначении возраста и физического состояния личности) и коммуникативные практики, отвечающие требованиям инклюзивности.* (New language trends (non-binary approach to reflecting gender; changes in the conceptualization of race, designation of age and physical condition of the individual) and communication practices that meet the requirements of inclusiveness **were identified**). (SC2)

Reporting verbs (*исследуются, рассматривается, анализируется, описывается*) in passive structures were the most frequent functional categories of hedging in SC1. In (3), the author uses the epistemic verb with the aim of diminishing his presence in the text. The rate of occurrence of these lexical items was less significant:

- (3) *Отношения между прагматикой и лингвистикой могут быть **интерпретированы** тремя способами.* (The relationship between pragmatics and linguistics can **be interpreted** in three ways). (SC2)

Here are examples of constructions of “abstract rhetors” less frequently used to express writer-oriented hedging in both sub-corpora.

- (4) ***Анализ** когнитивных структурных элементов конфликтного дискурса **показывает**, что конфликтная интеракция возникает в том случае, когда происходит столкновение базовых концептов коммуникантов.* (The **analysis** of the cognitive structural elements of conflict discourse shows that conflict interaction occurs when the basic concepts of communicants collide). (SC1)
- (5) ***Результаты** анализа активности индивидуальных параметров и их групп позволили определить ряд значимых отличий в субдискурсах.* (The **results** of the analysis of the activity of individual parameters and

---

¹ As far as my aim here is to display the nature of hedging categories in Russian-medium academic texts, the translations provided are literal and may seem unidiomatic.

their groups made it possible to identify a number of significant differences in subdiscourses). (SC2)

By replacing the human subject with the non-human one expressed by the assertive **nouns** (*анализ, результаты*), the writers limited their commitment to the statements. Since the authors are seeking to demonstrate a contribution to scientific knowledge, claims such as in (4, 5) carry a risk, and the hedge is employed as an element of self-protection against possible criticism. By foregrounding *Анализ* ('analysis') and *Результаты* ('results'), the writers present views where data vested with agentivity is attributed with primary responsibility for an interpretation (Hyland 1996).

Table 4 shows the most frequent realizations of writer-oriented hedging in the two sub-corpora by functional categories.

Table 4. Most frequent writer-oriented hedges by functional categories (listed in descending order of frequency)

SC1		SC2	
Verbs Reporting verbs	<i>исследуется</i> 'is studied' <i>рассматривается</i> 'is considered' <i>анализируется</i> 'is analyzed' <i>описывается</i> 'is described'	Verbs Reporting verbs Epistemic verbs	<i>исследуется</i> 'is studied' <i>показывается</i> 'is shown' <i>рассматривается</i> 'is considered' <i>понимается</i> 'is understood' <i>оценивается</i> 'is assessed' <i>интерпретируется</i> 'is interpreted'
Nouns Assertive nouns	<i>анализ</i> 'analysis' <i>результат</i> 'result' <i>исследование</i> 'research' <i>статья</i> 'article'	Nouns Assertive nouns	<i>анализ</i> 'analysis' <i>исследование</i> 'research' <i>статья</i> 'article' <i>модель</i> 'model'

The results indicate that the only functional categories used to modify statements are reporting verbs and assertive nouns in SC1 and reporting and epistemic verbs and assertive nouns in SC2.

4.4. Accuracy-oriented hedging and functional categories

To persuade the reader to continue reading the article, “writers need to demonstrate that they not only have something new and worthwhile to say, but that they also have the professional credibility to address their topic as an insider” (Hyland 2004: 63). This persuasion is achieved with *accuracy-oriented hedges* used to seek precision in statements and indicate the writer’s confidence in the truth of a claim. In contrast to writer-oriented hedges, accuracy-oriented ones can be realized through a greater variety of the functional categories: nouns, adjectives, verbs, adverbs, and quantifiers.

The analysis revealed that in SC2, accuracy-oriented hedges were regularly expressed by **nouns** (see Table 3). In (6), the author uses the hedge expressed by the epistemic noun *гипотеза* ('hypothesis') to indicate that his claim may be inaccurate and is of speculative nature:

- (6) *Гипотеза исследования заключается в том, что распределение частоты, или активности параметров дискурс-структурирующей категории лингвокреативности может быть использовано для проведения контрастного анализа субдискурсов при установлении степени сопряженности их многомерных векторов лингвокреативности.* (The hypothesis of the study is that the distribution of the frequency or activity of the parameters of the discourse-structuring category of linguistic creativity can be used to conduct a contrastive analysis of subdiscourses when establishing the degree of conjugation of their multidimensional vectors of linguistic creativity). (SC2)

One more group of nouns employed to express accuracy-oriented hedging is probability nouns (7), which were regularly used only in the second time span.

- (7) *Акциональное понимание дискурса дает возможность охарактеризовать поведение личности в разных коммуникативных ситуациях, инкорпорированное в систему социального взаимодействия участников общения в соответствии с принятыми в этой системе культурными предписаниями.* (The actional understanding of discourse provides an opportunity to characterize the behavior of the individual in different communicative situations, incorporated into the system of social interaction of participants in communication in accordance with the cultural prescriptions adopted in this system). (SC2)

Conative nouns were also rather frequently employed by Russian authors in the second period (8.6% of all lexical means used for hedging) (8). In SC1, their share was rather low (1.2%).

- (8) *В статье представлена попытка осмыслить становление новых норм употребления обращений в регламентированных сферах общения.* (In the article an attempt to comprehend the development of new norms for using addresses in regulated areas of communication is presented). (SC1)

The least frequently used category of nouns (5% in SC2) was assertive nouns (9). In SC1, no instances of this category were found. In SC2, the rate of assertive nouns was insignificant.

- (9) *Территория порубежья (находящегося между) — место сбора нарушений традиционных норм и материал для прогноза нарождающихся изменений нормы.* (The territory of the frontier (located between) — a collection point for violations of traditional norms and the material for a prediction of emerging changes in the norm). (SC2)

Verbs used for accuracy-oriented hedging were also presented by several categories, such as epistemic verbs, reporting verbs, conative verbs, and modal verbs.

Epistemic verbs were regularly used in both sub-corpora to express subjective uncertainty in a proposition (10).

- (10) Семантика новой конструкции ‘ни разу не *N*’ **предполагает** экспрессивное отрицание принадлежности к категории, выраженной объектом с определенными свойствами. (The semantics of the new construction *never N* **means** an expressive negation of belonging to a category expressed by an object with certain properties.) (SC2)

In the above example, the writer uses the epistemic verb *предполагает* ‘implies’ functioning as a hedge to carry uncertainty.

Accuracy-oriented hedges expressed by reporting verbs were employed to show the adoption of a more tentative stance (11).

- (11) В частности, применительно к анализируемому роману авторы статьи **рассматривают** хронотоп в виде частной когнитивной матрицы ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ КОТИНУУМ. (In particular, in relation to the analyzed novel, the authors of the article **consider** the chronotope as a particular cognitive matrix SPACE-TIME CONTINUUM). (SC2)

Conative verbs were found only in SC2 (12). Their share was insignificant as compared to other functional categories of hedging verbs (see Table 3).

- (12) Автор статьи **пытается**, в частности, оценить такие общественные инициативы, касающиеся русского языка, как «тотальный диктант» и «слово года». (The author of the article **tries**, in particular, to evaluate public initiatives regarding the Russian language such as “total dictation” and “word of the year”). (SC1)

Both in SC1 and SC2, accuracy-oriented hedging was regularly realized through the modal verb *мочь*, which deals with the epistemically possible. This hedge “suggests the writer’s reservations concerning whether the situation actually obtains, keeping interpretations close to findings, where claims may be less tenuous” (Hyland 1996: 12) and helps distinguish between information as a fact and information as an opinion (13).

- (13) Положения, разработанные в ходе исследования, и полученные результаты анализа **могут** быть в дальнейшем применены при моделировании механизмов противостояния и противодействия террористической суггестии в киберпространстве и медийной среде. (The provisions developed in the study and the results of the analysis **can** be further applied in modeling the mechanisms of confrontation and counteraction to the terrorist suggestion in cyberspace and the media environment). (SC2)

The author seems to be cautious in making claims about the results of his research and their further application. The accuracy-oriented hedge *могут* is used to convey the author’s uncertainty about what he is claiming.

Among the *adjectives* used for accuracy-oriented hedging, probability adjectives were the most frequent in the second period (14, 15). As can be seen in

Table 3, in the first period, this category of adjectives was used to a lesser extent (1.13 vs 3.46 per 1000 words in SC1 and SC2, respectively).

- (14) *В статье представлено исследование четырех англоязычных учебных словарей для изучающих английский язык как неродной в странах Расширяющегося круга с позиции **возможного** отражения ими положений контактной вариантологии английского языка.* (The article presents a study of four English-language educational dictionaries for learners of English as non-native language in the Expanding Circle countries in terms of their **possible** reflection of the provisions of the contact variantology of the English language). (SC2)
- (15) *Автор приходит к выводу о существовании **очевидных** жанровых различиях между богатырской сказкой и героическим эпосом.* (The author comes to the conclusion that there are **obvious** genre differences between the heroic fairy tale and the heroic epos). (SC2)

The next category of adjectives used to hedge is frequency adjectives (16). They were found in both sub-corpora, but their share was smaller than that of probability adjectives (0.17 vs. 1.03 per 1000 words in SC1 and SC2, respectively).

- (16) *В статье выявляются причины **частого** употребления уменьшительно-ласкательных суффиксов в национальных вариантах испанского языка Перу и Боливии.* (In the article reasons for the **frequent** use of diminutive suffixes in the national variants of Spanish in Peru and Bolivia are identified). (SC1)

Adverbs and adverbial expressions were often used by Russian authors to express probability, frequency of occurrence, or uncertainty. The example below seems to be largely concerned with probability.

- (17) *При высокой степени условности разделения параллельных текстов все же **возможно** выделение существенных для перевода одинаковых параметров.* (With a high degree of conventional division of parallel texts, it is still **possible** to identify identical parameters essential for translation). (SC2)

One more category of adverbs and adverbial expressions employed to express hedging is approximative adverbs and adverbial expressions, which were frequently used in SC2, while in SC1 their rate was less significant (18, 19).

- (18) *К 2011 г. «академическая репутация» предстает как неустойчивое понятие, отсылки к академической репутации создают **главным образом** эмоциональную привлекательность для продвижения образовательных услуг.* (By 2011 “academic reputation” appears to be an unsustainable concept, references to academic reputation **mainly** create emotional appeal for promoting educational services). (SC1)
- (19) *Отмечен **достаточно** низкий уровень функционирования авторских (оказиональных) афоризмов в региональных языках.* (A **rather** low level of functioning of author's (occasional) aphorisms in regional languages was observed). (SC2)

This group scales down the intensity of adjectives, reducing the affective impact of statements.

One more group of adverbs and adverbial expressions employed to mark reliability is adverbs of frequency (20, 21), which were regularly used in both sub-corpora.

- (20) *Как правило, развертывание и включение предполагают алогичность.* (As a rule, deployment and inclusion suggest illogicality). (SC2)
- (21) *В статье раскрываются лингвопрагматические особенности реализации речевого акта Приглашение в американской коммуникативной культуре, которые часто являются причиной коммуникативных неудач в межкультурном общении.* (In the article the linguopragmatic features of the speech act Invitation in American communicative culture, which are often the cause of communicative failures in intercultural communication, are described). (SC1)

The hedges are used to moderate the assertive statements, impart vagueness and generality to the propositions.

One more functional category — **quantifiers** — was quite often used by Russian authors in both periods (22, 23). The frequency of occurrence of this functional category was rather high as compared to other categories used for hedging.

- (22) *При этом данная система вызывает много трудностей как при изучении родного языка, так и иностранного.* (At the same time, this system causes many difficulties both in the study of native and foreign language). (SC1)
- (23) *Также выявляются некоторые зависимости в реализации данных лингвистических показателей и способов графического маркирования салиентности.* (Some dependencies in the implementation of these linguistic indicators and methods of graphic marking of salience are also revealed). (SC2)

Table 5 shows the most frequent realizations of accuracy-oriented hedging in the two sub-corpora by functional categories.

Table 5. Most frequent accuracy-oriented hedges by functional categories (listed in descending order of frequency)

SC1		SC2	
Verbs		Verbs	
Epistemic verbs	<i>считать</i> 'consider'	Epistemic verbs	<i>предполагать</i> 'imply' <i>считать</i> 'consider'
Reporting verbs	<i>рассматривать</i> 'consider'	Reporting verbs	<i>рассматривать</i> 'consider' <i>описывать</i> 'describe'
Modal verbs	<i>анализировать</i> 'analyze' <i>мочь</i> 'can'	Conative verbs	<i>пытаться</i> 'try'
		Modal verbs	<i>мочь</i> 'can'

SC1		SC2	
<i>Nouns</i> Epistemic nouns Probability nouns Conative nouns	<i>Гипотеза</i> 'hypothesis' <i>возможность</i> 'possibility' <i>вероятность</i> 'probability' <i>попытка</i> 'attempt'	<i>Nouns</i> Epistemic nouns Probability nouns Assertive nouns Conative nouns	<i>гипотеза</i> 'hypothesis' <i>оценка</i> 'assessment' <i>интерпретация</i> 'interpretation' <i>возможность</i> 'possibility' <i>вероятность</i> 'probability' <i>потенциал</i> 'potential' <i>тенденция</i> 'trend' <i>прогноз</i> 'prediction' <i>попытка</i> 'attempt'
<i>Adjectives</i> Probability adjectives Frequency adjectives	<i>возможный</i> 'possible' <i>сомнительный</i> 'doubtful' <i>спорный</i> 'disputable' <i>регулярный</i> 'recurrent'	<i>Adjectives</i> Probability adjectives Frequency adjectives	<i>очевидный</i> 'obvious' <i>возможный</i> 'possible' <i>вероятный</i> 'probable' <i>гипотетический</i> 'hypothetical' <i>явный</i> 'evident' <i>частый</i> 'frequent' <i>регулярный</i> 'regular'
<i>Adverbs and adverbial expressions</i> Approximative adverbs and adverbial expressions Frequency adverbs Probability adverbs	<i>главным образом</i> 'mainly' <i>достаточно</i> 'rather' <i>в целом</i> 'in general' <i>часто</i> 'often' <i>обычно</i> 'usually' <i>иногда</i> 'sometimes' <i>возможно</i> 'possible' <i>очевидно</i> 'obvious'	<i>Adverbs and adverbial expressions</i> Approximative adverbs and adverbial expressions Frequency adverbs Probability adverbs	<i>прежде всего</i> 'first of all' <i>почти</i> 'almost' <i>более</i> 'more' <i>как правило</i> 'as a rule' <i>часто</i> 'often' <i>регулярно</i> 'regularly' <i>вероятно</i> 'probably' <i>возможно</i> 'possibly' <i>предположительно</i> 'presumably'
<i>Quantifiers</i>	<i>много</i> 'many', 'much'	<i>Quantifiers</i>	<i>некоторые</i> 'some' <i>несколько</i> 'several' <i>часть</i> 'part'

4.5. Reader-oriented hedging and functional categories

In the corpus, hedges were used not only as a strategy to convince the reader to continue reading the article by demonstrating that the author has the professional credibility to address the topic, but also to invite the audience to get involved in a discussion about the writers' views. This function is realized through the use of *reader-oriented hedges*. In contrast to content-oriented hedging devices, this group

accounts for only 8% and 7% in SC1 and SC2, respectively. Here are examples from the corpus.

- (24) *Мы рассматриваем такие параметры текста, как полифункциональность, многозначность и антропоцентричность, и выявляем три его важнейшие функции: когнитивную, коммуникативную и эстетическую. (We consider such parameters of the text as polyfunctionality, ambiguity and anthropocentricity, and identify three of its most important functions: cognitive, communicative and aesthetic). (SC2)*
- (25) *Материалом для исследования служат тексты анекдотов на испанском языке из сборников анекдотов, периодики, интернет-сайтов, а также нами исследуются образцы данного речевого жанра, полученные от информантов — носителей испанского языка (пиренейский вариант). (The material for the study is Spanish texts of jokes from the collections of jokes, periodicals, websites, and samples of this speech genre received from informants – native speakers of Spanish (Pyrenean version) — are also analyzed by us). (SC1)*

The first person plural pronouns are used to soften the effect of criticism. As Hyland (1996: 20) put it, “an overt acceptance of personal responsibility mitigates the expression of a proposition and signifies a reader-oriented hedge”. The analysis revealed that the first person plural and possessive pronouns were the only functional categories used for reader-oriented hedging in the corpus (see Table 6).

Table 6. Most frequent reader-oriented hedges by functional categories (listed in descending order of frequency)

SC1		SC2	
<i>Pronouns</i>		<i>Pronouns</i>	
First person plural pronouns	<i>мы 'we'</i>	First person plural pronouns	<i>мы 'we'</i>
Possessive pronouns	<i>нам(и) 'us'</i>	Possessive pronouns	<i>наш 'our'</i>
	<i>наш 'our'</i>		
	<i>наши 'our'</i>		

The corpus-based analysis revealed several instances of first-person plural pronouns even in the single-authored articles (0.19 per 1,000 words in SC1 and 0.11 per 1,000 words in SC2). I can assume that this trend reflects culture-specific writing preferences or inexperience of some Russian authors with international academic writing conventions. Even in our globalized world, some scholars tend to adhere to well-established writing standards of their national academic communities. This view was also supported by Shchemeleva (2019), who explains writing preferences by national traditions, which give no room to make pronominal choices. In the literature, the heavy use of first-person plural pronouns, which is seen as inappropriate in English academic prose, is also explained by the author’s desire to enhance the significance of the work presenting his/her claims as the opinion of a scientific school. In addition, as Krapivkina (2014) put it, the use of

first-person plural pronouns instead of “I” by Russian scholars is rooted in collectivism typical of Russian culture and unconscious fear of manifesting individual contributions to the field. Collectivism makes scholars write on behalf of a larger academic community and hide their authorial ego. One more explanation of using first-person plural pronouns instead of the first-person “I” was provided by Kozhina (1977), who believes that authorial “we” is used to show modesty. In the same vein, Larina et al. (2017: 123) claim that “I” is hardly used in Russian academic discourse, as it is associated with arrogance and “it is considered stylistically inappropriate to make the authorial voice so visible”.

5. Concluding remarks

This article explored hedging in Russian-medium RA abstracts from a diachronic perspective, which previously did not attract much attention of linguists. Although recently many studies on hedging in academic discourse have emerged, they have focused on a synchronic perspective only. This article adopted a diachronic approach dealing with variation in the use of hedging devices in Russian academic prose in the two different periods. At the beginning of this research the assumption was that the distribution of functional categories of hedges in Russian-medium RA abstracts had evolved over time. The study confirmed this assumption. In 2008–2014, Russian authors showed a tendency to underuse hedges and regularly employed only three functional categories of lexical items. The study revealed that in the first period of research (2004–2008) hedging was most frequently realized through modals, reporting verbs and quantifiers. In the second time span (2015–2021), reporting verbs, epistemic verbs and adjectives of probability were among the most frequent functional categories. Overall, the distribution of functional categories of hedging changed in the second period when hedging was realized through a variety of lexical means belonging to different functional categories.

In terms of the functions of hedging employed, the difference was also striking. In 2008–2014 the Russian authors used hedges to diminish their presence in the text, while in 2015–2021 they hedged to point toward possible methodological limitations and to signal inaccuracies of research results. In other words, in 2008–2014 the authors preferred writer-oriented hedges to shield themselves from the consequences of opposition, whereas in 2015–2021 accuracy-oriented hedges were frequently employed to negotiate the precision of claims and convey an attitude towards them. The reasons for these differences are complex, but I can attribute them to the weakening intrusion of national Russian criteria of good writing in 2015–2021 when Russian academic writers gained greater awareness of the international academic writing norms due to the need to publish internationally. Russian writers have been learning to present their claims cautiously and accurately both in Russian- and English-medium texts. However, some trends in the abstracts selected to build the corpus seem to contradict international academic writing

requirements. These include the employment of passive voice instead of active voice or first-person plural pronouns in single-authored academic texts. These trends were explained in cultural terms as an accepted Russian academic writing practice. Russian scholars are instructed to avoid authorial я ('I') and use passive voice or first-person plural pronouns instead. What is promising however, is that the number of these metadiscourse elements has slightly decreased in SC2, which also indicates that Russian writers have become more aware of international academic writing style.

It should be admitted here that the research results presented in the article are limited due to a small size of the corpus. Further research involving longer periods would be required to verify findings on diachronic variation in the metadiscourse patterns. Hedges could be also investigated from other perspectives. It would be interesting to compare the distribution of hedges in English-and Russia-medium RA abstracts by Russian scholars. In this way, we will be able to reveal differences in the employment of hedges in the international and national academic contexts and provide novice writers with guiding principles regarding hedging in academic prose. Cross-cultural and cross-disciplinary variation in the use of hedges in RA abstracts could be also of interest. This study focused on only one type of interactional metadiscourse. Further research into other metadiscourse markers, such as boosters, self-mentions, or attitude markers, would broaden the scope. Last but not least, future research could involve interviews of academic writers to analyze considerations they take into account when using metadiscourse in their English-or Russian-medium research articles. Thus, despite the above-mentioned limitations, this study could be seen as a starting point for future studies of metadiscourse in academic prose from cross-disciplinary, cross-cultural or diachronic perspectives.

REFERENCES

- Al-Khasawneh, Fadi Maher. 2017 A genre analysis of research article abstracts written by native and non-native speakers of English. *Journal of Applied Linguistics and Language Research* 4 (1). 1–13.
- Alonso-Almeida, Francisco. 2014. Evidential and epistemic devices in English and Spanish medical, computing and legal scientific abstracts: A contrastive study. In Marina Bondi & Rosa Lorés Sanz (eds.), *Abstracts in academic discourse: Variation and change*, 11–23. Bern: Peter Lang.
- Alward, Ali. 2012. Hedges and Boosters in the Yemeni EFL Undergraduates' Persuasive Essay: An Empirical Study. *The Internet Journal of Language, Culture and Society* 34. 1–12.
- Aull, Laura & Zak Lancaster. 2014. Linguistic Markers of Stance in Early and Advanced Academic Writing: A Corpus-based Comparison. *Written Communication* 31 (2). 151–183.
- Belyakova, Maria. 2017. English-Russian cross-linguistic comparison of research article abstracts in geoscience. *Estudios de Lingüística Universidad de Alicante* 31. 27–45.
- Brown, Penelope & Stephen Levinson. 1987. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge University.
- Channel, Joanne. 1994. *Vague Language*. Oxford University Press.

- Chen, Chenghui & Lawrence Jun Zhang. 2017. An intercultural analysis of the use of hedging by Chinese and Anglophone academic English writers. *Applied Linguistics Review* 8 (1). 1–34.
- Clemen, Gudrun. 1997. The concept of hedging: Origins, approaches and definitions. In Raija Markkanen & Hartmut Schröder (eds.), *Hedging and discourse. Approaches to the analysis of a pragmatic phenomenon in academic texts*, 235–248. New York: Walter de Gruyter.
- Connor, Ulla & Anna Moreno. 2005. Tertium comparationis: A vital component in contrastive rhetoric research. In Paul Bruthiaux (ed.), *Directions in applied linguistics: Essays in Honor of Robert B. Kaplan. Multilingual matters*, 153–164. Clevedon.
- Crompton, Peter. 1997. Hedging in academic writing: Some theoretical problems. *English for Specific Purposes* 16 (4). 271–287.
- Crismore, Avon & William Vande Kopple. 1988. Reader's learning from prose. The effect of hedges. *Written Communication* 5 (2). 184–202.
- Dontcheva-Navratilova, Olga. 2016. Cross-cultural variation in the use of hedges and boosters in academic discourse. *Prague Journal of English Studies* 5 (1). 163–184.
- Haufiku, Nafital & Jairos Kangira. 2018. An exploration of hedging and boosting devices used in academic discourse focusing on English theses at the University of Namibia. *Studies in English Language Teaching* 6 (1). 1–11.
- Heng, Chan & Helen Tan. 2022. *May BE, Perhaps, I Believe, You Could Making Claims and the Use of Hedges*. University of Malaysia.
- Holmes, Richard. 1997. Genre analysis and the Social science: An investigation of the structure of research article discussion sections in three disciplines. *English for Specific Purposes* 16. 321–337.
- Hu, Guangwei & Feng Cao. 2011. Hedging and boosting in abstracts of applied linguistics articles: A comparative study of English-and Chinese-medium journals. *Journal of Pragmatics* 43 (1). 2795–2809.
- Hubler, Axel. 1983. *Understatements and Hedges in English*. Amsterdam and Philadelphia, PA: John Benjamin's PC.
- Hyland, Ken. 1995 The author in the text: Hedging in scientific writing. *Hong Kong Papers in Linguistics and Language Teaching* 18. 33–42.
- Hyland, Ken. 1996. Writing without conviction? Hedging in scientific research articles. *Applied Linguistics* 17. 433–454.
- Hyland, Ken. 1998. *Hedging in Scientific Research Articles*. Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Hyland, Ken. 2004. *Disciplinary Discourses: Social Interactions in Academic Writing*. Ann Arbor: The University of Michigan Press.
- Hyland, Ken & Hang Zou. 2021. "I believe the findings are fascinating": Stance in three-minute these. *Journal of English for Academic Purposes* 50. 100973.
- Ji, Xiaoli. 2015. Comparison of abstracts written by native speakers and second language learners. *Open Journal of Modern Linguistics* 5. 470–474.
- Kozhina, Margarita. 1977. *Stylistics of the Russian Language*. Moscow: Prosveshchenie.
- Kozubíková Šandová, Jana. 2021. Interpersonality in research article abstracts: A diachronic case study. *Discourse and Interaction* 14 (1). 77–99.
- Krapivkina, Olga. 2014. Pronominal choice in academic discourse. *Middle-East Journal of Scientific Research* 20 (7). 833–843.
- Lakoff, John. 1973. The logic of politeness: Or, minding your p's and q's. In Claudia Corum (ed.), *Papers from the 9th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*, 292–305. Chicago Linguistic Society.

- Larina, Tatiana, Vladimir Ozyumenko & Svetlana Kurteš. 2017. I-identity vs we-identity in language and discourse: Anglo-Slavonic perspectives. *Lodz Papers in Pragmatics* 13 (1). 109–128.
- Larina, Tatiana & Douglas Mark Ponton. 2020. Tact or frankness in English and Russian blind peer reviews. *Intercultural Pragmatics* 17 (4). 471–496.
- Lenardič, Jakob & Darja Fišer. 2021. Hedging modal adverbs in Slovenian academic discourse. *Slovenščina 2.0* 9 (1). 145–180.
- Markkane, Raija & Hartmut Schröder. 1997. Hedging: A challenge for pragmatics and discourse analysis. In Pakja Markkanen & Hartmut Schröder (eds.), *Hedging and discourse: Approaches to the analysis of a Pragmatic phenomenon in academic texts*, 3–18. Berlin: Walter de Gruyter.
- Martin, Pedro. 2001. Epistemic modality in English and Spanish psychological tests. *Revista de Lenguas para Fines Específicos* 8. 195–208.
- Mauranen, Anna. 1997. *Hedging and Discourse. Approaches to the Analysis of a Pragmatic Phenomenon in Academic Texts*. New York: Walter de Gruyter.
- Myers, Greg. 1989. The pragmatics of politeness in scientific articles. *Applied Linguistics* 10. 1–35.
- Petchkij, Worawanna. 2019. Explicit teaching of hedges: Bringing hedging in academic writing into the Thai EFL Classroom. *Electronic Journal of Foreign Language Teaching* 16 (1). 95–113.
- Prince, Elen. 1982. *On Hedging in Physician Discourse*. Amsterdam: Ablex Publishing Corporation.
- Rezanejad, Atefeh. 2015. A Cross-Cultural Analysis of the Use of Hedging Devices in Scientific Research Articles. *Journal of Language Teaching and Research* 6 (6). 1384–1392.
- Salager-Meyer, Françoise. 1994. Hedges and textual communicative function in medical English written discourse. *English for Specific Purpose* 13 (2). 149–170.
- Shchemeleva, Irina. 2019. “It seems plausible to maintain that...”: Clusters of epistemic stance expressions in written academic ELF texts. *ESP Today* 7 (1). 24–43.
- Sládková, Vera. 2017. Hedging in academic discourse: Native English speakers vs. Czech and Slovak writers. *Littera Scripta* 10 (2). 110–129.
- Takimoto, Masahiro. 2015. A Corpus-based analysis of hedges and boosters in English academic articles. *Indonesian Journal of Applied Linguistics* 5 (1). 95–105.
- Thuy, Nguen Thi Thuy. 2018. A Corpus-based study on cross-cultural divergence in the use of hedges in academic research articles written by Vietnamese and native English-speaking authors. *Social Sciences* 7 (4). 1–13.
- Varttala, Teppo. 2001. *Hedging in Scientifically Oriented Discourse: Exploring Variatio*. University of Tampere.
- Vassileva, Irena. 2001. Commitment and detachment in English and Bulgarian academic writing. In Anna Duszak (ed.), *Culture and styles of academic discourse*, 83–103. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Yagiz, Oktay & Cuneyt Demir. 2014. Hedging strategies in academic discourse: A comparative analysis of Turkish writers and native writers of English. *Procedia – Social and Behavioral Sciences* 158. 260–268.

Article history:

Received: 18 January 2022

Accepted: 21 April 2022

Bionote:

Olga A. BOGINSKAYA is Doctor Habil., Professor at the Department of Foreign Languages, Irkutsk National Research Technical University. Her research interests lie in the field of professional and academic discourse studies. She has publications in peer-reviewed academic journals in the field of linguistics such as *Discourse Studies*, *ESP Today*, *Revista de Llengua et Drett*, *Elope: English Language Overseas Perspectives and Enquire*, *Slavia Centralis*, *International Journal of Language Studies* among others.

e-mail: olga_boginskaya@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9738-8122

Сведения об авторе:

Ольга Александровна БОГИНСКАЯ – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Института лингвистики и межкультурной коммуникации Иркутского национального исследовательского технического университета. Область исследовательский интересов: анализ профессионального и академического дискурса. Имеет публикации в ряде высокорейтинговых лингвистических журналов: *Discourse Studies*, *ESP Today*, *Revista de Llengua et Drett*, *ELOPE: English Language Overseas Perspectives and Enquire*, *Slavia Centralis*, *International Journal of Language Studies* и др.

e-mail: olga_boginskaya@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9738-8122

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-26692>

Research article / Научная статья

Double or half reading, double or full meaning: Amphibological and anacoluthic syntax through the lens of Qur'an translators

Hamada HASSANEIN

*Prince Sattam bin Abdulaziz University, Alkharj, Saudi Arabia
Mansoura University, Mansoura, Egypt*

 h.hassanein@psau.edu.sa

Abstract

The Qur'an abounds in multifaceted ambiguous and elliptical structures which sometimes attest its idiosyncratic rhetorical style and challenging formal correspondence and dynamic/functional equivalence between Arabic and English. Although previous translation studies on Qur'anic ambiguity and ellipsis are manifold, there is a paucity of past literature on amphibol(og)y and a dearth of previous research on anacoluthon in the Qur'an in particular. Therefore, the need for this study arises from the necessity to examine these two understudied syntactic phenomena, technically *al-labs an-nahwi*: ('amphibology') and *fuqda:n at-tata:bu^c* ('anacoluthon'), through the lens of Qur'an translators and to assess the translational quality of transposing meaning duplicity and interpretive multiplicity from Qur'anic Arabic (in)to English. The specific objectives are to investigate how Qur'an translators resolved amphibolies while rendering verses superscripted by the interchangeable pause sign (: ∴) and to explore how they sequentialised anacolutha when translating anacoluthic verses marked by the elliptical sign (...). The study employs the qualitative contrastive method for a contrastive translational analysis of a typologically limited number of amphibolous and anacoluthic verses retrieved from the Qur'anic Arabic Corpus (QAC). Findings show that amphibology and anacoluthon are so challenging to Qur'an translators that there are remarkable variations in ambiguity resolution and anacoluthon sequentialisation. Qur'an translators act occasionally as explicators, implicators and neutralisers of its message and epitomise heterosubjectivity and asymmetry in interpretative choices. The implications of these findings for Qur'an Translation Studies (QTS) highlight the importance of paratexts and epitexts for amphibological and anacoluthic syntax in translation. According to Genette (1997), paratexts and epitexts are thresholds of interpretation that add haunting subtexts to texts in translation. Subtexts are necessary to provide essential information or commentary on the translation of the original text.

Keywords: *al-labs an-nahwi*: ('amphibology'), *fuqda:n at-tata:bu^c* ('anacoluthon'), *A-E Qur'an translation*, *explicitation*, *heterosubjectivity*

© Hamada Hassanein, 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation:

Hassanein, Hamada. 2022. Double or half reading, double or full meaning: Amphibological and anacoluthic syntax through the lens of Qur'an translators. *Russian Journal of Linguistics* 26 (3). 668–700. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-26692>

**Двойное или половинное прочтение,
двойное или полное значение:
амфибологический и анаколутический синтаксис
глазами переводчиков Корана**

Хамада ХАССАНЕЙН

*Университет Принца Саттама бин Аббдулазиза, Эль-Хардж, Саудовская Аравия
Мансурский университет, Мансура, Египет*

 h.hassanein@psau.edu.sa

Аннотация

Коран изобилует многоплановыми двусмысленными и эллиптическими конструкциями, которые характеризуют его своеобразный риторический стиль, а также осложняют поиск формального соответствия и динамической/ функциональной эквивалентности между арабским и английским языками. Хотя в переводоведении существуют многочисленные исследования, посвященные двусмысленности и эллипсису в Коране, проблемы амфибологического и анаколутического синтаксиса изучены недостаточно. В связи с этим возникает необходимость рассмотреть два синтаксических явления – амфибологию (*al-labs an-naḥwi:*) и анаколуф (*fiquḍa:n at-tata:bu*) – с точки зрения переводчиков Корана и оценить качество перевода путем транспонирования двусмысленности и интерпретативной неоднозначности Корана из арабского языка в английский. Основная задача исследования – проанализировать, каким образом переводчики Корана при переводе стихов справлялись с амфиболией и анаколуфом, соответственно обозначенными в статье значками ($\therefore \therefore$) и (...). В процессе работы использовался качественный контрастивный метод для проведения контрастивного переводческого анализа типологически ограниченного количества амфибологических и анаколутических стихов, отобранных из Коранического корпуса арабского языка (QAC). Результаты проведенных изысканий показывают, что амфибология и анаколуф столь трудны для переводчиков Корана, что наблюдаются существенные расхождения между тем, как разные переводчики подходят к их интерпретации. Одни прибегают к толкованиям, другие – к импликации, третьи – к нейтрализации идеи сообщения, что свидетельствует о гиперсубъективности и асимметричности выбора интерпретации. Вклад исследования в кораническое переводоведение заключается в том, что оно показывает значимость паратекстов и эпитекстов для анафибологического и анаколутического синтаксиса в переводе. Паратексты и эпитексты выступают как «порог интерпретации» в терминологии Ж. Женетта (Genette 1997), привнося в текст перевода значимые подтексты. Подтексты необходимы для предоставления существенной информации или комментария к переводу оригинального текста.

Ключевые слова: амфибология, анаколуф, перевод Корана с арабского языка на английский, экспликация, гетеросубъективность

Для цитирования:

Hassanein H. Double or half reading, double or full meaning: Amphibological and anacoluthic syntax through the lens of Qur'an translators. *Russian Journal of Linguistics*. 2022. V. 26. № 3. P. 668–700. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-26692>

1. Introduction

The idea of this study grew out of a first-hand English translation of one of the oldest but most reliable sources on the Muslim conquests of Syria (Hassanein & Scheiner 2020). Therein the translators adopted an SL¹-oriented philological approach to the (un)translatability of *al-iltifa:t* ('deictic shift') and *fuqda:n at-tata:bu^c* ('anacoluthon') as proper manifestations of ambiguous and anacoluthic Arabic syntax believed to be modelled basically on Qur'anic syntax (see Kha:tir 2000: 42, Kiss & Alexiadou 2015: 100). The present study limits its scope to two under-examined syntactic phenomena in Qur'anic Translation Studies (QTS). One is *al-labs an-nahwi:* ('syntactic ambiguity/amphibology'), which figures prominently in *a:ya:t at-ta^ca:nuq* ('inter-embracing verses'). These Qur'anic verses are superscripted by two inter-embracing pause signs (· ·), whereby reading and meaning differ based on which pause sign the Qur'an reciters pause at (see Al-Harbi: 2004). The other is *fuqda:n at-tata:bu^c* ('anacoluthon') which is defined in Arabic rhetoric as an abrupt shift to a second sentence before the first is meaningfully completed (see Ha:mid & Qandi:l 2019: 100). These two syntactic phenomena typify *al-ija:z bi-l-hadhf* ('brevity by ellipsis'), which gruellingly challenges the Qur'an translator.

The Qur'anic text attracts so riveting and scrupulous research that each of its linguistic phenomena may be subjected to many scholarly endeavours (see Mohagheh & Pirnajmuddin 2013, Abdul-Ghafour et al. 2019, Raoufkazemi et al. 2020, Alduhaim 2021). Abdul-Raof (2001: 68) argues that the Qur'anic language is characterised by rhetorically, syntactically, semantically, phonetically, and pragmatically idiosyncratic and prototypical features which render it roughly (un)translatable.² Therefore, advocates of the untranslatability of the Qur'an contend that however professionally gifted the translators are, there is a slim opportunity that they are able to transfer the dynamic effect of utterances as they are in the Qur'an (El-Hadary 2008: 39). On the translation of the Qur'an, Naudé (2010: 289) expounds that no existing translation in English reflects the language-dependent nature of the performance of the Qur'an or mirrors its majesty and aesthetic appeal. He (2010: 286) states that what is required is a target-oriented strategy to serve a new *skopos* independent of that of the original rather than strive for equivalence.

---

¹ See Appendix 1 for full forms of the abbreviations and typographical conventions and Appendix 2 for transliteration symbols for Arabic vowels and consonants.

² For an informative review of the untranslatability of Qur'anic discourse due to its unique and sophisticated character, see Abdul-Raof (1999) and Hassanein (2017).

A constellation of translation scholars raise counterarguments that prioritise the ST over the TT. Newmark (1988: 220) advises the translators to reproduce the intentional ambiguity whenever possible, and if its reproduction is impossible, they may translate the most probable sense and footnote the less probable if they believe it to be important. Baker (1992) gives equivalence prominent significance in translation to the extent that she tackles problems arising from a lack of equivalence at different linguistic levels. Pym (1995: 168) asserts that theorists who oppose equivalence do not have “a restrictive definition of translation”. Nida (2001: 1) regards faithful equivalence in meaning as an additive, not competitive, factor besides clarity of form and elegance of content. Dickens et al. (2016: 16) state that the inability to achieve equivalence is a translation loss. Mustafa (2019: 29) considers equivalence to be so essential a component of translation that its absence presents a problem in giving it a tangible definition.

The present study seeks to examine how Qur’an translators have handled the syntactic complexities stemming from the two understudied issues in focus: amphiboly and anacoluthon. The rationale for laying special emphasis on these two particular phenomena develops from the literature review which reveals that they pass untended in Qur’an Translation Studies and the postulation that they bring Qur’an translators into a translational dilemma: a quandary over explicitation, implicitation, or neutralisation. The specific objectives are

- a. to investigate how the Qur’an translators resolved syntactic ambiguities during their rendering of inter-embracing verses signalled by the pause sign (∴), and
- b. to explore how they sequentialised anacolutha while translating anacoluthic verses marked by the elliptical sign (...).

The compendious inquiry is whether or not they disambiguated amphiboly and sequentialised anacoluthon while translating Qur’anic syntax.

2. Preliminaries

This section introduces the target reader to the state-of-the-art literature review and cutting-edge theoretical preliminaries to the two issues under scrutiny.

2.1. *Waqf at-ta^ca:nuq* (‘inter-embracing pause’) in Arabic

Waqf at-ta^ca:nuq or *at-taja:dhub* (‘inter-embracing or inter-attracting pause’) creates syntactic ambiguities in a limited number of Qur’anic verses referred to as *a:ya:t al-mu^ca:naqa* (‘inter-embracing verses’), which are superscripted by a double pause sign (∴) (see Omer 1997, Al-Harbi: 2004). In these verses, a pause at one sign necessitates a non-pause at the other, leading to different interpretations and translations. The two signs work on a complementary or binary basis in that they are mutually exclusive in Qur’anic *tajwi:d* (‘articulate recitation’). A pause at either sign requires a continuation at the other. Al-Harbi: (2004: 4) argues that *waqf at-ta^ca:nuq* is a subjective and problematic choice of reading, interpretation, and

translation, claimed to have been first attended by Abu:-l-Fadl Al-Ra:zi: who named it after *al-mura:qaba* ('surveillance') in *al-aru:d* ('prosody'). Figure 1 shows Qur'an recitation signs, of which the interchangeable pause sign comes last on the left.

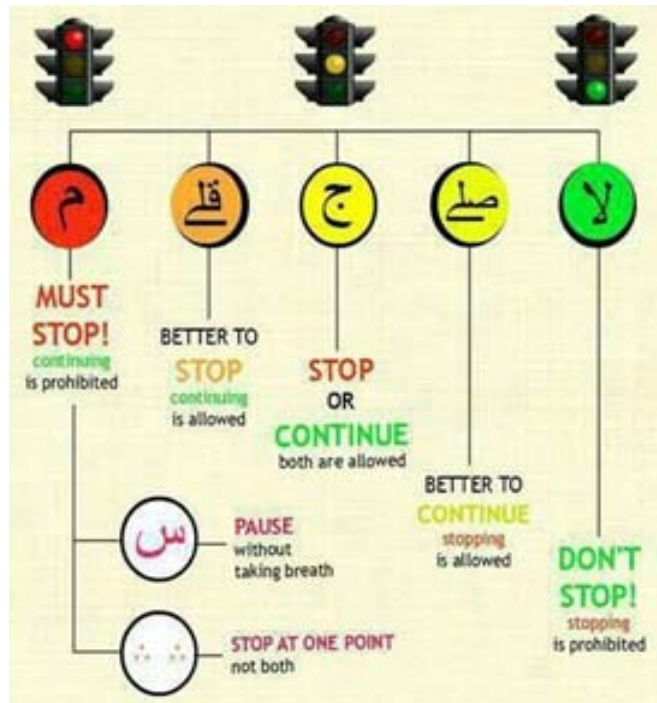

Figure 1. Signs of *al-waqf* ('pause') in Qur'an recitation

Source. www.google.com by Dna Aryanti

“The issue of identifying ambiguities in the Arabic language has been ignored in almost all the systems that attempted to process Arabic” (Daimi 2001: 346). The case is rather deplorable with respect to Qur'anic syntactic ambiguity that has not received erudite attention in Qur'an translation. Most related to this study is a work undertaken by Al-Ali & Al-Zoubi (2009) on the different meanings triggered by different pausings in syntactically ambiguous (amphibolous) Qur'anic verses. Their purpose was to examine how the Qur'an translators rendered variously meaningful and interpretable verses whose meanings depend upon where the syntactic pause occurs. Findings showed that Qur'an translators opted only for one meaning and ignored the others. In this regard, Newmark (1982: 25) confirms that in all cases of ambiguity, the translators have to consider that the case may be so deliberate that they are obliged to reproduce it in the original or disambiguate it according to the co(n)text, paratextualising, however, the less likely meaning if it might be the intended one. Al-Jarrah, Abu-Dalu & Obiedat (2018) postulate that a good translation of strategic ambiguous structures in CA is not that which interprets the ST, but which leaves the door open for all the interpretations triggered by it, and therefore recommends the direct-translation method because it helps the target

reader to draw inferences from given contextual information. In terms of Vermeer’s *Skopos Theory*, when a text is ambiguous, it can be literally translated but then explained in a footnote (Munday 2008, qtd. in Abdelaal 2019: 3).

2.2. *Fuqda:n at-tata:bu^c* (‘anacoluthon’) in Arabic

Fuqda:n at-tata:bu^c (‘anacoluthon’), Gr. “lack of sequence or wanting sequence”, is defined in passing in Arabic rhetorical studies as “the sudden change of syntax in a sentence” (Wansbrough 1970: 255), which denotes a break of structure, an incomplete construction, and a disruption of grammar within a sentence. Previous literature on anacoluthon in Arabic is extremely sparse and leaves so wide a gap that I hope to bridge and fill by building on western scholarship and conflating insights thereof into a *de facto* melting pot (e.g. Kaltenböck 2007, Mieszkowski 2009, Darir 2012, Greene et al. 2012, Greene & Cushman 2016, Lane 2018, Allaihy 2019, Ha:mid & Qandi:l 2019). The most common forms of anacoluthon are the so-called “absolute nominative” and the absence of the second conjunction of a correlative expression known as “*particula pendens*” when it relates to correlatives (e.g., “both...and”), or as anapodoton (“wanting the apodosis” in Greek) when it relates to the absence of a main clause in a conditional sentence (see Greene & Cushman 2016). A subclass of anapodoton is anantapodoton, in which the subordinate clause is incomplete (see Greene et al. 2012: 46, Greene & Cushman 2016: 11).

Mieszkowski (2009: 648) associates anacoluthon with aposiopesis, in which a sentence breaks off and never continues, and anapodoton, in which a sentence commences with a subordinate clause not followed by a main clause. Anapodoton (Gr. anapodosis “without a main clause”) is said to be the most common form of anacoluthon in the Qur’an (e.g., Justice 1987 qtd. in Ha:mid & Qandi:l 2019: 101, Darir 2012: 10) and hence is subsumed under *al-hadhf* (‘ellipsis’)—clausal ellipsis in which *fi^cl ash-shart_t* (‘the protasis’), the subordinate clause, of a conditional sentence is given whereas *jawa:b ash-shart_t* (‘the apodosis’), the main clause, is not mentioned but is inferable from the co(n)text (see Mir 2006: 99, Abdul-Raof 2019: 138, Allaihy 2019: 13).

3. Methodology

Taking no exhaustive stance for space reasons, this section presents a representative sample dataset of Qur’anic verses claimed by a great majority of exegetes, if not by consensus, to be typical of syntactic ambiguity and anapodotic anacoluthon, and a transparent pathway of analysis for the readers to follow.

3.1. Dataset

Due to space and word limits, the dataset collected and designed for the present study is intended to be representative of the syntactic profiling of the phenomena under scrutiny—a dataset amenable to a rigorous analysis from a contrastive

unidirectional translational perspective (SL=L1(A)→TL=L2(E), as put in Klaudy 2005: 13). To achieve the purpose of the study, seven translations that are accessible in the Quranic Arabic Corpus (QAC)³ online have been selected for the contrastive analysis: Sahih International (SI), Marmaduke Pickthall (MP), Yusuf Ali (YA), Habib Shakir (HS), Muhammad Sarwar (MS), Mohsin Khan (MK), and John Arberry (JA). Abdul-Raof (2001: 74) says that an exegesis-free translation which is considered a notoriety for unorthodoxy and heterodoxy requires a consultation of Qur'anic exegeses to decide on the accurate interpretation for transference into the TT. Two linguistically oriented exegeses are employed as counter-reference points for the contrastive analysis: *al-Kashsha:f* (Az-Zamakhshari: 1998) and *at-Tahri:r wa-t-Tanwi:r* (Ibn 'A:shu:r 1984).

3.2. Approach

This study combines the literal and contrastive methods of analysis. The intralingual syntagmatic analysis of clause structure requires a glossing for tree diagramming, bracketing, disambiguation, and sequentialisation. The interlingual syntagmatic analysis of clause structure necessitates using the contrastive linguistic method to compare the structural differences between a pair of languages. This combinative method analyses the (a)symmetry of interlingual transfer, using the unidirectionally contrastive approach (L1→L2, as Klaudy (2005: 15) notates it). On contrastive analysis, Crystal (2008: 112) writes: “A general approach to the investigation of language ... particularly ... in certain areas of applied linguistics, such as ... translation. In a contrastive analysis of two languages, the points of structural difference are identified and ... studied as areas of potential difficulty.”

4. Analysis

This section introduces a qualitative contrastive analysis of the dataset of *a:ya:t at-ta^ca:nuq* (‘inter-embracing verses’) and *a:ya:t fuqda:n at-tata:bu^c* (‘anacoluthic verses’) as collected from the Qur'anic text in comparison with their target equivalents.

4.1. Amphibological syntax

Syntactic ambiguity in this study is limited to *a:ya:t at-ta^ca:nuq* (‘inter-embracing verses’) which have not been duly investigated from a syntactic perspective in a contrastive translational context. That the double inter-embracing pause signs (‘ ‘) are superscripted only in the Qur'anic Arabic verses necessitates quoting them first in transliterations to be followed by ST glossings and by their TT translations. The verses in focus are analysed and discussed in their numerical order in the ST and accordingly in the TT.

---

³ This corpus has been designed by the Language Research Group at the University of Leeds. For a counter-reference, see <http://corpus.quran.com/translation.jsp>.

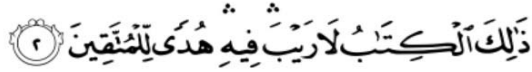
4.1.1. PP attachment

Example (1)

Verse: *dha:lik al-kita:b la: rayb fi:h huda: li-l-muttaqi:n.*

Gloss: That the-Book no doubt in-it guidance to-the-pious.

Chapter (2) sūrat l-baqarah (The Cow)

Sahih International: This is the Book about which there is no doubt, a guidance for those conscious of Allah.

Pickthall: This is the Scripture whereof there is no doubt, a guidance unto those who ward off (evil).

Yusuf Ali: This is the Book; in it is guidance sure, without doubt, to those who fear Allah.

Shakir: This Book, there is no doubt in it, is a guide to those who guard (against evil).

Muhammad Sarwar: There is no doubt that this book is a guide for the pious.

Mohsin Khan: This is the Book (the Quran), whereof there is no doubt, a guidance to those who are Al-Muttaqun [the pious and righteous persons who fear Allah much (abstain from all kinds of sins and evil deeds which He has forbidden) and love Allah much (perform all kinds of good deeds which He has ordained)].

Arberry: That is the Book, wherein is no doubt, a guidance to the godfearing.

Source. (ENA, September 5, 2022)⁴

In this verse and the subsequent ones, the superscripted pause signs (◌◌) cause the ST verses to be interpreted in two ways and thus manifest amphibological ambiguity. In the verse above, syntactic ambiguity develops from an NP attachment or a PP attachment based on which pause sign the reader chooses to stop at. Pausing at the first sign (◌◌) generates the interpretation “That Book no doubt [in it a guidance for the pious]” which results from a PP attachment. Pausing at the second sign (◌◌) generates a different interpretation “That Book [no doubt in it] a guidance for the pious” which develops from an NP attachment. Figure 2 disambiguates this verse with tree-diagrams.

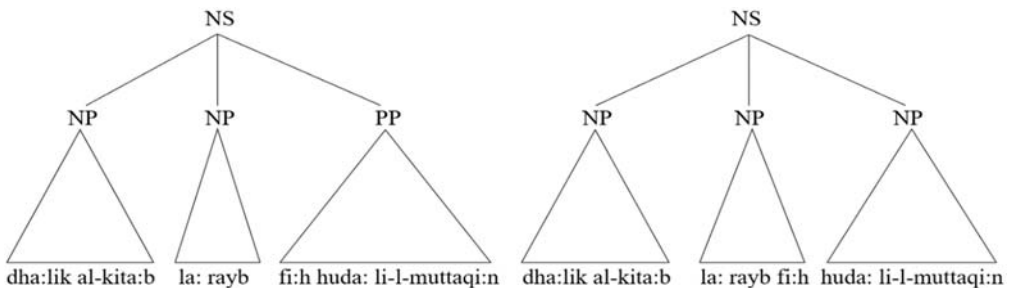

Figure 2. Disambiguation of verse (2:2) with tree-diagrams

⁴ <http://corpus.quran.com/translation.jsp?chapter=2&verse=2>

Two different pauses lead to two different readings, which give rise to two different interpretations and accordingly two different translations based on whether the PP *fi:h* ('in it') is post-positionally attached to the preceding NP or pre-positionally attached to the following NP (Az-Zamakhshari: 1998 [P1]: 145, Ibn ^CA:shu:r 1984 [P1]: 222–223). Figure 3 provides a syntactic treebank of the verse.

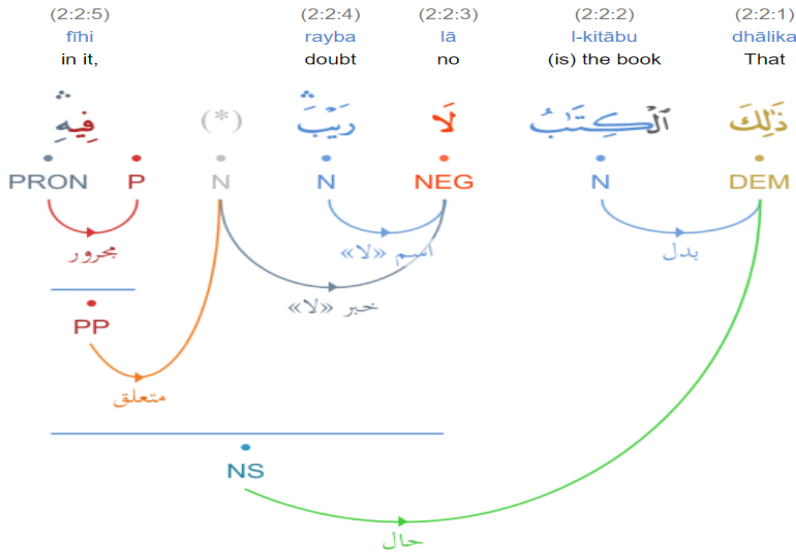

Figure 3. Syntactic Treebanking of Verse (2:2)
 Source. (ENA, September 5, 2022)⁵

Figure 3 depicts the post-positioning of the PP *fi:h* as the predicate of the subject of the negative particle *la:* ('no') whereas its pre-positioning is not depicted. Although the semantic duplicity of this amphibolous verse is potentiated by Qur'an exegetes, each translator opts for one meaning, excludes the other, and thus detracts from the information structure of the ST. SI, MP, HS, MS, MK, and JA choose to pause at the PP *fi:h* ('in it'), relaying a holistic meaning that predicatively or appositively describes that Book, the Qur'an, as being a guidance for the pious. YA chooses to pause at the NP *la: rayb* ('no doubt'), transferring a partitive meaning which describes the Qur'an as including in a number of its verses guidance for the pious. One informational chunk is intratextualised, but the other is not intratextualised or paratextualised although it is of equal note in Qur'anic exegeses (see Al-Ali & Al-Zoubi 2009: 231).

Example (2)

Verse: *min al-ladhi:n qa:lu: a:manna: bi-afwa:hihim wa-lam tuḍmin qulu:buhum wa-min al-ladhi:n ha:du samma:°u:n li-l-kadhib.*

Gloss: from who said believed-we with-mouths-their and-not believed hearts-their and-from who Judaised listeners to-the-falsehood.

⁵ <http://corpus.quran.com/treebank.jsp?chapter=2&verse=2&token=0>

Chapter (5) *sūrat l-māidah* (The Table spread with Food)

يَأْتِيهَا الرَّسُولُ لَا يَحْزِنُكَ الَّذِينَ يُسْكِرُونَ فِي الْكُفْرِ مِنَ الَّذِينَ قَالُوا
 ءَامَنَّا بِأَفْوَاهِهِمْ وَلَمْ تُؤْمِنْ قُلُوبُهُمْ وَمِنَ الَّذِينَ هَادُوا سَمَّعُونَ
 لِلْكَذِبِ سَمَّعُونَ لِقَوْمٍ آخَرِينَ لَمْ يَأْتُوكَ

Sahih International: O Messenger, let them not grieve you who hasten into disbelief of those who say, "We believe" with their mouths, but their hearts believe not, and from among the Jews. [They are] avid listeners to falsehood, listening to another people who have not come to you.

Pickthall: O Messenger! Let not them grieve thee who vie one with another in the race to disbelief, of such as say with their mouths: "We believe," but their hearts believe not, and of the Jews: listeners for the sake of falsehood, listeners on behalf of other folk who come not unto thee.

Yusuf Ali: O Messenger! let not those grieve thee, who race each other into unbelief: (whether it be) among those who say "We believe" with their lips but whose hearts have no faith; or it be among the Jews, - men who will listen to any lie, - will listen even to others who have never so much as come to thee.

Shakir: O Messenger! let not those grieve you who strive together in hastening to unbelief from among those who say with their mouths: We believe, and their hearts do not believe, and from among those who are Jews; they are listeners for the sake of a lie, listeners for another people who have not come to you.

Muhammad Sarwar: Messenger, do not be grieved about the people who run back to disbelief. They only say that they believe but, in fact, they have no faith in their hearts. Some Jews knowingly listen to lies and accept the lies which come from others, (Jews), who have no relation with you.

Mohsin Khan: O Messenger (Muhammad SAW)! Let not those who hurry to fall into disbelief grieve you, of such who say: "We believe" with their mouths but their hearts have no faith. And of the Jews are men who listen much and eagerly to lies - listen to others who have not come to you.

Arberry: O Messenger, let them not grieve thee that vie with one another in unbelief, such men as say with their mouths 'We believe' but their hearts believe not; and the Jews who listen to falsehood, listen to other folk, who have not come to thee.

Source. (ENA, September 5, 2022)⁶

In a similar vein, verse (5:41) is syntactically ambiguous owing to the PP *min al-ladhi:n ha:du:* ('of those who Judaised'), which is attachable either to the preceding PP *min al-ladhi:n qa:lu: a:manna: bi-afwa:hihim wa-lam tu?min qulu:buhum* ('of those who say "we believe" with their mouths but their hearts do not believe') or to the following NP *samma:u:n li-l-kadhib* ('listeners to falsehood'). Figure 4 resolves this amphiboly with tree-diagrams.

The potentiality of both meanings hinges upon where recitation stops, at the first pause sign or at the second. Both meanings are communicated by Az-Zamakhshari: (1998 [P2]: 235) whereas only the latter meaning features in Ibn ^CA:shu:r (1984 [P6]: 198) who prefers to pause at the PP *min al-ladhi:n ha:du:* ('of those who Judaised'). Figure 5 sketches this latter meaning.

⁶ <http://corpus.quran.com/translation.jsp?chapter=5&verse=41>

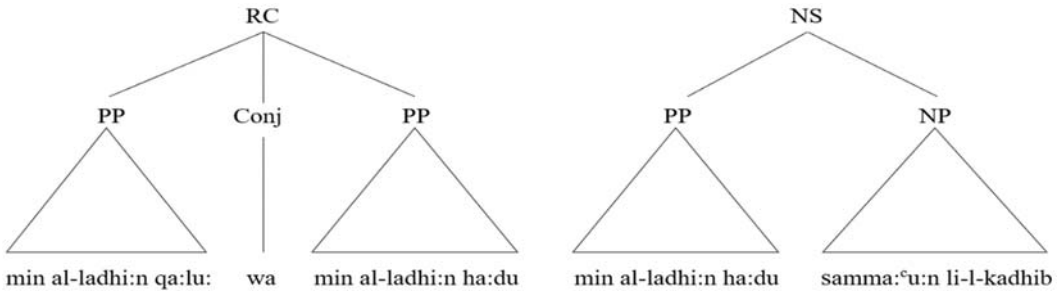

Figure 4. Disambiguation of verse (5:41) with tree-diagrams

Chapter (5) sūrat l-māidah (The Table spread with Food)

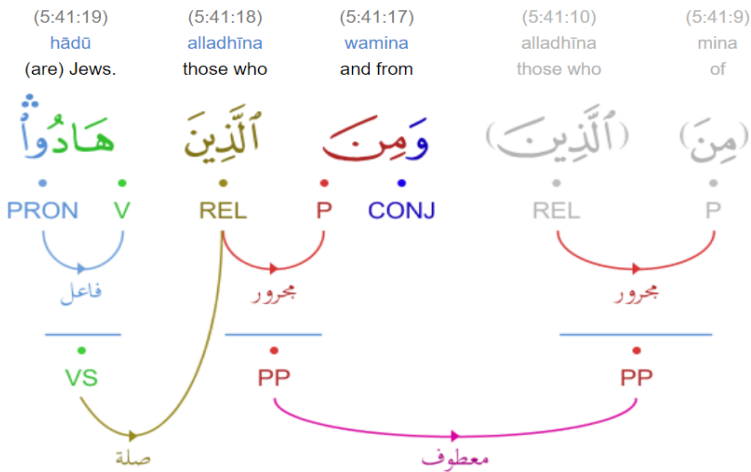

Figure 5. Syntactic Treebanking of Verse (5:41)

Source. (ENA, September 5, 2022)⁷

As Figure 5 shows, the language group of the University of Leeds diagrams only one meaning which is favoured only by Ibn ^CA:shu:r (1984). The former meaning transpires in SI, MP, MS and MK while the latter meaning occurs in YA, HS and JA. In each translation, as shown, one meaning is unjustifiably chosen over the other—a practice subtracting from the semantic duplicity and propositional content of the Qur’anic verse.

4.1.2. VP attachment

Example (3)

Verse: *wa-la: tulqu: bi-aydi:kum ila: at-tahluka wa-aḥsinu: inna alla:h yuḥibb al-muḥsini:n.*

Gloss: and-not throw by-hands-your to danger and-do well-you indeed God loves the-right doers.

⁷ <http://corpus.quran.com/treebank.jsp?chapter=5&verse=41&token=17>

Chapter (2) sūrat l-baqarah (The Cow)

وَأَنْفِقُوا فِي سَبِيلِ اللَّهِ وَلَا تُلْقُوا بِأَيْدِيكُمْ إِلَى التَّهْلُكَةِ وَأَحْسِنُوا إِنَّ اللَّهَ يُحِبُّ الْمُحْسِنِينَ

Sahih International: And spend in the way of Allah and do not throw [yourselves] with your [own] hands into destruction [by refraining]. And do good; indeed, Allah loves the doers of good.

Pickthall: Spend your wealth for the cause of Allah, and be not cast by your own hands to ruin; and do good. Lo! Allah loveth the beneficent.

Yusuf Ali: And spend of your substance in the cause of Allah, and make not your own hands contribute to (your) destruction; but do good; for Allah loveth those who do good.

Shakir: And spend in the way of Allah and cast not yourselves to perdition with your own hands, and do good (to others); surely Allah loves the doers of good.

Muhammad Sarwar: Give money for the cause of God but do not push yourselves into perdition. Do good; God loves the people who do good deeds.

Mohsin Khan: And spend in the Cause of Allah (i.e. Jihad of all kinds, etc.) and do not throw yourselves into destruction (by not spending your wealth in the Cause of Allah), and do good. Truly, Allah loves Al-Muhsinun (the good-doers).

Arberry: And expend in the way of God; and cast not yourselves by your own hands into destruction, but be good-doers; God loves the good-doers.

Source. (ENA, September 5, 2022)⁸

In this verse, syntactic ambiguity results from a VP attachment, whereby the imperative VP *wa-aḥsinu*: (‘and do good’) is attributable either to the preceding negative imperative VP *wa-la: tulqu: bi-aydi:kum ila: at-tahluka* (‘and do not put your head into the lion’s mouth’) or to the following causal *inna*-sentence *inna alla:h yuḥibb al-muḥsini:n* (‘God does love the doers of good’). Both interpretations depend upon which pause sign the reciter halts at. Az-Zamakhshari: (1998 [P1]: 397) decides to pause at the third VP and therefore post-positionally attaches it to the preceding VP whereas Ibn ^CA:shu:r 1984 [P1]: 222–223) takes a neutral stance from these two mutually exclusive pause signs. Figure 6 resolves the amphibology of the verse and depicts its two readings in tree-diagrams.

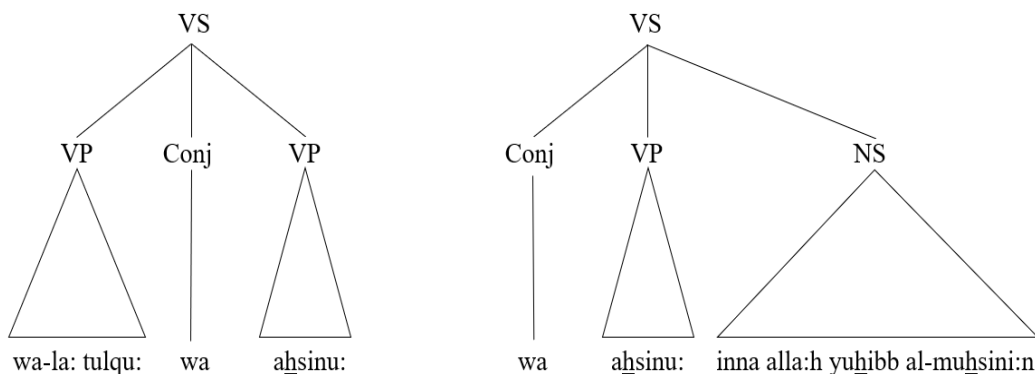

Figure 6. Disambiguation of verse (2:195) with tree-diagrams

⁸ <http://corpus.quran.com/translation.jsp?chapter=2&verse=195>

The first tree-diagram syndetically conjoins the VPs *wa-anfiqū*: (‘and spend’), *wa-la: tulqu: bi-aydi:kum ila: at-tahluka* (‘and do not put your head into the lion’s mouth’) and *wa-ahsinu*: (‘and do good’). The second tree-diagram paratactically appends the third VP to the following causative *inna*-sentence. Figure 7 gives a syntactic treebank of the former meaning.

Chapter (2) *sūrat l-baqarah* (The Cow)

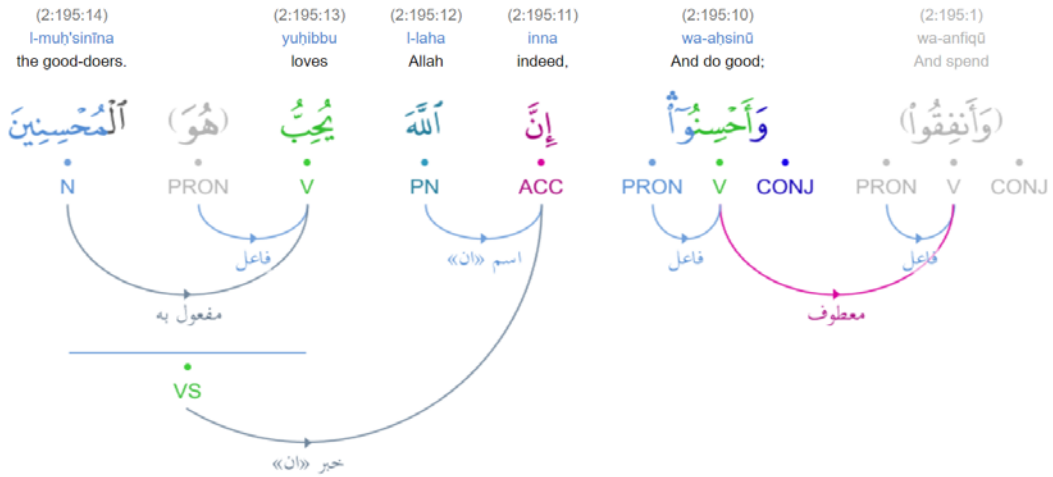

Figure 7. Syntactic Treebanking of Verse (2:195)

Source. (ENA, September 5, 2022)⁹

The treebank in Figure 7 coincides with the former meaning depicted by the first tree-diagram in Figure 6. Either meaning, but not both, figures in the given translations; one at the expense of the other. The former meaning occurs in HS, MK and JA; the latter in SI, MP, YA and MS. The exegetes do more justice and are more faithful to the Qur’an than the translators because the former always introduce a comprehensive pool of interpretations whereas the latter choose one interpretation from this pool over the others, often without paratexts. The causality of *inna*-sentence, which figures in the parsing of the Qur’an (see Ad-Darwi:sh 1980 [V1]: 285, Daas 2004: 24), is only attended by YA in his use of the coordinating conjunction ‘for’, which establishes a causal relation between the third VP *wa-ahsinu*: (‘and do good’) and the *inna*-sentence *inna alla:h yuhibb al-muḥsini:n* (‘for Allah loveth those who do good’).

Example (4)

Verse: *wa-ashhadahum ʿala: anfusihim a-last bi-rabbikum qa:lu: bala: shahidna: an taqu:lu: yawm al-qiya:ma inna: kunna: ʿan ha:dha: gha:fili:n.*

Gloss: and-testified-them upon selves-them am-not-I by-Lord-your said-they yes testified-we that say-you day-resurrection indeed were-we of this unaware.

⁹ <http://corpus.quran.com/treebank.jsp?chapter=2&verse=195&token=10>

Chapter (7) *sūrat l-a' rāf* (The Heights)

وَإِذْ أَخَذَ رَبُّكَ مِنْ بَنِي آدَمَ مِنْ ظُهُورِهِمْ ذُرِّيَّتَهُمْ وَأَشْهَدَهُمْ عَلَىٰ أَنفُسِهِمْ أَلَسْتُ بِرَبِّكُمْ
قَالُوا بَلَىٰ شَهِدْنَا أَن تَقُولُوا يَوْمَ الْقِيَامَةِ إِنَّا كُنَّا عَنْ هَذَا غَافِلِينَ ﴿١٧٢﴾

Sahih International: And [mention] when your Lord took from the children of Adam - from their loins - their descendants and made them testify of themselves, [saying to them], "Am I not your Lord?" They said, "Yes, we have testified." [This] - lest you should say on the day of Resurrection, "Indeed, we were of this unaware."

Pickthall: And (remember) when thy Lord brought forth from the Children of Adam, from their reins, their seed, and made them testify of themselves, (saying): Am I not your Lord? They said: Yea, verily. We testify. (That was) lest ye should say at the Day of Resurrection: Lo! of this we were unaware.

Yusuf Ali: When thy Lord drew forth from the Children of Adam - from their loins - their descendants, and made them testify concerning themselves, (saying): "Am I not your Lord (who cherishes and sustains you)?"- They said: "Yea! We do testify!" (This), lest ye should say on the Day of Judgment: "Of this we were never mindful."

Shakir: And when your Lord brought forth from the children of Adam, from their backs, their descendants, and made them bear witness against their own souls: Am I not your Lord? They said: Yes! we bear witness. Lest you should say on the day of resurrection: Surely we were heedless of this.

Muhammad Sarwar: When your Lord asked all the offspring of Adam (before their birth), "Am I not your Lord?" All of them testified and bore witness to their testimony that on the Day of Judgment they would not say, "We were not aware of this (fact)."

Mohsin Khan: And (remember) when your Lord brought forth from the Children of Adam, from their loins, their seed (or from Adam's loin his offspring) and made them testify as to themselves (saying): "Am I not your Lord?" They said: "Yes! We testify," lest you should say on the Day of Resurrection: "Verily, we have been unaware of this."

Arberry: And when thy Lord took from the Children of Adam, from their loins, their seed, and made them testify touching themselves, 'Am I not your Lord?' They said, 'Yes, we testify'-- lest you should say on the Day of Resurrection, 'As for us, we were heedless of this.'

Source. (ENA, September 5, 2022)¹⁰

Likewise, the verse above logs the same aspect of structural ambiguity as a result of VP attachment, whereby a recitational pause before or after the VP *shahidna*: ('we testify') creates two readings. One reading is *wa-ashhadahum* ^c*ala: anfusihim a-last bi-rabbikum qa:lu: bala: shahidna*: ('He made them testify against themselves: am I not your Lord? They said: Yes (you are), we testify')—a reading conditioned by the pause at the second sign, i.e., right after the VP. The other reading is *shahidna: an taqu:lu: yawm al-qiya:ma inna: kunna: c*^a*an ha:dha: gha:fili:n* ('We testify that you might say on the Day of Resurrection that we were unaware of this')—a reading provided by the pause at the first sign, i.e., right before

¹⁰ <http://corpus.quran.com/translation.jsp?chapter=7&verse=172>

the VP. Az-Zamakhshari: (1998 [P2]: 530) favours the former reading while Ibn ʿA:shu:r 1984 [P9]: 168–169) considers both readings possible, as the tree-diagrams in Figure 8 shows.

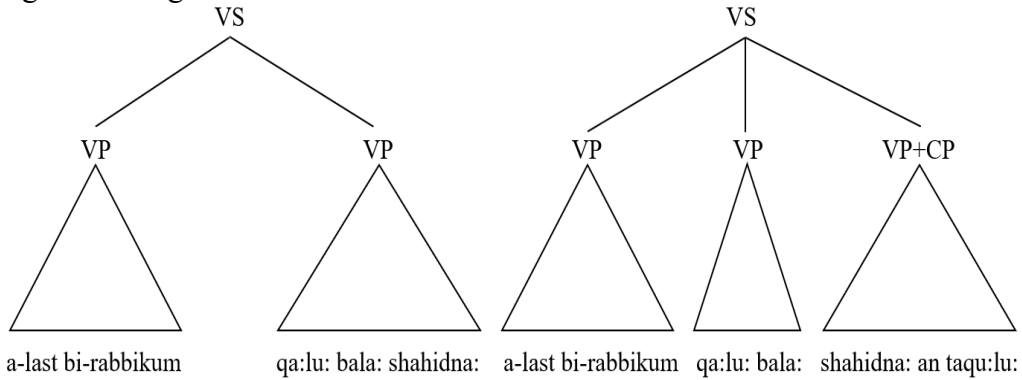

Figure 8. Disambiguation of verse (7:172) through tree-diagrams

Ad-Darwi:sh (1980 [V3]: 492) supports the second reading in parsing the CP of the third VP as *mafʿu:l li-ajlih* (‘object of cause or reason’), and thus agrees with the treebanked reading that describes the CP as an SC by form and accusative of purpose by function. Daas (2004: 207) considers this CP as a resumptive statement uttered either by Adam’s posterity or by the angels. Figure 9 shows the syntactic treebanks drawn by the Language Research Group.

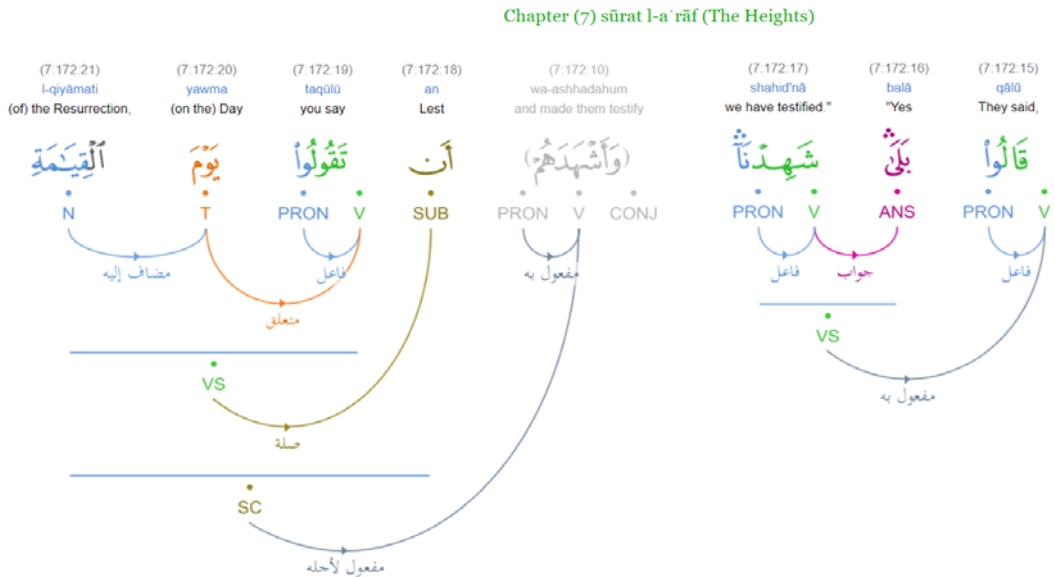

Figure 9. Syntactic Treebanking of Verse (7:172)

Source. (ENA, September 5, 2022)¹¹

¹¹ <http://corpus.quran.com/treebank.jsp?chapter=7&verse=172&token=15>

However, the Language Research Group members choose to stop at the second pause sign right after the VP, which they regard as a verbal sentence (VS) by form and direct object (DO) of the speech verb *qa:lu:* ('said') by function. This reading appears in SI, MP, YA, HS, MK and JA; the other reading emerges only in MS.

4.1.3. AdvP attachment

Example (5)

Verse: *fa-innaha: muharrama °alayhim arba°i:n sana yati:hu:n fi: al-ard.*

Gloss: then-indeed-it forbidden on-them forty years wander-they in-the-land.

Chapter (5) sūrat l-māidah (The Table spread with Food)

قَالَ فَإِنَّهَا مُحَرَّمَةٌ عَلَيْهِمْ أَرْبَعِينَ سَنَةً يَتِيهُونَ فِي الْأَرْضِ فَلَا تَأْسَ عَلَى الْقَوْمِ
الْفَاسِقِينَ ﴿٦٦﴾

Sahih International: [Allah] said, "Then indeed, it is forbidden to them for forty years [in which] they will wander throughout the land. So do not grieve over the defiantly disobedient people."

Pickthall: (Their Lord) said: For this the land will surely be forbidden them for forty years that they will wander in the earth, bewildered. So grieve not over the wrongdoing folk.

Yusuf Ali: Allah said: "Therefore will the land be out of their reach for forty years: In distraction will they wander through the land: But sorrow thou not over these rebellious people.

Shakir: He said: So it shall surely be forbidden to them for forty years, they shall wander about in the land, therefore do not grieve for the nation of transgressors.

Muhammad Sarwar: The Lord said, "The land will be prohibited to them for forty years (during all such time) they will wander in the land. Do not feel sad for the evil-doing people."

Mohsin Khan: (Allah) said: "Therefore it (this holy land) is forbidden to them for forty years; in distraction they will wander through the land. So be not sorrowful over the people who are the Fasiquun (rebellious and disobedient to Allah)."

Arberry: Said He, 'Then it shall be forbidden them for forty years, while they are wandering in the earth; so grieve not for the people of the ungodly.'

Source. (ENA, September 5, 2022)¹²

In the verse above, the grammatical ambiguity comes from an AdvP attachment, an NP functioning as an adverb(ial) or adjunct of time (see Simpson 2004: 10). AdvP attachment logs a case of amphibology because different interpretations are equally possible based upon where the pause is made (see Al-Ali & Al-Zoubi 2009: 235). The optionality and mobility of adjuncts or adverbials bear a few nuances of meaning therewith. According to Qur'anic parsing (see Ad-Darwi:sh 1980 [V2]: 449, Daas 2004: 140) or exegetes (see Az-Zamakhshari: (1998 [P1]: 223), the AdvP *arba°i:n sana* ('forty years') is ascribable either to *muharrama* ('forbidden'), the predicate of *inna*-sentence, thus meaning "the land shall be

¹² <http://corpus.quran.com/translation.jsp?chapter=5&verse=26>

forbidden for them for forty years”, or to *yati:hu:n fi:-l-ard* (“they shall be wandering through the land”), the circumstantial clause, thus meaning “straying thereabouts for forty years”. Figure 10 resolves this amphibology and illustrates both readings through tree-diagrams.

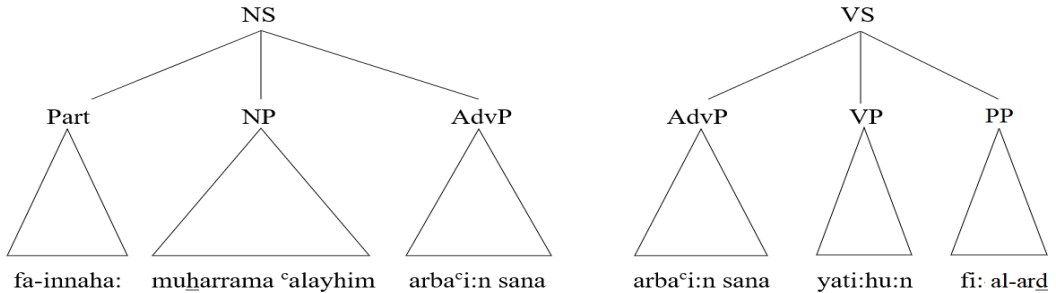

Figure 10. Disambiguation of verse (5:26) with tree-diagrams

As shown in Figure 10, there are two possible readings of the verse above, which answer the question ‘How long shall they (i.e., the Israelites) be forbidden from entering the *Terra Sancta* (‘the Sacred Land’) or how long shall they be wandering in the wilderness?’ The answer is ‘forty years’. Figure 11 illustrates the treebank of this verse.

Chapter (5) sūrat l-māidah (The Table spread with Food)

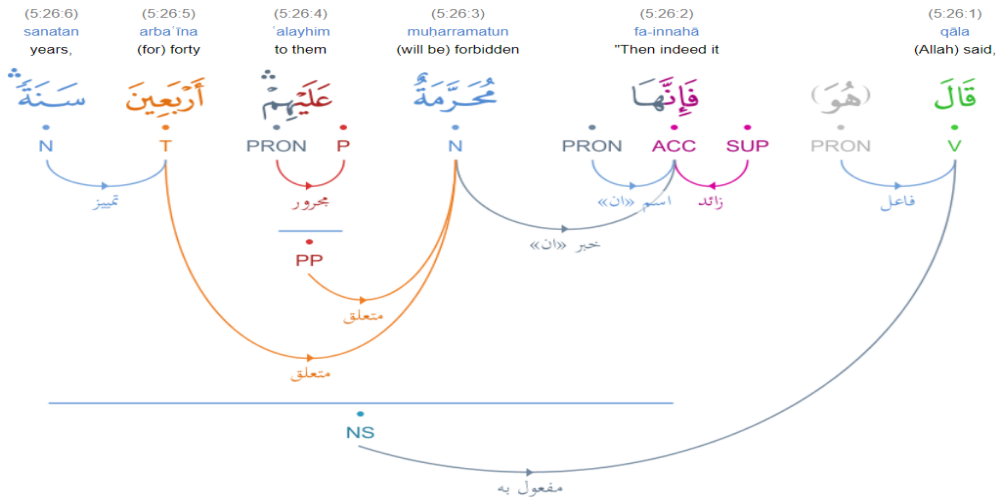

Figure 11. Syntactic Treebanking of Verse (5:26)

Source. (ENA, September 5, 2022)¹³

Figure 11 places the syntactic pause right after the AdvP and thus features just the former meaning depicted in the first tree-diagram in Figure 10 and explicitly rendered by YA, HS and MK. The latter meaning is explicit in SI and MS but implicit in MP and JA. Both target meanings are totally dependent upon whether

¹³ <http://corpus.quran.com/treebank.jsp?chapter=5&verse=26&token=0>

the recitational pause takes place before the time adjunct or after it. Whether forbidden or bewildered, the Israelites received this punishment down from God in reply to Moses's supplication for help against their obstinacy.

4.1.4. RC attachment

Example (6)

Verse: *qawm nu:h wa-^ca:d wa-thamu:d wa-l-ladhi:n min ba^cdihim la: ya^clamuhum illa: alla:h.*

Gloss: community Noah and-Ad and-Thamud and-who from after-them not know-them except God.

Chapter (14) sūrat ib'rāhīm (Abraham)

الَّذِينَ تَبَوَّأُوا الدِّينَ مِنْ قَبْلِكَمْ قَوْمِ نُوحٍ وَعَادٍ وَثَمُودَ وَالَّذِينَ مِنْ
بَعْدِهِمْ لَا يَعْلَمُهُمْ إِلَّا اللَّهُ

Sahih International: Has there not reached you the news of those before you - the people of Noah and 'Aad and Thamud and those after them? No one knows them but Allah.

Pickthall: Hath not the history of those before you reached you: the folk of Noah, and (the tribes of) A'ad and Thamud, and those after them? None save Allah knoweth them.

Yusuf Ali: Has not the story reached you, (O people!), of those who (went) before you? - of the people of Noah, and 'Ad, and Thamud? - And of those who (came) after them? None knows them but Allah.

Shakir: Has not the account reached you of those before you, of the people of Nuh and Ad and Samood, and those after them? None knows them but Allah.

Muhammad Sarwar: Have you (believers) ever heard the news about those who lived before you, like the people of Noah, Ad, Thamud, and those who lived after them? No one knows about them except God.

Mohsin Khan: Has not the news reached you, of those before you, the people of Nuh (Noah), and 'Ad, and Thamud? And those after them? None knows them but Allah.

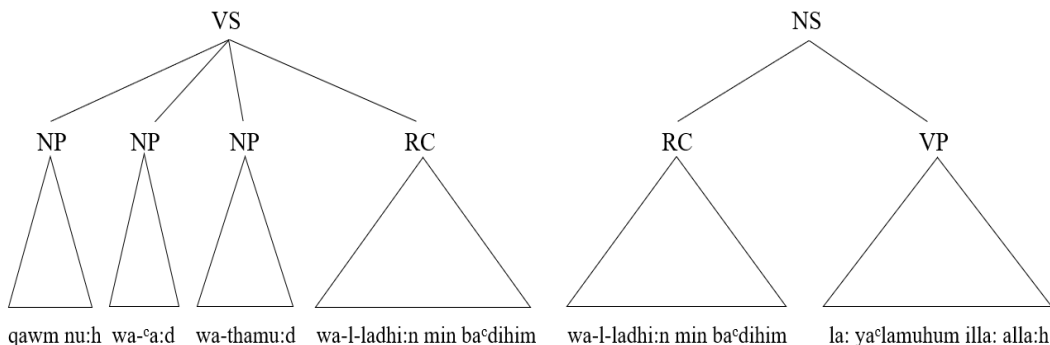
Arberry: Has there not come to you the tidings of those who were before you -- the people of Noah, Ad, Thamood, and of those after them whom none knows but God?

Source. (ENA, September 5, 2022)¹⁴

Verse (14:9) carries two possible interpretations which differ according to which pause sign the reader opts to stop at. The RC *wa-l-ladhi:n min ba^cdihim* ('those who came after them') can be attached backward to the NP *wa-thamu:d* ('and Thamudites'), (i.e., 'those who came after Noahites, Adites, and

¹⁴ <http://corpus.quran.com/translation.jsp?chapter=14&verse=9>

Thamudites.’), or forward to the VS *la: ya^clamuhum illa: alla:h* (‘are known only to God’). Figure 12 resolves this amphiboly with tree-diagrams.

Figure 12. Disambiguation of verse (14:9) through tree-diagrams

The verse is diagrammatically interpreted in two different ways based on where the RC is attached: regressively or progressively. One possible interpretation is ‘Have you not received the news of those before you: Noahites, Adites, Thamudites, and those after them?’ The other interpretation is ‘And those after them are known only to God.’ Both interpretations feature in Az-Zamakhshari: (1998 [P3]: 365) while only the second reading occurs in Ibn ^cA:shu:r (1984 [P13]: 196) and Ad-Darwi:sh (1980 [V5]: 162–163). Surprisingly, the first reading transpires in all the seven translations to the exclusion of the second which is exegetically expounded.

4.2. Anacoluthic syntax

Anacoluthon is said to be a rhetorical stylistic feature of the Qur’anic discourse (Justice 1987, Darir 2012) as it is of the Biblical discourse (Schipper 2012), and the literary discourse (Tüfekçican 2017, Rangarajan 2017, among some others). Due to space and word restrictions, a few representative cases of anacoluthon are discussed in the following lines, as the purpose is exemplificative rather than exhaustive. However plethora, anacoluthic examples are typified and presented below in order of importance and preponderance.

4.2.1. Anapodoton

The most common type of anacoluthic syntax in the Qur’an is anapodoton, which is shaped by the lack of an apodosis (a main clause) in a protatic (conditional) sentence.

Example (7)

Verse: *wa-law ann qurʿa:n suyyirat bih al-jiba:l aw qutti^cat bih al-ard^d aw kullim bih al-mawta: bal li-l-a:h al-amr jami:^ca:*

Gloss: and-if indeed a Qur’an be-moved by-it the-mountains or be-cracked by-it the-earth or be-addressed by-it the-dead rather to-God the-matter all.

Chapter (13) *sūrat l-raʿd* (The Thunder)

وَلَوْ أَنَّ قُرْءَانَآ سِيرَتْ بِهٖ الْجِبَالُ أَوْ قَطِيعَتْ بِهٖ الْأَرْضُ أَوْ كَلِمَ بِهٖ الْمَوْتَىٰ بَل لَّهٗ الْأَمْرُ

Sahih International: And if there was any Qur'an by which the mountains would be removed or the earth would be broken apart or the dead would be made to speak, [it would be this Qur'an], but to Allah belongs the affair entirely.

Pickthall: Had it been possible for a Lecture to cause the mountains to move, or the earth to be torn asunder, or the dead to speak, (this Qur'an would have done so). Nay, but Allah's is the whole command.

Yusuf Ali: If there were a Qur'an with which mountains were moved, or the earth were cloven asunder, or the dead were made to speak, (this would be the one!) But, truly, the command is with Allah in all things!

Shakir: And even if there were a Quran with which the mountains were made to pass away, or the earth were travelled over with it, or the dead were made to speak thereby; nay! the commandment is wholly Allah's.

Muhammad Sarwar: Even if the Quran would make mountains move, cut the earth into pieces and make the dead able to speak, (the unbelievers still would not believe). All affairs are in the hands of God.

Mohsin Khan: And if there had been a Quran with which mountains could be moved (from their places), or the earth could be cloven asunder, or the dead could be made to speak (it would not have been other than this Quran). But the decision of all things is certainly with Allah.

Arberry: If only a Koran whereby the mountains were set in motion, or the earth were cleft, or the dead were spoken to -- nay, but God's is the affair altogether.

Source. (ENA, September 5, 2022)¹⁵

The verse above is a typical example of anapodotonic anacoluthon that signals the absence of *jawa:b ash-shart* ('the apodosis') as a consequence of *fi'l ash-shart* ('the protasis'). This hiatus is easy to fill from the context (of situation) with some measure of subjectivity, however. This is exactly what has been done in brackets or parentheses in each translation, in which the apodosis reads as "it would be this Qur'an" (SI), "this Qur'an would have done so" (MP), "this would be the one!" (YA), and "it would not have been other than this Quran" (MK). HS has kept the main clause implicit and rendered the anacoluthon into his translation. MS has recontextualised the apodosis differently as "the unbelievers still would not believe." JA has transferred and neutralised the protasis as it is without explicitation. The explicitation of the apodosis as "it would be the Qur'an" is agreed

¹⁵ <http://corpus.quran.com/translation.jsp?chapter=13&verse=31>

on by a majority opinion (see Az-Zamakhshari: (1998 [P3]: 352, Ibn ^cA:shu:r (1984 [P13]: 143) and by parsing consensus (see Ad-Darwi:sh (1980 [V5]: 123, Daas 2004: 301).

4.2.2. Anantapodoton

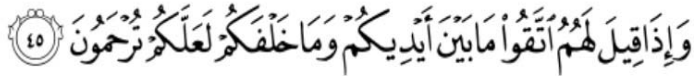
This is the second form of anacoluthon, a subcategory of anapodoton, in which the sentence trails off meaningfully and leaves the subordinate clause uncompleted, without a main or superordinate clause to complete its meaning.

Example (8)

Verse: *wa-idha: qi:l la-hum ittaqu: ma: bayn aydi:kum wa-ma: khalfakum la-^callakum turhamu:n.*

Gloss: and-when be-said to-them fear what between hands-your and-what behind-you perhaps-you be-pitied.

Chapter (36) sūrat yā sīn

Sahih International: But when it is said to them, "Beware of what is before you and what is behind you; perhaps you will receive mercy."

Pickthall: When it is said unto them: Beware of that which is before you and that which is behind you, that haply ye may find mercy (they are heedless).

Yusuf Ali: When they are told, "Fear ye that which is before you and that which will be after you, in order that ye may receive Mercy," (they turn back).

Shakir: And when it is said to them: Guard against what is before you and what is behind you, that mercy may be had on you.

Muhammad Sarwar: Whenever they are told to guard themselves against sin and the forth coming torment so that perhaps they could receive mercy.

Mohsin Khan: And when it is said to them: "Beware of that which is before you (worldly torments), and that which is behind you (torments in the Hereafter), in order that you may receive Mercy (i.e. if you believe in Allah's Religion Islamic Monotheism, and avoid polytheism, and obey Allah with righteous deeds).

Arberry: And when it is said to them, 'Fear what is before you and what is behind you; haply you will find mercy.'

Source. (ENA, September 5, 2022)¹⁶

¹⁶ <http://corpus.quran.com/translation.jsp?chapter=36&verse=45>

This verse showcases anantapodotonic anacoluthon—a case of hypotaxis in which the syntactic subordination is left unfinished and the subordinate clause is left uncompleted by a superordinate clause. On subordination, Simpson (2004: 61) stipulates that a subordinating conjunction such as ‘when’ is used to append a subordinate clause to a main clause in order to communicate a complete meaning, as diagrammatically conceptualised in Figure 13.

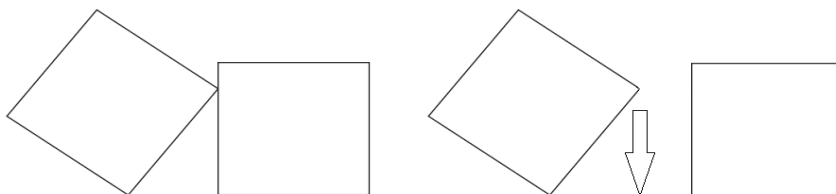

Figure 13. A subordinate clause appended and not appended to its main clause

The conceptual nexus of this subordinate relationship conjures up an image of a box (a subordinate clause) leaning on another supporting box (a main clause) which, if pulled away, causes the leaning one to topple (see Simpson 2004). Figure 13 illustrates a sound hypotaxis in the first image and an anacoluthic hypotaxis in the second. Translators of the verse under scrutiny are assigned an ineludible responsibility to recover from the context (of situation) a main clause and append it to the subordinate clause. At this juncture, explicitation is an ineluctable strategy. Exegetically, Az-Zamakhshari: (1998 [P5]: 181) and Ibn ^CA:shu:r (1984 [P23]: 31) make an inference that the main clause *a^cradu*: (‘they ignore’) is inferable from the following co-textual verse (36:46). Translationally, this anantapodotonic anacoluthon is maintained in all the given translations except in those by MP and YA who smartly tended to this anacoluthic syntax and parenthesised a meaningful complement.

4.2.3. *Particula pendens*

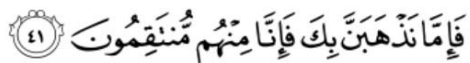
Another guise of anacoluthon is *particula pendens* which relates to correlative conjunctions (e.g. *imma*: ...*aw* ‘either...or’)—a common case in which only the first particle of a correlative expression representative of a binary choice or opposition is mentioned (see Greene et al. 2012: 46, Greene & Cushman 2016: 11).

Example (9)

Verse: *fa-imma*: *nadhhabann bik fa-inna*: *min-hum muntaqimu:n*.

Gloss: so-either we-wend with-you then-we from-them revenging.

Chapter (43) *sūrat l-zukh'ruf* (The Gold Adornment)

Sahih International: And whether [or not] We take you away [in death], indeed, We will take retribution upon them.

Pickthall: And if We take thee away, We surely shall take vengeance on them.

Yusuf Ali: Even if We take thee away, We shall be sure to exact retribution from them.

Shakir: But if We should take you away, still We shall inflict retribution on them.

Muhammad Sarwar: We shall revenge them either after your death.

Mohsin Khan: And even if We take you (O Muhammad SAW) away, We shall indeed take vengeance on them.

Arberry: Whether We take thee away, We shall take vengeance upon them.

Source. (ENA, September 5, 2022)¹⁷

In this anacoluthic verse, the second particle of a correlative conjunction, which is frequently used in the Qur'an to denote a binarised option, i.e., a choice from two alternatives, *imma*:...*wa-imma*: or *imma*:...*aww* ('either...or'), is apparently lacking and therefore throws down a massive challenge to Qur'an translators. The first correlative member *imma*: ('either') occurs in the SL text while its complementary fellow, *aww* ('or'), is intraversially absent but interversially present (43:41 & 43:42). Az-Zamakhshari: (1998 [P5]: 445) interprets *imma*: as a conditional 'if' and considers it a protatic rather than coordinate structure the meaning of which is 'If we decree your death, we are going to wreak vengeance on them' and 'If we want to show you the torment we promised them, we have the full power over them to do so.' This reading is exegetically mirrored by Ibn ^CA:shu:r (1984 [P25]: 217–218) and is syntactically parsed by Ad-Darwi:sh (1980 [V9]: 89–90) and Daas (2004: 529). Despite the consensus on the protatic-apodotic structure of this verse, the Qur'an translators interpreted and rendered it differently: explicitly correlatively as 'whether...or' (SI and JA) and 'either...or' (MS), concessively as 'even if' (YA and MK), and compliantly conditionally as 'if' (MP and HS).

4.2.4. Aposiopesis

Often associated with anacoluthon is aposiopesis occurring when a sentence breaks off not to continue (see Mieszkowski 2009: 648) and defined as a pause that sometimes speaks eloquence (see Langley 1835: 57). Bussmann (1996: 74) regards it as a rhetorical trope which shortens an expression with a breakoff to express an alarm or concern and the unexpressed thought of which is easily perceivable.

¹⁷ <http://corpus.quran.com/translation.jsp?chapter=43&verse=41>

Related to aposiopesis is *nominativus pendens* in which a sentence is begun with an apparently predicateless subject (see Dupriez 1991: 35).

Example (10)

Verse: *inn al-ladhi:n kafaru: bi-dh-dhikr lamma: ja:ʔahum wa-innahu la-kita:b ʿazi:z.*

Gloss: indeed who disbelieved in-the-Qur'an when it reached-them and-indeed-it certainly-scripture unassailable.

Chapter (41) sūrat fuṣṣilat (Explained in Detail)

إِنَّ الَّذِينَ كَفَرُوا بِالذِّكْرِ لَمَّا جَاءَهُمْ وَإِنَّهُ لَكِتَابٌ عَزِيزٌ ﴿٤١﴾

Sahih International: Indeed, those who disbelieve in the message after it has come to them... And indeed, it is a mighty Book.

Pickthall: Lo! those who disbelieve in the Reminder when it cometh unto them (are guilty), for lo! it is an unassailable Scripture.

Yusuf Ali: Those who reject the Message when it comes to them (are not hidden from Us). And indeed it is a Book of exalted power.

Shakir: Surely those who disbelieve in the reminder when it comes to them, and most surely it is a Mighty Book.

Muhammad Sarwar: The disbelievers (do not know) that the Quran which was sent to them is certainly a glorious Book.

Mohsin Khan: Verily, those who disbelieved in the Reminder (i.e. the Quran) when it came to them (shall receive the punishment). And verily, it is an honourable respected Book (because it is Allah's Speech, and He has protected it from corruption, etc.).

Arberry: Those who disbelieve in the Remembrance when it comes to them -- and surely it is a Book Sublime.

Source. (ENA, September 5, 2022)¹⁸

In the verse above, anacoluthon figures aposiopetically in an *inna*-sentence in which the emphatic or assertive particle *inna* ('indeed, certainly') heads a nominal sentence consisting of a subject in the accusative case and a predicate in the nominative (Abu-Chacra 2007: 193). In this verse, the accusative subject is present whereas its nominative predicate is absent and is left for the readers and translators to figure it out. Exegetically, Ibn ʿA:shu:r (1984 [P25]: 307) asserts the ellipsis of *inna*-predicate and its recoverability from the context (of situation), e.g., as "they have lost this life and the afterlife." The exegetical interpretation of the verse is further supported by the syntactic parsing undertaken by Ad-Darwi:sh (1980 [V8]: 569) who infers the ellipsed predicate from the preceding co-text (41:40) and interprets it as "are not hidden from us." Translationally, some translators suggested

¹⁸ <http://corpus.quran.com/translation.jsp?chapter=41&verse=41>

few empty-slot fillings, as in “are guilty” (MP), “are not hidden from Us” (YA), “do not know” (MS), and “shall receive the punishment” (MK), whereas the remaining translators (SI, HS and JA) maintained the aposiopetic anacoluthon in their translations.

5. Discussion

The Qur’an abounds in multileveled ambiguous and multifaceted elliptical structures attesting its idiosyncratic rhetorical style and sometimes resisting formal correspondence and dynamic/functional equivalence between Arabic and English. Although previous translation studies on Qur’anic ambiguity and ellipsis are manifold, there is a manifest paucity of past literature on amphibol(og)y and an extreme dearth of research into anacoluthon in Arabic in general and Qur’anic Arabic in particular. Therefore, the need for the present study has arisen to conduct a seminal investigation of the problematics of rendering amphibolous and anacoluthic syntactic structures from Qur’anic Arabic into English to examine and assess the translational quality of transposing meaning duplicity and interpretive multiplicity (multi-interpretability) from the SLT to the TLT.

The twofold purpose of the study has been to explore how Qur’an translators resolved the amphibologies arising from the pause signs (:· ·:) and how they sequentialised the anacolutha (...) arising from ellipited catenae (ellipses easy to retrieve and conceive from a pre-text, a co-text, an intra-text, an epi-text or a con-text). Regarding amphibology resolution, the seven Qur’an translators in comparative and contrastive focus differ vastly on which pause sign to stop at. They rendered one single meaning and excluded another which is equally potentiated by Qur’an exegetes. Their inclusion of a single reading and exclusion of the other detracted from the propositional content of the deep structure of the amphibolous or amphibological SL verses. The surface meaning of the syntactically ambiguous verses borne with duplicities of meaning has been transposed with a miscellany of categorical shifts (Catford 1965 qtd. in Najjar et al. 2019), but at the expense of deep meaning. Implication, “where a given target text is less explicit (more implicit) than the corresponding source text” (Becher 2011: 19), is used by the Qur’an translators in focus for rendering amphibolous Qur’anic syntax. The corresponding target translation (text) is less explicit than the source text as the translators are unable to imitate such an inimitable Qur’an-specific phenomenon. Paratextualization is a translation procedure highly (re)commended by translation theorists for resolving ambiguous structures (e.g., Newmark 1982, 1988, Munday 2008, among others).

Concerning anacoluthon sequentialisation, Qur’an translators have introduced hetero-subjective stances and inadequate interpretations. In all anacoluthic verses, ellipses, apodotic or hypotactic, have been transposed into the TLT with varying elliptical-gap fillings. It is quite easy to point out the interpretive variations among the translators in parenthesising the elided materials. Parenthesisation is an intratextual translational technique employed by some of the translators in

comparison to reproduce a sound reader-friendly grammatical structure in TLT. Explication, “[a] stylistic translation technique which consists of making explicit in the target language what remains implicit in the source language because it is apparent from either the context or the situation.” (Vinay & Darblenet 1995: 342, qtd. in Becher 2011: 17), is used as a procedure for restructuring anacoluthic verses into English. The corresponding TT is rendered more explicit than the ST (see Becher 2011: 19). Other translators took neutral stances, with neutralisation as intermediary between explication and implicitation, and transferred unsound syntactic structures in English.

Both ST (i.e., the Qur’an)-oriented translators and TT (i.e., the translation)-oriented translators seem to have been motivated by a *skopos*, a purpose, to achieve for reasons of translation quality assessment parameters from either side, such as acceptability (subscription to TL norms), adequacy (subscription to SL norms) and accuracy (subscription to ST content). Such parameters of (Qur’an) translation quality assessment (see, Toury 1995) are instigated, I tend to claim, by antinomies of fidelity and readability, faithfulness and reader-friendliness—two dilemmatic issues still difficult to resolve or reconcile. Adequacy and accuracy of both amphibology resolution (disambiguation) and anacoluthon sequentialisation necessitate the consideration of what Salama (2021) recommends as further extension of Genette’s (1997) concepts of ‘paratexts’ and ‘epitexts’, i.e., paratextual materials/references appended or not appended to the translated text, respectively.

6. Conclusion

It is exegetically and translationally assumed that *waqf al-mu‘a:naqa* (‘inter-embracing pause’) in the Qur’an is part of the problematics of Qur’anic interpretation and translation (see Al-Ali & Al-Zoubi 2009, ‘Imra:n 2018), and so is *fujda:n at-tata:bu^c* (‘anacoluthon’). This study has taken the initiative to test this assumption in a contrastive translational context and prove these two syntactically rhetorical phenomena to be challenging to the Qur’an translators. As regards the former, the reciters consciously apply prosodic disambiguation to the syntactic ambiguity of the verses while Qur’an translators find themselves unable to do so and are left with the option of choosing one interpretation over the other. Variational recitations beget variational interpretations and accordingly translations—a conclusion in line with Al-Ali & Al-Zoubi (2009: 235) who contend that “different attachments lead to different interpretations.” As concerns the latter, some of the translators are ST-oriented for reasons of faithfulness while the others are TT-oriented for reader-friendliness purposes. Each translatorial orientation has brought with it a caveat: (a) blind faithfulness to the SLT has engendered sentential fragments and ungrammatical clauses into the TLT when it relates to anacolutha, and (b) excessive reader-friendliness has resulted in hermeneutical gaps and epistemological voids, which might have been filled by compensatory paratextual strategies, as in footnotes or endnotes (see Newmark 1988: 220, Munday 2016: 129, Abdelaal 2019: 3).

This study argues that anacoluthon and amphiboly are subsumable under translating the implicit (Darir 2012) and the invisible (Al-Kharabsheh & Al-Azzam 2008), respectively. Qur'an translators vary in their unidirectional translation practice and add to Klaudy's (2005) explicitation-implication dyad a demarcation zone I am prone to call 'neutralisation'. There are clear cases in which translators act as explicators who apply adjustment-by-addition to the source text. Anacoluthon is found by Darir (2012) to be a guise of explicitation according to which the TT is more explicit than the ST, a finding in line with Bisiada (2016) who proves that sentence splitting is an explicating strategy rather than a process triggered by the target language. This finding is strongly supported by Raoufkazemi et al. (2020) who revealed that the texts rendered by experienced translators are more explicit than the original.

There are cases in which translators serve as implicitators who apply adjustment-by-subtraction (and detracting) in the source text. There are also cases in which translators take a neutral stance from the source text, neither adding to nor subtracting from it. As for the thesis at hand, some translators explicitated anacoluthic structures while others implicitated and neutralised the ambiguous structures. This act gives rise to a triadic frame categorising Qur'an translators as cross-cultural explicators, implicitators, and neutralisers.

No sooner does it seem that the voice of the Qur'an goes or trails off on tangents than it gets clear that no digressional remarks have been made to hark and circle back to the topics covered. There are notable individual differences in the resolution of syntactic ambiguity and sequentialisation of anacolutha in Qur'anic translations because of the plausible variations in translatorial inferences of the rhetorically amphibological and anacoluthic Qur'anic syntax. Amphibologies are contextually resolvable and anacolutha are cotextually sequentialisable. The context (of situation) plays a pivotal role in resolving amphiboly and completing anacoluthon (see MacDonald, Pearlmutter & Seidenberg 1994, Bousquet, Swaab & Long 2019). Although Qur'an translators have latitude in resolving amphibology and sequentialising anacoluthon, they epitomise heterosubjectivity in their interpretive choices and translational preferences often independent of exegeses—asymmetry at large. Such asymmetry in religious translation ('alterity' elsewhere, see Makutoane, Miller-Naudé & Naudé 2015) is not specific to the Qur'an but reverberates to the Bible, as well. The fact that "translation is a prime player in intercultural communication" (House 2019: 3), and equally in interreligious dialogue, necessitates striving for inter-objectivity and inter-symmetry in religious translation in order not to mistranslate and misrepresent the divine message. "Translation-cum-faith must always examine the context of its production and be attuned to the context of its reception, willing to make adjustments in order to best communicate its message" (Blumczynski 2017: 89).

Acknowledgments

This project was supported by the Deanship of Scientific Research at Prince Sattam bin Abdulaziz University under the research project no. 2021/02/18538. I am grateful to PSAU, KSA, and Mansoura University, ARE, for giving me the opportunity and support to make this treatise see the light in its current shape. I am also grateful to the editor-in-chief of RJL and the two anonymous reviewers for their constructive comments on an earlier version of this article.

REFERENCES

- Abdelaal, Nouredin. 2019. Faithfulness in the translation of the Holy Quran: Revisiting the skopos theory. *SAGE Open* July-September. 1–14. <https://doi.org/10.1177/2158244019873013>
- Abdul-Ghafour, Abdul-Qader, Norsima M. Awal, Intan S. Zainudin & Ashinida Aladdin. 2019. The interplay of Qur'anic synonymy and polysemy with special reference to al-asfār and al-kutub (the Books) and their English translations. *3L: The Southeast Asian Journal of English Language Studies* 25 (1). 129–143. <http://dx.doi.org/10.17576/3L-2019-2501-10>
- Abdul-Raof, Hussein. 1999. Untranslatability of semantically oriented Qur'anic syntax. *Offshoot: A Journal of Translation and Comparative Studies* II. 39–46.
- Abdul-Raof, Hussein. 2001. *Qur'an Translation: Discourse, Texture and Exegesis*. Surrey: Curzon Press.
- Abdul-Raof, Hussein. 2019. *Text Linguistics of Qur'anic Discourse: An Analysis*. London and New York: Routledge.
- Abu-Chacra, Faruk. 2007. *Arabic: An Essential Grammar*. London and New York: Routledge.
- Ad-Darwi:sh, Muḥyi:-d-di:n. 1980. *lʿra:b al-Qurʿa:n al-Kari:m wa-Baya:nih* ['The Parsing and Eloquence of the Holy Qur'an']. *Hums*: Al-Yama:ma.
- Al-Ali, Mohammed N. & Mohammad Q. Al-Zoubi. 2009. Different pausing, different meaning: Translating Qur'anic verses containing syntactic ambiguity. *Perspectives: Studies in Translation Theory and Practice* 17. 227–241.
- Alduhaim, Asmaa. 2021. Translating near-synonyms in the Quran: A semantic analysis of three near-synonyms and their English translations. *3L: The Southeast Asian Journal of English Language Studies* 27 (1). 76 – 89. <http://dx.doi.org/10.17576/3L-2021-2701-06>
- Al-Harbi:, °Abdul-azi:z A. 2004. Waqf at-taja:dhub (al-mu°a:naqa) fi: al-Qurʿa:n al-kari:m ['The inter-attracting (inter-embracing) pause in the glorious Qur'an']. *Umm Al-Qura University Journal of Sharia and Arabic Language and Literature* 19. 4–50.
- Al-Jarrah, Rasheed S., Ahmad M. Abu-Dalu & Hisham Obiedat. 2018. Translation of strategic ambiguity: A relevance theoretic analysis. *Poznań Studies in Contemporary Linguistics* 54. 1–35. <https://doi.org/10.1515/psicl-2018-0001>
- Al-Kharabsheh, Aladdin & Bakri Al-Azzam. 2008. Translating the invisible in the Qur'an. *Babel* 54 (1). 1–18. <https://doi.org/10.1075/babel.54.1.02kha>
- Allaithy, Ahmed. 2019. Challenges in translating the Qur'an – translating the untranslatable: Omission/ellipsis. In Stanley D. Brunn & Roland Kehrein (eds.), *Handbook of the changing world language map*, 1–35. Vienna: Springer.
- Az-Zamakhshari:, Abu:-l-Qa:sim. 1998. *Al-Kashsha:f*['The Detector']. 1st edn. Rev. by 'A:dil A. 'Abd al-Mawju:d & 'Ali: M. Mu'awwad. Riyadh: Maktabat Al-'Ubayka:n.
- Baker, Mona. 1992. *In Other Words: A Coursebook on Translation*. London and New York: Routledge.
- Becher, Viktor. 2011. *Explicitation and implicitation in translation A corpus-based study of English-German and German-English translations of business texts*. PhD thesis, University of Hamburg, Germany.

- Bisiada, Mario. 2016. Lösen Sie Schachtelsätze Möglichst auf: The impact of editorial guidelines on sentence splitting in German business article translations. *Applied Linguistics* 37 (3). 1–24. <https://doi.org/10.1093/applin/amu035>
- Blumczynski, Piotr. 2017. *Ubiquitous Translation*. London and New York: Routledge.
- Bousquet, Kathryn, Tamara Y. Swaab & Debra L. Long. 2019. The use of context in resolving syntactic ambiguity: Structural and semantic influences. *Language, Cognition and Neuroscience* 35. 354–376. <https://doi.org/10.1080/23273798.2019.1622750>
- Bussmann, Hadumod. 1996. *Routledge Dictionary of Language and Linguistics*. Trans. and rev. by Gregory Trauth & Kerstin Kazzazi. London and New York: Routledge.
- Catford, John. 1965. *A Linguistic Theory of Translation*. London: Oxford University.
- Crystal, David. 2008. *A Dictionary of Linguistics and Phonetics*. 6th edn. Oxford: Blackwell.
- Daas, Qa:sim. 2004. *ʾIra:b al-Qurʾa:n al-Kari:m* [‘Parsing the Holy Qur’an’]. Damascus: Da:r al-Muni:r.
- Daimi, Kevin. 2001. Identifying syntactic ambiguities in single-parse Arabic sentence. *Computers and the Humanities* 35 (3). 333–349.
- Darir, Hassane. 2012. Translating the implicit: Low-contextualization in the case of translating the Qur’an into English. In Hassane Darir, Yu:suf Al-Idri:si: & ʿAbdu-l-Ḥami:d Zahi:d (eds.), *Tarjamat al-bala:gha al-qurʾa:niyya bayna asʾilat al-huwwiya wa-thaqa:fat al-a:khar* [‘Translating Qur’anic rhetoric between inquiries about identity and culture of the other’], 297–327. Irbid: Modern Books World.
- Dickens, James, Sándor Hervey & Ian Higgins. 2016. *Thinking Arabic Translation: A Course in Translation Method: Arabic to English*. 2nd edn. London and New York: Routledge.
- Dupriez, Bernard. 1991. *A Dictionary of Literary Devices*. Trans. and adapt. by Albert W. Halsall. Toronto: University of Toronto Press.
- El-Hadary, Tariq H. 2008. *Equivalence and translatability of Qur’ānic discourse: A comparative and analytical evaluation*. PhD thesis, University of Leeds, UK.
- Genette, Gérard. 1997. *Paratexts: Thresholds of Interpretation* (Trans. Jane E. Lewin). Cambridge: Cambridge University Press.
- Greene, Roland, Stephen Cushman, Clare Cavanagh, Jahan Ramazani & Paul Rouzer. 2012. *The Princeton Encyclopedia of Poetry and Poetics*. 4th edn. Princeton: Princeton University Press.
- Greene, Roland & Stephen Cushman. 2016. *The Princeton Handbook of Poetic Terms*. 3rd edn. Princeton: Princeton University Press.
- Ḥa:mid, ʿAbdu-l-sala:m A. & Majdi: Qandi:l. 2019. David Justice wa-ara:ʔuh fi: mazhar tara:ki:b al-ʿarabiyya [‘David Justice and his views on aspects of Arabic syntax’]. *ALMICHAAAL* 21. 75–122.
- Hassanein, Hamada. 2017. Translating aspects of lexical-semantic opposition from Qur’anic Arabic into English: A cross-linguistic perspective.” *Perspectives: Studies in Translation Theory and Practice* 25 (1). 137–156. <https://doi.org/10.1080/0907676X.2016.1159236>
- Hassanein, Hamada & Jens Scheiner. 2020. *The Early Muslim Conquest of Syria: An English Translation of al-Azdī’s Futūḥ al-Shām*. London and New York: Routledge.
- House, Juliane. 2019. Translation as a prime player in intercultural communication. *Applied Linguistics* 41 (1). 10–29. <https://doi.org/10.1093/applin/amz007>
- Ibn ʿA:shu:r, At-Ṭa:hir. 1984. *Tafsi:r at-Tahri:r wa-t-Tanwi:r* [‘The Exegesis of Liberation and Enlightenment’]. Tu:nis: Ad-Dār At-Tu:nisiyya li-l-Nashr.
- ʿImra:n, Ḥamdi: B. 2018. *Min Ishka:liyya:t al-Tarjama Waqf al-Muʿa:naqa fi: al-Qurʾa:n al-Kari:m* [‘Of the problematics of translation is the inter-embracing pause in the holy Qur’an’]. Giresun: Aswa:t li-l-Dira:sa:t wa-l-Nashr.
- Justice, David. 1987. *The Semantics of Form in Arabic in the Mirror of European Languages*. Amsterdam: John Benjamins Publishing.

- Kaltenböck, Gunther. 2007. Spoken parenthetical clauses in English: A taxonomy. In Nicole Dehé & Yordanka Kavalova (eds.), *Parentheticals*, 25–52. Amsterdam: John Benjamins Publishing.
- Kha:ṭir, Sulayma:n Y. 2000. *Manhaj Si:bawayh fi: al-Istishha:d bi-l-Quraʿn al-Kari:m wa-Tawji:h Qira:ʿa:tih wa-Maʿa:khidh baʿd al-Muhdathi:n ʿalayh* [‘Sibawayh’s Method for Quoting from the Glorious Qur’an and Directing its Readings and the Criticisms Levied against it by Modern Grammarians’]. PhD thesis, Omdurman Islamic University, Sudan.
- Kiss, Tibor & Artemis Alexiadou. 2015. *Syntax: Theory and Analysis*. Berlin: De Gruyter Mouton.
- Klaudy, Kinga. 2005. Implication in translation: Empirical evidence for operational symmetry in translation. *Across Languages and Cultures* 6. 13–28. <https://doi.org/10.1556/Acr.6.2005.1.2>
- Lane, Robert. 2018. *Peirce on Realism and Idealism*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Langley, Larret. 1835. *A Manual of the Figures of Rhetoric, etc.* Doncaster: C. White, Baxter-Gate.
- MacDonald, C. Maryellen, Neal J. Pearlmutter & Mark S. Seidenberg. 1994. Lexical nature of syntactic ambiguity resolution. *Psychological Review* 101. 676–703. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.101.4.676>
- Makutoane, Tshokolo J., Cynthia L. Miller-Naudé & Jacobus A. Naudé. 2015. Similarity and alterity in translating the orality of the Old Testament in Oral Cultures. *Translation Studies* 8 (2). 156–174. <https://doi.org/10.1080/14781700.2014.992462>
- Mieszkowski, Jan. 2009. Who’s afraid of anacoluthon? *MLN* 124. 648–665. [10.1353/mln.0.0145](https://doi.org/10.1353/mln.0.0145)
- Mir, Mustansir. 2006. Language. In Andrew Rippin (ed.), *The Blackwell companion to the Qur’an*, 88–106. MA: Blackwell Publishing.
- Mohagheh, Ameneh & Hossein Pirnajmuddin. 2013. The trace of translators’ ideology: A case study of English translations of the Qur’an. *3L: The Southeast Asian Journal of English Language Studies* 19 (1). 51–64.
- Munday, Jeremy. 2008. *Introducing Translation Studies: Theories and Applications*. 2nd edn. London and New York: Routledge.
- Munday, Jeremy. 2016. *Introducing Translation Studies: Theories and Applications*. 4th edn. London and New York: Routledge.
- Mustafa, Burçin K. 2019. Ambiguity, ideology, and doctrine propagation in Qur’an translation. *Journal of Qur’anic Studies* 21. 21–49. <https://doi.org/10.3366/jqs.2019.0367>
- Najjar, Ibrahim, Soh Kwee & Thabet Abu al-Haj. 2019. Mode in Arabic-English Translation: With Reference to the Quran. *Russian Journal of Linguistics* 23 (2). 509–522. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-2-509-522>
- Naudé, Jacobus A. 2010. Religious translation. In Yves Gambier & Luc van Doorslaer (eds.), *Handbook of translation studies*, 285–293. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing.
- Newmark, Peter. 1982. *Approaches to Translation*. Oxford: Pergamon Press.
- Newmark, Peter. 1988. *A Textbook of Translation*. New Jersey: Prentice Hall.
- Nida, Eugene. 2001. *Contexts in Translating*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing.
- Omer, Sir El-Khatim. 1997. Stopping or pausing during Quranic recitation and its impact on meaning. *Journal of King Saud University: Educational Science and Islamic Studies* 9 (1). 113–149.
- Pym, Anthony. 1995. European translation studies, une science qui dérange, and why equivalence needn’t be a dirty Word. *Traduction, Terminologie, Rédaction* 8. 153–176. https://doi.org/10.7202/037200aradresse_copiééun

- Rangarajan, Sudarsan. 2017. The anacoluthon in le Rouge et le Noir: Cutting cords and tying knots. *Neophilologus* 101. 387–397. <https://doi.org/10.1007/s11061-017-9521-0>
- Raoufkazemi, Fatemeh, Majid Khorsand, Moussa P. Asl & Amin Amirdabbaghian. 2020. Expertise and explicitation in English translations of the holy Quran. *3L: The Southeast Asian Journal of English Language Studies* 26 (3). 154–169. <http://dx.doi.org/10.17576/3L-2020-2603-12>
- Salama, Amir. 2021. A methodology for Qur’anic lexical translation: Synergizing semantic preference, discourse prosody, and para/intertextuality. *Translation Spaces* 10 (2). 278–305. <https://doi.org/10.1075/ts.20042.sal>
- Schipper, Jeremy. 2012. The syntax and rhetoric of Ruth 1:9a. *Vetus Testamentum* 62. 642–645. <https://doi.org/10.1163/15685330-12341085>
- Simpson, Paul. 2004. *Stylistics: A Resource Book for Students*. London and New York: Routledge.
- Toury, Gideon. 1995. *Descriptive Translation Studies and Beyond*. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins.
- Tüfekçican, Dilek. 2017. The representation of anacoluthon in *Waiting for Godot* by Samuel Beckett. *Atatürk Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi* 21 (1). 1–17.
- Vinay, Jean-Paul & Jean Darbelnet. 1995. *Comparative Stylistics of French and English: A Methodology for Translation*. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins.
- Wansbrough, John. 1970. Maja:z al-Qur’a:n: Periphrastic exegesis. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* 33. 247–266. <https://doi.org/10.1017/S0041977X00103325>

Appendix 1. Abbreviations and typographical conventions

Abbreviation	Full form	Abbreviation	Full form
ST	Source Text	TT	Target Text
Q	Qur’an	CA	Classical Arabic
SI	Sahih International	MP	Marmaduke Pickthall
YA	Yusuf Ali	HS	Habib Shakir
MS	Muhammad Sarwar	MK	Mohsin Khan
JA	John Arberry	PP	Prepositional Phrase
NP	Noun Phrase	VP	Verb Phrase
CP	Complement Phrase	SC	Subordinate Clause
VS	Verbal Sentence	NS	Nominal Sentence
AdvP	Adverb Phrase	RC	Relative Clause
SLT	Source Language Text	TLT	Target Language Text
PRON	Pronoun	PN	Proper Noun
N	Noun	V	Verb
ACC	Accusative	CONJ	Conjunction
P	Preposition	NEG	Negative
DEM	Demonstrative	REL	Relative
T	Time	SUB	Subordinator
ANS	Answer	SUP	Supplemental

Appendix 2. Transliteration symbols for Arabic vowels and consonants

Arabic letter	English symbol	Arabic example	English equivalent
ء	ʔ	faʔl	omen
ب	b	ba:b	door
ت	t	tibn	chaff

Arabic letter	English symbol	Arabic example	English equivalent
ث	th	tha ^c lab	fox
ج	j	jamal	camel
ح	h	hubb	love
خ	kh	khubz	bread
د	d	dubb	bear
ذ	dh	dhahab	gold
ر	r	rabb	Lord
ز	z	zayt	oil
س	s	sabt	Saturday
ش	sh	shams	sun
ص	s	ṣayf	summer
ض	d	ḍayf	guest
ط	t̤	ti:n	mud
ظ	z̤	zuhr	noon
ع	c	ʿabd	slave
غ	gh	gharb	west
ف	f	famm	mouth
ق	q	qalam	pencil
ك	k	kita:b	book
ل	l	layl	night
م	m	makr	guile
ن	n	nawm	sleep
هـ	h	hudhud	hoopoe
و	w	ward	rose
ي	y	yawm	day
ا (فتحة)	a	katab	he wrote
و (ضمة)	u	kutub	books
ي (كسرة)	i	sinn	tooth
مد طويل ا/ي	a:	ka:tib	writer
ضمة طويلة و	u:	fu:l	beans
كسرة طويلة ي	i:	fi:l	elephant
أصوات علة مركبة	aw	mawt	death
أصوات علة مدغمة	ay	bayt	house

Source. Retrieved and adapted from <http://www.ijaes.net/Author/Help> and accessed on 07/03/2020.

Article history:

Received: 17 June 2021

Accepted: 21 April 2022

Bionote:

Hamada HASSANEIN is an Associate Professor (on contract) at Prince Sattam bin Abdulaziz University (Kingdom of Saudi Arabia), and a standing Associate Professor at Mansoura University (Arab Republic of Egypt). His research interests include English<>Arabic translation studies and lexical semantics. He published in top journals, such as *American Journal of Semiotics, Perspectives, Lingua, Translation and Interpreting Studies, Open Linguistics, Journal of Intercultural Communication Research* and *GEMA*. His most recent book-length publication is “The Early Muslim Conquest of Syria: An English Translation of *al-Azdī’s Futūḥ al-Shām*” (2020, Routledge).

e-mail: h.hassanein@psau.edu.sa

ORCID: 0000-0003-3770-6405

Сведения об авторе:

Хамада ХАССАНЕЙН – доцент университета Принца Саттама бин Аббдулазиза (Саудовская Аравия) и Мансурского университета (Египет). В сферу его исследовательских интересов входят перевод и лексическая семантика. Имеет публикации в ведущих журналах, таких как *American Journal of Semiotics, Perspectives, Lingua, Translation and Interpreting Studies, Open Linguistics, Journal of Intercultural Communication Research* и *GEMA*. В 2020 г. вышла в свет его новая книга “The Early Muslim Conquest of Syria: An English Translation of *al-Azdī’s Futūḥ al-Shām*” (2020, Routledge).

e-mail: h.hassanein@psau.edu.sa

ORCID: 0000-0003-3770-6405

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-31228>

Research article / Научная статья

A semiotic portrait of a big Chinese city

Olga LEONTOVICH   and Nadezhda KOTELNIKOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia

 olgaleo@list.ru

Abstract

Urban communication studies is a growing field of research aiming to reveal the regularities of human interaction in an urban context. The goal of the present study is to examine the semiotics of a big Chinese city as a complex communicative system and its effect on the social development of urban community. The material includes over 700 units (toponyms, street signs, advertisements, memorials, local foods and souvenirs, mass media, etc.) mostly collected in Tianjin, China's fourth biggest city with a population of almost 14 million people. The research methodology is based on critical discourse analysis, ethnographic and semiotic methods, and narrative analysis. The study reveals the structure of communication in a big Chinese city and the integration of language into the city landscape. It indicates that urban historical memories are manifested in the form of memorials, symbols, historic and contemporary narratives. The physical context is associated with names of streets and other topological objects. Verbal and visual semiotic signs are used to ensure people's psychological and physical safety. Social advertising predominantly deals with the propaganda of Chinese governmental policy, traditional values and 'civilized behaviour'. Chinese urban subcultures, such as 'ant tribe', 'pendulums', 'shamate', etc., reflect new social realities. Food and foodways are defined by cultural values and different aspects of social identity. The image of a big Chinese city is also affected by globalization tendencies and the COVID-19 pandemic. The research framework presented in the study provides an opportunity to show a wide panorama of modern urban life. It can be extrapolated to the investigation of other big cities and their linguistic landscapes.

Keywords: *urban communication studies, linguistic landscape, semiotics, discourse, Chinese language*

For citation:

Leontovich, Olga & Nadezhda Kotelnikova. 2022. A semiotic portrait of a big Chinese city. *Russian Journal of Linguistics* 26 (3). 701–720. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-31228>

Семиотический портрет большого китайского города

О.А. ЛЕОТОВИЧ , Н.Н. КОТЕЛЬНИКОВА

Волгоградский государственный социально-педагогический университет,

Волгоград, Россия

 olgaleo@list.ru

Аннотация

Медиаурбанистика – стремительно развивающаяся сфера исследований, направленная на выявление закономерностей коммуникации в урбанистическом контексте. Цель настоящего исследования – анализ семиотики большого китайского города как сложной коммуникативной

© Olga Leontovich & Nadezhda Kotelnikova, 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

системы и ее воздействия на динамику городского социума. Практический материал включает более 700 единиц (топонимы, рекламные объявления, плакаты, афиши, мемориалы, сообщения в местных СМИ, названия и оформление местной еды, сувениры, популярные коммуникативные практики и т. д.), собранных в Тяньцзине, одном из крупнейших китайских городов с населением около 14 млн человек. В качестве ключевых методов исследования выступают критический дискурс-анализ, этнографический и семиотический методы, а также нарративный анализ. В процессе исследования раскрыты структура коммуникации в большом китайском городе и закономерности интеграции языка в городской контекст. Выявлено, что историческая память представлена в виде мемориалов, символов, исторических и современных нарративов. Физический контекст ассоциируется с наименованиями улиц и других топологических объектов. Языковые и визуальные семиотические знаки применяются для обеспечения психологической и физической безопасности. Социальная реклама преимущественно используется для пропаганды китайской официальной политики, традиционных ценностей и цивилизованного поведения. Городские субкультуры, такие как «муравьиное племя», «люди-маятники», «шаматэ» и др., отражают новую социальную реальность. Гастрономический дискурс ассоциируется с культурными ценностями и различными аспектами социальной идентичности. На облик большого китайского города также влияют глобализационные тенденции и пандемия коронавируса. Разработанная концепция позволяет представить широкую панораму современной городской жизни и может быть экстраполирована на исследование языкового ландшафта других крупных городов.

Ключевые слова: медиаурбанистические исследования, лингвистический ландшафт, семиотика, дискурс, китайский язык

Для цитирования:

Leontovich O.A., Kotelnikova N.N. A semiotic portrait of a big Chinese city. *Russian Journal of Linguistics*. 2022. V. 26. № 3. P. 701–720. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-31228>

1. Introduction

Big cities are vibrant places where policies are made and the newest tendencies developed. They define the face of modern society, therefore different issues dealing with urban life are addressed by economists, sociologists, urban planners, architects, environmentalists, artists, communication specialists and linguists. Scholars announce the arrival of the “Age of Urbanism” associated with high density of population, close contacts between people and a great variety of communication practices. Proceeding from the social constructionist theories (Burr 1995, Pearce 1994, Spector 1977) and critical discourse analysis (Blommaert 2005, Fairclough 2003, Foucault 1977), researchers point out that communication reflects not only the patterns of interaction in big cities but also their ethnic composition, self-identification, social stratification, hierarchical structure, social visibility, etc. (Aiello 2016, Dickinson & Aiello 2016, Kvyat 2013, Kvyat 2014, Leontovich 2017, Leontovich 2020b, etc.).

The present paper summarizes the results of a five-year-long research of urban communication in China. It has an overall focus on the semiotics of a big city as a reflection of contemporary trends in Chinese urban communities. To the best of our knowledge, there has not been any comprehensive investigation of this topic by other scholars. The goals of the study are: 1) to outline the main approaches to urban communication studies, single out its constituent features and conceptual foundations; 2) to identify the semiotic signs, communication forms and linguistic

peculiarities which define the face of a modern Chinese city; 3) to compose a ‘semiotic portrait’ of a big city as a general representation of Chinese society. We address the following research questions: 1) How does communication work to form Chinese urban society? 2) What is the structure of communication in a big Chinese city and how do its elements interact to form a structural whole? 3) How does language integrate into the city landscape and reflect the newest tendencies in its sociocultural, political, ethnic and aesthetic development?

The paper consists of the following major parts. Section 2 deals with the theoretical framework of the study. Section 3 describes the research material and methodology of its analysis. In section 4 we provide a systematic analysis of Chinese urban communication along the following lines: the representation of historical memories; geographical space; publicity, privacy and safety; universal and culturally specific values in social advertising; urban subcultures; food and foodways; globalization tendencies; and the reflection of the COVID-19 pandemic in Chinese urban discourse. The choice of the topics was dictated by the empirical material we collected in the course of the research. It reflects different aspects of urban life forming the ‘semiotic portrait’ of a big Chinese city. Finally, in section 5 we summarise the results of the research and its relevance for the field of urban communication studies.

2. Theoretical background

The theories dealing with the life of big cities stem from the works by Simmel (1903), Weber (1922, 1923), Mellor (1977) and other scholars (see Hutchison 2010, Kvyat 2014, Parker 2015, for a review). The present work is based on the premises of urban communication studies – a growing field of research combining the achievements of urban and communication studies, which, according to Fornäs (1995), have recently been drifting towards each other. Urban communication studies propose a holistic approach to the city space viewed as a social product incorporating historic attraction, aesthetic qualities and new communication practices. Notwithstanding the scholarly interest for urban communication, we are not aware of any study clearly formulating its basic principles and summarizing its difference from previous approaches to urban discourse, such as onomastics, media linguistics, pragmalinguistics, etc. On the basis of the analysis of numerous publications and conference presentations (Aiello & Tosoni 2016, Kvyat 2013, Laundry & Bourhis 1997, Lotman 1992, Mellor 1977, Pavlenko 2017, Pütz 2020, etc.) we have formulated the following constituent features of urban communication studies as a research area (Leontovich 2020a):

- a city is viewed as a communicative system of its own, composed of different channels, forms and means of human interaction, a “text” in a broad sense of the term;
- the leading role in this system belongs to the social aspect of communication and its effect on the formation and development of urban community;

- the focus of the study is not on particular types of linguistic units and semiotic signs, but on a problem (multilingualism, peculiarities of migrants' languages, power relations, etc.);
- one of the key issues is the influence of communication on the construction of individual and collective identity of urban dwellers;
- the quality of urban discourse depends on the combination of symbolic, material and technological media;
- the factors which influence the modern city's image include: a) historical memories; b) cultural heritage; c) globalization tendencies; d) state, regional and local policy; e) new communication practices as a result of social activism, etc. (Leontovich 2020a).

A city can be interpreted as a real or abstract (imagined) community (for example, *citizens, municipal government, neighbourhood, power*). The interaction in an urban context happens on the level of interpersonal and group communication, an individual and the urban community, city administration, etc. On the one hand, the city's image is based on its inhabitants' collective identity; on the other, urban life affects each person's individual identity, making them proud of their city or, on the contrary, unhappy with its infrastructure, organization, tempo of growth and living conditions.

The city as a dynamic information medium, an open cultural space and a site of many people's interactions incorporates multiple discourses which interweave and form the urban language. The term *linguistic landscape* (LL) was introduced by Laundry & Bourhis (1997) who defined it as the language of advertising, street names, shop signs and other media using written language in a public space, "the visibility and salience of languages on public and commercial signs" (Ibid: 25). Scholars characterize LL as the totality of the language's visual existence: all signage, announcements, billboards, public road and safety signs, slogans, names of buildings, streets, shops, graffiti, etc. (Baranova and Fyodorova 2017, Gorter 2013, Pavlenko 2017, Pütz 2020, Yelenevskaya & Fialkova 2017). They emphasise its multimodal character and role in top-down and bottom-up communication (e. g., see Pütz 2020) viewing the study of LL as a promising area of research which reflects sociocultural and political reality, aesthetic perception, interethnic and intergroup contradictions. We will further apply the notion of LL and principles of its analysis to the study of Chinese urban discourse.

3. Methodology and data

The research framework is based on critical discourse analysis, ethnographic and semiotic methods, and narrative analysis, the combination of which allows us to implement the principle of triangulation (for a detailed description of the methodology see Chen & Leontovich 2020, Leontovich 2018). We proceed from the following basic assumptions: 1) discourse acts as a sort of intermediate formation situated at the intersection of the text *per se* and social context (Fairclough 2003: 37); 2) representational properties of discourse can be seen as a

vehicle for the exercise of power (Foucault 1977, Bryman 2008: 508); 3) discourses do not only reproduce the world as it is – they are also projective and capable of constructing the speakers’ social worlds (Foucault 1977: 124); 4) scholars should not only provide a social perspective on language, but also use the research as a means of social impact (Blommaert 2005: 25); 5) a comprehensive understanding of communication in a big city can be achieved only through the study of the totality of the semiotic signs represented in its landscape, which include: toponyms; architecture; organization of public and private space; signs of racial, ethnic, age, gender and religious identity; places of interest; names of local celebrities; advertising, billboards, posters and graffiti; local mass media; local food, its packaging and decoration; local souvenirs; and names of popular communication practices (Leontovich 2019). The data for the study were mostly collected in Tianjin – the fourth biggest city in China with a population of almost 14 million people and one of the four municipalities reporting directly to the Chinese government. It is, on the one hand, a modern megapolis, and, on the other – a non-capital city preserving the uniqueness of traditional culture. For the sake of objectivity, some of the data were also obtained in other big cities including Beijing.

We agree with the scholars who emphasise the importance of small-data approach (e. g., see *Defining small data*) to the material selected from multiple sources including interviews, surveys, content analysis, etc. in order to get access to a wide spectrum of analytical information. Our research material obtained from ethnographic fieldwork, surveys, and mass media in 2018–2021 includes over 700 units acting as urban semiotic signs. We will further analyse urban discourse in Tianjin from multiple perspectives and generate its detailed ‘semiotic portrait’ reflecting different aspects of social life in a big Chinese city.

4. Analysis and discussion

4.1. Historical memories

The history of a city is represented through monuments, memorials, symbols, songs, poetry, literature, local media, historic and contemporary urban narratives (Leontovich 2019). They form the unique ‘visual hypertext’ which acts to preserve social memory and cultural information.

The historic individuality of a city starts with its name. The comprehension of a city as a name (Lotman 1992: 9) is part and parcel of the indepth reading of the ‘urban text’. The history of Tianjin is commemorated in its three names. The first historical name was 直沽寨 (*Zhigu zhai*) originating from the settlement founded in the early 13th century on the territory of the Jurchens Jin dynasty. The second name 海津 (*Haijin*) meaning ‘the Sea Ferry’ is associated with the city’s geographical position. The present name 天津 (*Tianjin*) denoting ‘the Sky Ferry’ dates back to 1404 when the third emperor of the Ming Dynasty Yongle started his victorious war for the crown (Chen & Leontovich 2020). All the three historical names are represented in Tianjin’s contemporary topography (直沽街 ‘*Zhigu*

street’, 海津大桥 ‘*Haijin bridge*’) and infrastructure (天津市直沽酿酒厂 ‘*Tianjin distillery Zhigu*’, 海津大酒店 ‘*Haijin hotel*’, 老天津卫炸酱面面馆 ‘*Noodle joint “Tianjin noodles with fried bean sauce”*’).

“Present street names (the East Road, the South Road, the West Road, the North Road) still clearly define the old town in spite of very few relics or architecture” (Ibid). The Ancient Culture Street (古文化街) with several buildings from the Ming and Qing dynasties preserves the memories of the old Chinese Empire. Newer buildings imitate ancient Chinese architecture recreating the atmosphere of the past centuries. Numerous monuments, memorials and museums reproduce different periods of the city’s history. Memories woven into Tianjin’s modern architecture predominantly perform a symbolic function, emphasising the image of China as one of the world’s oldest civilizations.

4.2. Geographic space as a physical context of communication

The physical context of urban communication viewed from the linguistic perspective represents the notion of ‘geosemiotics’ (Scollon & Scollon 2003, Pütz 2020) and incorporates names of streets, avenues and other topological objects, the notions of centrality and environment. Social segregation of the city space results in the formation of sociolects.

According to the approach suggested by Lefebvre (1974), a city can be seen as a live organism where space is not anything given by nature and permanent but constantly developing and reproduced on the basis of social change. He differentiates between physical, mental and social space and gives multiple definitions of space – geographical, economic, demographic, sociological, political, etc. On the basis of this delineation Lefebvre is trying to find out whether the language logically, epistemologically and genetically precedes the construction of social space or is produced by it. The analysis allows him to conclude that space functions as a sort of *surcodage*, *code des codes* (code of codes) (Ibid: 20–27). The notion of border is used by researchers to investigate the boundaries between communities, languages, dialects, cultures and subcultures (Leontovich 2020a).

Street names in Tianjin are based on Chinese toponyms (北京街 ‘*Beijing street*’, 哈尔滨道 ‘*Harbin street*’); names of provinces (河北大街 ‘*Hebei prospect*’); natural objects (泰山道 ‘*Mountain Taishan street*’); water objects and their elements (海云街 ‘*Sea Clouds street*’, 小淀大街 ‘*Little Creek prospect*’); objects of infrastructure (天塔道 ‘*Sky Tower street*’, 电厂路 ‘*Electric Station street*’); military terms (北营路 ‘*North Fort street*’, 大黄堡路 ‘*Big Yellow Fortress street*’), etc.

Typical are the nominations with distinct positive connotation, especially those seen as symbols of well-being, such as: 安福道 ‘*street of Quiet Happiness*’, 富康路 ‘*street of Wealth and Health*’, 寿昌路 ‘*street of Longevity and Prosperity*’. Other semiotic signs belonging to this category are zoomorphic symbols denoting

sacred mythological animals: 赤龙街 ‘*street of the Red Dragon*’, 凤鸣道 ‘*street of the Singing Phoenix*’. The formation of the Peoples Republic of China in 1949 was marked by the emergence of street names connected with revolutionary and communist symbols, such as: 自由道 ‘*Freedom street*’, 红星路 ‘*Red Star street*’, 新胜胡同 ‘*hutong New Victory*’. However, the nominations correlating with political symbols are scarce.

4.3. The city as a public and private space. Problems of linguistic security

The research of urban living deals with such issues as the correlation between “public discourse and people’s private life; safety, sustainability, danger of intrusion; gated communities; surveillance practices and their semiotic representation, etc.” (Leontovich 2019). We devoted a number of publications to the study of social visibility (Leontovich 2020b) and semiotics of surveillance (Leontovich 2018).

Similarly important is the role of language in ensuring people’s safety. This includes *psychological safety* preventing the use of offensive language, insults, outrage and manipulation; and physical safety achieved by means of warnings about danger: 如遇火警，勿用电梯 ‘*In case of danger don’t use elevators*’; 燃气设施，严禁烟火 ‘*Gas equipment. Smoking strictly forbidden*’; 减速慢行，注意行人 ‘*Reduce speed, pay attention to pedestrians*’; 禁止人力三轮车通行 ‘*Rickshaws not allowed*’. Nowadays strict imperatives coexist with mitigating formulas, such as: 温馨提示 ‘*friendly recommendation*’, e. g., 温馨提示: 前方坡陡，小心摔跤 ‘*Friendly recommendation: slope ahead, beware of falling down*’.

Special attention is paid to the safety of foreigners who are regarded as a group at risk because they often do not know the language, are unfamiliar with local culture, can easily get lost, and are unable to communicate with the police or doctors in a critical situation. The creation of comfortable conditions for foreign guests presupposes the existence of signage, maps and guides in foreign languages as well as English-speaking personnel in airports, hospitals, police stations, etc. Though Chinese cities have significantly moved towards globalization, they still face the problem of adequate communication with foreigners.

4.4. Universal and culturally specific values in social advertising

The investigation of Chinese social advertising from the semantic and axiological perspectives demonstrates that it is polyfunctional and acts to promote the official policy, traditional values, ecological propaganda, a healthy lifestyle and norms of civilized behaviour.

Support of the Chinese governmental policy. Social advertising is widely used as a form of top-down communication between the authorities and the public. Numerous posters devoted to the ‘Chinese dream’ (中国梦) – a policy initiated by

Xi Jinping – promote the idea of the rebirth of the great Chinese nation. They teach the Chinese people: 讲诚信，有良心 ‘*to be honest and conscientious*’ and 助人为乐 ‘*to help others with joy*’. They also claim that: 俭以养德 ‘*frugality breeds high character traits*’ and that 宽容，忍让，和善 代表你内心的强大 ‘*gentleness, compliance and amicability display your inner strength*’.

Maintenance of family values. Demographic problems are among the key topics of Chinese social advertising. The policy “One family – one child” implemented for over 35 years helped to solve some demographic problems during the period of reforms but, on the other hand, brought about a serious disproportion in the population structure. Therefore, in 2016 the government launched a new policy “One family – two children” particularly aimed at city dwellers. By that time most of the urban families had developed a ‘one-child culture’ according to which the decision to have even one child was made only if the spouses were sure that they would be able to provide high standard of living for the whole family. Besides, there is a growing number of the so called *dingke* couples (丁克 > from Eng. *DINK* – *double income no kids*). Social advertising trying to change the attitude employs such slogans as: 实施全面二孩政策，促进人口均衡发展 ‘*Let’s implement the policy “One family – two children”, let’s contribute to the harmonious demographic development*’ and 男孩女孩都是宝，再生一个凑成好 ‘*A son and a daughter are real wealth, give birth to another one for full happiness*’.

Western influence on Chinese family ideology results in the departure from the traditional model of marriage and intergenerational relations leading to the emergence of numerous problems within a family. Authors of social ads are trying to remind citizens of the traditional Confucian principle of filial piety 孝 ‘*xiao*’: 人小孝心大 ‘*A man is small, filial piety is big*’; 中国孝辈辈传 ‘*Chinese filial piety is handed down from generation to generation*’. A switch from the ‘father – son’ to the ‘husband – wife’ key family relationship stimulates young couples to live separately from their parents. This causes the problem of ‘empty nesters’ (空巢老人) – older people who feel lonely when their adult children leave them. Numerous social ads urge citizens to give more attention to their elderly parents: 关爱空巢老人。别让老人的生活如此凄凉 ‘*Take care of the ‘empty nesters’. Make sure their life is not so empty and lonesome*’; 回家是送父母最好的礼物 ‘*The best gift for your parents is your visit*’.

Social advertising also tackles the issue of the so called ‘abandoned children’ (留守儿童), mostly from rural areas, whose parents have left for big cities in the hope to earn a living. At present this category includes over 9 million children left in the care of their grandparents or other relatives (In 2018 the number...). A series of social ads with the appeal 关爱留守儿童 ‘*Love and care for abandoned children*’ aims to remind labour migrants that it is necessary to remember about the emotional state of their children: 关爱留守儿童 倾听他们的内心呼唤 ‘*Love abandoned children. Listen to the cry of their souls*’.

On the other hand, children in big cities, especially from one-child families, suffer because of the high pressure resulting from their parents' ambitions in a very competitive environment. Social ads remind those parents of the value of childhood: 要关注孩子，不要关住孩子。合理布置学习任务，给孩子健康成长的空间 'Give your attention to kids rather than lock them down. Be reasonable in setting their educational tasks. Give the child space for a healthy development'. The visual component of such posters represents school supplies (pens, pencils, rulers, etc.) as cages with children locked in them.

Language policy. China officially includes 56 ethnicities (the domineering Han ethnic group and 55 ethnic minorities). According to different data, the number of languages varies between 80 and 300, and Han Chinese consists of ten dialects. Such a complex linguistic situation accounts for the necessity of language planning aimed at the preservation of political stability, territorial integrity and harmonious communication. Numerous posters and billboards call for the use of Mandarin as a bond between people: 普通话——13 亿颗心与心之间的桥梁 'Mandarin is a bridge between 1 billion 300 million hearts'; 56 个民族 56 朵花，56 种语言汇成一句话：请说普通话 '56 nationalities, like 56 flowers, 56 languages merge into one phrase; please speak Mandarin'.

Anticorruption policy. The beginning of the large-scale campaign against corruption was announced at the XVIII Congress of the Communist Party of China when Xi Jinping came to power. Social advertising is supposed to remind government employees about the inevitability of punishment for corruption (up to capital punishment) and to eradicate bribery: 贪腐——一根针，刺疼百姓心 'Corruption is a needle that painfully pierces the hearts of common people'; 金钱诚可贵，生命价更贵 'The value of money is high, but the value of life is higher'; 贪心一起 就是牢狱的开始 'Greed is the beginning of the way to prison'. Such slogans are supplemented by visual images of handcuffs, prison bars, cages, etc.

Ecological propaganda. According to official sources, pollution in China annually kills 178 thousand people (Li 2018: 287). Only in 5 out of 500 big Chinese cities (1%) air quality conforms to the international standards set by the WHO. Seven out of ten cities in the world with the worst ecology are situated in China (Kolpakova & Kapishnikova 2016: 93–94). Although Tianjin is not among them, its ecological situation is very alarming.

Since 60–70% of pollution (Li 2018: 287) and 70–80% of noise (Zheng 2017: 91) are caused by cars, social advertising actively promotes the use of 'green' (non-motorised or electric) transportation: 绿色交通·城市未来 'Green transport is the city's future'; 绿色出行·健康你我 'Green mode of transportation is health for you and me'. Because of the contamination of groundwaters, 400 Chinese cities nowadays suffer from water deficit. Tianjin is situated on the banks of the Haihe, one of the most polluted rivers in China. Social ads urge people to use the water frugally: 地球还有多少水让我们浪费? 'How much water is left on Earth for our

wasteful use?'; 节约一滴水, 地球更美丽 'The economy of every waterdrop makes the Earth more beautiful'.

Serious measures are also taken to preserve forests: 保护树木, 让空气更清新 'Take care of the trees that make the air cleaner'; 多一份绿色, 多一份健康 'More green spaces mean more health'. Ads also urge people to give up the use of disposable chopsticks, the production of which requires about a million cubic meters of wood (25 million trees) a year. Hence such social ads as: 保护森林, 向一次性筷子说不 'Let's preserve the forests, let's say "no" to disposable chopsticks'.

Support of a healthy life style is associated with the prevention of drug abuse, smoking and AIDS: 珍爱生命, 远离毒品 'Value life, keep away from drugs'; 为了你和家人的健康, 请不要吸烟 'For your own health and the health of your family, please don't smoke'; 拥抱健康生活, 学会对毒品说不 爱心呵护生命, 行动抵御艾滋 'Protect life, fight AIDS'.

Promotion of civilized behaviour. Among other ideas, Xi Jinping's program stimulates the building of economic, political, cultural, social and ecological civilization. Our study indicates that in recent years the terms 'civilized' and 'civilization' have become fashionable: 创建文明城市。建设美丽天津 'Let's build a civilized city. Let's create wonderful Tianjin'. In order to make a city 'civilized', ads call on the people to behave accordingly: 文明排队 'Stand in line in a civilized fashion'; 请不要乱扔垃圾。请往前一步, 把垃圾扔入桶内 'Please don't throw trash around. Make a step forward, put it in a trashbin'; 请勿随地吐痰 'Please don't spit wherever you choose to'; 便后请冲水, 废纸扔纸篓 'Flush the toilet after using it, throw toilet paper in the bin'; 人与狗不同, 请不要随意地小便 'People are not dogs. Please don't urinate in inappropriate places'.

Another problem is the waste of food due to which in 2013 the Communist Party of China initiated a huge campaign for strict economy and fight against luxury and waste: 文明餐桌从我做起。不剩饭, 不剩菜 'Civilized table starts with me. Don't leave unfinished food'; 文明用餐, 节俭惜福 'Eat in a civilized way, be frugal, don't overindulge'.

Verbal aspects of social advertising. To attract public attention and increase the emotional impact of social ads, their authors use a wide array of stylistic devices, such as parallel constructions: 吸食毒品, 流失生命 'You use drugs and lose life'; rhetorical questions: 你的生命还剩几天? 'How many days do you have left?'; metaphors: 烟, 是开启死亡之门的钥匙 'A cigarette is a key opening the door to death'; hyperboles: 一次吸毒, 终生戒毒 'Try a drug once – and you'll have to fight the addiction all life'; rhyming: 垃圾分类, 生活更美 *lājī fēnlèi, shēnghuó gèng měi* 'Sorting of waste makes the life more wonderful'. An interesting example of allusion is the following slogan: 垃圾分类一小步, 健康文明一大步 'One

small step towards sorting waste — one giant leap towards healthy civilization associated with the precedent statement by the US astronaut Neil Armstrong when he first stepped on the Moon: “*One small step for a man — one giant leap for mankind*”.

Nationally specific language use is based on the peculiarities of Chinese, such as the existence of a great number of homophones and chengyus (phraseological units). Homophones create unlimited opportunities for wordplay, like in the following poster encouraging citizens to give preference to ecological transportation: 绿色出行·骑乐无穷 ‘*Green mode of transportation. Riding [a bicycle] gives endless joy*’. The second phrase is based on the idiom 其乐无穷 ‘*endless joy*’, where the first character 其 qí (a pronoun) is replaced by the homonymous verb 骑 qí ‘*ride [a bicycle]*’. The inscription 来也匆匆去也冲冲 ‘*Hurry when coming, flush when leaving*’ often placed in public toilets is a reference to the famous song 《来也匆匆去也匆匆》 “*We hurry when coming, we hurry when leaving*”, with the word 匆匆 cōngcōng ‘*hurriedly*’ replaced by 冲冲 chōngchōng ‘*flush*’.

Chengyus are specific phraseological units which are easily identified and very popular due to their rhythmicity, expressivity and national flavour. For example, the ad 变废为宝，点铁成金 ‘*Let’s use the waste for production purposes — by means of touch change iron into gold*’ is based on the chengyu 点铁成金 ‘*by means of touch change iron into gold*’, i. e. make good out of bad.

Another specific feature is the ideographic form of Chinese writing. The basic sources of creativity are pictograms (simple characters which originally were primitive drawings of objects) and ideograms (complex characters consisting of two and more pictograms). Due to their imagery, characters and their stylized forms can co-occur in the same context. For example, on a poster against corruption there is a loop for execution with a knot attached to the character 贪 ‘*greed*’ accompanied by the inscription “*死结*” ‘*a tight knot*’. Another example is a poster containing two big characters 官 ‘*civil servant*’, the first one represented with its lower part (吕) in the form of traditional Chinese coins, the second one – in the form of handcuffs. The first one is accompanied by the inscription: 如果这就是你的为官之道 ‘*If this is a civil servant’s way*’, the second one – 那么这就是你最后的结果 ‘*then this is its outcome*’.

4.5. Urban subcultures

The investigation of urban subcultures and the linguistic analysis of their nominations open up ways to understanding the diversity of Chinese society and new trends in its development. We have given a detailed description of this topic in previous publications (Bakumova & Kotelnikova 2019, Leontovich & Kotelnikova 2021), so we will briefly summarise the obtained results and their contribution to the present study.

The nominations reflecting specifically Chinese social trends include: 蚁族 ‘*ant tribe*’ – young people, recent university graduates, who come to Chinese megacities from the province in order to climb the social ladder (Zhao 2014); they rent crowded apartments or old barracks reminding of ant colonies (Wu 2017); 月光族 (from 月 ‘*month*’, 光 – ‘*completely*’, ‘*to the last bit*’) – people who spend their monthly income to the last mao; 钟摆族 ‘*pendulums*’ – commuters who travel to work in the city centre from the outskirts with cheaper apartments (Zeng 2010); 杀马特 *shamate* (from Eng. ‘*smart*’) – young people with basic secondary education who come to big cities from rural areas and work in low-paid jobs at factories, hairdressers’, grocery stores and delivery services. “They are conspicuous because of their flamboyant style, bleached or brightly dyed and teased hair, with lots of hairspray, bright make-up, nails and piercing, unusual loud clothes and plenty of accessories (Leontovich & Kotelnikova 2021, Wang Fushuai 2014); 小清新亚文化 *xiaoqingxin* (from 小 ‘*small*’ and 清新 ‘*fresh*’) – young educated women from well-to-do families, photographers and romantic dreamers with versatile interests, exquisite tastes and positive world perception (Leontovich & Kotelnikova 2021, Liu Lili 2013: 72–73), etc.

The modern tendencies in young people’s lifestyles are also represented in such nominations as 辣奢族 *lashezu* (from Eng. ‘*luxury*’) – young people born in the 1980–90s, mostly with a good income, who want to enjoy a glamorous life and emphasise their social status by means of different accessories; 乐活族 *lehuozu* (from Eng. LOHAS ‘*lifestyle of health and sustainability*’) – people practicing a healthy lifestyle; 尼特族 *nitezu* (from Eng. NEET ‘*not in employment, education or training*’) – a ‘no-no generation’, young people who don’t work or study; 飞特族 *feitezu* (from Eng. *free* and Germ. *arbeiter*) – ‘free workers’, young people who do not have a permanent job and live on occasional earnings (Bakumova & Kotelnikova 2019, Leontovich & Kotelnikova 2021, Xiao 2009, Wang Sini 2010, Liu Xiang 2014). The fact that such nominations are derivatives from English and other European languages indicates that the names are borrowed together with the lifestyle and social practices. The semiotics of subcultures changes the city’s image making it more versatile and serving as a symbolic representation of the specifically Chinese combination of collectivism and individuality.

4.6. Food and foodways¹

Food and everything connected with it constitute an important part of ‘everyday discourse’ (Rus. ‘*discurs povsednevnosti*’) acting as a link between daily routine and psychological, axiological and behavioural aspects of human life. The discussion below deals with different social aspects of Chinese urban gastronomic discourse. Whereas food is an integral part of people’s lives in both urban and rural

---

¹ The authors extend their thanks to Ning Huaiying (Tianjin Foreign Studies University) for contributing information for this paragraph.

areas, we focus on the specifics of food advertising, local and imported produce, cafés, restaurants and supermarkets as a reflection of urban life and their influence on the city's cultural image.

Power, status and standard of living. The factor of power is reflected in food regulations, prohibitions and control. In China, official documents ensure the quality of products, regulate advertising, labelling and packaging. It is forbidden to use particular chemical additives, sell alcohol to minors or circulate cannabis-related products.

Goods beneficial for health and longevity are becoming more difficult to afford. The Yaoshan (药膳) system of healthy eating was originally practiced by emperors, rich people and civil servants. Today expensive healthy products are associated with high living standards. Since ancient times, great value has been attached to ginseng (人参), donkey skin gelatine (阿胶), sea ginseng (海参), edible swallow nests (燕窝), seafood, and expensive drinks, like Chinese vodka «Maotai» (茅台). Other semiotic signs of high or low living standards include stores and markets where products are bought, level of restaurants and cafés, dishes for serving food, as well as traditions and rituals emphasising social status.

Ethnic and cultural values. Tianjin is proud of its famous baked twists (天津麻花), which have become its visiting card and are sold in touristic places, airports and specialized shops. Other signs of local cultural identity are restaurant names: 津菜典藏 ‘*Treasures of Tianjin Cuisine*’, 津鲁饭店 ‘*Jinlu*’, 眼都老院 ‘*Gedu laoyuan*’; names of local vodkas: 津酒 ‘*Jinjiu*’, 大直沽酒 ‘*Dazhigujiu*’, 津沽大曲 ‘*Jingu daqu*’, juices and beverages: 津美源饮品 ‘*Jinmeiyuan yinpin*’.

Gender. In China, products which are traditionally considered to be ‘male’ include those which allegedly increase male libido, such as: 鹿鞭 ‘*antler deer penis*’, 牛肾 ‘*bull kidney*’, 鸽蛋 ‘*pigeon egg*’; particular fruits: 香蕉 ‘*banana*’ and 苹果 ‘*apple*’; plants: 人参 ‘*ginseng*’, 韭菜 ‘*leek*’, 莲子 ‘*lotus seeds*’, 枸杞 ‘*goji*’; seafood: 牡蛎 ‘*oyster*’, 虾 ‘*shrimp*’, 乌贼 ‘*cuttlefish*’ and 海马 ‘*seahorse*’. ‘Female’ products, in their turn, are considered to be good for the skin and have an anti-aging effect: 猪皮 ‘*pork skin*’, 坚果 ‘*nuts*’, 葡萄籽 ‘*grape seeds*’, 南瓜 ‘*pumpkin*’, 无花果 ‘*figs*’, 桑葚 ‘*mulberries*’, 牛奶 ‘*milk*’, 燕窝 ‘*swallow nests*’, 阿胶 ‘*donkey skin gelatine*’, etc.

Physiological identity is associated with healthy food, dietary products for people with health problems or those intending to lose weight. While speaking about food, the Chinese tend to emphasise that certain products (vegetables, fruit, nuts and others) are good for health. The “Yaoshan” (药膳) health food system mentioned above emerged thousands of years ago. It is based on Chinese traditional medicine and is used for prevention and treatment of diseases, preservation of youth and longevity.

Age is also an important factor in food production, advertising and sales. It is reflected in the names of products aimed at children: 谷谷苏 ‘*Gugusu*’, 娃哈哈

‘Wahaha’, 三只松鼠 ‘*Three squirrels*’, 小鱼儿 ‘*Little fish*’, 旺旺雪饼 ‘*Wangwang cookies*’. Age identity also influences communication practices. Young people prefer to order food online, which is especially conspicuous due to the boom of Internet trade.

The dynamics of food and foodways. Changes in the sphere of gastronomic discourse reflect the peculiarities of Chinese mentality and culture of a particular historical period. Modern café and restaurant names tend to include foreign words: phonetic borrowings: 吧 *bā* (from Eng. ‘*bar*’); 得来速 *dé lái sù* (from Eng. ‘*drive-thru*’), calques: (超市 ‘*supermarket*’); hybrid names: *VIP* 餐厅 ‘*VIP restaurant*’; foreign geographical names: 慕尼黑餐厅 ‘*restaurant “Munich”*’; positively coloured names related to Chinese traditional culture: 竹林餐厅 ‘*restaurant “Bamboo Grove”*’, 莲花池饭庄 ‘*restaurant “Lotus Pond”*’; fictional names associated with pleasure: 天宫餐厅 ‘*restaurant “Heavenly Palace”*’, 大福堂餐馆 ‘*restaurant “Abode of Happiness”*’. Some nominations allude to images rooted in history or classical literature, e. g.: 又一村饭店 ‘*restaurant “One More Village”*’ – a phrase from the poem 游山西村 “*Mountain Walk*” by the poet of the Song Dynasty Lu You.

The dynamics of social and technological development lead to the emergence of new practices connected with food and its consumption, which produce new nominations based on puns and other forms of creative language use, e. g., 狗不理包子 ‘*Goubuli baozi*’ (wordplay ‘*Gou*’ – name of the owner and ‘*dog*’).

4.7. Globalization tendencies

Tianjin’s multilingual landscape incorporates numerous foreign languages and visual markers pointing to cross-cultural processes, ethnic diversity, and globalization tendencies. In 2018–19 we carried out an educational project “The City Speaks to You” with the participation of 24 graduate students at Tianjin Foreign Studies University. The students were asked to take photos of any signage in foreign languages they could identify in the city landscape. We also carried out a survey about the perception of foreign language use in the local context. Further analysis and discussion showed that, as in many other cities of the world, the most widely used language was English as a representation of fashion, prestige, and prosperous Western lifestyle. Since the use of English has already been widely discussed in numerous scholarly publications, we would like to focus on the Russian ethnic markers we managed to identify in Tianjin’s landscape.

The Russian diaspora in Tianjin which originated in the late 19th century managed to create its national infrastructure preserving Russian Orthodox customs, national holidays and traditions. Unfortunately, the architectural monuments dating back to the times of the Russian concession and preserved until our days are scarce: the buildings of the Russian-Chinese Bank (华俄道胜银行) and the Russian Consulate (俄国领事馆) (Bazilevich 2017, Doroshkina & Stekhova 2018). The

streets on the territory of the Russian concession had Russian names: 莫斯科路 ‘*Moscow street*’. 伊尔库茨克路 ‘*Irkutsk street*’, 罗曼诺夫路 ‘*Romanov street*’, 阿列克谢也夫路 ‘*Alexeyev street*’, 伏尔加路 ‘*Volga street*’. However, those names adapted to Chinese phonetics and writing were too cumbersome and difficult to remember. For example, Vladivostok street sounded as Fūlājīwòsītūōkè lù, and Kostromskaya street – as Kēsītèluōmǎ lù, so it is only natural that they were eventually renamed.

In 2014 the pedestrian street of Russian culture (俄罗斯文化创意风情街) occupying 8000 km² was opened in the new Binhai district. It is filled with verbal and non-verbal ethnic markers, such as the Russian signage: *Ресторан Арбат* (*Arbat restaurant*), *Квас* (*Kvas*), *Русский йогурт* (*Russian yogurt*); Russian souvenirs; buildings imitating Russian architectural style (the Kremlin, St Basil’s cathedral); and national costumes, all adapted for the Chinese perception of Russian culture. They often coexist with Chinese markers, such as Caishen (Chinese god of prosperity) or three-legged toad (Chinese symbol of wealth). Names of Russian dishes in restaurants are mostly given in the form of descriptive translations: “Herring under a fur coat” — 甜菜丝鲱鱼沙拉 ‘*salad made of herring and beets*’; “Vinegret” — 什锦甜菜沙拉 ‘*assorted salad with beets*’; “Shchi” — 蔬菜汤 ‘*vegetable soup*’; “Beef stroganoff” — 俄式烩牛肉 ‘*Russian-style stewed beef*’. However, sometimes the names preserve their exotic flavour, e. g., 阿克洛许卡冷汤 ‘*okroshka cold soup*’, 欧拉季益厚煎饼 ‘*oladyi thick fried pancakes*’.

4.8. The reflection of the COVID-19 pandemic in Chinese urban discourse

In 2020 the COVID-19 pandemic changed the image of big cities and became one of the most important discussion topics all over the world. It produced a great amount of truthful and false information and was represented both verbally and non-verbally through different information channels. The significance of the problem has encouraged scholars to investigate not only medical, but also social problems, such as global health, transnational safety, surveillance of people’s social behaviour, risks of different kinds, vulnerability of different population groups, implementation of civil rights, activism, solidarity, ethical norms during the pandemic and others. We have identified the following new topics and communication practices dealing with COVID-19 which prevailed in Chinese urban discourse in 2020–21.

Prevention measures which emphasise the necessity to wear masks, wash hands and observe the social distance of one meter (一米线). In China, in addition to instructions, social advertising often includes phrases appealing to individual consciousness and responsibility to contribute to the struggle against the pandemic: 疫情防控，我们共同努力！ ‘*Let’s make joint efforts to prevent the infection!*’;

为抗击新型冠状病毒尽自己的一份力！’*Contribute to the struggle against the new Covid infection!*’.

Unification in the face of the new threat: 战胜疫情！万众一心，众志成城！’*Let’s unite to defeat the epidemic! Unity is great strength!*’；中国加油！同舟共济，共渡难关’*Hold on, China! Let’s unite in the face of common threat to overcome the trouble together*’.

Gratitude for the heroism of medical workers: 抗战疫情。致敬在危险一线的医务工作者’*War on the epidemic! Our great tribute to medical workers toiling at the dangerous front line*’；最美逆行者。致敬白衣天使’*The most wonderful fighters! Our tribute to the angels in white robes*’.

The necessity to fight fake news about coronavirus: 不信谣’*Don’t believe fakes*’，不传谣’*Don’t spread fakes*’.

Specifically Chinese public action included:

The support of Wuhan. After the closing of Wuhan for quarantine in January 2020, Chinese people started expressing support of its inhabitants. The popularity of this content became a powerful factor of patriotism and solidarity: 中国必胜’*China must win!*’；“武汉加油！一定会赢的最后的胜利”’*Hold on, Wuhan! We are sure to win*’.

The rejection of bat, pangolin, badger, and porcupine meat as food: 我承诺！拒绝野味，从我做起！’*I promise! The rejection of wild animal’s meat starts with me!*’；拒绝野味！向不卫生不文明的饮食陋习宣战’*Stop using wild animals’ meat! Let’s declare a war on unsanitary, uncivilized food habits*’.

During the pandemic, the Chinese language acquired many new terms, such as: 居家隔离’*home quarantine*’, ‘*self-isolation*’；封城，封楼，封单元’*to seal the city or building*’；健康码’*health code*’ (an option in WeChat messenger and AliPay wallet used for behaviour control)；逆行者’*fighters*’ – medical workers who went to Wuhan on the rise of the pandemic. Some expressions became popular in political discourse: 病毒政治化’*politization of the virus*’ (applied to the attitude towards the pandemic on the part of the US and Western Europe)；甩锅’*shift the blame*’；污名化’*throw mud at*’ (about the accusations of China by the US). The main source of the COVID-19 metaphorization is military terminology: 举国战疫’*state war on the virus*’, 主战场’*main battlefield*’ (about Wuhan), 战疫一线’*the frontline in the struggle against the virus*’ (about hospitals)；战疫群侠’*knights in the war against the pandemic*’ (about doctors). We could also observe frequent use of wordplay; however, unlike in Russia, the Chinese practically do not make jokes about the pandemic.

The research indicates that Chinese urban communication related to COVID-19 is institutionalized, massive, consistent and uniform, which can be due to such factors as the Chinese political system, strict discipline and collectivism.

5. Conclusions

Our findings indicate that the Tianjin urban landscape acting as an important component of the national world model reflects historical, cultural, political and linguistic peculiarities of Chinese society. Multiple narratives provide for versatile interpretations of historical memories and can be used for political purposes to reconceptualize the past and the present. Chinese toponyms delineate the Tianjin geographical space reflecting different periods of the city's history and the newest tendencies in its development. The study reveals the role of media in dealing with security problems, a peculiar interception of public and private communication, and surveillance as an indispensable part of modern urban life manifested in a variety of semiotic signs. Social advertising in China is polyfunctional and acts to advance traditional values and contemporary political ideas, promote norms of civilized behaviour, environmental policies and a healthy way of living.

The existence of different urban subcultures and lifestyles is implemented in new linguistic nominations and urban advertising. Globalization, multilingualism and creative language use change the face of the modern Chinese city and discourse models connected with the emergence of a new generation, its perceptions and aspirations which influence modern urban life and its semiotic representation. Language constitutes an integral part of the Chinese urban landscape, reflecting the latest political and sociocultural trends and increasing the emotional impact of social advertising. This is achieved by means of different stylistic devices and nationally specific peculiarities of Chinese, such as the creative use of homophones, chengyus and the ideographic form of Chinese writing.

On a final note, it is worth pointing out that the research framework presented in this study comprises a number of parameters embracing different aspects of communication in a big city and providing an opportunity to present a wide panorama of modern urban life. It can be extrapolated to the investigation of other big cities and their linguistic landscapes. The ultimate aim of urban communication studies is to reveal the strengths and weaknesses of human interaction in urban contexts and contribute to the formation of a city's image, its atmosphere, degree of comfort and security.

REFERENCES

- Aiello, Giorgia & Simone Tosoni. 2016. Urban communication. Going about the city: Methods and methodologies for urban communication research – Introduction. *International Journal of Communication* 10. 1252–1262.
- Bakumova, Elena & Nadezhda Kotelnikova. 2019. Linguistic Expression of the Social Stratification of Chinese Urban Society. *SHS Web of Conferences (The International Scientific and Practical Conference "Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences")* 69. <https://doi.org/10.1051/shsconf/20196900011>
- Baranova, Vlada & Kapitolina Fedorova. 2017. (In)visibility and (non)existence: Labor migrants and the St. Petersburg linguistic landscape. *Gorodskie Issledovaniya i Praktiki* 2 (1). 103–121. (In Russ.)

- Bazilevich, Mikhail. 2017. Russian marks in the architecture of Tianjin. *Arkhitekton: Izvestiya Vuzov* 4 (60). 91–102. (In Russ.)
- Blommaert, Jan. 2005. *Discourse. A Critical Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bryman, Alan. 2008. *Social Research Methods*. Oxford, New York: Third ed. Oxford University Press.
- Burr, Vivien. 1995. *Introduction to Social Constructionism*. London, New York.
- Chen, Fachin & Olga Leontovich. 2020. A tale of two cities: Historical narratives in the Russian and Chinese urban landscapes. *Science Journal of VolSU. Linguistics* 19 (2). 78–85.
- Defining small data. *Small Data Group*. <https://smalldatagroup.com/2013/10/18/defining-small-data/>
- Dickinson, Greg & Giorgia Aiello. 2016. Urban communication. Being through there matters: Materiality, bodies, and movement in urban communication research. *International Journal of Communication* 10. 1294–1308.
- Doroshkina, Kristina & Elena Stekhova. 2018. The picture of Russian cities in China. *Arkhitektura i Dizain: Istoriya, Teoriya, Innovatsii* 3. 38–44. (In Russ.)
- Hutchison, Ray (ed.). 2010. *Encyclopedia of Urban Studies*. Two-volume set. Green Bay, USA, University of Wisconsin. <https://dx.doi.org/10.4135/9781412971973>
- Fairclough, Norman. 2003. *Analysing Discourse*. New York: Routledge.
- Fornäs, Johan. 2006. Introducing media cities. *The ESF–LiU Conference Cities and Media: Cultural Perspectives on Urban Identities in a Mediatized World*. Vadstena, Sweden, 25–29 October. 5–19.
- Foucault, Michel. 1977. *Discipline and Punish*. Harmondsworth: Penguin.
- Gorter, Durk. 2006. Introduction. The study of linguistic landscape as a new approach to multilingualism. *International Journal of Multilingualism* 3. 1–6.
- Kvyat, Alexandra. 2013. New communication practices in Russian cities. *Razvitie russkoyazychnogo mediaprostranstva: kommunikatsionnye i eticheskie problemy. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Moscow: Academia. 351–360. (In Russ.)
- Kvyat, Alexandra. 2014. Anti-cafes, food markets, and pop-up parks: The postvirtual city in Russia. *Science Journal of VolSU. Linguistics* 7 (23). 126–134. (In Russ.)
- Laundry, Rodrigue & Richard Bourhis. 1997. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study. *Journal of Language and Social Psychology* 16 (1). 24–49.
- Lefebvre, Henri. 1991. *The Production of Space*. Malden, MA: Blackwell (Original work published in 1974).
- Leontovich, Olga & Nadezhda Kotelnikova. 2021. The nature of Chinese and Russian subcultures in urban discourse. *Science Journal of VolSU. Linguistics* 20 (5). 87–96.
- Leontovich, Olga. 2018. The all-seeing eye of the city from the perspective of urban communication studies. *Science Journal of VolSU. Linguistics* 17 (4). 206–213.
- Leontovich, Olga. 2019. New forms of urban discourse as a reflection of social change. *Kommunikativnye issledovaniya* 3. 645–654.
- Leontovich, Olga. 2020a. Language of a big city: Key problems of urban communication studies. *Etnopsikholingvistika* 3. 19–34. (In Russ.)
- Leontovich, Olga. 2020b. The problem of social visibility from the perspective of urban communication studies. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities* 12 (841). 99–111. (In Russ.)
- Li, Delin. 2018. Chengshi huanjing wuran yu zhili cuoshi yanjiu [Urban Environmental Pollution and Control Measures]. *Gongye B* 1. 287. (In Chin.)
- Liu, Lili. 2013. “Xiao qingxin” fengge de yawenhua jiedu [A subcultural interpretation of the “xiaqingxin” style]. *Yishu bai jia* 1. 71–73. (In Chin.)

- Liu, Xiang. 2014. “Feitezu” de guang yu ying [The light and shadow of “Feitezu”]. *Gaozhongsheng: Zhi jiao yu jiu ye* 7. 16–17. (In Chin.)
- Lotman, Yurii. 1992. *Symbols of St. Petersburg and Problems of Urban Semiotics. Selected Articles* 2. Tallinn: Aleksandra. 9–21. (In Russ.)
- Low, Kelvin E. Y. & Devorah Kalekin-Fishman. 2019. *Senses in Cities. Experiences of Urban Settings*. 1st edition. New York: Routledge.
- Mellor, Julia R. 1977. *Urban Sociology in an Urbanized Society*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Parker, Simon. 2015. *Urban Theory and the Urban Experience. Encountering the City*. Routledge.
- Pavlenko, Aneta. 2017. Linguistic landscape and other sociolinguistic methods in the study of Russian language abroad. *Russian Journal of Linguistics* 21 (3.) 493–514. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-3-493-514>
- Pearce, W. Barnett. 1994. *Interpersonal Communication: Creating Social Worlds*. New York: Harpercollins College Div.
- Pütz, Martin. 2020. Exploring the linguistic landscape of Cameroon: Reflections on language policy and ideology. *Russian Journal of Linguistics* 24 (2). 294–324. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-2-294-324>
- Pütz, Martin & Neele Mundt. 2019. Multilingualism, multimodality and methodology: Linguistic landscape research in the context of assemblages, ideologies and (in)visibility: An introduction. In Martin Pütz & Neele Mundt (eds.), *Expanding linguistic landscape: Linguistic diversity, multimodality and the use of space as a semiotic resource*, 1–24. Bristol: Multilingual Matters.
- Scollon, Ron & Suzie Wong Scollon. 2003. *Discourses in Place: Language in the Material World*. London/New York: Routledge.
- Simmel, Georg. 1950. Metropolis and mental life. In K. H. Wolff (ed.), *Sociology of Georg Simmel*. Chicago: Free Press. (Original work published in 1903).
- Spector, Malcolm & John I. Kitsuse. 1977. *Constructing Social Problems*. Menlo Park, CA, Cummings.
- Wang, Fushuai & Yang Yang. 2014. Reflection on the Phenomenon of “Shamate”. *Qingnian yu shehui* 5. 336–337. (In Chin.)
- Wang, Sini. 2010. Analysis of the new network word “X Zu”. *Beifang Wenxue* 11. 87–88. (In Chin.)
- Weber, Max. 1927. *General Economic History*. London: Allen & Unwin (Original work published in 1923).
- Weber, Max. 1978. The city (non-legitimate domination). In Max Weber, Guenther Roth & Claus Wittich (eds.), *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*, 1212–1372. Berkeley: University of California Press. 2. (Original work published in 1922).
- Wu, Yao. 2017. Comparative analysis of the social structures of Russia and China. *Obshchestvo: Sotsiologiya, Psikhologiya, Pedagogika* 5. 57–60. (In Russ.)
- Xiao, Yaoyao. 2009. “Zu” lei hanyu xin ci yufahua qianxi [Grammatical analysis of the Chinese neologisms with morpheme “Family”]. *Zhongzhou Daxue Xuebao* 2. 75–77. (In Chin.)
- Yelenevskaya, Maria & Larisa Fialkova. 2017. Linguistic landscape and what it tells us about the integration of the Russian language into Israeli economy. *Russian Journal of Linguistics* 21 (3). 557–586. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-3-557-586>
- Zeng, Dan. 2010. Shi xi xin ciyu “zhongbai zu” [The analysis of neologism “Pendulum clan”]. *Xiandai yuwen (yuyan yanjiu ban)* 11. 147–148. (In Chin.)
- Zhao, Shengkui. 2014. “Yi zu” shehui ziben de qieshi yu jiangju [The Construction of Social Capital of “Ant tribe”]. *Hebei qingnian guanli ganbu xueyuan xuebao* 6. 7–11. (In Chin.)

Zheng, Shaocheng & Xu Yuanyuan. 2017. Chengshi huanjing wuran yu zhili duice [Environmental pollution in cities and countermeasures]. *Gongcheng jishu (Yinwen ban)* 2. 91. (In Chin.)

Sources of practical material

2018 nian quanguo nongcun liushou ertong shuliang 902 wan [In 2018 the number of abandoned children in rural areas all over the country was 9,02 mln.]. *Gaokao zhishi wang* <http://www.xjdkctz.com/jiaoyu/xiaoxue/653194.html>. (In Chin.)

Li, Delin. 2018. Urban Environmental Pollution and Control Measures. *Gongye B* 1. 287. (In Chin.)

Zheng, Shaocheng & Xu Yuanyuan. 2017. Environmental pollution in cities and countermeasures. *Gongcheng jishu (Yinwen ban)* 2. 91. (In Chin.)

Article history:

Received: 17 June 2022

Accepted: 04 September 2022

Bionotes:

Olga LEONTOVICH is Doctor Habil, Professor of the Department of Intercultural Communication and Translation at Volgograd State Socio-Pedagogical University. She has authored over 220 publications devoted to the problems of communication studies, cultural anthropology, sociolinguistics, urban and intercultural communication.

e-mail: olgaleo@list.ru

ORCID: 0000-0002-0972-4609

Nadezhda KOTELNIKOVA holds a PhD in Pedagogics. She is Associate Professor and Chair of the Department of Intercultural Communication and Translation, Director of Confucius Institute at Volgograd State Socio-Pedagogical University, and author of over 50 publications. Her research interests include sociolinguistics, Chinese language theory and methods of teaching Chinese as a foreign language.

e-mail: kotelnikova_n_n@yahoo.com

ORCID: 0000-0001-9900-1983

Сведения об авторах:

Ольга Аркадьевна ЛЕОНТОВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации и перевода Волгоградского государственного социально-педагогического университета (ВГСПУ). Автор более 220 публикаций, посвященных проблемам теории коммуникации, лингвокультурологии, социолингвистики, медалиурбанистики и межкультурной коммуникации.

e-mail: olgaleo@list.ru

ORCID: 0000-0002-0972-4609

Надежда Николаевна КОТЕЛЬНИКОВА – кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой межкультурной коммуникации и перевода, директор Института Конфуция Волгоградского государственного социально-педагогического университета (ВГСПУ). Является автором более 50 публикаций. В сферу ее научных интересов входят социолингвистика, теория китайского языка, китайская лингвокультура, методика преподавания китайского языка как иностранного.

e-mail: kotelnikova_n_n@yahoo.com

ORCID: 0000-0001-9900-1983

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-30060>

Research article / Научная статья

Lingua-artistic technique of writing and its role in portraying an artist

Lyubov A. KOZLOVA¹ and Anna V. KREMNEVA²

¹*Altai State Pedagogical University, Russia, Barnaul*

²*Polzunov Altai State Technical University, Russia, Barnaul*

 lyubovkozlova@list.ru

Abstract

The theory of intermediality which first emerged within the frame of intertextuality theory has nowadays become a vast field of interdisciplinary research embracing studies in literature, linguistics, art and culture. In spite of the great amount of works discussing various aspects of this complex phenomenon, numerous questions related to the interpretation of its essence, the typology of intermedial interactions and their functions still remain the subject matter of discussions. An important factor determining the topicality of the intermediality issue is a great number of new textual practices which employ various forms of intermediality inviting for description and theoretical interpretation. All these factors account for the necessity of continuing the research of intermedial interactions. The article is devoted to the study of lingua-artistic technique of writing as one of the means of ontological intermediality. The lingua-artistic technique of writing is understood as the use of lingual means and devices activating visual images in the reader's mind, due to which word and artistic image merge into one whole. The main objective of the article is to present the essence of the lingua-artistic technique of writing, to point out lingual means of its realization and to define their role in character drawing. The research is carried out from the cognitive-semiotic perspective, which is based on the assertion that art is synthetic in its very essence and the interpretation of all culture as Text presupposes the interaction of various semiotic codes participating in the expression of meaning. The empirical material of the study is represented by four novels written by I. Stone, J. Cary, J. Fowles and M. Porter about artists, real or fictional, representing different trends in art. The main methods of the study are the intermedial, inferential and comparative analyses. The research indicates that the lingua-artistic technique of writing is composed by the combination of lingual means and devices which include the nominations of colour and light, form, size, structure of objects, their location in space, composition, a wide use of similes, exfrasis, etc. All these means and their frequency are determined by the author's cognitive style as well as by the artist's specific manner of painting. The results of the study prove the considerable explanatory potential of the cognitive semiotic approach aimed at reconstructing the cognitive processes underlying various types of intermedial interactions.

Keywords: *intermediality, synthesis of arts, lingua-artistic technique of writing, cognitive semiotic approach, verbal and visual thinking*

© Lyubov Kozlova & Anna Kremneva, 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation:

Kozlova, Lyubov & Anna Kremneva. 2022. Lingua-artistic technique of writing and its role in portraying an artist. *Russian Journal of Linguistics* 26 (3). 721–743. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30060>

Лингвоживописная техника письма и ее роль в создании образа художника

**Л.А. КОЗЛОВА¹ , А.В. КРЕМНЕВА² **

¹*Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия*

²*Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова,
Барнаул, Россия*

 lyubovkozlova@list.ru

Аннотация

Теория интермедиальности, возникшая в рамках теории интертекстуальности, сегодня представляет собой обширную область междисциплинарных гуманитарных исследований, в которой работают литературоведы, лингвисты, искусствоведы и культурологи. Несмотря на огромное количество работ, посвященных различным аспектам этого комплексного феномена, многие вопросы, касающиеся трактовки сущности данного явления, типологии интермедиальных взаимодействий и их функций, продолжают оставаться дискуссионными. Важным фактором, обуславливающим актуальность проблемы интермедиальности, являются многочисленные новые текстовые практики, в которых используются различные формы интермедиальности, требующие описания и теоретического осмысления. Статья посвящена лингвоживописной технике письма как одного из приемов онтологической интермедиальности. Под лингвоживописной техникой письма понимается использование в художественном тексте особых языковых средств и приемов, активирующих в сознании читателя живописные образы, в результате чего слово и живописный образ становятся единым целым. Цель работы – описать сущность лингвоживописной техники письма, выявить языковые приемы ее реализации и определить их роль в создании образа персонажа. Исследование выполнено с позиции когнитивно-семиотического подхода, в основе которого лежит тезис о том, что искусство синтетично в своей основе, и понимание всей культуры как Текста предполагает возможность взаимодействия различных семиотических кодов для выражения и интерпретации смысла. Материалом для исследования послужили четыре романа англоязычных писателей (И. Стоуна, Дж. Кэри, Дж. Фаулза и М. Портера), главные персонажи которых – реальные или вымышленные художники, представляющие разные направления в живописи. Основным методом исследования является интермедиальный анализ, также используется инференционный анализ и элементы сопоставительного анализа. Как показало исследование, лингвоживописная техника письма создается комплексом средств и приемов (номинации цвета, света, формы, размера, структуры объекта, его локализацию в пространстве, широкое использование образных сравнений, прием экфрасиса и др.), выбор и частотность которых обусловлены как когнитивным стилем автора художественного текста, так и особенностями живописной манеры художника. Полученные выводы подтверждают значительный экспланаторный потенциал когнитивно-семиотического подхода, использование которого позволяет реконструировать глубинные процессы, лежащие в основе интермедиальных взаимодействий.

Ключевые слова: *интермедиальность, синтез искусств, лингвоживописная техника письма, когнитивно-семиотический подход, вербальное и визуальное мышление*

Для цитирования:

Козлова Л.А., Кремнева А.В. Лингвоживописная техника письма как один из приемов интермедиальности. *Russian Journal of Linguistics*. 2022. Т. 26. № 3. С. 721–743. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30060>

1. Введение

Теория интермедиальности, в основе которой лежит мысль о возможности участия различных семиотических кодов в процессах выражения мысли, находится сегодня в центре внимания таких гуманитарных наук, как лингвистика, литературоведение, теория искусств и культурология. При этом, несмотря на огромное количество работ, посвященных различным аспектам интермедиальности, многие вопросы, касающиеся трактовки сущности данного явления, типологии интермедиальных взаимодействий и их функций, продолжают находиться в фокусе внимания исследователей. Не менее важным фактором, обуславливающим необходимость дальнейшего изучения проблемы интермедиальности, являются новые текстовые практики, в которых используются различные формы интермедиальности, требующие описания и теоретического осмысления. Сложность и многоаспектный характер феномена интермедиальности обуславливают необходимость междисциплинарного подхода, позволяющего интегрировать данные из различных областей гуманитарного знания для понимания сущности интермедиальных взаимодействий. Одним из таких подходов является когнитивно-семиотический, в основе которого лежит тезис о том, что человек может передать содержание своей мысли не только с помощью разных языковых средств, но и с помощью разных семиотических кодов, используя при этом их сочетания, что позволяет проследить полимодальность нашего мировосприятия, взаимодействие различных видов мышления в процессе выражения и восприятия смысла.

Основная цель работы заключается в описании сущности лингвоживописной техники письма, выявлении и анализе языковых приемов ее реализации и определении их роли в создании образа персонажа. В основе исследования лежит гипотеза о том, что лингвоживописная техника письма формируется на основе сочетания различных языковых средств и художественных приемов, выбор которых определяется доминантным смыслом произведения, особенностями живописного стиля художника, фокусом внимания автора художественного текста, а также особенностями когнитивного стиля автора и его эстетическим кредо. Материалом для исследования послужили четыре романа англоязычных писателей (И. Стоуна, Дж. Кэри, Дж. Фаулза и М. Портера), главные персонажи которых – реальные или вымышленные художники, представляющие разные направления в живописи. В данной статье делается попытка показать целесообразность исследования интермедиальных взаимодействий с позиций когнитивно-семиотического, позволяющего реконструировать глубинные ментальные процессы, лежащие в их основе.

2. Краткий экскурс в становление теории интермедиальности и постановка проблемы исследования

Говоря о развитии семиотического подхода к исследованию произведений искусства, Ю.С. Степанов отмечает, что все новое вначале создается за пределами теории, в словесной практике, творцами, но именно теоретики завершают процесс создания нового, в результате чего появляются новые теории (Степанов 2001: 39). Подтверждение этих слов можно найти, обратившись к становлению теории интермедиальности. Явление синтеза существовало в искусстве на протяжении всей его истории, начиная от Гомера, и принцип синкретизма как неотъемлемая характеристика искусства находил различные способы своего воплощения в разные эпохи. Слияние слова и музыки (пение), музыки и жеста (танец) в едином ритуальном тексте было отмечено А.Н. Веселовским как «первобытный синкретизм» (Веселовский 1989: 155–246). На эту же неразрывную связь танца, слова (поэзии) и музыки указывал Р. Вагнер, называя их основными, первоначальными формами искусства и отмечая при этом, что по своей природе они неразрывно переплетены, представляя собой единое целое (Wagner 1895). Впервые термин «интермедиальность» (*intermedium*), как отмечает А.В. Игнатенко, был использован С. Кольриджем в начале XIX века (Игнатенко 2022: 8), но не получил широкого использования в силу того, что в искусстве еще не был накоплен достаточный материал для теоретического осмысления практик интермедиальных взаимодействий.

В европейской музыкальной культуре XIX века наиболее ярким подвижником идеи синтеза искусств был Р. Вагнер, обозначивший ее термином *gesamtkunstwerk* (собирательное произведение искусства) и воплотивший ее в своем творчестве. В европейской литературе XIX века идея синтеза искусств находит свое художественное воплощение в творчестве Ш. Бодлера, П. Верлена, А. Рембо, В. Вулф, О. Уайльда, Р. Олдингтона.

В российской культуре начала XX века интермедиальные практики находят свое воплощение в музыкальных экспериментах А.Н. Скрябина, в музыкальности поэзии и прозы А. Белого, в особой архитектонике поэзии О. Мандельштама, в кинематографичности футуристических опытов раннего В. Маяковского, интермедиальных «переключках» между живописными работами К. Малевича и поэтическими экспериментами В. Хлебникова, а теоретическое осмысление новых текстовых практик представлено в работах В.Б. Шкловского, Б.М. Эйхенбаума, Ю.Н. Тынянова, В.Я. Брюсова, Р.О. Якобсона, о чем подробно пишет в своей работе О.А. Ханзен-Лёве (Ханзен-Лёве 2016: 188–340).

Во второй половине XX века мощным стимулом для теоретического осмысления гибридизации различных форм современного искусства послужило стремительное развитие массмедийных средств, в которых осуществляется синтез различных видов искусства: слова и изображения, слова и музыки, театра и кино,

изображения и представления, рисунка и самых разнообразных артефактов, что придает таким произведениям искусства характер коллажности.

Таким образом, становление теории интермедиальности как самостоятельной области исследования было подготовлено многолетними практиками синтеза различных видов искусства и их теоретическим осмыслением. Говоря о других важных источниках теории интермедиальности, исследователи называют прежде всего имена М.М. Бахтина и Ю.М. Лотмана, внесших весомый вклад в развитие теории интермедиальности. Заслуга М.М. Бахтина заключается в обосновании статуса диалогизма как основы всего гуманитарного мышления (Бахтин 1975, Бахтин 1979). Широкое понимание данного принципа позволяет рассматривать диалогизм не только как диалог сознаний автора и читателя, но и как взаимодействие различных средств, участвующих в процессе осуществления этого диалога и в процессах смыслопорождения.

Другим не менее важным источником становления теории интермедиальности в ее семиотическом аспекте является учение Ю.М. Лотмана о семиосфере, в рамках которого вся культура трактуется как ТЕКСТ, и в основе ее обогащения лежит взаимодействие различных форм и семиотических кодов. Лотман неоднократно подчеркивал мысль о том, что культура в принципе полиглотична, и ее тексты всегда реализуются в пространстве как минимум двух семиотических систем, что придает им характер «многоголосия», или «интерсемиотичности» (Лотман 1992: 143). И хотя М.М. Бахтин пишет о диалоге сознаний, а Ю.М. Лотман говорит о взаимодействии семиотических кодов, нетрудно заметить смысловую переключку между их взглядами. Близость этих подходов, один из которых является когнитивным в своей основе, поскольку речь идет о диалоге *сознаний*, а другой – семиотическим, привела к их интеграции, о чем пойдет речь ниже.

Становление теории интермедиальности как самостоятельной отрасли гуманитарных исследований принято датировать 1983 годом, когда немецкий исследователь О.А. Ханзен-Лёве впервые использовал этот термин и предложил рассматривать интермедиальность как самостоятельную область исследований, сформировавшуюся на основе теории интертекстуальности (Ханзен-Лёве 2016: 11). Примечательно, что первоначально интертекстуальность, понимаемая в широком смысле трактовки этого термина, включала в себя и интермедиальные отношения. Так понимала интертекстуальность Ю. Кристева, включая в нее все случаи транспозиции одной системы знаков в другую (Kristeva 1980). Тесная связь с теорией интертекстуальности нашла свое проявление как в именовании направления, так и в факте заимствования в сферу интермедиальных исследований многих понятий и терминов из мета-языка теории интертекстуальности.

Сегодня теория интермедиальности представляет собой широкое поле трансдисциплинарных исследований, в которых принимают участие искусствоведы и философы, литературоведы и лингвисты. Интенсивное развитие различных форм синтеза искусств привело к зарождению такого научного

направления, как *interart(s) studies* («межхудожественные исследования»), которое сегодня включается в широкую палитру интермедиальных исследований (Fischer-Lichte 2016). В работах, посвященных исследованию интермедиальности, рассматриваются общие вопросы теории (Хаминова, Зильберман 2014, Синельникова 2017, Тишунина 2001, Chapple 2008, Rajewsky 2005 и др.), описывается специфика реализации интермедиальных отношений в медиапространстве (Ljungberg 2010 и др.), в живописи, музыке и киноискусстве (Тимашков 2007, Micznik 2001, Pethő 2010 и др.), а также в художественном тексте на материале различных языков (Игнатенко 2022, Каркавина 2009, Рыбальченко 2014 и др.). Многоаспектность рассматриваемых проблем и разносторонность подходов к феномену интермедиальных взаимодействий находят свое отражение в разнообразии терминов, объединяемых общим «зонтиковым» термином «интермедиальность». Это такие термины, как *поликодовость, интерсемиотичность, мультимедиальность, кроссмедиальность, медиа интеграция, медиасмещение, гибридизация* и др.

3. Типология интермедиальных отношений. Сущность понятия «интермедиальность» в ее когнитивно-семиотическом осмыслении

Следствием широкого спектра интермедиальных взаимодействий является столь же широкая палитра мнений относительно объема данного понятия, выделения типов интермедиальности и отношений между ними. Так, И. Раевски (Rajewsky 2005) отмечает, что, подобно интертекстуальности, интермедиальность может пониматься в широком и узком смысле данного термина. В широком смысле интермедиальность представляет собой категорию, в основе которой лежит принцип диалогизма мышления и основанный на нем принцип взаимодействия между различными формами искусства, позволяющий рассматривать интермедиальность как фундаментальный процесс, который непрерывно происходит в семиотическом пространстве культуры и лежит в основе создания любого произведения искусства.

Исходя из этого широкого понимания интермедиальности и с учетом различных способов реализации интермедиальных отношений, исследователи выделяют различные типы интермедиальности. Анализ работ, посвященных типологии интермедиальных отношений (Тимашков 2007, Тишунина 2001, Ханзен-Лёве 2016, Rajewsky 2005 и др.), показывает, что, несмотря на терминологические различия, выделяются следующие типы интермедиальности: медиакомбинация, или синтез-медиа; медиатранспозиция, или трансмедиальная интермедиальность; трансформационная интермедиальность и онтологическая интермедиальность. Остановимся кратко на сущности перечисленных типов интермедиальных отношений.

Медиа комбинация, или синтез медиа представляет собой использование различных медиа в процессе создания продукта культуры. Этот вид интермедиальности имеет большое распространение в сегодняшней культуре, при этом комбинация этих средств может стать настолько органичной, что

в конечном счете приводит к созданию нового медиапродукта. С точки зрения исторической перспективы, как отмечает А. Ханзен-Лёве, этот вид интермедиальности подчеркивает динамический, эволюционный характер процессов интермедиальных отношений, приводящий к появлению новых, гибридных видов искусства (Hansen-Löwe 1983: 325).

Суть медиатранспозиции, или трансмедиальной интермедиальности, состоит в воплощении одной и той же темы, сюжета, концепта, символа или художественного направления в различных видах искусства. Классическим примером такого вида интермедиальности может служить воплощение библейских сюжетов в разных видах искусства. Эстетика импрессионизма также нашла свое воплощение в музыке, живописи и литературе. Ю.С. Степанов приводит в качестве примера воплощения одного и того же художественного концепта в разных видах искусства картину И.И. Левитана «Осенние сумерки», рассказ А.П. Чехова с таким же названием и «Октябрь. Осенняя песнь» из цикла «Времена года» П.И. Чайковского (Степанов 2001: 3–4).

Трансформационная интермедиальность находит свое выражение в перекодировании одной знаковой системы в другую, например, словесное описание картины или музыкального произведения. Этот вид интермедиальности имеет давнюю традицию и рассматривается в стилистике как риторический прием экфрасиса, суть которого заключается в словесном описании живописного или музыкального произведения искусства. В наше время, как отмечает У. Эко, данный риторический прием «стремится привлечь внимание не столько к себе самому как словесному построению, сколько к тому изображению, которое он намеревается вызвать в воображении читателя» (Эко 2015: 333).

Онтологическая интермедиальность проявляется в наличии общих черт и использовании общих художественных приемов в разных видах искусства. В проекции на художественный текст примером этого типа интермедиальности является т.н. музыкальная, живописная, кинематографическая техника письма, визуальная поэзия и т.п. Таковы, например, приемы лингвомузыкальной и лингвоживописной техники письма, которые использовал Дж. Джойс в романе «Улисс». Анализируя особенности идиостиля Дж. Джойса и используемые им приемы, Е.Ю. Гениева писала: «На самом деле технических приемов всего три – знаменитое «миметическое письмо», лейтмотив и монтаж. Все три приема имеют внутреннюю связь с различными типами искусства – литературой, музыкой и живописью. Это не те «искусства», которые символизируют каждый эпизод «Улисса», это архетипы трех главных искусств, которыми оперирует человеческая культура. Каждое из них имеет свой «материал» – слово, звук, изображение. В «Улиссе» Джойс ставит перед собой грандиозную задачу: описать средствами одного из них – словом – два других, создав, таким образом, современную синкретическую хорею – единое искусство, из которого все они когда-то вышли» (Гениева 2011: 189). В идиостиле В. Вулф, сочетающем в себе приемы лингвомузыкальной

и лингвоживописной техники письма, также находит свое выражение мультимодальность художественного мышления автора. Как писала В. Вулф, стимулом и первоосновой для ее книг всегда служили музыкальные образы. Описывая роль музыки в ее книгах, исследователи всегда цитируют ее слова: *I always think of my books as music before I write them* (Я всегда думаю о своих книгах как о музыке, прежде чем начинаю писать их.) (Varga 2014). Принципиальное отличие данного типа интермедиальности от синтеза медиа заключается в том, что в таком тексте используются не сами различные коды, а особые языковые средства и приемы, которые активируют в сознании реципиента музыкальные или визуальные образы, в результате чего подобный текст конституирует себя в тесной связи с тем искусством, приемы которого использованы в тексте. Отсылка к другому коду приводит к тому, что в сознании читателя слово и музыка, слово и живописный образ становятся единым целым (Hansen-Löwe 1983: 325).

Границы между типами интермедиальности оказываются диффузными, и в художественных практиках приемы различных типов интермедиальности могут сочетаться. Таков, например, экфрасис, который сегодня понимается очень широко и как прием, и как жанр, и как дискурс (Автухович 2015). В широкой трактовке данного термина экфрасис участвует в процессах трансформационной интермедиальности как жанр или дискурс, а в процессах онтологической интермедиальности он используется как один из приемов создания лингвоживописной техники письма.

Исходя из того, что основная миссия произведения искусства – это передача смысла при помощи различных кодов, задача интермедиальных исследований состоит в выявлении того, как использование различных семиотических кодов влияет на процессы порождения и восприятия текста. Поэтому представляется целесообразным проводить исследование интермедиальных взаимодействий в художественном тексте с позиций когнитивно-семиотического подхода. Как следует из самого термина, данный подход означает интеграцию когнитивного и семиотического подходов к анализу языковых фактов, что представляется вполне закономерным и естественным, поскольку предметом как семиотики, так и когнитивной лингвистики является проблема смысла и способов его выражения. Когнитивная семиотика представляет собой обширную междисциплинарную область исследований, в центре которой находится феномен смысла, для исследования которого интегрируются данные из таких областей знания, как лингвистика, семиотика, когнитивная наука, философия, психология, а также био- и нейролингвистика (Zlatev 2012: 9–22). Сегодня когнитивно-семиотический подход активно используется при изучении коммуникативных практик (Durst-Andersen 2011), языка жестов (Cienki, Müller 2008), метафоры (Fusaroli, Morgagni 2013, Самигуллина 2008, Козлова, Кремнева 2021 и др.), текста и интертекстуальности (Кремнева 2017). Можно полагать, что интеграция семиотического и когнитивного подходов призвана способствовать большей экспланаторности исследований

языковых фактов и проблем, в том числе проблемы интермедиальности, связанной как с изучением взаимодействия различных кодов, участвующих в выражении смысла, так и с проблемами взаимодействия модальностей восприятия при интерпретации поликодовых текстов, в которых эти коды не представлены эксплицитно, а носят имплицитный характер, требующий инференциальных усилий для их интерпретации.

Рассматриваемая с позиции семиотического подхода, **интермедиальность может быть определена как непрерывный процесс взаимодействия между различными формами искусства в семиотическом пространстве культуры, происходящий при помощи взаимодействия семиотических кодов, используемых для передачи смысла.** Онтологическая интермедиальность в ее проекции на текст представляет собой особый тип интермедиальных отношений, который заключается в использовании в тексте языковых средств и приемов, отсылающих к другому виду искусства. Подобные приемы активируют в сознании реципиента музыкальные или визуальные образы, т.е. служат своеобразными триггерами для перехода от словесного к визуальному или музыкальному мышлению.

4. Материал и методология исследования

В основе методологии нашего исследования лежит тезис когнитивной семиотики о том, что человек может передавать содержание своей мысли не только с помощью разных языковых средств, но и с помощью разных семиотических кодов, используя при этом их сочетания, что позволяет проследить полимодальность нашего мировосприятия, возможность и взаимодействие различных видов мышления в процессе выражения и восприятия смысла. Последовательное применение когнитивно-семиотического подхода к феномену интермедиальности позволяет показать, что образы сознания как ментальные сущности, сформировавшиеся на основе разных каналов восприятия, могут получать свою репрезентацию с помощью разных семиотических кодов, вступающих во взаимодействие. Как отмечает Е.Е. Бразговская, проблема взаимодействия вербальных и невербальных знаковых систем относится к числу нерешенных, а потому весьма актуальных проблем когнитивной семиотики (Бразговская 2020: 54).

Объект нашего исследования – лингвоживописная техника письма, а предмет – ее роль в создании образа художника и передаче специфики его мировосприятия. **Лингвоживописная техника письма, или способность «живописать словом» понимается нами как такой прием текстопорождения, при котором используются языковые средства и приемы, создающие эффект визуализации текста.** Результатом такой визуализации, основанной на сочетании словесного и визуального мышления, является формирование синкретического (словесно-визуального) образа сознания, способствующего более глубокому пониманию доминантного смысла текста.

Материалом для исследования послужили 4 романа: I. Stone “Lust for life. The Story of Vincent Van Gogh”, J. Cary “The Horse’s Mouth”, J. Fowles “The Ebony Tower”, M. Porter “The Death of Francis Bacon”. Основанием для их выбора послужил тот факт, что главные персонажи этих романов – художники, как реальные, так и вымышленные. Так, роман И. Стоуна повествует о жизни и творчестве Винсента Ван Гога, роман М. Портера рассказывает о последних днях современного британского художника Фрэнсиса Бэкона, а персонажи повести Дж. Фаулза и романа Дж. Кэри – вымышленные художники, представляющие разные стили живописи. Кроме того, авторы этих произведений значительно различаются как своим философско-эстетическим кредо, так и особенностями идиостиля, что нашло отражение в используемых ими приемах создания лингвоживописной техники письма и дает основания для сравнительного анализа. Эмпирический материал исследования составляют 258 фрагментов текстов, содержащих примеры использования лингвоживописной техники письма, полученные методом сплошной выборки из произведений перечисленных авторов общим объемом 1274 страницы.

Основным методом исследования служит интермедиаальный анализ, суть которого состоит в установлении и описании специфики взаимодействия между различными кодами (вербальными и невербальными, эксплицитными и имплицитными), участвующими в выражении смысла текста и создающими эффект визуализации текста. В работе также используется инференционный анализ, необходимый для экспликации следов иных семиотических кодов в тексте, и элементы сопоставительного анализа.

5. Результаты исследования

Как показал анализ, первым из таких средств и по значимости, и по частности их употребления выступает лингвоживописная лексика, использование которой позволяет создавать в сознании читателя словесно-живописные образы, которые представляют особую форму семиотического взаимодействия, заключающуюся в том, что вербальный знак активизирует в сознании читателя визуальный образ, а результатом взаимодействия вербального и невербального мышления синкретический словесно-живописный образ сознания, позволяющий читателю представить словесное описание «глазами сознания».

Ядро лингвоживописной лексики составляют номинации цвета и света, формы, размера, структуры объекта, его локализации в пространстве и композиции, а также номинации всех предметов, необходимых для живописца, людей и событий, о которых повествуют картины. Использование таких номинаций позволяет автору представить детальное словесное изображение внешности персонажей, интерьера, природного явления или пейзажа, иконически отражающих особенности описываемого объекта. Как показывает сравнительный анализ выбранных нами произведений, наиболее полное использование лингвоживописной лексики представлено в романе И. Стоуна, в котором автор рисует «в полный рост» портрет одного из крупнейших

художников XX века Винсента Ван Гога. При этом, хотя повествование ведется от третьего лица, автор демонстрирует такое чувство эмпатии, настолько проникает во внутренний мир своего персонажа, в особенности его художественного мышления, что это производит впечатление повествования от первого лица. Как отмечал Дж. Фаулз, такое скрытое повествование от 1-го лица (*a disguised I-narration*) широко используется в литературе XX века (Fowles 1998: 18). Приведем примеры таких словесных изображений.

- (1) *Kay had the hardy features of the Dutch women, but they had been filed down, chiselled away to delicate proportions. Her hair was neither the corn blond nor the raw red of her country-women, but a curious intermingling, in which the fire of one had caught up the light of the other in a glowing, subtle warmth. She had guarded her skin against the sun and wind; the whiteness of her chin crept into the flush of her cheek with all the artistry of a little Dutch master. Her eyes were a deep blue, dancing to the joy of life; her full-lipped mouth was slightly open, as though for its acceptance* (I. Stone. *Lust for Life*).
- (2) *He posed Christine naked on a low block of wood near the stove. He turned the block of wood into a tree stump, put in a little vegetation, and transposed the scene to the out-of-doors. Then he drew Christine, gnarled hands on her knees, the face buried in the scraggy arms, the thin hair covering the spine a short way down, the bulbous breasts drooping to meet the lean shanks. He called it Sorrow. It was the picture of a woman from whom had been squeezed all the juice of life* (I. Stone. *Lust for Life*).

Приведенные фрагменты текста содержат многочисленные лексемы, именующие цвета, света, их оттенки и сочетания: *corn blond, raw red, deep blue, the whiteness of her skin* (пшенично-желтые, красно-рыжие, темно-синие, белизна ее кожи, узловатые руки), особенности внешности и фигуры: *the hardy features...chiselled away to delicate proportioned, full-lipped mouth, gnarled hands, bulbous breasts drooping to meet the lean shanks* (крупные черты лица, отточенные до изящества; полные губы, узловатые руки, острые груди, свисающие к худым бедрам). Такие словесные портреты, которые содержатся в большом количестве на страницах романа, дают нам возможность увидеть, как опытный взгляд художника схватывает те детали, которые говорят ему о характере человека: *Her eyes were a deep blue, dancing to the joy of life; her full-lipped mouth was slightly open, as though for its acceptance* (Глаза у нее были темно-синие, радость так и искрилась в них, а полные губы были чуть-чуть открыты как для поцелуя), его прошлом и настоящим, его судьбе: *It was the picture of a woman from whom had been squeezed all the juice of life* (Это была женщина, из которой выжаты все соки жизни). Именно поэтому картину, описание которой представлено в примере (2), художник называет *Sorrow* (Скорбь).

Используя тот или иной художественный прием, Ван Гог всегда рассматривает его прежде всего как форму выражения смысла. Так, объясняя

матери, почему на его рисунках крестьяне и земля, на которой они стоят, образует единое целое, он говорит: *There should be no strict line between. They are really two kinds of earth, pouring into each other, belonging to each other; two forms of the same matter, indistinguishable in essence* (Не следует проводить четкой линии между ними. Земля и человек – это две формы одной материи, переходящие одна в другую, а потому они нераздельны) (I. Stone. *Lust for Life*).

Цвет часто приобретает у Ван Гога метафорический смысл, передавая настроение или атмосферу места, о котором идет речь. Например:

- (3) *The tall chimneys, which once had been of yellow brick, spread tangible, **black smoke** over the neighbourhood twenty-four hours a day. Around Marcasse were poor miners' huts with a few **dead trees, black** from the smoke, thorn hedges, dunghills, ash dumps, heaps of useless coal, and towering above it all, the **black mountain**. It was a **gloomy spot**; at first sight everything looked **dreary and desolate** to Vincent* (I. Stone. *Lust for Life*).

Троекратное упоминание черного цвета в примере (3) согласуется в смысловом плане с прилагательными *dead, gloomy, dreary, desolate* (мертвый, унылый, безотрадный, заброшенный), приобретая метафорический смысл и участвуя в изображении мрачной картины шахтерского поселка.

Портрет, написанный Ван Гогом, как показывает И. Стоун, – это всегда рассказ о жизни персонажа, переданный кистью художника. Автор романа выражает эстетическое кредо художника в следующих словах самого художника, в которых он утверждает, что для того, чтобы правдиво изображать жизнь, художнику необходимо знать не только анатомию человека, но и то, что люди чувствуют и что они думают о мире, в котором они живут, иначе он будет очень поверхностным художником:

- (4) “...can't draw a figure”, he said, “without knowing all about the bones and muscles and tendons that are inside it. And I can't draw a head without knowing what goes on in that person's brain and soul. In order to paint life, one must understand not only anatomy, but what people feel and think about the world they live in. The painter who knows his own craft and nothing else will turn out to be a very superficial artist” (I. Stone. *Lust for Life*).

Значительное место среди способов создания лингвоживописной техники письма и описания личности художника принадлежит приему экфрасиса. Отличие экфрасиса от описанных выше случаев мы видим лишь в том, что примеры 1–4 иллюстрируют специфику восприятия мира художником, а экфрасис представляет собой словесное описание самого произведения искусства. Именно этот прием позволяет подтвердить тезис о том, что содержание и смысл любого произведения искусства можно с достаточной степенью полноты выразить словами. Обратимся к примерам экфрасиса в тексте.

- (5) *He stood in silence before Mauve's painting, a large picture of a fishing smack being drawn up on the beach by horses. He knew that he was looking at a masterpiece. The horses were nags, poor, ill-treated old nags, **black, white and brown**; they were standing there, **patient and submissive, willing, resigned and quiet**. They still had to draw the heavy boat up the last bit of the way; the job was almost finished. They were panting, covered with sweat, but they did not complain. They had got over that long ago, years and years ago. They were **resigned** to live and work somewhat longer, but if tomorrow they had to go to the skinner, well, be it so, they were ready* (I. Stone. *Lust for Life*).

В данном коротком отрывке мы можем увидеть конвергенцию различных приемов. Использование номинаций цвета, а именно трех цветов: черного, белого и коричневого (*black, white and brown*), употребление цепочки однородных членов, описывающих вид изнуренных животных, которые, подобно человеку, способны проявлять терпение, покорность, готовность и дальше выполнять тяжелую работу (*patient and submissive, willing, resigned and quiet, resigned to live and world somewhat longer*), создают яркий образ в сознании. Особую роль выполняют видовременные формы глагола, сочетание которых придает картине свойство темпоральности и превращает ее в рассказ о жизни лошадей: форма *Past Indefinite* повествует об их ежедневной тяжелой работе, *Past Continuous* придает динамизм и эффект присутствия (здесь и сейчас) тому моменту, который изображен на картине; *Past Perfect* создает флэшбэк, прием ретроспекции, а завершающие строки (*if tomorrow...*) создают эффект проспекции, сообщающей о том, что может быть завтра.

При использовании лингвоживописной лексики как основы визуализации текста большое значение имеет специфика ее организации в предложении, которая во многом определяется как идиостилем автора, так и особенностями живописной манеры художника, о котором идет речь в тексте. Для подтверждения сказанного обратимся к роману Дж. Кэри *“The Horse’s Mouth”*. Хотя некоторые литературные критики считают Дж. Кэри «незначительным романистом с талантом значительного» (*a minor novelist with the gift of a great one*) (Nirmala 2001: 1), мы полагаем, что одного этого романа достаточно, чтобы имя Дж. Кэри вошло в историю английской литературы как одного из ярких представителей лингвоживописной техники письма. Примечателен тот факт, что Дж. Кэри начинал свою жизнь в искусстве как художник, а затем обратился к литературе, и синтез этих двух форм искусства лежит в основе его идиостиля, в котором два вида творческого мышления автора – вербальное и визуальное образуют единое целое. Герой романа, художник Галли Джимсон представлен автором как яркая и незаурядная личность, не желающая приспособливаться ко вкусам обывательской среды, бросающая вызов традиционным формам искусства. Весь стилистический строй романа, его ритм, образная система, язык описаний и диалогов подчинены личности главного героя, во взглядах которого находит отражение личность автора романа. В тексте романа насчитывается 148 единиц, которые включают номинации не

только монохроматических, но полихроматических цветов: *mother-of-pearl* (переливчатый, серебристо-розовый, напоминающий окраску перламутра), *carbuncle* (минерал-красный, ярко-красный), *green-blue* (зеленый с переливами голубого) и т.п.

Обращает на себя внимание не только широкая гамма цветономинаций, используемых автором, но и способ их синтаксической организации в тексте. Отличительной чертой синтаксиса Дж. Кэри является частотность употребления коротких номинативных предложений, которые иконически отражают восприятие художника, глаз которого выхватывает отдельные детали внешности людей или пейзажа, мысленно нанося их на бумагу или холст в виде набросков будущих картин. Приведем пример такого «словесного наброска».

- (6) *Half-past morning on an autumn day. Sun in a mist. Like an orange in a fried fish soup. All bright below. Low tide, dusty water and a crooked bar of straw, chicken boxes and oil from mud to mud. Like a viper swimming in skim milk. The old serpent, symbol of nature and love* (Позднее осеннее утро. Солнце в дымке. Как апельсин за стеклом закуской. Внизу сияние. Отлив. Грязная вода, солома, планки от ящиков, мусор и от одного берега до другого зигзагом — нефть. Как гадюка в снятом молоке. Древний змий, символ природы и любви) (J. Cary. *The Horse's Mouth*).

Еще одна особенность авторского идиостиля Дж. Кэри – широкое использование образных сравнений.

- (7) *And I saw all the deaf, blind, ugly, cross-eyed, limp-legged, bulge-headed, bald and crooked girls in the world, sitting on little white mountains and weeping tears like sleet. There was a great clock ticking, and every time it ticked the tears all fell together with a noise like broken glass tinkling in a plate. And the ground trembled like a sleeping dog in front of the parlor fire when the bell tolls for a funeral* (J. Cary. *The Horse's Mouth*).

В данном примере автор использует образные сравнения, при создании которых задействуется не только зрительный: *trembled like a sleeping dog in front of the parlor fire when the bell tolls for a funeral* (вздрагнул, словно собака, спящая у камина в гостиной при звуке колокола, зовущего к панихиде по усопшему), но и звуковой: *a noise like broken glass tinkling in a plate* (звук стекла, разбивающегося о тарелку), и кинестетический каналы восприятия: *tears like sleet* (слезы, словно мокрый снег). С помощью этих приемов показана полимодальность восприятия художника, который воспринимает мир во всем его многообразии всеми органами чувств и выражает это с помощью слова.

Номинативные предложения, хотя и с меньшей частотностью, использует Дж. Фаулз в повести “*The Ebony Tower*”. Их употребление также вызывает в сознании читателя ассоциацию с мазками кисти художника, воспринимающего детали изображаемой им сцены и наносящего их на полотно. Приведем пример:

- (8) *Another sniff of self-reproach. <...> Dusk. <...> A wave* (Презрительное фырканье. Сумерки. Взмах руки) (J. Fowles. *The Ebony Tower*).

Такую же ассоциацию с короткими, точными движениями кисти художника вызывает и речь главного персонажа – художника Брисли, который формулирует свое этическое и эстетическое кредо с помощью коротких эллиптических предложений:

- (9) *Don't hate, can't love. Can't love, can't paint* (Нет ненависти – нет любви. Не можешь любить, не можешь писать) (J. Fowles. *The Ebony Tower*).

Создавая образ художника Брисли сквозь призму его восприятия другим художником, которому предстоит написать книгу о Брисли, автор подчеркивает тот факт, что главным способом выражения смысла для Брисли служат его картины, в которых он с помощью кисти предельно ясно выражает свое отношение к происходящему в мире. Контрастом этому представлена автором речь Брисли – лаконичная, обрывистая, которой он не владеет так мастерски, как владеет кистью, что признает он сам: *Not good with words. Never my line* (Не умею выражаться словами. Не моя стезя). Его речь зачастую настолько невнятна, что его ученица выполняет интерсемиотический перевод, перекодируя смысл его искусства с языка живописи на язык слова.

- (10) *The Mouse prompted him. "Making is speaking. <...> Art is a form of speech* (Творить – значит высказываться. Искусство есть форма речи) (J. Fowles. *The Ebony Tower*).

Заметим, что по сравнению с романами И. Стоуна и Дж. Кэри, число цветных номинаций в повести Дж. Фаулза значительно меньше, что обусловлено тем, что в фокусе внимания автора находится не столько описание картин художника Брисли, сколько спор между двумя художниками о миссии искусства.

Развивая мысль об иконических отношениях как одном из основных принципов, лежащих в основе лингвоживописной техники письма, обратимся к роману современного английского писателя Макса Портера «*The Death of Francis Bacon*», вышедшему в 2021 г. и получившему противоречивые оценки. Основным объектом критики послужила авторская манера письма, постмодернистская в своей основе, при этом нередко доведенная до абсолюта. Приведем фрагмент из текста книги:

- (11) *Take a seat why don't you. I heard you before, piggy. Process. Grouse. A throwaway remark to a journalist. Twee my bloody tombstone. Quail, redcurrant jus. Oysters. The pheasant stew I tried to do after we had it at the claustrophobic place. When I bit down on shot* (M. Porter. *The Death of Francis Bacon*).

Данный фрагмент иллюстрирует авторскую манеру письма, представляющую собой поток отрывочных бессвязных воспоминаний, включающих фрагменты диалогов: *Take a seat why don't you. I heard you before, piggy.* (Почему не садишься? Это я уже слышал, поросенок.), детали происходивших когда-то событий: *Process. Grouse. A throwaway remark to a journalist.* (Процесс. Брюзжание. Ремарка, брошенная журналисту.), перечисление различных блюд и напитков: *Quail, redcurrant jus. Oysters. The pheasant stew...* (Перепел. Сок из красной смородины. Жаркое из фазана...), и потому с трудом поддающихся осмыслению. Особенность идиостиля автора, как отмечал сам автор, продиктована не столько влиянием идей постмодернизма, сколько особенностями художественной манеры художника Ф. Бэкона, о котором идет речь в книге. В одном из своих многочисленных интервью, последовавших за публикацией книги, отвечая на критику в чрезмерном увлечении техникой потока сознания, местами делающей текст практически нечитательным, Макс Портер говорит о том, что эта книга представляет собой попытку писать не о том, как пишется живопись, а писать так, как пишется картина, т.е. перевести визуальное в словесное (*an attempt to write as painting, not about it...to translate what you see into language*) (Max Porter on Myth, Hybridity and Voice 2021). При этом он указывает, что основными источниками влияния при написании данной книги послужили художественное творчество Ф. Бэкона, с одной стороны, и литературное творчество Г. Джеймса, с другой. Чтение книг Г. Джеймса он сравнивает с созерцанием произведения живописи: *Reading Henry James is like watching fine art* (Max Porter on Myth, Hybridity and Voice 2021).

Центральный персонаж книги М. Портера – английский художник-экспрессионист, мастер фигуративной живописи Фрэнсис Бэкон, стиль которого характеризуется смешением собственного восприятия и заимствованных образов. Его искусство вызывает множество споров: одни считают художника эпатажным, а другие – одним из крупных художников современности, картины которого несут глубокий смысл и поражают заключенным в них трагическим ощущением жизни. В книге М. Портера описываются последние дни жизни Фрэнсиса Бэкона, умирающего в монастырском госпитале Мадрида. В семи коротких главах, выполненных в технике *writing as painting* (живописного письма) и носящих одинаковые названия *Oil on canvas* (живопись на холсте), различающихся только указанием на размеры картины, представлены в вербальной форме фрагменты картин художника: *several hundred quid in a pewter pint mug* (несколько сот фунтов в оловянной кружке), его угасающих воспоминаний о прошлом: (*She can't hear me, I'm asleep. How long have I been asleep?* (Она не слышит меня, я сплю. Как долго я сплю?)), воображаемых диалогов с монахиней, сидящей у его постели: *Francis I can't breathe especially if truth be told* (Фрэнсис, сказать по правде, я не могу дышать), а также с гипотетическим автором будущей книги. Стиль Макса Портера иконически отражает, с одной стороны, спутанность сознания умирающего художника, а с

другой – особенности живописного стиля Фрэнсиса Бэкона, на многих картинах которого запечатлено хаотическое нагромождение предметов. Таким образом, мы имеем возможность наблюдать двойной иконизм, лежащий в основе авторского идиостиля.

Еще одним важным средством, используемым для создания личности художника, служит использование прецедентных имен художников, направлений искусства, названия работ или персонажей, изображенных на картинах. Строго говоря, прецедентные имена не могут рассматриваться в качестве эксплицитных средств создания лингвоживописной техники письма, но упоминание имени художника служит тем триггером, который активирует в сознании читателя ассоциации с самими картинами, и на этой основе – с образами сознания, в которых запечатлены эти картины. Уточним, что данные образы не есть точные копии этих картин, а лишь результаты нашего восприятия этих произведений. Наша визуальная память, как и словесная память, очень избирательна и хранит лишь то, что имеет для нас личностную значимость. Глядя на одно и то же полотно, мы можем хранить в своей памяти разные детали, а потому образы сознания могут значительно различаться. Использование в тексте прецедентных имен из области живописи выполняет различные функции. Так, Дж. Фаулз в своей повести показывает, как в сознании рассказчика – профессионального художника и искусствоведа, наблюдающего за жизнью обитателей затерянного в лесной чащобе поместья Котминэ, – постоянно возникают ассоциации с картинами известных мастеров. Приведем пример:

- (12) *Meanwhile the girls had come out of the water, dried themselves, and lay side by side in the sun on the spit. The ordeal had indeed been like a reef; and now David was through, after the buffeting, to the calm inner lagoon **Another echo, this time of Gaugin**; brown breasts and the garden of Eden <...> The girls began to unpack the baskets, kneeling in the sun, while David helped Breasley move nearer to the edge of the shade. **Gaugin disappeared; and Manet took his place** (J. Fowles. The Ebony Tower).*

Вид молодых загорелых женщин, лежащих на солнце, вызывает у художника ассоциацию с картинами Гогена, а при виде накрытого на траве завтрака Гоген уступает место Э. Мане. Подобные примеры дают нам возможность наблюдать, как работает сознание художника, в котором подобные сцены вызывают ассоциации с произведениями живописи.

В романе И. Стоуна, помимо этой функции, прецедентные имена выполняют еще одну важную функцию: они позволяют автору показать характер Ван Гога, его настойчивое стремление овладеть искусством живописца, для чего он изучает многочисленные работы предшественников. При этом в тексте романа нет эксплицитного указания на этот факт, однако их упоминание позволяет читателю получить выводное знание о том, что Ван Гог был знаком с их творчеством. Обратимся к примеру:

- (13) *She noticed Vincent's silence and said, "What are you thinking about, Cousin? You seem preoccupied." "I was thinking that Rembrandt would have liked to paint you (I. Stone. Lust for Life).*

Когда его кузина Кэй, портрет которой он пишет, спрашивает его, о чем он думает, он отвечает, что ее хотел бы нарисовать сам Рембрандт, из чего читатель делает вывод о том, что художник хорошо знаком с творчеством своих предшественников. Таким же путем идет и исследователь, используя прием инференции при выявлении имплицитных средств создания лингвоживописной техники письма.

Наибольшее количество прецедентных имен – названий картин и их авторов – в романе Дж. Кэри, что во многом обусловлено тем фактом, что он начинал свою жизнь в искусстве как художник, а потому он вкладывает в уста и мысли своего персонажа собственные знания и оценку творчества многих художников. Обратимся к примеру:

- (14) *No fingers, no swell. No swell, no art. Old Renoir painting his red girls with brushes strapped to his wrists. Best thing he ever did. Monuments (J. Cary. The Horse's Mouth).*

Идя по набережной Темзы и почувствовав боль в распухших суставах, Галли Джимсон говорит себе: «нет боли, нет искусства», и вспоминает О. Ренуара, писавшего портреты своих героинь кистями, привязанными к запястью, но при этом создавшего лучшее из того, что было им написано. В этих словах нетрудно увидеть смысловую переключку со словами художника Брисли о том, что нельзя стать настоящим художником, не испытывая чувства любви и ненависти, а также со словами Ван Гога о том, что настоящий художник должен знать не только анатомию человека, но и то, что люди чувствуют и что они думают о мире, в котором живут. Таким образом, мы видим, что этих разных художников, как реального, так и вымышленных, объединяет их нравственное и эстетическое кредо.

6. Дискуссия / Обсуждение результатов

Проведенный анализ позволил подтвердить исходную гипотезу исследования о том, что лингвоживописная техника письма формируется на основе сочетания различных языковых средств и художественных приемов, выбор которых определяется следующими факторами: доминантным смыслом произведения, особенностями живописного стиля художника, фокусом внимания автора художественного текста, а также особенностями когнитивного стиля автора и его идейно-эстетическим кредо.

Использование когнитивно-семиотического подхода, в основе которого лежит тезис о возможности выражения смысла с помощью различных семиотических кодов, а также их взаимодействия, позволило показать целесообразность и продуктивность изучения интермедиальных взаимодействий в когнитивно-семиотическом ракурсе, поскольку семиотический подход позволяет

рассматривать семиотическое пространство культуры как поле взаимодействия различных кодов, а когнитивный подход направлен на то, чтобы реконструировать те процессы сознания, которые лежат в основе такого взаимодействия.

Подчеркнем еще раз, что наша задача состояла не в том, чтобы выявить общность приемов, используемых в живописи и художественном тексте, как это исследуется во многих работах по интермедиальности, а в том, чтобы показать возможность «рисовать словом», т.е. обеспечить читателю процесс ментальной визуализации, возможность увидеть глазами сознания то, что отсутствует в непосредственном восприятии. Мы пытались показать при анализе эмпирического материала, как лингвоживописная манера письма отражает художественную манеру художника, о котором идет речь в романе. Так, например, анализируя роман И. Стоуна, мы стремились показать, как используемый им прием экфрасиса, авторская манера, особая тщательность и скрупулезность описания картины иконически передают тщательность и скрупулезность той манеры, в которой выполнена картина. Именно иконическая составляющая, как отмечает Е.Е. Бразговская, лежит в основе экфрасиса: «...чтобы «рисовать словами», он должен обладать высокой степенью «похожести», т. е. быть прозрачным знаком. Основная функция экфрасиса – обеспечить читателю процесс ментальной визуализации: возможность видеть «глазами сознания» то, что отсутствует в непосредственном восприятии» (Бразговская 2020: 56).

Мы полагаем, что, используя лингвоживописную технику письма, автор вводит читателя (и лингвиста-исследователя) в ментальное пространство художника, воспринимающего мир прежде всего в цвете, свете, объеме и формах предметов и явлений и выражающего свою мысль в живописной форме, а автор передает этот смысл в словесной форме. Читатель же проходит обратный путь: при восприятии текста, написанного с помощью лингвоживописной техники, в сознании читателя происходит перевод словесного кода в живописный, в результате чего создается визуальный образ прочитанного, позволяющий читателю не только построить в своем воображении картину того, о чем пишет автор, но и «достроить» ее на основе собственного опыта и творческого воображения. Именно в этом, как нам представляется, заключается подлинный смысл диалогизма нашего мышления, о чем писал М.М. Бахтин, идеи которого не потеряли своей актуальности и оказываются востребованными в современной гуманитарной науке.

7. Заключение

В статье дан краткий экскурс в становление теории интермедиальности, представлена типология интермедиальных взаимодействий, в процессе анализа эмпирического материала показана сущность лингвоживописной техники письма как приема, позволяющего обеспечить читателю возможность

создать в своем сознании визуальный образ, показан вклад лингвоживописной техники письма в создание образа художника. Как показало исследование, лингвоживописная техника письма создается комплексом средств и приемов, включающих номинации цвета и света, формы, размера, структуры объекта, его локализацию в пространстве и композицию; прием экфрасиса, в основе которого лежит иконическая составляющая; широкий спектр образных сравнений; использование коротких номинативных предложений, иконически отражающий процесс восприятия мира художником. Совокупность всех этих средств, предпочтения в их использовании, характер их организации средств в тексте обусловлены как идиостилем автора художественного текста, так и особенностями живописной манеры художника, о котором идет речь. Выводы, полученные в результате исследования, могут быть использованы при изучении данного и других видов интермедальности, а также подтверждают значительный экспланаторный потенциал когнитивно-семиотического подхода, использование которого позволяет реконструировать глубинные процессы, лежащие в основе интермедальных взаимодействий.

REFERENCES / СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Автухович Т.Е. Экфрасис как жанр и/или дискурс // Диалог согласия: сборник научных статей к 70-летию В.И.Тюпы / Под ред. О.В. Федюниной, Ю.Л. Троицкого. М.: Интрада, 2015. С. 85–94. [Avtuhovich, Tatiana E. 2015. Ekfrasis kak zhanr i/ili diskurs (Ekfrasis as a genre and/or discourse). In Fedunina O.V. & Yurii L'vovich Troitskii (eds.), *Dialog Soglasiya: Sbornik Nauchnyh Statei k 70-Letiyu V.I.Tyupy*, 85–94. Moscow: Intrada. (In Russ.)].
- Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. [Bakhtin, Mikhail M. 1975. Questions of literature and aesthetics. Moscow: Hudozhestvennaya literature. (In Russ.)].
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. [Bakhtin, Mikhail M. 1979. Aesthetics of verbal art. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)].
- Бразговская Е.Е. Экфрасис как семиотический эксперимент // *Критика и семиотика*. 2020. № 1. С. 52–72. [Brazgovskaya, Elena E. 2020. Ekphrasis as a semiotic experiment. *Critique and Semiotics* 1. 52–72. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.25205/2307-1737-2020-1-52-72>
- Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. [Vesekovskiy, Aleksandr N. 1989. Istoricheskaya Poetika (Historical poetics). Moscow: Visshaya Shkola. (In Russ.)].
- Гениева Е.Ю. И снова Джойс. М.: ВГБИЛ им. М.И. Рудомино, 2011. [Genieva, Ekaterina.Yu. 2011. I snova Dzhois (Joyce again). Moscow: VGBIL im. M. I. Rudomino. (In Russ.)].
- Игнатенко А.В. Живопись в прозе А.П.Чехова: Интермедальный анализ. М., ЛЕНАНД, 2022. [Ignatenko, Alexandr V. 2022. Zhivopis' v proze A.P. Chekhova: Intermedial'nyi analiz (Painting in Anton Chekhov's Prose). Moscow: LENAND. (In Russ.)].
- Каркавина О.В. Взаимодействие литературы и музыки в творчестве Тони Моррисон // Вопросы лингвистики и линводидактики. Система. Функционирование. Обучение: Межвузовский тематический сборник научных трудов. Омск: Изд-во Ом. Гос.ун-та, 2009. С. 215–223. [Karkavina, Oksana V. 2009. Vzaimodeistvie literatury i muzyki v tvorchestve Toni Morrison (The Interaction of Literature and Music in the Works of Tony Morrison). *Voprosy Lingvistiki i Linvodidaktiki. Sistema. Funkcionirovanie. Obuchenie*:

Mezhvuzovskii Tematicheskii Sbornik Nauchnyh Trudov. Omsk: Izd-vo Om. Gos.un-ta. 215–223. (In Russ.).

- Козлова Л.А., Кремнева А.В. Концептуальная метафора в когнитивно-семиотическом осмыслении // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2021. № 1. С. 47–59. [Kozlova, Lyubov A. & Anna V. Kremneva. 2021. Conceptual metaphor in cognitive-semiotic interpretation. *Issues of Cognitive Linguistics* 1. 47–59 (In Russ.). <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2021-1-47-59>.
- Кремнева А.В. Интертекстуальность как одна из форм межтекстового взаимодействия: в семиотическом пространстве культуры: монография. Барнаул: АЛТГУ им. И.И.Ползунова, 2017 [Kremneva, Anna V. 2017. Intertekstual'nost' kak odna iz form mezhtekstovogo vzaimodejstviya: V semioticheskom prostranstve kul'tury': Monografiya (Intertextuality as a form of text interaction in the semiotic space of culture). Barnaul: AltGTU im. I. I.Polzunova (In Russ.).]
- Лотман Ю.М. Текст и полиглотизм культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Таллин: Александра, 1992. С. 142–147 [Lotman, Yuriy M. 1996. In *Tekst i poliglottizm kulturi* (Text and poliglottism of culture): *Izbrannye stat'i*: In 3 vols. Vol. 1. Tallin: Alexandra Publ. 142–147. (In Russ.).]
- Рыбальченко Т.Л. Знаки музыки в романе Л. Леонова «Русский лес» // *Сибирский филологический журнал*. 2014. № 4. С. 16–24. [Rybal'chenko, Tatyana L. 2014. The signs of the music in the novel of L. Leonov «Russian Forest». *Siberian Journal of Philology* 4. 16–24. (In Russ.).]
- Синельникова Л.Н. Ризома и дискурс интермедиальности // *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*. 2017. 21(4). С. 805–821. [Sinelnikova, Lara N. 2017. Rhizome and discourse of intermediality. *Russian Journal of Linguistics* 21(4). 805–821 (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-1-224-229>
- Самигуллина А.С. Метафора в когнитивно-семиотическом освещении: монография. Уфа: РИО БашГУ, 2008. [Samigullina, Anna S. 2008. *Metafora v kognitivno-semioticheskom osveshchenii*. (Metaphor in cognitive-semiotic interpretation). Monografiya. Ufa: RIO BashGU. (In Russ.).]
- Степанов Ю.С. Вводная статья. В мире семиотики // *Семиотика: Антология*. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 5–42. [Stepanov, Yuriy S. 2001. *Vvodnaya statia. V mire semiotiki*. (Introduction. In the world of semiotics.) *Semiotics. Anthology*. Moscow: Akademicheskiiy Proekt Publ.; Ekaterinburg: Delovaya kniga Publ. 5–42. (In Russ.).]
- Тимашков А.Ю. К истории понятия интермедиальности в российской и зарубежной науке // *Žmogus ir žodis*. 2007. 11. С. 21–26. [Timashkov, Aleksey J. 2007. K istorii ponyatiya intermedial'nisti v rossiyskoy i zarubezhnoy nauke (To the history of concept of intermediality in the Russian and world science). *Man, and the Word* 11. 21–26 (In Russ.).]
- Тишунина Н.В. Методология интермедиального анализа в свете междисциплинарных научных исследований // *Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. Серия «Симпозиум»*. 2001. 12. С. 149–153. [Tishunina, Natalia V. 2001. Metodologiya intermedial'nogo analiza v svete mezhdistsiplinarnih nauchnih iislevanii (The methodology of intermedial analysis in terms of interdisciplinary studies). *Metodologiya Gumanitarnogo Znaniya v Perspektive XXI Veka. Seria 'Simpozium'* 12. 149–153. (In Russ.).]
- Хаминова А.А., Зильберман Н.Н. Теория интермедиальности в контексте современной гуманитарной науки // *Вестник Томского государственного университета*. 2014. 389. С. 38–45. [Haminova, Anastasia A. & Nadezhda N. Zilberman. 2014. The theory of

- intermediality in the context of modern humanities. *Tomsk State University Journal* 389. 38–45 (In Russ.)]. <https://doi.org/10.17223/15617793/389/510/>
- Ханзен-Лёве О.А. Интермедальность в русской культуре: от символизма к авангарду /пер. с нем. Б.М. Скуратова, Е.Ю. Смотрицкого. М.: РГГУ, 2016. [Hansen-Löve, Aage A. 2016. Intermedialnost' v russkoy culture: Ot simvolizma k avangardu (Intermediality in Russian culture: From symbolism to advent-garde) /per. s nem. B. M. Skuratova, E. Yu.S motrickogo. Moscow: Russian State University for the Humanities Publ. (In Russ.)].
- Эко У. Сказать почти то же самое: опыты о переводе / пер. с итал. А. Ковалю. М.: АСТ: CORPUS, 2015. [Eko, U. 2015. Skazat' pochti to zhe samoe: Opyty o perevode (To say almost the same: Experience of translation) / per. s ital. A. Kovalya. Moscow: АСТ: CORPUS. (In Russ.)].
- Cienki, Alan & Cornelia Müller (eds.). 2008. *Metaphor and Gesture. Gesture Studies* 3. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. <https://doi.org/10.1075/gs.3>
- Chapple, Freda. 2008. On intermediality. *Cultura, Lenguaje y Representación* VI. 7–14.
- Durst-Andersen, Per. 2011. *Linguistic Supertypes: A Cognitive-Semiotic Theory of Human Communication*. Berlin & New York: Mouton de Gruyter.
- Fischer-Lichte, Erika. 2016. Introduction. Comparative Arts to Interart Studies. *Paragrana* 25. 12–26.
- Fowles, John. 1998. *Wormholes*. New York: Henry Holt and Company Inc.
- Fusaroli, Riccardo & Simone Morgagni. 2013. Conceptual Metaphor Theory: Thirty years after. *Journal of Cognitive Semiotics* 5 (1/2). 1–13.
- Hansen-Löwe, Aage A. 1983. Intermedialität und Intertextualität. Probleme der Korrelation von Wort-und Bildkunst. Am Beispiel der russischen Moderne. In Wolf Schmid & Wolf-Dieter Stempel (eds.), *Dialog der Texte. Hamburger Kolloquium zur Intertextualität*, 291–360. Wien: Wiener Slawistischer Almanach.
- Kristeva, Julia. 1980. *Desire in Language: A Semiotic Approach to Literature and Art*. In Leon S. Roudiez (ed.). New York: Columbia University Press.
- Ljungberg, Christina. 2010. Intermedial Strategies in Multimedia Art. *Media Borders, Multimodality and Intermediality*. London and New York: Palgrave Macmillan. 81–96.
- Max Porter on Myth, Hybridity and Voice. URL: <https://www.swansea.ac.uk/cultural-institute/events/previous-events/#max-porter-on-myth-hybridity-and-voice=is-expanded> (accessed 15 November 2021).
- Micznik, Vera. 2001. Music and narrative revisited: Degrees of narrativity in Beethoven and Mahler. *Journal of the Royal Musical Association* 126. 193–249.
- Nirmala, A. 2001. *Joyce Cary: A Critical Study*. New-Delhi: Atlantic Publishers and Distributors.
- Pethő, Ágnes. 2010. Intermediality in film: A historiography of methodologies. *Acta Univ. Sapientiae, Film and Media Studies* 2. 39–72.
- Rajewsky, Irina. 2005. Intermediality, intertextuality, and remediation: A literary perspective on intermediality. *Intermedialités* 6. 43–64. <https://doi.org/10.7202/1005505ar>
- Varga, Adriana. 2014. *Virginia Woolf and Music*. Bloomington: Indiana University Press. URL: <https://www.litres.ru/adriana-l-varga/virginia-woolf-and-music/chitat-onlayn/> (accessed 20 October 2021). <https://doi.org/10.7771/1481-4374.1790>
- Wagner, Richard. 1895. *The Art-Work of the Future*. Translated by William Ashton Ellis. URL: <http://www.public-library.uk/ebooks/107/74.pdf> (accessed 1 November 2021).
- Zlatev, Jordan. 2012. Cognitive Semiotics: An emerging field for transdisciplinary study of meaning. *The Public Journal of Semiotics* IV (1). 2–24.

Список художественных произведений

Cary, Joyce. The Horse's Mouth. New York: Harper and Brothers, 1994.

Fowles, John. The Ebony Tower. London: Jonathan Cape, 1974.

Porter, Max. The Death of Francis Bacon. London: Faber, 2021.

Stone, Irving. Lust for life. The Story of Vincent Van Gogh. London, Penguin Publishing Group, 1984.

Article history:

Received: 21 January 2020

Accepted: 21 April 2022

Сведения об авторах:

Любовь Александровна КОЗЛОВА – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Алтайского государственного педагогического университета. Сферы ее научных интересов: когнитивная семантика, этнолингвистика, межкультурная коммуникация, сравнительная типология.

e-mail: lyubovkozlova@list.ru

ORCID: 0000-0002-0247-3843

Анна Валерьевна КРЕМНЕВА – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой «Иностранные языки» Алтайского государственного технического университета им И.И. Ползунова. Сфера научных интересов: теория интертекстуальности, теория интермедальности, когнитивная семантика, переводоведение.

e-mail: annakremneva@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8788-2779

Bionotes:

Lyubov A. KOZLOVA is Doctor Habil., Professor of the Department of English Philology at Altai State Pedagogical University. Her research interests include cognitive semantics, ethnolinguistics, intercultural communication, and comparative typology.

e-mail: lyubovkozlova@list.ru

ORCID: 0000-0002-0247-3843

Anna V. KREMNEVA is Doctor Habil., Professor and Chair of the Foreign Languages Department at Polzunov Altai State Technical University. Her research interests embrace the theory of intertextuality and intermediality, cognitive semantics, and translation studies.

e-mail: annakremneva@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8788-2779

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-27521>

Research article / Научная статья

Lingua-cultural strata of modern American social media: Precedent phenomena in anti-Trump discourse

Anna KONSTANTINOVA

Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

constanna@mail.ru

Abstract

Modern media discourse abounds in linguistic units with cultural value including precedent phenomena that fulfil different functions and are employed to achieve particular political goals. Multi-modal (creolized) media texts making use of precedent phenomena as efficient tools of encoding meaning are of special interest. The goal of the study is to identify the role of the precedent phenomena of the English lingua-culture in the production and organization of discourse in the politically engaged network segment of modern American media. The focus is on anti-Trump discourse. The material spans the period from June, 2019 to November, 2020 and comprises 250 sampled examples, mostly multi-modal texts, including Facebook and Twitter posts by anti-Trump communities, political cartoons and memes, and random instances of Internet communication. The research methods applied in this study were critical discourse analysis and multi-modal critical analysis complemented by lingua-cultural method, stylistic analysis, and sampling. The author systematizes the repertoire of the precedent phenomena of the “anti-Trump discourse”, singles out their classes and types, identifies the spheres-sources of the precedent phenomena, and describes their cognitive and discursive functions, as well as the conditions and mechanisms for the actualization of the precedent phenomena in media discourse (thematic repertoire, extralinguistic and linguistic discursive strategies). The study argues that precedent phenomena affect the production and organization of discourse and possess significant potential for influencing mass audiences and molding public opinion. The study concludes that the use of precedent phenomena was an effective vehicle of digital activism and helped to achieve the political goals of American opposition organizations in the 2019–2020 pre-election period.

Keywords: *media discourse, digital activism, precedent phenomena, creolized (multi-modal) texts, cognitive-discursive functions*

© Anna Konstantinova, 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation:

Konstantinova, Anna. 2022. Lingua-cultural strata of modern American social media: Precedent phenomena in anti-Trump discourse. *Russian Journal of Linguistics* 26 (3). 744–778. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-27521>

**Лингвокультурные слои
современного американского интернет-пространства:
прецедентные феномены в «антитрамповском дискурсе»**

А.А. КОНСТАНТИНОВА

Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Россия

constanna@mail.ru

Аннотация

Одной из характерных черт современного медиадискурса являются многочисленные лингвокультурные включения, в том числе прецедентные феномены, выполняющие различные функции и используемые для реализации политических целей. Особый интерес вызывают семиотически осложненные (креолизованные) медиатексты, в которых прецедентные феномены служат средством кодирования смыслов. В этой связи изучение лингвокогнитивных и семиотических основ дискурсивного функционирования культурно-маркированных единиц представляется актуальным направлением в исследованиях медиадискурса. Цель работы – выявить роль прецедентных феноменов англоязычной лингвокультуры в производстве и организации дискурса в политически ангажированном сетевом сегменте современного американского медиапространства. В центре нашего внимания «антитрамповский дискурс». Материалом послужили 250 прецедентных феноменов, извлеченных методом сплошной выборки из коротких заметок в Фейсбуке и Твиттере оппозиционных политических организаций, креолизованных текстов (политических карикатур и мемов), а также отдельных примеров речевого интернет-общения (июнь 2019 г. – ноябрь 2020 г.). Материал был исследован с применением критического дискурса-анализа и мультимодального критического анализа (для креолизованных текстов), использовались также лингвокультурологический и стилистический анализ текстов. В ходе исследования был систематизирован репертуар прецедентных феноменов «антитрамповского дискурса» (выделены их классы и типы), определены сферы-источники прецедентных феноменов, описаны их когнитивно-дискурсивные функции, выявлены условия и механизмы актуализации прецедентных феноменов в медиадискурсе (тематический репертуар, экстралингвистические и лингвистические дискурсивные стратегии). Результаты когнитивно-дискурсивного исследования прецедентных феноменов подтвердили их способность интенсифицировать коммуникативное воздействие на реципиента, влиять на производство и организацию дискурса, а также на его интерпретацию. Исследование показало, что применение в американском интернет-пространстве прецедентных феноменов, актуализируемых в дискурсе с помощью определенных экстралингвистических и лингвистических стратегий, явилось эффективным инструментом цифрового активизма и способствовало достижению политических целей американских оппозиционных групп в предвыборный период 2019–2020 гг.

Ключевые слова: *медиадискурс, цифровой активизм, прецедентные феномены, креолизованный текст, когнитивно-дискурсивные функции*

Для цитирования:

Константинова А.А. Лингвокультурные слои современного американского Интернет-пространства: дискурсивный анализ прецедентных феноменов «антиотрамповского дискурса». *Russian Journal of Linguistics*. 2022. Т. 26. № 3. С. 744–778. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-27521>

1. Введение

Одной из характерных черт современного медиадискурса являются различные лингвокультурные включения – ментефакты, базовые метафоры, эталоны, символы и, конечно же, прецедентные феномены. Выгодное использование богатого арсенала прецедентных феноменов (далее ПФ), в свою очередь, обеспечивает комплексность, сложность, многослойность медиадискурса. Особый интерес вызывают творчески обыгрываемые прецедентные единицы с применением разных семиотических кодов (вербального и визуального), в некоторых случаях содержащие закодированные элементы, понимание которых требует определенных знаний культуры и интеллектуальных усилий реципиентов.

Теория прецедентности в ее лингвокультурологической и когнитивно-дискурсивной ипостасях на протяжении нескольких десятилетий занимает умы специалистов. Подробно изучаются механизмы, закономерности применения в медиадискурсе прецедентных феноменов – в самом общем виде, по Ю.Н. Караулову, «готовых интеллектуально-эмоциональных блоков» (Караулов 2003: 220), имеющих ценность для представителей лингвокультурной общности (см. Будаев 2021, Высоцкая 2012, Мардиева 2007 и др.). Активно исследуется специфика функционирования прецедентных феноменов в политическом дискурсе (см. Анисимова 2016, Фокина 2016 и др.). Нельзя не согласиться с мнением ученых о том, что в современном мире мы получаем политический опыт в основном через цифровую культуру, транслируемую, прежде всего, посредством социальных медиа (Way 2021: 790). В этой связи актуальным ракурсом изучения прецедентности сегодня представляется подход к ПФ как элементам цифровой политической культуры и, точнее, инструментам цифрового политического активизма, т.е. формы активизма, использующей Интернет и цифровые медиа как платформы для массовой политической мобилизации людей (Fuentes 2014, Graeff 2016).

Наши наблюдения за недавним общественно-политическим климатом в США и президентскими выборами 2020 г. позволили сделать вывод о частом появлении ПФ в речевом интернет-общении активных в политическом плане американских пользователей социальных сетей, в частности, в «антиотрамповском» дискурсе. Интернет-пространство – и особенно социальные сети – широко использовались как платформа для публикации и освещения провокационных новостей, острых комментариев, саркастических мемов и карикатур, подтверждающих неправоту администрации Д. Трампа, для усиления «голоса сопротивления» и создания мощной «политической волны» для повышения избирательной активности населения, его массовой мобилизации, чтобы

обеспечить выбор кандидата от Демократической партии в ноябре 2020 г. Избрание кандидата-демократа на пост 46-го президента США стало долгожданной победой для оппозиционно настроенной части населения и во многом была обеспечена деятельностью политических сообществ и активистов в социальных медиа (Suciú 2020, 2021, Singh & Blase 2020). Все вышесказанное позволило нам предположить, что применение ПФ в дискурсе оппозиционных организаций США в предвыборный период можно рассматривать как эффективный инструмент цифрового политического активизма.

Таким образом, целью нашего исследования стало выявление роли ПФ в производстве и организации дискурса в политически ангажированном сетевом сегменте современного американского медиaprостранства (сфера-мишень – фигура 45-го президента США Д. Трампа, его политическая деятельность и президентство). Были поставлены следующие задачи: 1) систематизировать репертуар прецедентных феноменов «антитрамповского дискурса» (классы и типы ПФ); 2) рассмотреть сферы-источники ПФ (сопровождая каждый пример лингвокультурологическим и семиотическим комментарием); 3) выделить когнитивно-дискурсивные функции ПФ; 4) выявить условия и механизмы актуализации ПФ в медиадискурсе для реализации политических целей (тематический репертуар, экстралингвистические и лингвистические дискурсивные стратегии).

2. Теоретическая база исследования

В своей работе мы опираемся на основные положения теории прецедентности и придерживаемся традиционного понимания термина «прецедентный феномен» как ядерного элемента когнитивной базы, т.е. разделяемой членами некоторого лингвокультурного сообщества совокупности знаний и представлений. Прецедентность подобных феноменов обусловлена тем, что они 1) актуальны в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 2) имеют сверхличностный характер, т.к. хорошо известны представителям (значительной их части) определенной лингвокультурной группы; 3) рекуррентны в речи (дискурсе) представителей языкового сообщества (Красных 2003: 170, Гудков 2003).

Принципиальным вопросом теории прецедентности, несомненно, является проблема классификации прецедентных единиц. Для одной из традиционных классификаций критерием разбиения служит «внутренний масштаб», и, соответственно, выделяются следующие типы ПФ: вербальные феномены (прецедентное имя, прецедентное высказывание) и вербализуемые феномены (прецедентный текст и прецедентная ситуация) (Красных 2003: 172–173). Стоит вместе с тем уточнить, что, в связи с «открытостью» системы прецедентных единиц и значений и исследовательским интересом к новым сферам функционирования ПФ (Красных 2003: 171–173, Аникина 2004: 41, Высоцкая 2013: 119–121), мы в своей работе выделяем и анализируем прецедентные

события, образы, артефакты, ритуалы, что делает материал исследования намного более разнообразным и многогранным.

По «внешнему масштабу», т.е. широте охвата когнитивного пространства (совокупности знаний и представлений), выделяются следующие классы ПФ (уровни прецедентности):

1) универсально-прецедентные, т.е. феномены, известные любому среднему современному образованному *homo sapiens* и входящие в универсальное когнитивное пространство;

2) национально-прецедентные (культуроспецифические) феномены, входящие в национальное когнитивное пространство;

3) социумно-прецедентные феномены входят в коллективное когнитивное пространство и известны любому среднему представителю того или иного социума (в рамках нашего исследования к таковым мы относим политически активных пользователей социальных медиа) (Красных 2003: 173–175).

Уже давно когнитивными психологами установлена первостепенная роль когнитивной базы в процессе восприятия и обработки информации (Paul 1959, van Dijk & Kintsch 1978: 65). Будучи единицами, известными большинству представителей лингвокультурной общности и составляющими когнитивной базы, ПФ служат элементами внутренней экспликации дискурса и тем самым облегчают его обработку, понимание, запоминание и воспоминание. Прецедентные феномены являются своего рода культурными ориентирами-стереотипами. Их когнитивная функция в самом общем виде реализуется в том, что, «примеряя» прецедентную единицу к современным реалиям, авторы накладывают на них ярлык, при этом по-новому категоризируя социокультурное и политическое пространство. Категоризация посредством относительно легко узнаваемых когнитивно-эмоциональных блоков позволяет выразить мнения, суждения, оценку, обозначить позицию по волнующим вопросам, указать политическую принадлежность и т.д. Подобно силе воздействия кино, заключающейся, по Ю. Лотману, в «предельно сконцентрированной информации», заложенные в прецедентных феноменах интеллектуальные и эмоциональные структуры, полагаем, обеспечивают *акциональный* потенциал этих единиц, т.е. их способность оказать на реципиента «сложное воздействие – от заполнения ячеек его памяти до перестройки его личности» (Лотман 1973: 53). Умелое применение ПФ в дискурсе, таким образом, может содействовать достижению целей политических активистов – поменять мировоззрение, политические взгляды, побудить к общественно-политическому действию.

Ряд исследователей утверждает, что в последние годы в центре фундаментальных процессов цифрового политического активизма находится *деятельность пользователей социальных медиа*; при этом отмечается значимость *эмоционального* (и *аффективного*) и *фатического* измерений этого феномена (см. Poell & Dijck 2018: 547, Zappettini et al. 2021). Несмотря на устойчивый интерес ученых к социокультурным и технико-коммерческим

аспектам активизма в социальных медиа, подчеркивается необходимость детального рассмотрения *творческих* практик и стратегий активистов (Poell & Dijk 2018: 557), а также *семиотических ресурсов*, используемых для создания эмоциональности в медиакommunikации (Zappettini et al.: 599–600).

Значительная часть изученных нами текстов является семиотически осложненными (креолизованными) объектами – мемами и карикатурами, сочетающими визуальный компонент и вербальный компонент, имплицитно или эксплицитно присутствующий в них. Как известно, термин «креолизованный текст» был предложен российскими психолингвистами Ю.А. Сорокиным и Е.Ф. Тарасовым для обозначения текстов, фактура которых состоит из двух негомогенных частей – вербальной и невербальной (Сорокин, Тарасов 1990: 180–181). Исследователи медиадискурса отмечают, что «визуальное стало значимым элементом социальных структур и частью смысла наряду с языковым значением» (Чернявская 2020: 11). Креолизация как явление политической медиакommunikации и воздейственный потенциал креолизованных текстов сегодня находятся в фокусе внимания многих ученых (Вашунина 2014, Вашунина, Нистратов 2020, Павлина 2022, Ponton 2021, Way 2021 и др.). В коллективной монографии (Креолизованный текст: Смысловое восприятие 2020) представлены результаты теоретико-экспериментального исследования креолизованных текстов как средства управления языковым сознанием, в ней же приводится список из нескольких десятков диссертаций по различным аспектам креолизованных текстов.

Таким образом, в данной статье поднят ряд важных вопросов, связанных с лингвокогнитивными и семиотическими основами, на которых базируется процесс дискурсивного функционирования ПФ, и участием ПФ в кодировании и декодировании смыслов в медиадискурсе, трансляции и интерпретации политической повестки дня интернет-активистов.

3. Методология и эмпирическая база исследования

Исследование выполнялось в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы в лингвистике как интегрального подхода, позволяющего наиболее полно описать роль ПФ в производстве и организации дискурса, оптимизации коммуникативного воздействия, а также выявить возможности творческого, прагматически маркированного, их применения. Для исследования методом сплошной выборки было отобрано около 1000 текстов (июнь 2019 г. – ноябрь 2020 г.); из них 250 содержат прецедентные феномены. Эмпирический материал включал короткие заметки на страницах в Фейсбуке, крупнейшей социальной сети в мире, и Твиттере, популярной социальной сети для микроблоггинга, таких активных в социальных медиа оппозиционных политических организаций, как Occupy Democrats, Ridin' with Biden, The Lincoln Project, The Other 98%, Call to Activism, EMILY's List, We Resist, Middle Age Riot, Yes She Can, RealDonaldTrump, Trump Repercussions и др.; политические

карикатуры (The New Yorker, The Star Tribune, Catalinocarpoons, GoComics, Patreon и др.) и отдельные примеры из речевого интернет-общения.

Собранный материал исследовался с применением критического дискурс-анализа, нацеленного на установление связей между знаками, значениями и социальными и историческими условиями, которые задают семиотическую структуру дискурса (Fowler 1991: 5). В нашей работе применение данного метода заключалось в комплексном толковании смысла и функций ПФ на основе широкого контекста дискурсивной ситуации через призму общественно-идеологических связей, идентификации лингвистических и экстралингвистических стратегий актуализации ПФ в дискурсе. К рассмотрению креолизованных текстов мы подошли с позиций мультимодального критического анализа (MCDA/multi-modal critical analysis), позволяющего выявлять, как семиотические ресурсы (в нашем случае визуальные элементы медиатекстов) помогают реализовывать идеологическую повестку дня в дискурсе (Ledin & Machin 2018: 60). В качестве вспомогательных методов использовались лингвокультурологический и стилистический анализ текстов.

4. Анализ и результаты исследования

4.1. Систематизация прецедентных феноменов «антитрамповского» дискурса

Изложение результатов исследования представляется логичным начать с систематизации прецедентных феноменов, используемых в корпусе собранных примеров. В нашем материале присутствуют традиционно выделяемые классы ПФ – универсально-прецедентные, национально-прецедентные и социумно-прецедентные феномены (Красных 2003: 173–175). Вкратце рассмотрим их.

Универсально-прецедентные феномены. В приводимой ниже карикатуре президент США Д. Трамп представлен в образе римского префекта Иудеи Понтия Пилата, чье правление, согласно некоторым источникам (Иосиф Флавий 2003, Филон Александрийский 2008), было отмечено жестокостью и массовыми казнями (рис. 1).

В данном креолизованном продукте также закодирована и другая прецедентная единица – идиома “have (someone’s) blood on (one’s) hands”, означающая «стать причиной чьей-то смерти» и указывающая на решение Д. Трампа перестать помогать курдам, что повлекло их массовую гибель осенью 2019 г. Подобное карикатурное изображение, заряженное культурно-историческими коннотациями, связанными с прецедентным именем, и подпитанное идиоматической составляющей, усиливает негативный медиаобраз американского лидера, чьи действия были восприняты многими СМИ как предательство и оставление на произвол судьбы курдского народа. В июле 2020 г. стали появляться карикатурные изображения Д. Трампа с окровавленными руками и указанием числа жертв коронавирусной инфекции COVID-19 в США, что

также вменяется в вину президенту в связи с действиями его администрации по борьбе с заболеванием.

Рис.1 / Fig. 1

Рис. 2 / Fig. 2

Национально-прецедентные (культуроспецифические) феномены. Обратимся к следующему примеру на рис. 2.

В комментарии, оставленном конгрессвумен Рашидой Тлаиб (известной своим резким критическим отношением к политике администрации 45-го президента) в качестве ответа на сообщение Д. Трампа в Твиттере, оправдывающее попытки давления на украинское правительство, фигурирует начальная фраза текста Правила Миранды (“Miranda warning”) – предупреждения, произносимого полицией США при задержании подозреваемого в совершении преступления “You have the right to remain silent”. Когда президент в привычном для него твит-формате попытался представить как конституционное право свои действия, повлекшие за собой процедуру импичмента, женщина-политик аллегорично напомнила ему о единственно возможном праве (праве сохранять молчание) в подобной ситуации.

Социумно-прецедентные феномены. В качестве примера приведем пост-фотоманипуляцию, в котором фигурируют сразу два прецедентных феномена – кадр из легендарного триллера «Молчание ягнят» (в силу его всемирной известности относящегося к универсальной когнитивной базе) и прецедентное событие – «почтовый скандал», связанный с именем оппонента Д. Трампа на выборах 2016 г. Х. Р. Клинтон в ее бытность госсекретарем США. Факт использования Х. Клинтон личного почтового сервера в служебных целях был подвергнут расследованию ФБР; Д. Трамп оценил его как крупнейший скандал за последние 40 лет и выступал со ставшим уже прецедентным призывом отправить Х. Клинтон в тюрьму “Lock her up” (рис. 3).

В приводимом креолизованном медиапродукте экс-госсекретарь США представлена как героиня упомянутого кинофильма Клэрис Старлинг, курсантка академии ФБР, посещающая Д. Трампа в образе Ганнибала Лектера, бывшего психиатра и убийцы-каннибала, в изоляторе в психиатрической клинике для интервью. Мем имеет ироничный посыл: Д. Трамп, ратовавший за

начало уголовного преследования Х. Клинтон, сам оказывается в заключении. Схожие посты с «пророческим» содержанием довольно часто фигурируют в интернет-пространстве, причем многие сводятся к единому желаемому финалу – заключению Д. Трампа.

I brought you some emails to read...

Рис. 3 / Fig. 3

Рис. 4 / Fig. 4

В ходе анализа было также выявлено, что в изучаемом сегменте современного американского медиадискурса применяются разные **типы ПФ** – традиционно выделяемые прецедентные ситуации, прецедентные тексты, прецедентные имена, прецедентные высказывания, а также прецедентные события, артефакты, образы, ритуалы. Обратимся к некоторым примерам.

Прецедентная ситуация, т.е. «идеальная» реальная или виртуальная ситуация (совокупность обстоятельств, создающих некоторое положение дел), знакомая большинству представителей лингвокультурного сообщества (Красных 2003: 183). В приводимом ниже посте собраны четыре ситуации, которые, по мнению автора, могут вызвать у аудитории вопрос «Как это здесь оказалось?» (рис. 4).

Комический эффект компиляции основывается на том, что среди с трудом поддающихся логическому объяснению фотоизображений – снимок Д. Трампа, занимающего Овальную комнату. Прямое обращение к аудитории в комментарии к посту (“Do **you** ever...?”) позволяет апеллировать к личному опыту интернет-пользователей и, вероятно, сформировать бóльший эмоциональный отклик на комический коллаж.

Прецедентное событие. Считаем целесообразным разграничивать прецедентную ситуацию и прецедентное событие как значительное явление, цепь сменяющихся ситуаций. Примером может служить импичмент президента США – процедура судебного обвинения с возможным последующим отстранением от должности. Рассмотрим мем на рис. 5.

Данный креолизованный продукт содержит фото 37-го президента США Ричарда Никсона, пережившего длительное расследование в связи с крупным политическим скандалом «Уотергейт» в 70-е гг. XX в., грозившее началом импичмента. Политик, изображенный потирающим бровь (жест, интерпретируемый в психологии как попытка скрыться от обмана, стыда, избежать

необходимости смотреть собеседнику в глаза), «обращается» к Д. Трампу с отказом поддержать его в ситуации надвигающегося импичмента. Такая фантазируемая реакция – попытка преподнести положение 45-го президента как довольно критическое.

Прецедентное имя, т.е. индивидуальное имя, связанное с хорошо известным (прецедентным) текстом или ситуацией (Красных 2003: 197). На одной из ярких карикатур художника Кена Каталино Д. Трамп представлен в образе кинозлодейки Малефисенты (за основу взят официальный постер одноименного художественного фильма 2014 г.) (рис. 6).

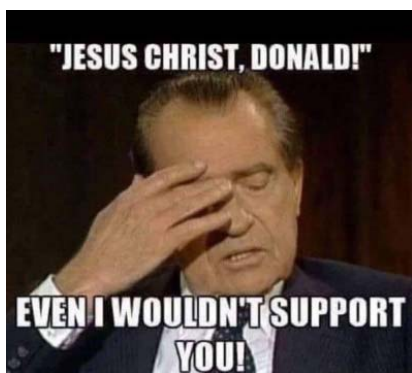

Рис. 5 / Fig. 5

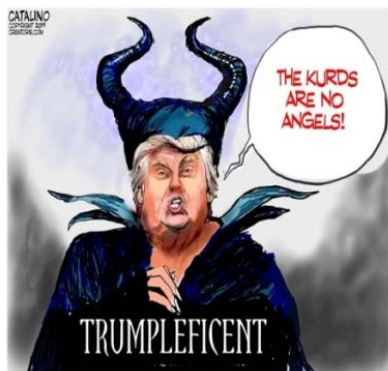

Рис. 6 / Fig. 6

Приводимый мем особенно интересен своей вербальной составляющей. Оним «Малефисента» (англ. Maleficent= «делающая/творящая зло») подвергается модификации: в результате слияния элемента “male” (плохо, со злым умыслом) с фамилией Trump рождается синонимичное имя для фантазийного персонажа карикатуры – Trumpleficient. В качестве главного злодеяния выделяется ситуация с курдами и фраза президента, произнесенная им как обоснование принятого решения: «Курды не ангелы!» (“The Kurds are no angels!”). Так, иконический компонент в посте является квинтэссенцией черт отрицательного сказочного персонажа, с которым сравнивается политик.

Официальный логотип предвыборной кампании соперника Д. Трампа на президентских выборах 2020 г. Джо Байдена также подвергся творческой обработке. Используя фонетическое сходство фамилии Biden и фразы “Bye, Don¹” («Пока, Дон»), сторонники кандидата от демократической партии превратили логотип в слоган с желаемым содержанием – BYEDON 2020. Так, помимо сайта интернет-магазина, предлагающего продукцию с данным лозунгом (ENA, August 24, 2022)², оппозиционная группа Call to Activism

¹ По нашим наблюдениям, в политических карикатурах и критических комментариях в сети Интернет довольно часто используется звучащая пренебрежительно по отношению к президенту краткая форма его имени Don←Donald.

² <https://byedon.com/>

опубликовала на своей странице в социальной сети «Фейсбук» следующий пост (рис. 7), посодействовав тем самым его большему распространению.

Прецедентный текст, т.е. законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности, (поли)предикативная единица; хорошо знаком среднему члену лингвокультурного сообщества и, как правило, в дискурсе обозначается с помощью связанных с ним прецедентных имен или высказываний (Красных 2003: 190). В приводимом на рис. 8 меме модифицируется название известной книги для детей британского писателя Роальда Даля «James and the Giant Peach»/«Джеймс и гигантский персик».

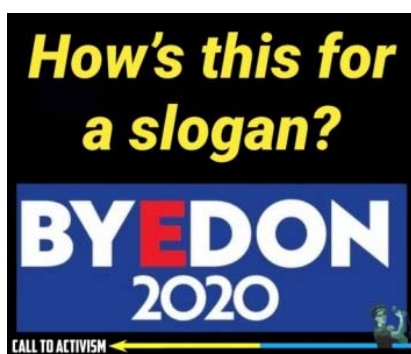

Рис. 7 / Fig. 7

Рис. 8 / Fig. 8

В данном случае автор создает языковую игру, удачно используя возможности звукового подобия слов “reach” («персик») и “impeach” («начать процедуру импичмента»). В образе мальчика Джеймса, героя упоминаемой книги, предстает бывший директор ФБР Джеймс Коми, согласно некоторым источникам, уволенный Д. Трампом по причине проводимого под его началом «неудобного» расследования связей президента и его представителей и позже высказывавшийся за процедуру импичмента главы государства. Внутри персика – президент Трамп, «поглощенный» неминуемым импичментом, подобно книжному Джеймсу, чудесным образом оказавшемуся внутри персика-гиганта в истории, выдуманной Р. Далем.

Аллюзию на другое художественное произведение находим в следующей карикатуре, изображенной на рис. 9.

На картинке Д. Трамп запечатлен в облике героини романа Н. Готорна «Алая буква» Эстер Прин, вынужденной носить на одежде вышитую алым букву “А” – знак позора за супружескую неверность в пуританской Новой Англии 17 в. В рассматриваемом случае происходит замена буквенных символов: вместо “А” на груди у персонажа карикатуры буква “I”. По аналогии с “А”, символом греха, автор анализируемой креолизованной единицы «клеймит» действующего президента США за часто обсуждаемые и критикуемые в СМИ эгоцентрические и нарциссические тенденции в его поведении.

Рис. 9 / Fig. 9

Рис. 10 / Fig. 10

Прецедентные высказывания, т.е. предложения, словосочетания, фразы, мини-тексты, за которыми стоит прецедентный феномен. Острая тема новой коронавирусной инфекции COVID-19 и мер, предпринимаемых правительством США для борьбы с ее распространением, активно затрагивалась в интернет-пространстве, причем в значительном количестве случаев использовались ПФ. В одном из таких постов-карикатур высмеивается занятая Д. Трампом позиция в урегулировании пандемического кризиса, которая характеризовалась оппозиционерами как тенденция игнорировать науку, символично представляемую в карикатуре ведущим американским специалистом по инфекционным заболеваниям доктором Энтони Фаучи (рис. 10).

Приводимое изображение примечательно тем, что оно являет собой квинтэссенцию рекуррентной ситуации – ежедневных брифингов президента по COVID-19, на которые, как правило, приглашался доктор Фаучи и которому часто приходилось спасать положение, исправляя неверные, а порой опасные, высказывания Д. Трампа. Так, в рисунке кодируется идея некомпетентности главы государства посредством визуальной буквализации идиоматического выражения “put/stick foot in mouth”, означающего «ненамеренно произнести глупость, нетактичные или обидные слова». Карикатурный доктор Фаучи, выступая с подиума в брифинг-зале Белого дома, в свойственной ему манере спокойного, уверенного, научного изложения фактов напоминает аудитории о значимости социальной дистанции, а в случае с президентом Трампом – физической дистанции между его ртом и ступней (“Social distancing is critical, especially between the President’s foot and mouth”). Так, в текстовом элементе анализируемой креолизованной единицы осуществляется развитие идиоматического образа, создается метаметафора применительно к другому актуальному в сложившейся ситуации распространения опасного заболевания устойчивому выражению «социальное дистанцирование».

На другой карикатуре того же автора (рис. 11), в которой «прячется» циркулировавшее в Интернете в последние годы выражение “When fascism comes to America, it will be wrapped in the flag (and waving/carrying a cross)” (Когда фашизм придет в Америку, он будет завернут во флаг (и нести перед собой крест)), ошибочно приписываемое американскому романисту, лауреату

Нобелевской премии Синклеру Льюису, Д. Трамп, часто обвиняемый в поддержке и продвижении идей «белого превосходства» (“white supremacy”), изображен завернутым во флаг Конфедеративных Штатов Америки.

Рис. 11 / Fig. 11

Рис. 12 / Fig. 12

Художник неслучайно выбирает этот флаг: будучи одним из наиболее противоречивых символов в американской истории, он часто ассоциируется с Ку-Клукс-Кланом и воспринимается многими американцами как знак «превосходства белых», «белого национализма». Так, анализируемый креолизованный объект интересен тем, что его вербальный компонент со значительной прагматической и когнитивной нагрузкой, несмотря на скрытое присутствие, выступает все же доминантой, так как без его распознавания не происходит разгадывания заложенного смысла и, следовательно, не достигается ожидаемый эффект.

Прецедентный (стереотипный) образ, т.е. устойчивое представление о чем-либо, известное/разделяемое представителями лингвокультурного общества. Распространенное среди части американского населения, настроенного против Д. Трампа, мнение о посредственных способностях 45-го президента и значительной роли богатства его родителей в успешной политической карьере лаконично выражено в посте оппозиционера Джона Хартцела (John Hartzell), предлагающем собирать стереотипный образ отстающего в плане культурного и интеллектуального развития американца невысокого социального положения (рис. 12).

Прецедентные артефакты, понимаемые нами в широком смысле как продукты интеллектуальной и творческой деятельности человека. Довольно частые объекты насмешек в пространстве Интернет – интеллект и внешность экс-президента США. В посте, представленном на рис. 13, его осанка характеризуется с помощью модифицированного названия всемирно известного архитектурного сооружения – «падающей» Пизанской башни.

В данном случае английский вариант названия итальянской достопримечательности “The Leaning Tower of Pisa” претерпевает субституцию топонима “Pisa” лексемой “stupid”, что наделяет дерогативным значением комментарий к фото.

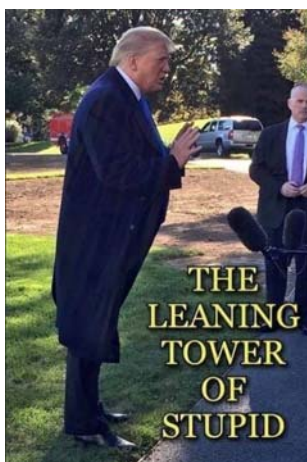

Рис. 13 / Fig. 13

Рис. 14 / Fig. 14

Как показывают наши исследования, бóльшим потенциалом воздействия в связи с комплексностью и часто сплетением нескольких идиоматических образов обладают тексты, авторы которых прибегают к приему создания фразеологически насыщенного контекста. Приведем подобный пример из нашего материала на рис. 14.

В анализируемом карикатурном рисунке задействованы три устойчивые единицы, объединенные игровой тематикой и прописывающие метафорический сценарий хода событий, связанных с персоной соратника и экс-советника Д. Трампа Роджера Стоуна, осужденного по так называемому «российскому делу»: “be dealt a bad hand” (= оказаться в неблагоприятной ситуации из-за невозможности ее контролировать, букв. «получить неудачные карты при раздаче») → “play the trump card” («воспользоваться козырной картой»; в результате омофонии существительного “trump” и фамилии “Trump” наблюдаем частичную буквализацию выражения, в данном контексте означающего «воспользоваться правом помилования, которым наделен президент Трамп») → “get out of jail free card” (ставшая метафорической фраза, обозначающая то, что поможет выйти из нежелательной ситуации, и также называющаяся прецедентный артефакт – элемент популярной настольной игры «Монополия»). Таким образом, прецедентные высказывания точно, лаконично, экономно в когнитивном плане и вместе с тем эмоционально передают факт отклонения судом апелляционной жалобы Р. Стоуна с целью отсрочить тюремное заключение, за которым почти мгновенно последовало спорное в юридическом плане решение президента Трампа сократить его тюремный срок.

Другой значимый культурный объект – полотно «Декларация независимости» художника Джона Трамбулла (1819 г.) – становится «фоном» для продвижения идеи верховенства правосудия, юридической максимы (“The rule of law”), согласно которой никто, даже первое лицо государства, не может быть выше закона (рис. 15).

Рис. 15 / Fig. 15

В анализируемом посте применяется стратегия речевой манипуляции, реализуемая посредством искаженной цитаты: акт представления текста Декларации конгрессу пятью Отцами-основателями («комитет пяти») сопровождается комментарием “And the President is above the law”, противоречащим максиме “Nobody is above the law”, часто появлявшейся в СМИ в период процедуры импичмента Д. Трампа. Так, анализируемый мем, содержащий ссылку на культурно значимый прецедентный артефакт, примечателен тем, что он способен привлечь внимание в связи с намеренно допускаемой ошибкой и напомнить аудитории о ключевых демократических ценностях.

Широкий набор прецедентных артефактов в нашем материале представлен и такими формами, как тестовое задание с возможностью множественного выбора (рис. 16) или результат генеалогического ДНК-теста (рис. 17).

Рис. 16 / Fig. 16

The results of Donald Trump's DNA ancestry test:
100% asshole.

Рис. 17 / Fig.17

Приведенные тексты (рис. 16 и 17) относятся к единицам выделенной в ходе анализа группы примеров с пейоративным содержанием, причем первый содержит прямое обвинение в криминальных действиях, второй – является обсценизмом (оскорблением). Появление и распространение подобных острых текстов в пространстве Интернета, тем не менее, значимо, так как

сигнализирует о накале страстей, сильных оппозиционных настроениях в обществе.

Ритуал, т.е. стереотипная последовательность действий, имеющих символический смысл – другой весомый в культурном плане прецедентный феномен, который применяется карикатуристами в поисках «идеального образа» для большего воздействия на аудиторию. Клятва (обещание)³, произносимое на церемонии принятия детей в скауты, «переработана» в следующем рисунке и представлена как версия Д. Трампа (“Trump’s Replacement for the Boy Scouts”) (рис. 18).

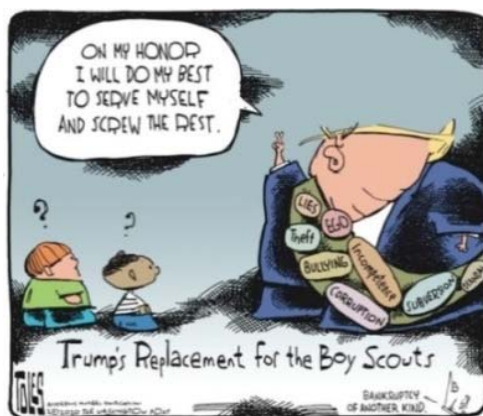

Рис. 18 / Fig. 18

Так, два традиционных элемента клятвы бойскаутов – долг перед Богом и страной и долг перед другими людьми, ориентирующие подрастающее поколение на служение обществу и стране, опускаются в обновленном фантазийном варианте обещания, в котором на первый план выдвигается долг перед самим собой (“I will do my best to serve myself and screw the rest”), акцентируя тем самым в очередной раз внимание аудитории на эгоцентрической тенденции в поведении 45-го президента США.

4.2. Сферы-источники прецедентных феноменов в «антитрамповском» дискурсе

Значимым элементом исследования является также систематизация источников происхождения фигурирующих в эмпирическом материале прецедентных единиц. Как показывает анализ, авторы отобранных текстов

³ Оригинальный текст таков – On my honor, I will do my best
To do my duty to God and my country and to obey the Scout Law;
To help other people at all times;
To keep myself physically strong, mentally awake and morally straight
(<http://www.ussscouts.org/advance/boyscout/bsoathlaw.asp#:~:text=Note%20that%20the%20Boy%20Scout%20Oath%20has%20traditionally,leaders%20teach%20you%20to%20know%20and%20serve%20God>).

обращаются к популярным форматам с широко известным и, что значимо, легко узнаваемым содержанием. Так, сферами-источниками наиболее многочисленных примеров применения ПФ в нашем материале стали кинодискурс, телевизионный дискурс, мультипликационный дискурс, литературный и поэтический дискурс, рекламный дискурс, фразеологический фонд английского языка, паремиологический фонд английского языка, политическая риторика Д. Трампа. Кратко остановимся на каждом из них.

4.2.1. Кинодискурс

Группу рассмотренных выше текстов (см. рис. 3, 6) дополняет карикатурный мем с изображением Д. Трампа и его соратников Р. Джулиани и У. Барра, поддерживающих его политику и часто неоднозначные действия и решения (рис. 19).

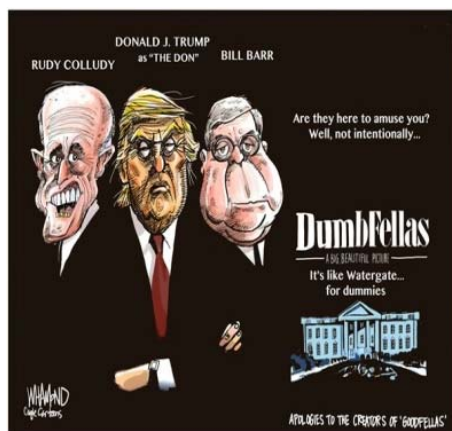

Рис. 19 / Fig. 19

Президент США (“the Don”), его адвокат и бывший мэр Нью-Йорка (“Rudy Colludy”; в данном карикатурном имени вновь наблюдаем языковую игру – обыгрывается слово “collude” = «вступить в преступный сговор») и генеральный прокурор США, регулярно становящиеся героями политических карикатур, предстают в образе главных персонажей фантазийного фильма “Dumbfellas” (модифицированное название известной криминальной драмы М. Скорсезе “Goodfellas” («Славные парни»), в нем элемент “good” заменен на “dumb”), при этом авторы поста в саркастической манере приносят свои извинения создателям фильма за подобную аналогию. На картинке, стилизованной под рекламный кинопостер, также присутствует другой характерный элемент – слоган фильма, в анализируемом случае служащий лаконичной и эмоционально заряженной инструкцией для понимания карикатурного изображения – “It’s like Watergate for dummies” («Уотергейт для чайников») и намекающий на некомпетентность и нечистоплотность политиков в ситуации назревавшего импичмента президента.

4.2.2. Телевизионный дискурс

Несомненно, авторы постов не могли остаться в стороне от богатого материала телевизионных шоу. Один из ярких примеров – «переработанный» рекламный постер политического сериала “The House of Cards”/«Карточный домик» (рис. 20).

Рис. 20 / Fig. 20

Рис. 21 / Fig. 21

В данном случае наблюдаем, как незначительная языковая модификация в названии телесериала – субституция лексемы “cards” лексемой “lies” – позволяет добиться значительного воздействующего эффекта, рисуя образ лживого хозяина Белого дома.

Прошлое 45-го президента США как телевизионной личности и ведущего популярного некогда реалити-шоу “The Apprentice”/(в русской версии «Кандидат») воссоздается в следующем карикатурном сюжете, представленном на рис. 21.

Мы видим, что ситуация нехватки медицинского оборудования во многих штатах (что по указу президента являлось вопросом местного управления и в конечном итоге привело к конкуренции между губернаторами в попытке обеспечить больницы вентиляторами для критически больных COVID-19) автором карикатуры представлена как проявление некомпетентности президента и его команды в сложившихся условиях пандемии.

4.2.3. Мультипликационный дискурс

В социальных сетях получил распространение мем – плакат, сделанный участницей одного из осенних протестов 2018 г. и содержащий примечательный сравнительный текст (рис. 22).

В нем проводятся параллели между фигурой Д. Трампа и персонажем из анимационного фильма «Шрек» лордом Фаркуадом, злобным правителем Дюлока (“despotic”), который изгоняет из своих земель всех героев разных

сказок на болото Шрека (“wants to drain the swamp”⁴). Сходство, по мнению автора, обнаруживается по всем пунктам сравнения, но последний из них остается открытым (“we’ll see”), намекая на желанную победу на президентских выборах 2020 г. сенатора Элизабет Уоррен, сильного на тот момент кандидата от Демократической партии, но прекратившей участие в президентской гонке в марте 2020 г.

Рис. 22 / Fig. 22

Рис. 23 / Fig. 23

4.2.4. Литературный и поэтический дискурс

Стоит отметить, что, как правило, в качестве референтов выбираются знаковые произведения американских писателей и поэтов, а также шедевры мировой литературы (см. также рис. 8, 9).

Приводимый ниже мем отсылает пользователей сети Интернет к стихотворению “The Road Not Taken” («Другая дорога», 1920 г.), произведению одного из наиболее почитаемых американских поэтов Роберта Фроста (рис. 23).

Автор метафорически трактует ситуацию голосования по импичменту Д. Трампа, когда единственный сенатор-республиканец Митт Ромни проголосовал за признание президента виновным в злоупотреблении полномочиями, в то время как остальные однопартийцы высказались против. Так, республиканцы (слон – символ этой политической партии) изображены падающими с обрыва в бездну; М. Ромни же представлен уверенно продолжающим путь по земле, выбрав, как герой стихотворения, неизведанную дорогу (“the road less traveled”). Положительная оценка создателями поста беспрецедентного поступка политика очевидна.

В качестве любопытного примера аллюзии на литературные произведения приведем карикатуру-коллаж из прецедентных текстов и, соответственно, имен, их символизирующих. Попытка президента и его администрации препятствовать публикации книги мемуаров М. Болтона “The Room Where it Happened: A White House Memoir” («Комната, где все произошло»,

⁴ Подробнее примеры использования идиомы “drain the swamp” будут рассмотрены далее.

2020), компрометирующей Д. Трампа, подарила карикатуристам идею создания компиляции под названием «Книги, которые Трамп пытался остановить» (рис. 24).

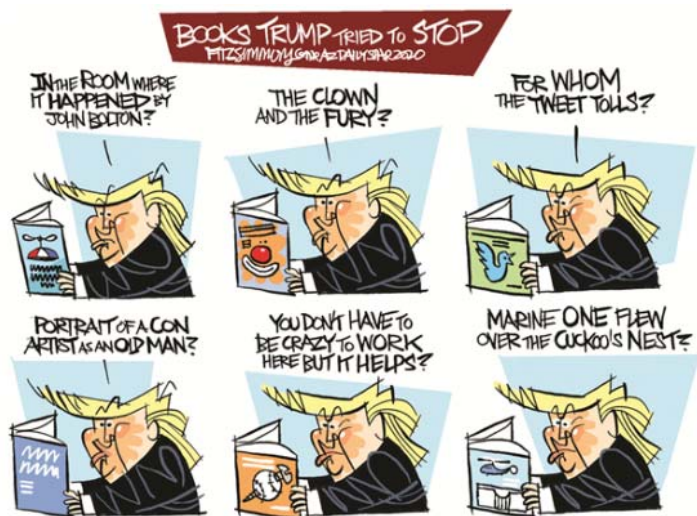

Рис. 24 / Fig. 24

Указанный скандальный текст дополняется в карикатурной подборке названиям таких шедевров и бестселлеров, как:

- (1) “The Sound and Fury” или “Fire and Fury: Inside the Trump White House” → “**The Clown and the Fury**”
- (2) “For Whom the Bell Tolls” → “**For Whom the Tweet Tolls**”
- (3) “A Portrait of the Artist as a Young Man” → “**Portrait of a Con Artist as an Old Man**”
- (4) “You Don’t Have To Be Crazy To Work Here... But It Sure Helps”
- (5) “One Flew over the Cuckoo’s Nest” → “**Marine One Flew over the Cuckoo’s Nest**”.

Пример (1) “The Clown and the Fury” («Клоун и ярость») отсылает нас к одной из наиболее значимых англоязычных книг – роману У. Фолкнера “The Sound and Fury” («Шум и ярость») 1929 г., названием которого служит цитата из трагедии «Макбет» У. Шекспира, или книге “Fire and Fury: Inside the Trump White House” журналиста М. Вулфа, представляющей критический взгляд автора на поведение Д. Трампа во время предвыборной кампании и в первые месяцы нахождения в должности президента. Наблюдаемая замена первого элемента диады “sound/fire” на “clown” высмеивает чрезмерно эмоциональную реакцию главы Белого дома на негативные высказывания в его адрес, которая часто сравнивалась в СМИ и сетевом пространстве с детской неспособностью воспринимать критику. Таким образом, карикатура своеобразно возвращает адресата к первоисточнику – солилоквию Макбета, в котором высказывается идея о том, что глупец полон пустого шума и гнева.

В примере (2) “For Whom the Tweet Tolls” наблюдаем модификацию названия романа Э. Хемингуэя “For Whom the Bell Tolls” («По ком звонит колокол», 1940 г.), которое, в свою очередь, содержит цитату из произведения английского поэта Джона Донна «Обращение к Богу в час нужды и бедствий», Медитация 17, 1624 г. В анализируемом коллаже с помощью лексической субституции “bell” → “tweet” высмеивается чрезмерное использование 45-м президентом США в качестве способа коммуникации публичной сети для обмена короткими сообщениями «Твиттер».

В примере (3) “Portrait of a Con Artist as an Old Man” обыгрывается название первого романа ирландского писателя Джеймса Джойса “A Portrait of the Artist as a Young Man” («Портрет художника в юности», 1916 г.). Расширение оригинального названия за счет элемента “con” (ср. “con man/confidence man” = «мошенник; обманщик, умеющий втираться в доверие») и замена лексемы “young” → “old” помогает автору карикатуры нелестно высказаться о моральных качествах Д. Трампа и его президентстве в целом.

Пример (4) содержит единственное не подвергающееся модификации название бестселлера У. Морриса о трудностях работы в офисе “You Don’t Have To Be Crazy To Work Here... But It Sure Helps” («Не надо быть сумасшедшим, чтобы здесь работать, но это помогает!», 1985 г.), которое буквализируется в коллаже, намекая на психическую неустойчивость главы Белого дома. Эта идея поддерживается и в следующем элементе компиляции (5).

В примере (5) “Marine One Flew over the Cuckoo’s Nest” наблюдаем модификацию названия романа Кена Кизи “One Flew over the Cuckoo’s Nest” («Пролетая над гнездом кукушки», 1962 г.), действие которого происходит в психиатрической больнице. Модификация осуществляется с помощью приема расширения компонентного состава: “one” → “Marine One” (позывной вертолетов Корпуса морской пехоты США, которые используются для транспортировки президента).

Так, коллаж из ПФ экономно в рамках одного поста позволяет нарисовать комплексный негативный портрет президента США.

4.2.5. Рекламный дискурс

Приведем в качестве примера запущенный демократической партией летом 2020 г. постер, использующий как основу рекламу стирального порошка Tide с легкоузнаваемой яркой цветовой гаммой и содержащий призыв принять участие в голосовании на предстоящих в ноябре выборах президента США (рис. 25).

Стилизованное под рекламный лозунг обещание “removes stubborn orange stains” («удаляет трудновыводимые оранжевые пятна») говорит о необходимости смены власти (аллюзия на оранжевый оттенок кожи на лице Д. Трампа) и избрании президентом кандидата от Демократической партии.

4.2.6. Фразеологический фонд английского языка

Несколько приведенных выше примеров (рис. 1, 10, 14, 22, 23) наглядно демонстрируют особенности применения богатого фразеологического фонда английского языка, который также выступает источником прецедентности «антитрамповского дискурса». Рассмотрим еще один пример (рис. 26), вызывающий интерес в лингвистическом и экстралингвистическом плане.

Рис. 25 / Fig. 25

Рис. 26 / Fig. 26

В данной карикатуре происходит двойное «языковое действие»: в комментарии к картинке объединяются идиоматические единицы “be driven by” («руководствоваться чем-то») и “gut” («нутро, интуитивное чувство», букв. «ЖКТ», «желудок», «пузо»); затем получившийся метафорический комплекс “be driven by one’s gut” («действовать по наитию») буквализируется с помощью визуального элемента. В карикатуре высмеивается неоднократное заявление Д. Трампа о том, что в принятии решений, в том числе управленческого характера, он полагается на интуицию, а не разум, анализ (“... I have a gut, and my gut tells me more sometimes than anybody else’s brain can ever tell me.”). Это довольно неоднозначное высказывание подвергалось критике в СМИ. Таков же посыл и «настроение» анализируемого поста.

4.2.7. Паремнологический фонд английского языка

Как было замечено ранее в наших исследованиях, паремии активно применяются в общественно-политическом дискурсе и служат достижению прагматических целей авторов (Константинова 2020, Konstantinova 2019, 2020). Здесь приведем несколько примеров использования пословиц в контекстах, в которых обсуждаются актуальные проблемы современной жизни.

Имеющая значимость в эмоциональном и когнитивном плане для патристически воспитанных американцев паремия “Ask not what your country can do for you – ask what you can do for your country” адаптируется автором нижеприводимого мема к современной реальности пандемического распространения COVID-19 и в связи с фоновыми знаниями (инаугурационная речь 1961 г. Дж.Ф. Кеннеди), стоящими за выражением, служит мощным социальным призывом проявить заботу о согражданах и соблюдать самоизоляцию (рис. 27).

Рис. 27 / Fig. 27

Острая современная общественно-политическая тема жестокости полицейских по отношению к чернокожим американцам и более глубокая проблема системного расизма (“systemic racism”), стоящая за этим, по мнению многих политиков (в основном демократического толка), общественных деятелей, представителей шоу-бизнеса, обозначается в приводимых ниже примерах с помощью образов распространенной поговорки “One bad apple spoils the lot/bunch” (Am.) (рис. 28).

Рис. 28 / Fig. 28

Рис. 29 / Fig. 29

В первом посте, содержащем три предложения (рис. 28), традиционная паремия в словарной форме приводится как неоспоримый факт и становится фундаментом для построения развернутой метафоры⁵. Во второй строке анализируемого текста капитализируются лексемы “several” и “every”, несущие основную смысловую нагрузку, что позволяет сфокусировать внимание на идее системности и множественности проявлений жестокости полиции. Последнее предложение поста в форме вопроса, содержащее прямое обращение

⁵ Рассматриваемая поговорка и также дериват – идиома «a few bad apples», обозначающие случаи коррупции, недостойного поведения и т.п. в некоторой организации, – в последнее время довольно часто употребляются как эвфемистическая характеристика нечистоплотных сотрудников полиции.

к целевой аудитории, предлагает взгляд автора на причину проблемы, которая метафорически описывается как «дерево для линчевания», что, очевидно, следует трактовать как систему, допускающую расизм в экстремальном его проявлении на всех уровнях. Таким образом, эффективное сочетание графических и языковых приемов создает лаконичный текст с мощной эмоциональной и когнитивной нагрузкой.

Во втором посте (рис. 29) также обнаруживаем образное расширение паремии: с помощью часто применяемой схемы творческой деформации пословиц (If P..., (then)...) формулируется метафорический агрономический совет провести радикальные изменения в системе (“grow something else”).

Острая тема выборов президента 2020 г. также раскрывалась авторами в интернет-пространстве с помощью паремий. Команда набравшей обороты предвыборной кампании кандидата в президенты США от Демократической партии Джо Байдена прибегла к применению пословичного языка. Интересен случай использования антипословицы “The Internet never forgets” на основе узуальной единицы “An elephant never forgets” (1937 г.), которая, будучи обновленной «упаковкой» для современного содержания, имеет все шансы стать полноценной пословицей. Так, на официальной странице проекта Ridin’ With Biden в Фейсбуке в июне 2020 г. был опубликован пост-обращение к сенатору-республиканцу Линдси Грэхаму, рисуящий его как беспринципного политика (“he sold his soul”) (рис. 30).

Рис. 30 / Fig. 30

4.2.8. Политическая риторика Д. Трампа

Еще одним источником прецедентности в анализируемом сегменте медиадискурса является политическая риторика Д. Трампа, из которой заимствуются знаковые рекуррентные фразы, несущие значительную смысловую нагрузку. В этой связи мы трактуем их как своеобразные метапрецедентные феномены или внутренние прецеденты современного общественно-

политического дискурса. Среди таких единиц – слоган его президентской кампании “Make America Great Again”; предвыборные обещания построить стену на границе с Мексикой (“build the wall”) и решить проблему бюрократического плана, обозначаемое с помощью политической идиомы (“drain the swamp” = «искоренить коррупцию», букв. «осушить болото, чтобы избавиться от малярийных комаров»); политизированное в 1950-е гг. в США идиоматическое выражение “witch hunt” (= «преследование инакомыслящих политиков»), часто используемое Д. Трампом для характеристики отношения к нему оппозиционно настроенных демократов, массмедиа, общественности. В нашем анализе ограничимся несколькими примерами, иллюстрирующими функционирование двух метапрецедентов, являющихся своего рода эпитимией президентства 45-го главы Белого дома.

- **drain the swamp**

Рис. 31 / Fig. 31

Рис. 32 / Fig. 32

Рис. 33 / Fig. 33

В первой карикатуре (рис. 31) за счет лексической субституции (“drain” → “pardon”) создается обновленный слоган – “Pardon the swamp”. Пользуясь правом президента, Д. Трамп сократил время тюремного заключения ряда официальных лиц, осужденных за финансовые и другие преступления. Этот факт вызывал бурные обсуждения в СМИ и был лаконично обозначен с помощью заимствуемой авторами поста модифицированной ФЕ. Та же идея передается в следующей карикатуре (рис. 32): автор прибегает к приему языковой игры, основанной на фонетическом сходстве лексем “drain” и “rain”, обозначающих в данном визуализированном контексте противоположные действия. Таким образом высмеивается обратный предвыборному обещанию результат – «разрастание болота». В последнем из приводимых постов (рис. 33) дается оценка результативности президентства Д. Трампа авторами-оппозиционерами. Полагаем, эмоциональность и оценочность мема достигается за счет творческого сочетания двух прецедентных феноменов – идиомы “drain the swamp” и имени персонажа комиксов и телевизионного сериала “The Swamp Thing” (рус. «Болотная тварь») – чудовища, использующего свои супер-силы для защиты места обитания – болота.

- **Make America Great Again (MAGA)**

Слоган предвыборной кампании Д. Трампа 2016 г. “Make America Great Again” закономерно становится центром внимания многих оценочных текстов в современном общественно-политическом дискурсе:

Рис. 34 / Fig. 34

Рис. 35 / Fig. 35

Рис. 36 / Fig. 36

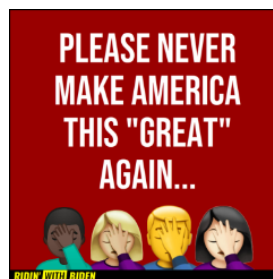

Рис. 37 / Fig. 37

В первом из ряда примеров (рис. 34) наблюдаем сочетание двух прецедентных высказываний с желаемым пророческим содержанием – анализируемого слогана и модифицированного требования Д. Трампа арестовать Х. Клинтон (“Lock him up!” ← “Lock her up!”). Саркастическая расшифровка акронима MAGA: “Morons Are Governing America” предлагается на рис. 35. Прецедентный артефакт – магнит-сувенир с изображением, стилизованным под официальный логотип предвыборной кампании кандидата в президенты США, содержит обновленный призыв вернуть Америке здравомыслие и разумность “Make America Sane Again” (“sane” ← “great”) (рис. 36). В последнем избличающем креолизованном тексте вербальный компонент содержит эмоциональную просьбу (обращенную, очевидно, к будущему правительству, а также избирателям) избавить Америку от подобного «величия» и поддерживается визуальным компонентом – эмодзи “facerm” («лицо, закрытое рукой»), обозначающим смущение, разочарование, стыд (рис. 37). Значимо также и то, что выбранные эмодзи изображают женщин и мужчин с разными оттенками кожи, что, с одной стороны, символизирует этническое разнообразие населения США, а, с другой, – передает идею всеобщего негодования и разочарования работой Д. Трампа и его администрации.

4.3. Тематическое разнообразие медиатекстов с прецедентными феноменами «антитрамповского» дискурса

Необходимость подробного анализа примеров (всего 37, ПФ в них – 54), отобранных для иллюстрации пунктов систематизации фактического материала, вызвана также задачей максимально полного охвата тематического разнообразия текстов изучаемого сегмента современного американского медиадискурса. Помимо выделенных в предыдущих исследованиях (Константинова 2020, Konstantinova 2020) тем постов, включающих критику политики 45-го президента США (и работы его администрации), его личностных качеств и внешности, его электората, Республиканской партии, а также обвинение Д. Трампа в разного рода противозаконных действиях, приведших к импичменту, объектом внимания становятся политическая риторика Д. Трампа; его сравнение с бывшими американскими лидерами; особенно критикуемое личностное качество президента – эгоцентричность; активизация общественно-политического движения “Black lives matter” в связи с проявлениями жестокости полицейских в отношении чернокожих; выборы президента США 2020 г. Отдельно стоит отметить факт пополнения арсенала медиатекстов (особенно мемов и карикатур) постами на острую тему распространения и борьбы с коронавирусной инфекцией COVID-19, а также кризиса здравоохранения США, вызванного пандемией.

4.4. Когнитивно-дискурсивные функции прецедентных феноменов в «антитрамповском дискурсе»

В результате анализа особенностей функционирования ПФ в «антитрамповском дискурсе» можно выделить их следующие когнитивно-дискурсивные функции.

Функция семантического выделения. ПФ выступают в дискурсе средством семантической нагрузки сообщения; работают как хорошо запоминающийся сигнал для генерирования информации, способствуют выделению и фокусировке на наиболее важной информации в дискурсе.

Функция эмоционального выделения. Как демонстрируют многие примеры, ПФ с их эмоциональной ценностью для носителей культуры и языка позволяют повысить эмоциональность медиатекста, расставить эмоциональные акценты в дискурсе, выразить отношение к поднимаемой проблеме и, главное, побудить к действию. Эта функция ПФ имеет стратегическое значение в контексте поставленных целей и задач оппозиционных политических сообществ, тексты которых рассматривались в работе.

Эвфемистическая функция. Соблюдение принципов политической корректности имеет большое значение в современном американском обществе. Фигуральность многих ПФ помогает использующим их в дискурсе избежать нетактичных, обидных, неприличных, оскорбительных, по их мнению, слов или фраз. Кроме того, в креолизированных текстах, карикатурах, одновременно

использующих «вуалирующие» потенции прецедентных феноменов как аллюзий и эвразивные технические возможности иконического представления информации (визуальные каламбуры, графические манипуляции, фантазийные/нереалистичные изображения и т.п.), эвфемистическая функция проявляется с удвоенной силой. В нашем практическом материале были выделены в отдельную группу случаи применения ПФ в текстах с дерогативным (некоторые из них – с обценным) содержанием, что не противоречит выделяемой эвфемистической функции и может быть рассмотрено как самостоятельная стратегия воздействия на целевую аудиторию.

Функция когнитивной экономии. Применение ПФ, готовых интеллектуально-эмоциональных блоков, в текстах Всемирной паутины является культурообусловленным способом кодирования (и декодирования) информации. Так, авторы медиатекстов, художники-карикатуристы в поисках «идеального образа» для лаконичной и мощной в воздейственном плане иконизации передаваемого содержания намерения (“purport”) прибегают к употреблению прецедентных единиц, используя их лингвокультурный багаж, стоящий за ними широкий культурный контекст, что позволяет сделать процесс обработки информации более быстрым и простым и, соответственно, способствовать оптимизации коммуникативного воздействия.

Фатическая функция. Рассмотрение нашего практического материала наглядно показало, что ПФ выступают своеобразным маркером общности («sociality»), общественно-политической принадлежности или «включенности» применяющего их участника коммуникации. Кроме того, использование ПФ в сочетании с другими языковыми стратегиями, как, к примеру, мы-фокализация, прямое обращение к реципиенту и его личному опыту, по нашим наблюдениям, позволяет реализовывать выделенную функцию более эффективно.

Метаязыковая функция. Обозначенные выше функции, по сути, являются проявлениями общей для прецедентных феноменов метаязыковой функции. ПФ как единицы, принадлежащие пространству разделяемой коммуникантами лингвокультуры, являются специфическим *метаязыком* дискурса, так как служат готовым и легко узнаваемым вспомогательным средством для интерпретации реципиентом передаваемой информации, работают как своего рода инструкция-подсказка для понимания отношений, оценок, мнений авторов об общественно-политических реалиях, событиях, происходящих в жизни общества.

5. Основные результаты и выводы

В ходе исследования был систематизирован обширный репертуар прецедентных единиц, выявленных в «антиотрапковском» дискурсе в современных американских социальных медиа, выделены и проанализированы случаи применения всех типов и классов ПФ. Анализ показал, что абсолютное большинство прецедентных феноменов эмпирического материала являются

культурноспецифическими единицами и, следовательно, отвечают условию максимальной узнаваемости и доступности для понимания реципиентом.

Рассмотрение сфер-источников прецедентности в практическом материале позволяет сделать вывод, что они представляют популярные форматы с легкоузнаваемым содержанием, что, в свою очередь, способствует привлечению внимания реципиентов, формированию эмоционального отклика, облегчает процесс интерпретации заложенного смысла. Стоит отметить и тот факт, что отбор прецедентных единиц и их сфер-источников, очевидно, продиктован хорошим знанием авторов медиатекстов своей целевой аудитории, их четким представлением о ее социокультурных и психологических особенностях для достижения конкретных политических целей.

Анализ тематического разнообразия медиатекстов с ПФ позволяет заключить, что прецедентные единицы используются в них с целью усиления воздейственного эффекта и помогают раскрывать острые темы, имеющие наибольший общественный резонанс и вызывающие негативный отклик оппозиционно настроенной части американского общества.

В ходе исследования также было установлено, что ПФ вводятся в полотно дискурса с помощью экстралингвистических и лингвистических средств. Ведущей экстралингвистической стратегией в корпусе анализируемых примеров выступает креолизация, что в очередной раз подтверждает вывод исследователей о том, что «креолизованные тексты сегодня являются основным способом представления информации в массовой коммуникации» (Креолизованный текст: Смысловое восприятие, 2020: 6). Установлено, что креолизация реализуется с помощью приемов карикатурного изображения, фантазийного/нереалистичного изображения, графических и фотоманипуляций, графического выделения, визуальных каламбуров. Описанные в ходе исследования лингвистические стратегии включают языковую игру, множественное использование ПФ (коллажирование, создание фразеологически насыщенного контекста), речевые манипуляции (искаженная цитата, языковая стилизация под прецедентные форматы), использование обсценизмов (в том числе оскорблений), разная фокализация повествования (я-наррация, мы-наррация, прямое обращение к реципиенту). Было отмечено, что ПФ фигурируют в эмпирическом материале в стандартной и модифицированной форме, причем последняя превалирует.

Когнитивно-дискурсивное рассмотрение прецедентных слоев «антитрамповского дискурса» находится в русле современных тенденций исследования медиадискурса (Zappettini et al. 2021: 597), так как выявляет *полифункциональную* природу прецедентных единиц и вносит вклад в понимание логики производства и восприятия медиапродуктов. ПФ как знаковые для коммуникантов и способствующие трансляции смыслов единицы являются своего рода метаязыком дискурса и, будучи задействованными в целом комплексе когнитивно-дискурсивных процессов, выполняют следующие когнитивно-дискурсивные функции: метаязыковая функция, функция

семантического выделения, функция эмоционального выделения, эвфемистическая функция, функция когнитивной экономии, фатическая функция. Отдельно отметим роль ПФ в интенсификации эмоций в дискурсе, что значимо в свете многочисленных исследований, демонстрирующих, что эмоционализация становится одной из основных черт медиадискурса (см. Zappettini et al. 2021: 604).

Наше исследование показало, что прецедентные единицы являются неотъемлемыми элементами «антитрамповского дискурса», создаваемого активными в политическом плане пользователями сетевого сегмента американского медиaprостранства, и позволило сделать вывод о высоком акциональном потенциале медиатекстов, содержащих прецедентные феномены.

6. Заключение

В заключение подчеркнем, что проведенное исследование в самом общем плане выявляет способность прецедентных единиц одновременно влиять как на производство и организацию дискурса, так и на адекватную интерпретацию его содержания, устанавливает их статус как языковых средств, которые позволяют оптимальным образом решать дискурсивные задачи и способствуют интенсификации коммуникативного воздействия. Исследование имеет ряд важных результатов. В нем описаны экстралингвистические и лингвистические приемы актуализации прецедентных единиц в «антитрамповском дискурсе», определены сферы-источники прецедентности, отмечена полифункциональная природа ПФ, что вносит вклад в понимание того, как конструируется и организуется медиадискурс, как создается его комплексная, многослойная структура. Предложенный ракурс изучения прецедентных единиц как элементов политической цифровой культуры открывает новый подход к феномену прецедентности с фокусом на его *акциональном* измерении. Так, обращение к материалу политически ангажированного сетевого сегмента современного американского медиaprостранства показало, что применение прецедентных феноменов явилось эффективным инструментом цифрового активизма и способствовало достижению целей оппозиционных групп в политически значимый период в жизни страны. Полагаем, что функционирование прецедентных феноменов как культуурообусловленных средств кодирования и декодирования смыслов в дискурсе интернет-активистов, вовлеченных в обсуждение, формирование общественно-политической повестки и, главное, влияние на ход исторических событий, а также когнитивно-дискурсивные функции этих единиц заслуживают дальнейшего внимания специалистов.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00239а.

Acknowledgements

The study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 20-012-00239a.

REFERENCES / СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Будаев Э.В. Прецедентные имена в СМИ: методики исследования // *Политическая лингвистика*. 2021. Т. 3. № 87. С. 22–36. [Budaev, Eduard V. 2021. Precedent names in the media: Research methods. *Political Linguistics* 3 (87). 22–36. (In Russ.)]. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_03_02
- Анисимова С.А. Роль прецедентных феноменов в формировании национального ментального пространства (по материалам сопоставительного анализа дискурсов президентов В.В. Путина и Б. Обамы) // *Политическая лингвистика*. 2016. Т. 3. № 57. С. 77–83. [Anisimova, Sof'ya A. 2016. The role of precedent phenomena in the process of mental space formation (based on the comparative analysis of V.V. Putin and B. Obama discourses). *Political Linguistics* 3 (57). 77–83. (In Russ.)].
- Вашунина И.В. Креолизация текста как прием реализации манипуляционной стратегии // *Преподаватель XXI век*. 2014. № 3. [Vashunina, Irina V. 2014. Text creolization as a technique of realization of manipulative strategy. *Prepodavatel XXI Vek* 3. <https://cyberleninka.ru/article/n/kreolizatsiya-teksta-kak-priem-realizatsii-manipulyatsionnoy-strategii> (accessed 04 August 2021)].
- Вашунина И.В., Нистратов А.А. Креолизованный текст: обзор экспериментальных исследований // *Вопросы психолингвистики*. 2020. Т. 2. № 44. С. 28–39. [Vashunina, Irina V. & Alexandr A. Nistratov. 2020. Creolized text: A review of experimental studies. *Voprosy Psikholingvistiki* 2 (44). 28–39. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2020-44-2-28-39>
- Высоцкая И.В. Способы трансформации прецедентных феноменов в современном русском медийном и рекламном тексте // VALODA – 2012. Valoda dažādu kultūru kontekstā. Zinātnisko rakstu krājums XXII. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds «Saule», 2012. С. 335–341. [Vysotskaya, Irina V. 2012. Sposoby transformatsii pretsedentnykh fenomenov v sovremennom russkom mediinom i reklamnom tekste (The methods of transformation of precedent phenomena in modern Russian media texts and ads). In *Language – 2012. Language in Various Cultural Contexts. Collection of scientific articles XXII*. Daugavpils: Daugavpils University Academic Press «Saule». 335–341. (In Russ.)].
- Высоцкая И.В. Спорные вопросы теории прецедентности // *Критика и семиотика*. 2013. Т. 18. № 1. С. 117–137. [Vysotskaya, Irina V. 2013. The controversial questions of the theory of precedent. *Critique & Semiotics* 18 (1). 117–137. (In Russ.)].
- Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. [Gudkov, Dmitrii B. 2003. *Teoriya i praktika mezhkul'turnoi kommunikatsii* (Theory and practice of cross-cultural communication). Moscow: Gnozis. (In Russ.)].
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Едиториал УРСС, 2003. [Karaulov, Yurii N. 2003. *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* (The Russian language and the linguistic personality). Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)].
- Константинова А.А. Фразеологические слои в постах в социальных сетях о Д. Трампе // *Филология в контексте коммуникации и современной культуры: материалы Международного филологического конгресса*. Краснодар: Кубанский гос. унт, 2020. Т. 2. С. 117–127. [Konstantinova, Anna A. 2020. Phraseological strata in social media posts about D. Trump. In *Filologiya v kontekste kommunikatsii i sovremennoi kultury*:

- Materialy mezhdunarodnogo filologicheskogo kongressa* (Philology in the context of communication and modern culture: Proceedings of the international philological congress). Krasnodar: Kuban State University Publ. 117–127 (In Russ.).
- Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. [Krasnykh, Viktoriya V. 2003. «Svoi» sredi «chuzhikh»: Mif ili real'nost'? (Friend to foes: Myth or reality?). Moscow: Gnozis. (In Russ.).]
- Креолизованный текст: Смысловое восприятие / Отв. ред. И.В. Вашунина. М.: Институт языкознания РАН, 2020. [Vashunina, Irina V. (ed.). 2020. *The Creolized Text: Sense Perception*. Moscow: Institut yazykoznaniiya RAN Publ. (In Russ.).]
- Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти раамат, 1973. [Lotman, Yurii M. 1973. *Semiotika kino i problemy kinoehstetiki* (Semiotics of cinema and problems of cinema aesthetics). Tallin: Eehsti raamat. (In Russ.).]
- Мардиева Л.А. Прецедентные визуальные феномены в газетножурнальных текстах // *Вестник ТГПУ*. 2007. № 8. [Mardieva, Lyailya A. 2007. Precedent visual phenomena in newspapers and magazines. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin* 8. <https://cyberleninka.ru/article/n/pretsedentnye-vizualnye-fenomeny-v-gazetnozhurnalnyh-tekstah> (accessed 25 May 2020)].
- Павлина С.Ю. Прагматические и стилистические особенности британских и американских политических карикатур на тему COVID-19. *Russian Journal of Linguistics*. 2022. Т. 26. № 1. С. 162–193. [Pavlina, Svetlana Y. 2022. Pragmatic and stylistic perspectives on British and American COVID-19 cartoons. *Russian Journal of Linguistics* 26 (1). 162–193. (In Russ.).] <https://doi.org/10.22363/2687-0088-27107>
- Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия / под ред. Р.Г. Котова. М.: Наука, 1990. С. 180–186. [Sorokin Yurii A., Tarasov Evgenii F. 1990. Creolized texts and their communicative function. In Renat G. Kotov (ed.), *Optimization of verbal impact*, 180–186. Moscow: Nauka. (In Russ.).]
- Филон Александрийский. О посольстве к Гаю. Против Флакка. М.: Мосты культуры, 2008. [Philo of Alexandria. 2008. *Embassy to Gaius. Moscow: Mosty kul'tury*. (In Russ.).]
- Флавий Иосиф. Иудейские древности. Т. 2. М.: Ладомир, 2003. [Flavius, Josephus. 2003. *Antiquities of the Jews*. Moscow: Lodomir. (In Russ.).]
- Фокина М.А. Прецедентные феномены в интолерантных тактиках российского политического дискурса (на материале блогов политиков) // *Политическая лингвистика*. 2016. № 6. С. 139–147. [Fokina, Margarita A. 2016. Precedent phenomena in intolerant tactics of Russian political discourse (as exemplified in blogs of politicians). *Political Linguistics* 6. 139–147. (In Russ.).]
- Чернявская В.Е. Модусы сетевого пространства: вводные замечания // *Общество. Коммуникация. Образование*. 2020. Т. 11. № 2. С. 7–13. [Chernyavskaya, Valeriya E. 2020. Notes on Digital Communication Modi. *Society. Communication. Education* 11 (2). 7–13. (In Russ.).] <https://doi.org/10.18721/JHSS.11201>
- Fowler, Roger. 1991. *Language in the News: Discourse and Ideology in the Press*. London; New York: Routledge.
- Fuentes, Marcela A. 2014. Digital activism. *Encyclopedia Britannica*. URL: <https://www.britannica.com> (accessed 25 March 2020).
- Graeff, Erhardt. 2016. 'Youth digital activism.' World youth report 2015–youth civic engagement. <https://www.un.org/development/desa/youth/world-youth-report/2015-2.html> (accessed 25 August 2020).
- Konstantinova, Anna. 2019 "Time's Up" when enough is enough: The proverbial voice of social change. *Proverbium* 36. 121–134.

- Konstantinova, Anna. 2020. “Love trumps hate”: Proverbial and idiomatic leitmotifs of the anti-Trump social media discourse. *Proverbium* 37. 143–172.
- Ledin, Per & David Machin. 2018. Multi-modal critical discourse analysis. In John Flowerdew & John E. Richardson (eds.), *The Routledge handbook of critical discourse studies*, 60–76. London/New York: Routledge.
- Paul, Irving H. 1959. Studies in remembering. The reproduction of connected and extended verbal material. *Psychological Issues* 2 (1). 1–152.
- Poell, Thomas & José van Dijk. 2018. Social media and new protest movements. In Jean Burgess, Alice Marwick & Thomas Poell (eds.), *The SAGE handbook of social media*, 546–561. London: Sage.
- Ponton, Douglas M. 2021. “Never in my life have I heard such a load of absolute nonsense. Wtf.” Political satire on the handling of the COVID-19 crisis. *Russian Journal of Linguistics* 25 (3). 767–788. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-767-788>
- Singh, Spandana & Margerite Blase. 2020. Report. *New America*. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep26363> (accessed 3 February 2021).
- Suciu, Peter. 2020. Forget what the polls say, social media predicts this candidate will be the next president. <https://www.forbes.com/sites/petersuciu/2020/10/29/forget-what-the-polls-say-social-media-predicts-this-candidate-will-be-the-next-president/?sh=53edc329487b/> (accessed 3 February 2021).
- Suciu, Peter. 2021. Social media proved crucial for Joe Biden – It allowed him to connect with young voters and avoid his infamous gaffes. <https://www.forbes.com/sites/petersuciu/2020/11/17/social-media-proved-crucial-for-joe-biden--it-allowed-him-to-connect-with-young-voters-and-avoid-his-infamous-gaffes/?sh=7248a5da4148> (accessed 3 February 2021).
- van Dijk, Teun A. & Walter Kintsch. 2014. Cognitive psychology and discourse: Recalling and summarizing stories. In Wolfgang U. Dressler (ed.), *Current trends in textlinguistics*, 61–80. Berlin, Boston: De Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783110853759.61>
- Way, Lindon C. 2021. Trump, memes and the Alt-right: Emotive and affective criticism and praise. *Russian Journal of Linguistics* 25 (3). 789–809 <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-789-809>
- Zappettini, Franco, Douglas M. Ponton & Tatiana Larina. 2021. Emotionalisation of contemporary media discourse: A research agenda. *Russian Journal of Linguistics* 25 (3). 586–610. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-586-610>

Источники примеров (рисунков)

1. Paul Szep. Political Cartoons. <http://www.szep.com/untitled-gallery>
2. The Other 98% – Facebook. <https://www.facebook.com/TheOther98>
3. The Political Punchline. <https://politicalpunchline.com/trump-impeachment/>
4. Internet Meme Database. Know Your Meme. <https://knowyourmeme.com/photos/1809518-do-you-ever-look-at-stuff-and-wonder-how-it-got-there>
5. Meme Generator. Create Your Own Meme. <https://memegenerator.net/instance/72347660/nixon-facepalm-jesus-christ-donald-even-i-wouldnt-support-you>
6. Catalino Cartoons. <https://www.catalinocartoons.com/>
7. Call to Activism – Facebook. <https://www.facebook.com/calltoactivism/photos/a.398732900513772/1213296765724044/>
8. Phneep. Bitcoin and Art Humor. https://www.phneep.com/wp-content/uploads/2017/04/James_and_the_Giant_Impeach.jpg
9. The Star Tribune. <https://www.startribune.com/sack-cartoon-letter-man/566316262/>
10. Catalino Cartoons. <https://www.catalinocartoons.com/>

11. Catalino Cartoons. <https://www.catalinocartoons.com/>
12. Middle Age Riot – Twitter. <https://twitter.com/middleageriot/status/1216803270984982529?s=20>
13. Call to Activism – Facebook. <https://www.facebook.com/calltoactivism>
14. Dave Granlund. Political Cartoons. <http://www.davegranlund.com/cartoons/>
15. The Other 98% – Facebook. <https://www.facebook.com/TheOther98>
16. We Resist – Facebook. <https://www.facebook.com/weresistnow/photos/a.690346674480577/1237273503121222/>
17. Middle Age Riot – Twitter. <https://twitter.com/middleageriot/status/1184604275261038592?s=20>
18. Go Comics. Comic Strips Website. Tom Toles. <https://www.gocomics.com/tomtoles>
19. Go Comics. Comic Strips Website. Dave Whamond. <https://www.gocomics.com/realitycheck>
20. Reddit. <https://tse2.mm.bing.net/th?id=OIP.HXNMNfuEQWEA9XSLCfPLHQHaHa&pid=Api&P=0&w=300&h=300>
21. New York Daily News. <https://www.nydailynews.com/opinion/ny-bramhall-editorial-cartoons-2020-20200107-7ctvclbkyng5nl3ocyet2cax4-photogallery.html>
22. Imgur. Online Image Hosting Service. <https://i.imgur.com/h4tC6Ku.jpg>
23. Go Comics. Comic Strips Website. Steve Benson. <https://www.gocomics.com/stevebenson>
24. Tucson.com. Arizona Daily Star. <https://tucson.com/news/opinion/fitz/>
25. The Trump Repercussions – Facebook. <https://www.facebook.com/TheTrumpRepercussions/photos/a.1350143481663606/344980629503063/>
26. The Cagle Post. Cartoons. <https://www.cagle.com/cartoonists/>
27. Imgflip. URL: <https://images.app.goo.gl/YE16DXT4YMqusyJQ6>
28. We Resist – Facebook. <https://www.facebook.com/weresistnow/photos/a.811548142360429/1520559281459308/>
29. We Resist – Facebook. <https://www.facebook.com/weresistnow/photos/a.811548142360429/1575148362667066/>
30. Ridin' With Biden – Facebook. <https://www.facebook.com/ridinwithbiden2020/photos/a.112171630445846/147894156873593/>
31. Go Comics. Comic Strips Website. Drew Sheneman. <https://www.gocomics.com/drewsheneman/>
32. The Star Tribune. <https://www.startribune.com/sack-cartoon-you-might-have-misheard-the-promise/568022532/>
33. Call to Activism – Facebook. <https://www.facebook.com/calltoactivism>
34. Occupy Democrats – Facebook. <https://www.facebook.com/OccupyDemocrats>
35. Call to Activism – Facebook. <https://www.facebook.com/calltoactivism/photos/a.398732900513772/1233877506999303/>
36. Call to Activism – Facebook. <https://www.facebook.com/calltoactivism/photos/a.398732900513772/1008493759537680/>
37. Ridin' With Biden – Facebook. <https://www.facebook.com/ridinwithbiden2020/photos/a.112171630445846/137886944540981/>

Article history:

Received: 30 September 2021

Accepted: 21 April 2022

Сведения об авторе:

Анна Александровна КОНСТАНТИНОВА – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков № 2 Института фундаментальных наук Кубанского государственного технологического университета. Ее научные интересы включают англо-американскую паремиологию, фразеологию, лингвокультурологию, исследование политического и медийного дискурса. Является автором главы “Proverbs in Mass Media” в коллективной монографии *Introduction to Paremiology: A Comprehensive Guide to Proverb Studies* (DeGruyter Open, 2015) и ряда статей в ведущих зарубежных и российских изданиях. Член редколлегии международного научного журнала *Proverbium: Yearbook of International Proverb Scholarship*.

e-mail: constanna@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5647-8236

Bionote:

Anna KONSTANTINOVA is Doctor Habil., Professor of English at the Department of Foreign Languages №2, Kuban State Technological University. Her research interests lie within the field of Anglo-American paremiology, phraseology, cultural linguistics, political discourse and media discourse studies. She is the author of the chapter “Proverbs in Mass Media” in *Introduction to Paremiology: A Comprehensive Guide to Proverb Studies* (DeGruyter Open, 2015) and a number of articles in international and Russian peer-reviewed journals. She is a member of the editorial board of *Proverbium: Yearbook of International Proverb Scholarship*.

e-mail: constanna@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5647-8236

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-29939>

Research article / Научная статья

Broadening the ontology of threats verbalized in written communication on the Internet

Liliya KOMALOVA^{1,2} and Lyubov KALYUZHAY²

¹*Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

²*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia*

komalova@inion.ru

Abstract

The topicality of the research is justified by intensification of distractive communication between Internet users and by lack of understanding how to regulate such speech behavior, as the social function of internet-mediated communicative environment is still undetermined. The paper explores communicative features of threats-punishments and threats-warnings verbalized through written communication mediated by gadgets with access to the Internet. The aim of the research is to define the perlocutionary effect produced by verbalized threats based on written communication. Threats are understood as utterances containing a message about harmful consequences of the action of a threat sender towards a recipient of the threat if he or she will or will not do some action demanded in the threat. Verbalization means that threat is articulated in speech communication and realized in verbal form. The research hypothesis is tested on the basis of 68 threatening messages in the Russian language retrieved from contexts of speech communication in internet-messengers and on social network sites. We prove that the addresser (threatening person) verbalizes treats mostly in the form of punishments describing possible damage to the addressee's (recipient's) life and or health. We found out that threatening speech acts verbalized on the Internet are mostly similar in form and content to those realized in face-to-face communication. However, Internet threats are mostly determined as a reflection of emotional-modal state of the addresser in response to the actions of the addressee. Men are more active in the verbalization of threats-punishments, whereas women verbalize more threats-warnings. People tend to protect themselves by ignoring threats addressed to them. The obtained results clarify the idea of Internet-threat as affected speech behavior, the regulation of which is impossible within the framework of the existing legislation; therefore it is necessary to develop a criteria base consistent with public morality, with the participation of expert and academic communities and technological companies.

Keywords: *verbalization of threats, threatening speech act, speech genre, Internet-mediated communication, perlocution*

For citation:

Komalova, Liliya & Lyubov Kalyuzhnaya. 2022. Broadening the ontology of threats verbalized in written communication on the Internet. *Russian Journal of Linguistics* 26 (3). 779–806. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-29939>

Расширение онтологии угрозы в письменной интернет-коммуникации

Л.Р. КОМАЛОВА^{1,2} , Л.В. КАЛЮЖНАЯ²

¹*Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия*

²*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*

 komalova@inion.ru

Аннотация

Проблематика проводимого исследования определяется интенсификацией деструктивной коммуникативной активности интернет-пользователей и отсутствием понимания дальнейших действий (в связи с неопределенной функцией коммуникативных интернет-площадок) по отношению к субъектам, вербализующим угрозы. В статье рассматривается вопрос о характеристиках угроз-наказаний и угроз-предупреждений, вербализуемых в ходе письменной коммуникации, опосредованной техническими средствами с доступом в интернет. Цель данного исследования – определить перлокутивный эффект от вербализации угрозы, реализуемой в письменной интернет-коммуникации. Под сообщением-угрозой подразумевается высказывание, содержащее сообщение о негативных последствиях для адресата в случае каких-либо действий угрожающего, которые будут предприняты, если адресат совершит или не совершит какое-либо действие. Под вербализацией (вербальной реализацией) угрозы понимается словесная форма выражения интенций угрозы. Эмпирическое исследование проводилось на материале 68 сообщений-угроз на русском языке, извлеченных из контекстов реального (несценированного) коммуникативного взаимодействия в интернет-мессенджерах и социальных интернет-сетях. В результате было выявлено, что признаковые характеристики угроз, вербализуемых в интернет-коммуникации, в основном соотносятся с характеристиками, обозначенными исследователями применительно к анализу угроз в коммуникации лицом к лицу. Наряду с этим сообщения-угрозы в интернете характеризуются как разрядка эмоционально-психологического состояния угрожающего в ответ на действия реципиента угрозы. Было выявлено, что мужчины более активны при реализации угроз-наказаний, женщины – угроз-предупреждений. Реципиент угрозы в исследуемых контекстах оказался устойчивым к угрозам и в большинстве случаев взаимодействия с угрожающим проигнорировал их. Полученные результаты уточняют представление об интернет-угрозе как об аффектированном речевом поведении, регулирование которого невозможно в рамках существующего правового поля, и требуется разработка самостоятельной критериальной базы в нормах общественной морали с привлечением экспертного, научного сообществ и представительства технологических компаний.

Ключевые слова: *вербализация угрозы, речевой акт угрозы, речевой жанр, интернет-коммуникация, перлокуция, русский язык*

Для цитирования:

Комалова Л.Р., Калюжная Л.В. Расширение онтологии угрозы в письменной интернет-коммуникации. *Russian Journal of Linguistics*. 2022. Т. 26. № 3. С. 779–806. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-29939>

1. Введение

В рамках прагмалингвистики изучение письменной вербализации угрозы как одной из деструктивных форм общения представляется актуальной задачей не только применительно к массовой коммуникации (например, в случаях злоупотребления угрозами в речи политика для оказания эмоционального воздействия на электорат (Романов, Новоселова 2021)), но и в межличностном общении, особенно в условиях увеличения времени, которое человек уделяет коммуникации, опосредованной интернет-приложениями¹, позволяющими обмениваться сообщениями в синхронном (например, в мессенджерах) и асинхронном (например, в социальных интернет-сетях) режимах (нецивилизованное поведение в цифровой среде становится «новой нормальностью» (Digital civility index... 2022)). Согласно отчетам Microsoft использование вербализованных угроз можно отнести и к преследованию и вторжению в частную жизнь (intrusion), и к поведенческим (behavioral), сексуальным (sexual), репутационным (reputational) рискам (ibid.). При этом за семь лет, в течение которых ведется мониторинг, Россия в рейтинге находится на втором месте с конца, что свидетельствует о высоких рисках, связанных с коммуникацией в цифровой среде. В целом, угрозу можно рассматривать как универсальный инструмент для влияния на аудиторию, т.к. угроза запускает биологическую реакцию защиты в ответ на возникшую эмоцию страха. Негативные эмоции, возникающие у реципиента угрозы, оказывают сильное влияние на его / ее мысли, чувства и поведение и, соответственно, представляют собой наиболее эффективный инструмент воздействия (Ozyumenko & Larina 2021: 749).

Вербализация угроз может свидетельствовать о насильственном (абьюзивном) поведении (Kaur, Singha, Kaushal 2021), которое является социально неприемлемой формой взаимодействия (Ljubešić, Fišer, Erjavec 2019, Kosoń et al. 2021). Высказывания со значением угрозы сообщают о негативных последствиях для адресата² в случае каких-либо действий угрожающего, которые будут предприняты, если адресат не совершит или, наоборот, совершит какое-либо действие (Стексова 1997, Рылова 2014, Романов, Новоселова 2020). Воспринимающий субъект рассматривает направленную на него

---

¹ Количество интернет-пользователей за последние 10 лет увеличилось более чем вдвое – с 2,18 млрд на начало 2012 года до 4,95 млрд в начале 2022 года. См. актуальную статистику за 2022 год: <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2022-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/>

² В настоящей статье мы будем пользоваться как взаимозаменяемыми следующими номинациями в паре: адресант = угрожающий = говорящий = агенс; адресат = реципиент угрозы = слушающий = пациенс. – Л. К., Л. К.

вербализованную угрозу как сценарий, воспроизводя заложенную в угрозе логическую связь между своими действиями / бездействием, приведшими к сложившейся ситуации, и предписаниями к осуществлению действий / бездействия, позволяющими избежать нежелательных последствий или уменьшить ущерб от возможных санкций по отношению к объекту угрозы (Романов, Новоселова 2021).

Угроза относится к деструктивным формам общения, которые направлены на подавление воли адресата и ухудшение его психического состояния (Злоказов, Колмыкова, Рыбьякова, Степанов 2017, Новоженова, Пробст 2019). Такое поведение адресанта может быть вызвано его стремлением самоутвердиться, доминировать и подчинять собеседника своей воле, воздействовать на его решения и мысли (Новоженова, Пробст 2019). Данная деструктивная форма общения вызывает у адресанта целый ряд негативных эмоций и переживаний (страх, отчаяние, тревога и т.д.), что может привести к сильному эмоциональному потрясению и как результат к серьезным психологическим травмам в будущем (Дайшутов, Динека, Денисенко 2019). Возможными последствиями могут стать сниженная самооценка, тревожность, депрессия и суицидальные наклонности (Sourander et al. 2010, Kaur, Singha & Kaushal 2021, Digital civility index... 2022). Как с позиций морали, так и с позиций закона речевое поведение, включающее вербализованные угрозы, порицается, так как ограничивает свободу и права другого человека, возможности без внешнего давления принимать решения и распоряжаться своими ресурсами (см. например Дайшутов, Динека, Денисенко 2019).

Подводя итог вводного раздела статьи, следует отметить, что мы используем номинацию «вербализация (вербальная реализация) угрозы» (см. Комалова 2020: 34) для обозначения способа и формы выражения интенций угрозы, указывая на то, что в фокусе нашего внимания находится только словесное оформление угрозы, понимая, что угроза может реализовываться и в других семиотических системах (например, при помощи демонстрации оружия, мимикой, движением тела и т.д.). Вербализованная угроза рассматривается нами как намеренное речевое действие (см., например (Watt, Kelly, Llamas 2013, Probst et al. 2018, Nick 2018), что подразумевает ожидаемое со стороны реципиента угрозы ответное действие, удовлетворяющее потребность угрожающего.

По нашему мнению, определение потребности, актуализируемой в интенции угрожающего, составляет проблему, на решение которой и направлено наше исследование. Нам представляется возможным определить потребность угрожающего по сообщению-угрозе и тем самым построить прогноз о завершении взаимодействия между угрожающим и реципиентом угрозы. Иными словами, мы предполагаем, что декодирование потребности, заложенной в сообщении-угрозе, позволит понять, что действительно требует угрожающий (привлечь ли к себе внимание, получить ли признание, инициировать / остановить ли чье-либо действие, получить ли то, что указано в декларируемом

требовании, продолжить ли держать реципиента в страхе или что-то иное). Подобная декомпозиция вербализованной угрозы предполагается с опорой на существующую онтологию в области судебной лингвистической экспертизы и концептуализацию угрозы в правовом поле, в частности, в Уголовном кодексе РФ. В целом, это позволит расширить онтологию угрозы.

В следующем разделе статьи мы постараемся обозначить основные методологические опоры для нашего исследования.

2. Угроза как речевой жанр

На основе результатов предыдущих наших исследований мы обнаружили, что вербализация угрозы реализуется в виде одноименного речевого жанра, который мы относим к речевым жанрам конфликтного типа (Комалова 2019, 2020: 68–88). В семантике данного речевого жанра присутствует два компонента: побуждение к совершению действия в интересах говорящего и обещание определенных негативных последствий, если просьба адресанта не будет выполнена (Плотникова 2017: 82). Интенция запугивания может реализоваться с помощью интонационных, лексических и грамматических языковых средств. Наиболее типичной формулой вербализации угрозы является предложение с придаточным условия («Если ты (не)..., то я...») (там же). Семантическая структура такой угрозы обычно содержит условие и выглядит так: «тебе необходимо сделать или не сделать *a*, иначе я сделаю *b*».

Нами рассматриваются такие угрозы, которым характерна четкая постановка требования, которое необходимо выполнить с целью предотвращения говорящим реализации обозначенных санкций (Бут 2004), т.е. прямая угроза. Такие угрозы включают номинацию необходимого к выполнению действия и номинации последствий, которые наступят, если адресат откажется осуществлять требования адресанта (там же).

Угроза имеет определенные прагматические составляющие речевого акта, а именно (Женисова 2018, Вежбицка 1997, Walton 2000, Walton 2014, Бринев 2009а, 2009б):

- 1) пациент заинтересован в том, чтобы к нему / ней не были применены штрафные санкции;
- 2) агент знает об этой заинтересованности пациента;
- 3) агент в действительности имеет возможность осуществить обозначенные санкции;
- 4) агент заинтересован в определенных действиях пациента;
- 5) агент твердо намерен осуществить действие, указанное в его угрозе.

В правовой плоскости рассматриваются следующие характеристики вербализованной угрозы (Бринев 2009б, Обелюнас 2014, Ярошук, Жукова, Долженко 2020):

- перлокутивный эффект угрозы (угроза реальна, если у пациента имелись основания опасаться ее осуществления, при этом неважно, действительно ли агент намеревался ее исполнить);

– пропозициональное содержание высказываний, входящих в вербализацию угрозы:

а) пропозиции, содержащие информацию о жизни и здоровье человека, образуют, например, самостоятельный состав преступления ст. 119 УК РФ; объективная сторона заключается в двух альтернативных действиях:

– угроза убийством,

– угроза причинения тяжкого вреда здоровью;

б) пропозиции, содержащие информацию о распространении негативной информации о лице, независимо от истинности и ложности такой информации, что определяется как шантаж и входит в объективную сторону преступления;

в) пропозиции, содержащие информацию об уничтожении, повреждении или изъятии имущества;

г) пропозиции, содержащие информацию о совершении взрывов, поджогов или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий (ст. 205 УК РФ);

д) в случае требований передачи имущества, угроза входит в состав преступления, предусмотренного ст. 163 УК РФ.

Согласно В.А. Ефремову угроза может выступать как способ подстрекательства или доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ); преступники могут пользоваться ею для вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ); с помощью угрозы совершается незаконное получение сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ). «В трудовом праве наличие угрозы входит в состав понятия принудительного труда. Наличие или отсутствие угрозы способно отягчать и смягчать (вплоть до исключения преступности деяния, ст. 40 УК РФ) наказание» (Ефремов 2018: 193).

Для реализации речевого жанра угрозы обязательно наличие двух субъектов: агенса (говорящего, адресанта) и пациенса (воспринимающего, адресата). Агенси наделяется формальной властью, имеет возможность выдвигать требования по отношению к адресату и применять штрафные санкции в случае их невыполнения. Пациенс выступает в роли подчиненного лица, вынужденного или осуществлять нежелательные для себя действия по просьбе агенса или испытывать определенные негативные последствия в случае их невыполнения (Женисова 2018).

Для успешной реализации угрозы и получения адресантом желаемого результата необходимо, чтобы штрафные санкции, которые он / она собирается применить, действительно могли быть реализованы в данной конкретной ситуации, и адресат должен осознавать реальную возможность их применения, так как только при этом условии может быть достигнут перлокутивный эффект угрозы (см. подробнее (Винокур 2005)).

Коммуникативная ситуация, в которой используется речевой жанр угрозы, может развиваться по одному из следующих сценариев (Там же):

1) пациент признает реальность угрозы со стороны агенса и выполняет требования с целью недопущения применения штрафных санкций по отношению к себе / близким людям / имуществу / др. значимым субъектам или объектам;

2) пациент нейтрализует негативный посыл агенса и пытается изменить его изначальные намерения;

3) пациент согласен на применение по отношению к нему / ней санкций и отказывается от выполнения требований агенса, что с позиций речевого жанра угрозы будет считаться коммуникативной неудачей.

Признаки речевого жанра угрозы можно обнаружить на разных уровнях языка. На **синтаксическом** уровне чаще используются сложноподчиненные предложения с придаточными условиями (*Если ты не сделаешь а, то я сделаю б*); однородные сказуемые, которые выражают последовательность (*ты придешь, сделаешь, скажешь, принесешь...*); повторы, параллельные конструкции, перестановки (Коротаева, Месропян 2020: 20).

На **морфологическом** уровне используются глаголы, выражающие будущее время (*сделаю, приду, расскажу, ударю* и т.д.) (Коротаева, Месропян 2020).

На **лексическом** уровне используются слова, которые подчеркивают тревожное, эмоционально нестабильное состояние пациента (боязнь, страх, тревога, переживание и т.д.); жаргонизмы, оценочная лексика, эвфемизмы; наречия, указывающие на динамику выполнения действия (*быстро, немедленно* и т.д.).

Для речевого жанра угрозы характерно употребление в большей степени имен существительных и глаголов. На уровне **семантики** наиболее часто встречаются глаголы противостояния, глаголы нанесения физического или морального вреда, глаголы утверждения опасности и угрозы (*ударить, убить* и т.п.) (Карандеева, Сергиенко 2017).

Конечно, следует учитывать и то, что в межличностной коммуникации угроза может быть вербализована различными способами, на что влияют разнообразие факторы (обстановка, в которой протекает общение, степень знакомства собеседников, цели, которые преследует адресант, и многое другое). Анализируя типы угроз и способы воздействия на адресата, важно принимать во внимание и экстралингвистические факторы.

На основе анализа научной литературы, описывающей вербализацию угрозы, и правовых документов можно выделить два типа последствий применения угроз:

1) изменение ментального состояния получателя угрозы (например, угроза нанесения эмоционального вреда),

2) изменение физического состояния получателя угрозы (например, угроза нанесения физического вреда, угроза жизни и здоровью).

В качестве типологической матрицы в нашем исследовании мы обращаемся к работам А.Н. Баранова, в которых исследователь выделяет два основных типа вербализованных угроз (Баранов 2013, 2021).

1. Угрозы-наказания или угрозы-возмездия реализуются в ситуациях, когда адресат сделал нечто нежелательное для говорящего (угрожающего – агенса угрозы) и он предупреждает адресата о наказании (санкции), которое в скором времени за это последует. Таким образом, агент высказывает негативную оценку действий, которые были совершены пациентом. Целью данных угроз является не стимулирование к исполнению воли пациента, а оказание негативного эмоционального воздействия на пациента или третье лицо путем импликации ущерба. «Основной смысл угрозы-наказания состоит в том, чтобы заставить адресата бояться наказания как санкции за содеянное» (Баранов 2021: 34). Подобные угрозы могут высказываться напрямую адресату или через посредника. «Коммуникативная интенция угрозы-наказания – взять на себя обязательство выполнить санкцию в отношении адресата за то, что он сделал что-то плохое для говорящего» (Там же: 140).

2. Угрозы-предупреждения используются тогда, когда говорящий понимает, что адресат может (не) совершить нечто нежелательное для него (или связанных с ним лиц) и пытается предотвратить это. «Коммуникативная интенция угрозы-предупреждения – добиться от адресата нужного поведения (действия или бездействия), чтобы не произошло события, нежелательного для говорящего» (Там же).

Подводя итог методологического раздела статьи, обратим внимание на разработанность признаковой базы для определения вербализованных прямых угроз. Существующие исследования условно можно объединить в две группы. Первые описывают вербализацию угроз вообще: в этих исследованиях акцент делается на обнаружение признаков угрозы на разных уровнях языка. Вторые приводят результаты экспертных исследований, в которых рассматриваются частные случаи вербализации угроз через призму их правовой допустимости.

В первом случае при выведении теоретического знания из внимания упускаются условия, среда и форматы, в которых вербализуются угрозы. В частности, нам представляется некорректным включать в один исследовательский массив угрозы, реализованные в устной коммуникации лицом к лицу (и лишь затем переведенные в письменную форму), и угрозы, вербализованные в социальной интернет-сети в публичной коллективной дискуссии, в том смысле, что эти угрозы сопровождают разные экстралингвистические факторы, влияющие и на мотивацию к вербализации угрозы, и на предысторию угрозы (является ли она импульсивной ситуативной реакцией или подготовленным намеренным действием), и на состав участников (которые могут играть разные роли, тормозящие деструктивные мотивы угрожающего или, наоборот, способствующие их актуализации), и т.д. Теоретические знания, полученные на основе экспертизы, формируют узкоспециализированное (при этом достаточно вариативное) представление о вербализованных угрозах применительно к статьям соответствующих юридических документов (Уголовный кодекс РФ и др.), что делает такие знания неапликабельными вне юридической процедуры.

В попытке достроить онтологию угрозы мы предлагаем дополнить оба вышеупомянутых подхода квантитативным и попытаться сочетать признаковую базу двух этих подходов. Таким образом, нам представляется возможным приблизиться к алгоритму автоматизированной классификации сообщений, содержащих угрозы, реализуемых в письменной коммуникации, в частности, в интернет-мессенджерах, на интернет-форумах и в социальных интернет-сетях. Этот алгоритм подразумевает решение классификационных задач на трех уровнях: (1) определение наличия в сообщении вербализованной угрозы³; (2) определение типа и вида вербализованной угрозы; (3) определение, с каким из правовых описаний угроз соотносится вербализованная угроза. В настоящей статье мы представляем результаты исследования, соотносящегося со вторым уровнем классификационных задач.

3. Методика эмпирического исследования

Объектом настоящего исследования является вербализация деструктивных форм общения (буллинг, моббинг, шейминг, троллинг, харасмент, мошенничество, вымогательство и др.). *Предметом* исследования выступает вербализация прямой угрозы, реализуемой в письменной коммуникации, опосредованной техническими средствами (телефон, компьютер) и обнародованный в виде текстовых сообщений на различных коммуникативных площадках в интернете. Согласно А.Н. Баранову интернет-угрозы – это речевое поведение угрожающего типа в интернете, социальных интернет-сетях, при обмене электронными сообщениями и т.д. (Баранов 2021: 212).

Цель исследования состоит в выявлении специфики вербализации угрозы в письменной коммуникации в Интернете.

В рамках настоящего исследования мы руководствовались *гипотезой* о том, что угроза на практике в текстовых сообщениях представлена преимущественно в виде угроз-наказаний, направленных на причинение вреда жизни и здоровью пациента.

Материалом исследования послужили сообщения, вербализующие угрозу на русском языке в переписках, публичных заявлениях, комментариях, обращениях, и иные форматы обнародования угроз в письменной форме в различных социальных интернет-сетях, на интернет-сайтах, интернет-форумах, в интернет-мессенджерах и прочих интернет-ресурсах, предоставляющих площадку для письменной коммуникации между пользователями, осуществляемую с помощью технических средств (телефон, компьютер), на которых установлены соответствующие приложения с доступом в Интернет или имеется доступ к соответствующим интернет-ресурсам.

Применяемые методы. В ходе эмпирического исследования применялся типологический метод, контекстуальный анализ, сравнение и систематизация

---

³ Результаты по работе на первом уровне алгоритма на материале речевого жанра «оскорбление» представлены в следующих трудах: (Комалова, Голощапова 2021, Komalova et al. 2022).

эмпирических и теоретических данных, статистический анализ количественных данных. Отбор исследовательского (текстового) материала производился методом сплошной выборки с опорой на параметры и признаки речевого жанра угрозы, описанные в проанализированной научной литературе и кратко представленные в вводно-обзорной части настоящей статьи (раздел 1 и 2). В частности, мы фокусировались на угрозах-наказаниях и угрозах-предупреждениях⁴.

Поиск и отбор исследовательского материала проводился в январе 2021 года вручную на открытых публичных интернет-площадках двух типов: (1) сообщества, в которых обсуждаются случаи угрозы, пользователи приводят примеры вербализации угроз из личного опыта взаимодействия с угрожающим (скриншоты сообщений-угроз в мессенджерах), обсуждают, как следует вести себя в коммуникации с угрожающим, как себя обезопасить; (2) сообщества, в которых ведутся дискуссии по острым социально-политическим темам, и пользователи нередко переходят границы дозволенного в коммуникации, используя речевые жанры конфликтного типа. Мы просматривали контексты и сохраняли скриншот сообщения-угрозы на жесткий диск компьютера исследователя.

Единицей исследования стало сообщение-угроза. Начало сообщения-угрозы обозначалось ником угрожающего. В случае, когда за сообщением-угрозой следовало сообщение от другого субъекта (реципиента угрозы или третьего лица), концом сообщения-угрозы считался ник другого субъекта. В исследовательский корпус включались сообщения, в которых присутствовали угрозы, адресованные конкретному реципиенту, на что указывало наличие личных местоимений (ты, тебя, твоих, твоя, твое, его, ее, их). Каждый сохраненный скриншот переводился в текстовый формат и сохранялся в отдельном файле, которому присваивался порядковый номер (например, «Образец_23»).

При составлении исследовательского корпуса мы столкнулись с рядом трудностей, что сказалось на относительно скромном количестве отобранного материала: сообщения-угрозы были представлены в виде скриншотов (в некоторых случаях с цензурой), к которым прилагались комментарии пользователей; многие сообщения-угрозы практически моментально удалялись или блокировались администраторами интернет-ресурсов; не всегда удавалось установить такие параметры в сообщении-угрозе, как гендер, возраст агенса и пациенса (проверка проводилась по сведениям профилей пользователей или по морфологии и синтаксису анализируемых сообщений-угроз⁵).

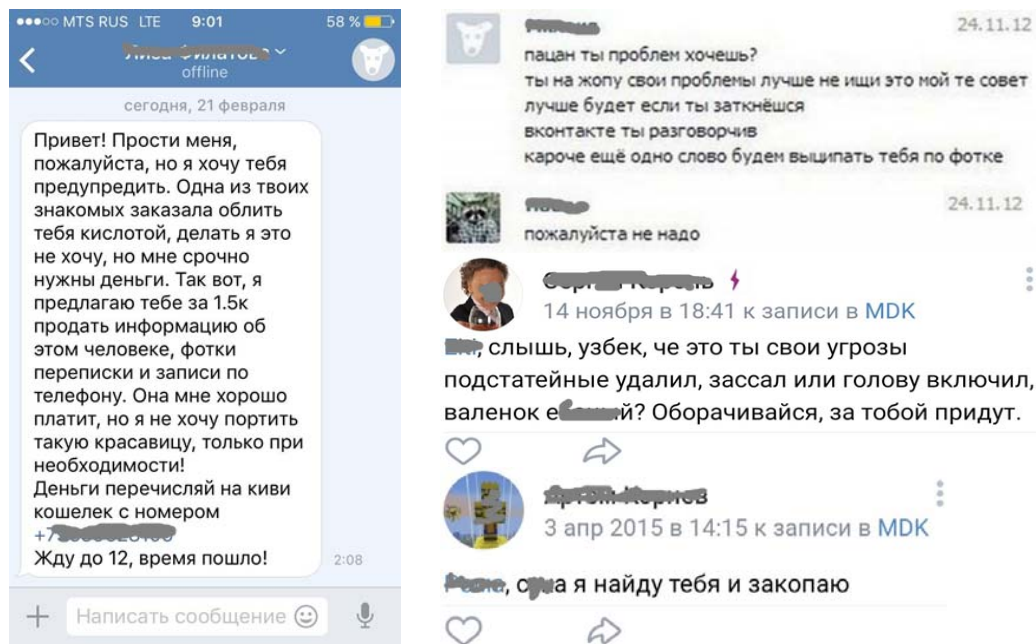
---

⁴ Мы не ставили задачу сопоставления угроз-наказаний и угроз-предупреждений, в связи с этим в исследовательском корпусе не представлено одинаковое количество сообщений каждого типа. При этом применение метода сплошной выборки при сборе материала предполагает получение среза данных, в котором обозначаются тенденции, характерные для их реализации на практике.

⁵ При обозначении возраста и гендера агенса и пациенса мы полагались (где это было возможно) на характеристики, указанные в отрывках сведений учетной записи пользователя

В результате отбора в исследовательский корпус вошло 65 сообщений-угроз (охват с 2015 по 2021 год⁶) на русском языке, извлеченных из контекстов реального (не сценарированного) коммуникативного взаимодействия, обнаруженных на различных коммуникативных площадках в Интернете: V Kontakte (отобрано 52 единицы), Instagram⁷ (4), WhatsApp (4), Viber (3), Odnoklassniki (1), Twitter (1). На рис. 1 представлены примеры исходных материалов, вошедших в исследовательский корпус сообщений-угроз.

Рис. 1. Примеры исходных материалов (цензура серым цветом наша – Л. К., Л. К.) / **Fig. 1. Examples of textual data** (censor with grey color is made by the authors of this paper)

(например, «пол – мужской», «имя – Марк»), а также на морфо-синтаксические признаки (например, окончания глаголов третьего лица единственного числа). Последнее, в непосредственно предложениях с угрозой, как правило, представлялось затруднительным. В этих случаях мы обращались к ближайшему контексту, в котором помимо опоры на грамматику можно было обнаружить и лексико-семантические признаки (например, использование лексемы «красавица» или «пацан» при обращении к реципиенту угрозы).

⁶ Мы не пытались охватить какой-то определенный период времени и тем самым описать особенности этого периода. Однако мы предположили, что лаг в десять лет будет максимальной временной границей, за которую мы не должны переступить, т.к., по нашему мнению, будет ощущаться разница в паттернах речевой коммуникации между речевой продукцией 2005 и 2020 года (хотя бы в силу того, что в 2005 году только появились первые социальные интернет-сети, репертуар общения в них сначала сводился к поиску школьных и университетских друзей, самопрезентации, что определяло репертуар применяемых речевых жанров). Кроме того, с 2017 года по ряду компонентов в глобальном масштабе снижается индекс цифровой цивилизованности (Digital civility index... 2022).

⁷ Продукт компании Meta, признанной экстремистской организацией на территории Российской Федерации.

Формирование исследовательского корпуса подразумевало подробное аннотирование каждой включаемой в корпус единицы (сообщения-угрозы). Аннотация включала параметры, характеризующие сообщение (его объем, источник, место и дату обнародования в Интернете), характеризующие агенса (его / ее предполагаемые гендер и возраст, интенцию, заложенную в сообщении-угрозе), характеризующие пациенса (его / ее предполагаемые гендер и возраст, ответную реакцию (если таковая имеется) на сообщение-угрозу и определение интенции, заложенной в реакции). Сообщение характеризовалось также с позиций направленности угрозы, вида угрозы, морфологии, синтаксиса и лексики сообщения. Примеры аннотирования единиц корпуса представлены на рис. 2.

Сообщение-угроза	Сообщение размещено в	Дата обнародования сообщения	Направленность угрозы	Вид угрозы
Образец№4	VK	26.11.2020	угроза здоровью	угроза-наказание
Образец№5	VK	26.11.2020	угроза здоровью	угроза-предупреждение
Образец№9	VK	08.12.2020	угроза жизни	угроза-предупреждение
Образец№10	VK	30.10.2020	угроза жизни родственников	угроза-наказание

Сообщение-угроза	Предполагаемый гендер реципиента	Предполагаемый возраст реципиента	Интенция реципиента угрозы	Предполагаемый гендер угрожающего	Предполагаемый возраст угрожающего	Интенция угрожающего
Образец№5	мужской	-	избежать негативных	мужской	-	стремление вынудить объект совершить
Образец№6	мужской	41-50	напасть в ответ, оскор	женский и муж	41-50	желание выплеснуть эмоциональное сос
Образец№10	мужской	21-30	-	мужской	21-30	желание выплеснуть эмоциональное сос
Образец№11	мужской	-	-	мужской	21-30	желание продемонстрировать окружающ

Сообщение-угроза	Вид сложноподчиненного предложения, в котором реализуется угроза	Однородные члены предложения, с помощью которых реализуется угроза	Глаголы будущего времени, с помощью которых реализуется угроза	Наречия, с помощью которых реализуется угроза	Лексемы, передающие эмоционально-психологическое состояние, сопровождающие ситуацию угрозы
Образец№5	условия	-	будем выцелплять(вы	корочеч(карочеч)	проблемы
Образец№6	места	оставлю, поймаю	поймаю, найду	всё равно	больничный
Образец№10	изъяснительное	-	следи (чтоб не заре	уже	следи
Образец№11	-	приеду, зарежу	зарежу	на*уй	-

Рис. 2. Примеры аннотирования единиц в исследовательском корпусе /
Fig. 2. Examples of corpus unit annotation

В составе трех анализируемых сообщений пациенс вступал в коммуникацию с агенсом, прибегая к речевому жанру угрозы, в связи с этим общее количество анализируемых сообщений-угроз составило 68 единиц.

4. Результаты эмпирического исследования

4.1. Анализ вида, направленности угроз и интенций агенса

В ходе анализа исследовательского корпуса (табл. 1) выяснилось, что среди анализируемых сообщений преобладающим видом угроз является угроза-наказание (76,47%):

- (1) *Я обязан сделать того чего вздумал, ибо, ты оскорбил меня*⁸.

В меньшем объеме представлены угрозы-предупреждения (23,53%):

- (2) *У тебя 2 недели, чтобы свалить из России, иначе ты встретишь Елену Григорьеву. В аду.*

Таблица 1. Виды сообщений-угроз / Table 1. Types of threatening messages

Вид	Кол-во угроз в корпусе	
	ед.	%
Угрозы-наказания	52	76,46
Угрозы-предупреждения	16	23,53
Суммы:	68	100

Анализируемые сообщения-угрозы условно можно разделить на три группы (табл. 2):

- угрозы, направленные непосредственно на пациента (88,24%):

- (3) *Я найду **тебя ты** молить о смерти будешь;*
 (4) *Молчи не смей я **тебя по ip** найду а **тебе** хана;*

- угрозы, направленные на третьих лиц, связанных с пациентом (10,29%):

- (5) *Считай адрес, данные **твоего** отца, матери и твой ИНН уже у меня. Следи, чтобы **их** не зарезали;*

- угрозы, направленные на имущество⁹ пациента (1,47%):

- (6) *Смотри, тварь, чтобы **твои** собаке ко мне не попали. Размажу вместе с тобой.*

⁸ Примеры сообщений-угроз приводятся в авторской редакции (в авторской орфографии и пунктуации).

⁹ Согласно статье 137 «Животные» Гражданского кодекса Российской Федерации, «к животным применяются общие правила об имуществе поскольку, поскольку законом или иными правовыми актами не установлено иное».

**Таблица 2. Направленность анализируемых сообщений-угроз /
Table 2. Focus of the analyzed threatening messages**

Тип направленности угрозы	Направленность угрозы	Кол-во угроз в корпусе	
		ед.	%
угрозы, направленные непосредственно на пациента	угрозы жизни / (физическому / эмоциональному) здоровью	51	75
	угрозы репутации / благосостоянию / социальному статусу ¹⁰	9	13,24
угрозы, направленные на третьих лиц, связанных с пациентом	угрозы жизни / (физическому / эмоциональному) здоровью родственников	7	10,29
угрозы, направленные на имущество пациента	угрозы жизни домашнего питомца	1	1,47
Суммы:		68	100

На основе анализа угроз-наказаний и угроз-предупреждений (табл. 3) было выявлено, что основной интенцией (51,47%) для их вербализации в исследуемом текстовом материале является аффективное состояние агенса: стремление «выплеснуть» отрицательные эмоционально-модальные состояния, продемонстрировать намерение отомстить пациенту. В сообщениях-угрозах в этом случае не выдвигается каких-либо условий, при соблюдении которых пациент может избежать санкций, а прямо заявляется о том, что такие санкции будут применены по отношению к пациенту:

- (7) *Я найду тебя и **вырежу тебе сердце**; Ты не жилец на белом свете!!!! Обратишься в полицию твой срок пребывания на этой земле сократится быстрее!!!!*

Другой частотной интенцией для применения речевого жанра угрозы является стремление агенса самоутвердиться через презентацию «силы» (39,71%). В таких угрозах основной акцент делается не на ущербе для пациента, а на том, что этот ущерб может нанести агенс:

- (8) *Слушай сюда, пацан, если я тебе покажу **кто я** в реале, срать будешь до смерти. И бояться... каждого звонка в дверь. В нэте не все простушки сидят, но и...;*
- (9) ***Я на расслабончиках базарю**, могу весь день тебе уделить. А ты боишься, злишься, нервничаешь. Да я забайтился чтобы зарезать тебя, ах ты моя лактоза!*

В некоторых сообщениях речевой жанр угрозы используется для реализации стратегии вымогательства (5,88%), т.е. речевые действия агенса мотивированы стремлением получить выгоду, а не применить санкции по отношению к пациенту:

- (10) *Ты теперь моему банку **реальные деньги торчишь** и у тебя неделя или мои ребята придут за тобой;*

¹⁰ В отношении статуса см. (Ludwig 2020: 11–12).

(11) *Пёс бродяга найди мне 10.000 рублей или на шампур.*

В сообщения-угрозах, которые вербализовал пациент в ответ на угрозы со стороны агенса (2,94%), прослеживается мотивация разъяснения содержания санкций:

(12) *А вот угрозы в интернете сейчас преследуются по закону и я не поленюсь и завтра с этой перепиской обращусь в милицию.*

**Таблица 3. Интенции, заложенные в сообщениях-угрозах /
Table 3. Addresser's intentions in threatening messages**

Интенция	Кол-во угроз в корпусе	
	ед.	%
аффектированные речевые действия	35	51,47
демонстрация силы	26	38,24
вымогательство / шантаж	5	7,35
разъяснения	2	2,94
Суммы:	68	100

Далее мы рассмотрели сочетаемость вида угрозы, ее направленности и интенции (табл. 4). Полученные количественные результаты подтверждают выдвинутую гипотезу: в исследуемых текстовых сообщениях в 61,76% случаев (в таблице оформлено полужирным шрифтом) угроза представлена в виде угроз-наказаний, направленных на причинение вреда жизни и / или здоровью пациента. При этом ведущей интенцией агенса выступает стремление в формате речевого жанра угрозы отыграть эмоционально-модальные состояния, порожденные поведением пациента (35,29%), и стремление продемонстрировать свою силу (25%).

**Таблица 4. Комплексная характеристика сообщений-угроз /
Table 4. Complex description of threatening messages**

Интенция агенса	Направленность угрозы	Вид угрозы			
		наказание		предупреждение	
		ед.	%	ед.	%
аффектированные речевые действия	жизни / здоровью пациента	24	35,29	4	5,88
	репутации / благосостоянию / статусу пациента	1	1,47	0	0
	жизни / здоровью родственников пациента	5	7,35	0	0
	имуществу пациента	0	0	1	1,47
демонстрация силы	жизни / здоровью пациента	17	25	3	4,41
	репутации / благосостоянию / статусу пациента	3	4,41	3	4,41

вымогательство / шантаж	жизни / здоровью пациента	1	1,47	2	2,95
	репутации / благосостоянию / статусу пациента	0	0	1	1,47
	жизни / здоровью родственников пациента	1	1,47	0	0
разъяснения	репутации / благосостоянию / статусу пациента	0	0	1	1,47
	жизни / здоровью родственников пациента	0	0	1	1,47
Суммы:		52	76,46	16	23,54

Угрозы-наказания можно охарактеризовать как средство отыгрывания аффекта и демонстрации силы при обозначении возможного вреда жизни / здоровью пациента. В данном случае, как правило, при вербализации угрозы не обозначается сам проступок, за который пациенту предстоит понести наказание:

- (13) *Ахаххакать будешь когда за тобой придут чмо интернетное;*
- (14) *Я найду тебя, узнаю кто ты, обе головы тебе отрежу, змея ты подколотная;*
- (15) *Это только начало. В ближайшее время найдут ее труп. Ей никуда не скрыться. Мы ее найдем. Она ограничила доступ к своей странице. Мы знаем адрес. Из города она не уехала. Передайте. Пусть боится и опасается.*

Проступок подразумевается из более широкого контекста – либо за рамками письменной коммуникации (например, событие произошло в процессе устной коммуникации лицом к лицу), либо ранее в ходе переписки.

Применение угроз-предупреждений при аффектированном речевом поведении и в случае вымогательства направлено на обозначение возможного вреда жизни / здоровью пациента. Наряду с этим при демонстрации силы обозначается не только вред жизни / здоровью пациента, но и возможный вред его / её репутации / благосостоянию / статусу:

- (16) *Фото твое уже стоит. Дальше делать твою страницу? Буду от твоего лица и мужикам писать с твоего города и малолеткам тоже. С твоих фотографий сделают порнофото и будут выкладывать на сайты. Будут только твоё лицо подставлять. Пока твои фотографии у меня. Тебе вообще позор и унижения по городу на сайтах по городу надо?*

По сравнению с угрозами-наказаниями в угрозах-предупреждениях наблюдается тенденция к более четкому обозначению направленности угрозы:

возможный вред жизни пациента:

- (17) *Короче если завтра не будет приветя я приеду и убью тебя!!!
Понала!!!;*

возможный вред *здоровью* пациента:

(18) *Да, извинись или мы приедем и изнасилуем тебя.*

Интересно, что:

- интенция разъяснения реализуется только в угрозах-предупреждениях как ответной реакции пациента;
- направленность угрозы на причинение вреда третьим лицам (родственникам), связанным с пациентом, реализуется только в угрозах-наказаниях;
- большинство угроз, направленных на причинение вреда репутации / благосостоянию / статусу пациента, представлены в угрозах с интенцией демонстрации силы;
- при реализации агенсом интенции вымогательства предпочтение отдается угрозам-предупреждениям.

4.2. Анализ взаимодействий агенса и пациента

Отдельно хотелось обратить внимание на характеристики агенса и пациента (табл. 5). В анализируемых сообщениях-угрозах большинство коммуникантов (как в позиции агенса, так и в позиции пациента) относится к возрастной группе от 21 года до 30 лет. Количество коммуникантов-мужчин почти в четыре раза превосходит количество коммуникантов-женщин. Мужчины чаще выступают в роли агенса, женщины – в роли пациента.

**Таблица 5. Группировка сообщений-угроз по гендеру и возрасту агенса и пациента /
Table 5. Grouping of messages according gender and age of interlocutors**

Возрастная группа	Гендер	Угрозы-наказания		Угрозы-предупреждения	
		агенси	пациенси	агенси	пациенси
до 10 лет	мужчины	0	0	0	0
	женщины	1	0	0	0
11-20	мужчины	2	0	1	0
	женщины	0	1	0	0
21-30	мужчины	21	17	3	3
	женщины	1	4	0	3
31-40	мужчины	10	2	3	0
	женщины	1	5	1	2
41-50	мужчины	3	2	0	1
	женщины	1	0	0	0
старше 50	мужчины	2	0	0	0
	женщины	0	0	1	0
не определена	мужчины	9	9	6	4
	женщины	1	1	1	1
не определена	не определен	0	11	0	2
Суммы:		52	52	16	16

Дальнейший анализ исследовательского материала позволил выявить тенденцию взаимодействия между агенсом и пациенсом в гомо- и гетерогенных парах (табл. 6). В силу того, что большинство участников проанализированных сообщений-угроз – это мужчины, они же являются субъектами, задающими направление угрозы в сторону пациенса. В угрозах-наказаниях вектор интеракции направлен, как правило, от агенса-мужчины к пациенсу-мужчине или пациенсу-женщине. Угрозы-предупреждения характеризуются отсутствием вектора от агенса-мужчины к пациенсу-женщине, но при этом значительно повышается активность агенсов-женщин (см., например (Sagredos, Nikolova 2022)).

Таблица 6. Интеракции между агенсом и пациенсом (анализировались только 53 сообщения-угрозы, в которых гендер агенса и пациенса удалось проверить) / Table 6. Interactions between interlocutors (only 53 threatening messages were analyzed)

Вектор интеракции	Угрозы-наказания, %	Угрозы-предупреждения, %
агенса-мужчина → пациенс-мужчина	67,5	61,54
агенса-мужчина → пациенс-женщина	22,5	0
агенса-женщина → пациенс-мужчина	5	23,08
агенса-женщина → пациенс-женщина	5	15,38
Суммы:	100	100

4.3. Анализ ответных реакций пациенса на угрозы со стороны агенса

В исходном материале в некоторых случаях были представлены не только сообщения-угрозы со стороны агенса, но и реакции со стороны пациенса (табл. 7). При этом общей тенденцией (в 57,53% от всех проанализированных сообщений) является нулевая реакция (отсутствие ответного сообщения или ряда комментариев). Это может быть связано с отсутствием прямого контакта с агенсом и возможностью отстраниться от коммуникации. Сам факт реакции на сообщение агенса, по нашему мнению, может подкрепить мотивацию последнего к действиям.

При наличии ответной реакции пациенса она в основном реализуется в виде язвительных высказываний с целью защитить себя, нападая в ответ (15,07% от всех случаев) и в виде уточняющих реплик (15,07% от всех случаев). При реализации угроз-наказаний в равной мере пациенс реализует ответную реакцию, используя язвительные высказывания (17,54%) и вопросы на уточнение (17,54%); при реализации угроз-предупреждений ведущими являются расспрашивание, уточнения и разъяснения (18,75%).

Таблица 7. Ответные реакции пациенса (в некоторых случаях несколько реакций, в связи с этим общее число анализируемых единиц составило 73) / Table 7. Addressee's responses (in several cases there were some reactions, that is why the total number of messages is 73)

Тип реакции	Угрозы-наказания		Угрозы-предупреждения		Суммы	
	ед.	%	ед.	%	ед.	%
нет реакции, игнорирование	32	56,14	10	62,5	42	57,53
язвительность, передергивание	10	17,54	1	6,25	11	15,07
расспрашивания, уточнения, разъяснения	8	14,04	3	18,75	11	15,07
оскорбления	4	7,02	1	6,25	5	6,85
нравоучения	3	5,26	0	0	3	4,11
просьба прекратить	0	0	1	6,25	1	1,37
Суммы:	57	100	16	100	73	100

4.4. Лингвистические характеристики сообщений-угроз

В целом, исследуемый корпус сообщений-угроз характеризуется наличием сложноподчиненных предложений: для угроз-наказаний – это придаточные условия, времени, места, причины и изъяснительные предложения; для угроз-предупреждений – это придаточные предложения условия. Активно используется форма будущего времени. В состав однородных членов предложения, с помощью которых вербализуется угроза, в основном входят последовательности глаголов действий (которые относятся и к агенсу, и к пациенсу) и состояний (относятся только к пациенсу) (табл. 8).

Таблица 8. Использование глаголов как однородных членов предложения / Table 8. Using verbs as homogeneous parts of the sentence

Вид угрозы	Тип глагола	Агенс	Пациенс
Угрозы-наказания	глаголы действия	<i>облить, делать; увижу, разобью; оставлю, поймаю; приеду, зарежу; найду, подам; заминал, вытаскивал; точат, пи*данут; приду, закопаю; найду, закопаю; найду, узнаю, отрежу; приедем, зарежем</i>	<i>удалил, включил; молчи, не смей</i>
	глаголы состояния	–	<i>(пусть) боится, опасается; боишься, злишься, нервничаешь; будешь умолять, будешь ссать, бояться</i>
Угрозы-предупреждения	глаголы действия	<i>найдут, убьют; приеду, убью; сделают, будут выкладывать и лицо подставлять</i>	<i>живешь, делаешь; кинешь, проигноришь; стуканешь, не доживешь</i>
	глаголы состояния	–	<i>(пусть) боится, опасается</i>

По сравнению с угрозами-предупреждениями стиль угроз-наказаний более резкий: агенс, как правило, пренебрегает литературной нормой русского языка, позволяя себе не использовать заглавные буквы в начале предложения, нарушать правила орфографии и пунктуации, смешивать высокий стиль с обиходно-разговорным, использовать сниженную и обсценную лексику. Вербализация угроз-предупреждений обычно представляется более упорядоченной; порой сообщение может быть написано в вежливой форме с целью сформировать образ агенса, вынужденного прибегать к угрозе не по своей воле.

В угрозах-наказаниях более категорично и радикально обозначается объект угрозы: при помощи таких номинаций, как *мразэта, мразь, падла, пидалик, педрила, обиженка, тварина, тварь, тварюга, животное, чудовище, нацистка, дура, шалава, пидор, пидорас, стукач, урод, гондон, идиотс, змея подколодная, баран, пес бродяга, черт, чмо, трус, бедолага* (а также многочисленных обсценных номинаций) агенс дегуманизирует пациенса, формируя образ врага. В угрозах-предупреждениях уничижительные номинации также встречаются, но по сравнению с угрозами-наказаниями звучат они гораздо мягче, например *жирбосина, парося*. В угрозах-предупреждениях можно встретить обращение на «Вы», в угрозах-наказаниях – только на «ты». По нашему мнению, с одной стороны, местоимение «ты» резко сокращает дистанцию, с другой, – позволяет выстроить иерархию.

В исследуемых сообщениях-угрозах часто встречаются лексемы, относящиеся к семантическому полю

- «страх»: *бойся, опасается, зассал, нервничаешь, оборачивайся, страшно;*

- «смерть»: *похороны, труп, не жилец, убьют, (тебе) хана, смерть, вешать, ад, смертельный, зарезать, (тебе) конец, сдохните, на том свете, закопаю, голову отрежу, сдохнешь, недолго жить, вырежу сердце;*

- «неприятности»: *проблемы, позоришь, черные дни, неудачи, потери, гадости;*

- «страдания»: *больничный, жертва, больно, изнасилуем, умолять, гнить, избивают, калечат, неизлечимо смертельные болезни, будет больно, пытать, нож в печень.*

Наиболее частотными частями речи в сообщениях-угрозах выступают глаголы (в среднем 7 единиц в сообщении-угрозе), имена существительные (в среднем 7 единиц в сообщении-угрозе) и местоимения (в среднем 6 единиц в сообщении-угрозе). Наречия выполняют функцию усилителей значений, передаваемых в глаголах (*везде, жестко, плохо, страшно, срочно, намного*).

5. Обсуждение результатов

По нашему мнению, преобладание угроз-наказаний (табл. 1) указывает на стремление угрожающего атрибутировать себе авторитетную позицию субъекта, который единолично на основе собственной системы оценок выносит вердикт о наказании, опуская процедуру рассмотрения поступка,

возможность оправдаться или обжаловать санкцию. При учете интенции угрожающего (табл. 3) декларацию авторитетной позиции в коммуникации можно, с одной стороны, трактовать как способ справиться со сложившейся ситуацией через эмоционально-психологическую «разрядку» (интенция «аффектированные речевые действия» как своеобразный способ экстернализации своего эмоционально-психологического состояния); с другой стороны, рассматривать как инструмент поддержания своего авторитета через демонстрацию власти над реципиентом угрозы, так как вербализованная угроза содержит указание на действия, которые человек без власти не в силах осуществить (например, использовать в личных целях персональные данные другого человека).

Преобладание адресации угрозы непосредственно на реципиента угрозы (а не на его родственников и / или имущество) (табл. 2) можно объяснить стремлением угрожающего нанести максимальный урон непосредственному «виновнику» сложившейся ситуации, вызвавшей негодование угрожающего. При этом ценность жизни и / или здоровья рассматривается угрожающим как более значимая по сравнению с ценностью репутации и / или имущества реципиента угрозы (табл. 4).

Тенденции взаимодействия между агенсом и пациенсом в гомо- и гетерогенных парах (табл. 6) требуют дальнейшей проверки в рамках самостоятельных исследований. Обратим внимание на то, что, по статистике, по сравнению с мужчинами женщины в цифровой среде чаще подвергаются негативному воздействию, это отчасти объясняется тем, что женщины чаще пользуются социальными медиа и мессенджерами (*Digital civility index... 2022*).

Наряду с этим хотелось бы заметить, что преобладание угрожающих мужчин (табл. 5) соотносится с полученными нами ранее результатами, свидетельствующими о том, что в ситуации конфликта и фрустрации (к которым относятся рассматриваемые коммуникативные ситуации) репертуар речевых жанров конфликтного типа у мужчин шире, чем у женщин. При этом по сравнению с женщинами мужчины в подобных ситуациях используют более «жесткие» речевые жанры, к которым, в первую очередь, относится речевой жанр «угроза» (подробнее см. (Потапова, Потапов, Комалова 2020: 177–189)).

Возрастная рамка (табл. 5) соотносится с данными о демографии интернет-пользователей: наиболее активными пользователями Интернета в России являются люди старше 24 лет (см., например (Интернет в России... 2022)). По статистике, деструктивное речевое поведение в цифровой среде направлено на коммуникантов той же возрастной когорты (*Digital civility index... 2022*).

Соотнося полученные данные (табл. 7) с результатами исследования Microsoft (*Digital civility index... 2022*), можно утверждать, что зафиксированные тенденции в целом являются положительными, т.е. позволяющими снизить пагубное воздействие от вербализованных угроз на реципиента угрозы. В частности, в исследовании Microsoft игнорирование рассматривается респондентами как цивилизованный способ не поддерживать направленное на них деструктивное речевое поведение в цифровой среде.

Значимым, по нашему мнению, представляется вывод об аффектированности речевых действий в виде угроз и их использовании в целях демонстрации силы (самоутверждения, самопрезентации), так как он вводит новые пропозиции в содержании угрозы и обращает исследовательскую мысль к концептуализации таких понятий, как «ментальное здоровье», «экология общения», «эмоционально-психологический ущерб» в рамках анализа вербализованных угроз. В целом, этот вывод заставляет задуматься о социальной функции коммуникативных интернет-площадок (доступ к которым сейчас возможен с любого телефона с выходом в Интернет) как мест локализации (особенно если угрозы не выходят за рамки коммуникации, и дело не доходит до применения санкций), концентрации, пробования (если вспомнить распределение по возрастным группам, то видно, что участниками коммуникации, в которой вербализуются угрозы, являются представители младших групп, которым находятся в периоде кризиса становления личности, проявляющегося, в том числе в нарушении коммуникативных норм) и отыгрывания (по аналогии с любым функциональным пространством – на дискотеке люди танцуют, в столовой принимают пищу, в бассейне плавают – функционал места задает, с одной стороны, предпосылки к осуществлению конкретных действий, с другой стороны, именно эти действия субъекты ожидают реализовать в этом месте) эмоционально-психологических состояний, деструктивных речевых паттернов, порицаемого речевого поведения.

Подспудно нам удалось зафиксировать ряд отличительных (и требующих дальнейшего исследования) характеристик угроз-наказаний и угроз-предупреждений. Недостаточными и требующими отдельного изучения нам представляются замечания о гендерных паттернах (векторе направления угрозы, гомо- и гетерогенных парах) взаимодействия между агенсом и пациенсом при вербализации угроз, в целом, и видов угроз при учете интенции агенса, в частности. Значимым представляется изучение именно взаимодействия агенса и пациенса, что подразумевает включение в анализ речевой продукции пациенса.

Следует отметить, что ряд суждений в отношении прагматики вербализации угроз достаточно сложно подтвердить в рамках эмпирического исследования сообщений без рассмотрения более широкого контекста порождения данных сообщений. Так, мотивация агенса в анализируемых сообщениях в большей мере предполагается, ее (успешное) определение во многом зависит от компетенции, профессионального опыта, эрудиции и интуиции исследователя. Если так можно выразиться, «тяжесть» последствий вербализации угрозы остается за рамками анализа и даже наблюдения, что не позволяет подтвердить перлокутивный эффект, заложенный в угрозе, и, как следствие, обозначить тип(ы) угроз, которые требуют более пристального исследовательского внимания.

6. Заключение

В ходе проведенного исследования было выявлено, что признаковые характеристики угроз, вербализуемых в интернет-коммуникации, соотносятся с характеристиками, обозначенными исследователями применительно к анализу угроз в коммуникации лицом к лицу. Наряду с этим на основе анализа исследовательского материала удалось охарактеризовать сообщения-угрозы в интернете как вербализацию преимущественно эмоционально-психологического состояния угрожающего (агенса) в ответ на действия реципиента угрозы (пациенса), что выражено в преобладании угроз-наказаний, направленных на причинение вреда жизни и / или здоровью реципиента угрозы с интенцией отыграть аффект и / или продемонстрировать свою силу. Прагматическая функция угрозы в данном случае – это выстраивание социально-ролевой асимметрии в отношении пациенса за счет изменения социально-психологической иерархии позиций коммуникантов.

В исследованном материале агенсом и пациенсом при вербализации угроз выступают и женщины, и мужчины в возрасте старше 21 года; мужчины более активны при реализации угроз-наказаний, женщины – угроз-предупреждений. Примечательно то, что пациенс в исследуемых контекстах оказался устойчивым к угрозам и в большинстве случаев взаимодействия с агенсом проигнорировал их, т.е. в рамках исследуемого материала не был реализован перлокутивный эффект угрозы.

Намеченные линии исследования в перспективе следует реализовывать на материале большого объема данных с привлечением методов машинного обучения, уточняя и расширяя параметризацию и признаковую базу анализируемого текстового материала и речевой продукции. Полученные нами результаты уточняют представление об интернет-угрозе (по А.Н. Баранову) как об аффектированном речевом поведении, регулирование которого невозможно в рамках существующего правового поля, и требуется разработка самостоятельной критериальной базы в рамках норм общественной морали с привлечением экспертного, научного сообществ и представительства технологических компаний.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено в рамках государственного задания ФГБОУ ВО МГЛУ (тема № FSFU-2020-0020 «Перспективы технологии реализации информационной функции государства и обеспечение цифрового суверенитета»).

Авторы выражают признательность анонимным рецензентам и редактору за вопросы и замечания, которые способствовали более четкому освещению в работе некоторых ее теоретических положений.

Acknowledgements

The research is carried out within the framework of the state assignment to Moscow State Linguistic University, project No FSFU-2020-0020 “Perspective technologies of Government’s informational function realization and maintenance of digital sovereignty”.

We would like to express our gratitude to the anonymous reviewers and the editor for their questions and comments that let us clarify some theoretical points in the paper.

REFERENCES / СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранов А.Н. Семантика угрозы в лингвистической экспертизе текста // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая – 02 июня 2013 г.): в 2 т. М., 2013. Вып. 12 (19). Т. 1. С. 72–82. <https://www.dialog-21.ru/media/1223/baranovan.pdf> [Baranov, Analoly N. 2013. Semantics of threat in Forensic Linguistics. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies. International conference "Dialogue"* 12 (19)–1. 72–82. (In Russ.)].
- Баранов А.Н. Угроза в криминальном дискурсе (семантика и прагматика). М.: Азбуковник, 2021. [Baranov, Analoly N. 2021. *Ugroza v kriminal'nom diskurse (semantika i pragmatika)* (Threat in criminal discourse (semantics and pragmatics)). Moscow: Azbukovnik. (In Russ.)].
- Бринев К.И. Судебная лингвистическая экспертиза по делам, связанным с угрозой // *Теоретические и прикладные аспекты речевой деятельности*. Нижний Новгород: ФГБОУ ВПО НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2009а. № 4. С. 43–49. [Brinev, Konstantin I. 2009a. Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza po delam, svyazannym s ugrozoi (Forensic linguistic expertise on threatening cases). *Theoretical and Practical Aspects of Speech Activity* 4. 43–49. (In Russ.)].
- Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: АлтГПА, 2009б. <http://os.x-pdf.ru/20kulturologiya/519346-1-ki-brinev-teoreticheskaya-lingvistika-sudebnaya-lingvisticheskaya-eks.php> [Brinev, Konstantin I. 2009b. *Teoreticheskaja lingvistika i sudebnaja lingvisticheskaja jekspertiza* (Theoretical linguistics and forensic linguistic expertise). In Nikolay D. Golev (ed.). Barnaul: AltGPA. (In Russ.)].
- Бут Н.А. Некоторые особенности употребления речевых актов угрожающего характера // *Труды ТГТУ*. Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2004. № 16. С. 132–135. [But, Nataliya A. 2004. Nekotorye osobennosti upotrebleniya rechevykh aktov ugrozhayushchego kharaktera (Some peculiarities of threatening speech acts implementation). *Trudy TGTU* 16. 132–135. (In Russ.)].
- Вежибicka А. Речевые жанры // *Жанры речи*. 1997. № 1. С. 99–111. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36422407> [Wierzbicka, Anna. 1997. Speech genders. *Speech Genders* 1. 99–111. (In Russ.)].
- Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения. 2-е изд., стереотип. М.: URSS, 2005. [Vinokur, Tatiana G. 2005. *Govoryashchii i slushayushchii: varianty rechevogo povedeniya* (Speaking and listening people: Variants of speech behavior). Moscow: URSS. (In Russ.)].
- Дайшутов М.М., Динека В.И., Денисенко М.В. Психическое насилие в уголовном праве // *Вестник Московского университета МВД России*. 2019. № 3. С. 77–81. <https://elibrary.ru/item.asp?id=38581612> [Dayshutov, Mikhail M., Viktor I. Dineka & Mikhail V. Denisenko. 2019. Mental abuse in Criminal Law. *Vestnik Moscovskogo Universiteta MVD Rossii* 3. 77–81. (In Russ.)].
- Ефремов В.А. Угроза в наивной и юридической картинах мира // *Динамика языковых и культурных процессов в современной России*. 2018. № 6. С. 192–196. <https://elibrary.ru/item.asp?id=36590731> [Efremov, Valery A. 2018. The “threat” as a part of the native and juristic picture of the world. *Dynamics of Linguistic and Cultural Processes in Modern Russia* 6. 192–196. (In Russ.)].
- Женисова А.М. Лингвистические признаки угрозы // *Школа науки*. 2018. № 4. С. 1–2. <https://elibrary.ru/item.asp?id=35297051> [Zhenisova, Aliya M. 2018. Lingvisticheskie priznaki ugrozy (Linguistic features of threat). *Science School* 4. 1–2. (In Russ.)].

- Злоказов К.В., Колмыкова Т.И., Рыбьякова Е.А., Степанов Р.И. Восприятие читателем угрозы в информационном пространстве: результаты экспериментального исследования // *Политическая лингвистика*. 2017. № 2. С. 131–138. <https://elibrary.ru/item.asp?id=29115157> [Zlokazov, Kirill V., Tatiana I. Kolmykova, Ekaterina A. Rybyakova & Roman I. Stepanov. 2017. Perception of threat in infosphere by the reader: Experimental research results. *Political Linguistics* 2. 131–138. (In Russ.)].
- Карандеева Л.Г., Сергиенко Д.В. Лексико-морфологические средства выражения интенции угрозы в немецкоязычном политическом дискурсе // *Наука и образование: новое время. Научно-методический журнал*. 2017. № 4. С. 37–39. <https://elibrary.ru/item.asp?id=29898099> [Karandeeva, Lyudmila G. & Daria V. Sergienko. 2017. Lexico-morphological means of expressing threat intention in the German political discourse. *Science and Education: New Time. Scientific and Methodological Journal* 4. 37–39. (In Russ.)].
- Комалова Л.Р. Агрессогенный дискурс: типология мультилингвальной вербализации агрессии. 2-е изд., стереотип. М.: Спутник+, 2020. [Komalova, Liliya R. 2020. *Aggressogen discourse: The multilingual aggression verbalization typology*. Moscow: Sputnik+. (In Russ.)].
- Комалова Л.Р. Репрезентация вербального образа акта агрессии в информационном универсуме англоязычных СМИ // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. № 1. С. 149–164. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-1-149-164> [Komalova, Liliya. 2019. Representation of the verbal image of aggression in the informational universe of the English-language mass media. *Russian Journal of Linguistics* 23 (1). 149–164. (In Russ.)].
- Комалова Л.Р., Голощапова Т.И. Дифференцированный анализ речевого жанра «оскорбление» на материале сообщений социальной интернет-сети // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2021. Т. 12. № 3. С. 619–631. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-3-619-631> [Komalova, Liliya & Tatiyana Goloshchapova. 2021. Algorithmization of potentially insulting speech acts analysis: Messages posted on social network site. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics* 12 (3). 619–631. (In Russ.)].
- Коротаева Д.С., Месропян Л.М. Угроза в политическом дискурсе социальной сети как средство речевого воздействия // *Юрислингвистика*. 2020. № 16. С. 19–22. <https://elibrary.ru/item.asp?id=43049283> [Korotaeva, Darya S. & Lilit M. Mesropyan. 2020. Threat in the political discourse of a social network as a means of speech influence. *Yurislingvistika* 16. 19–22. (In Russ.)].
- Новоженова З.Л., Пробст Н.А. К вопросу о речеактовой природе вербальной угрозы // *Вестник Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта. Серия: Филология, педагогика, психология*. 2019. № 4. С. 31–36. <https://elibrary.ru/item.asp?id=41424254> [Novozhenova, Zoya L. & Nikita A. Probst. 2019. On the speech-act nature of the verbal threat. *Vestnik IKBFU. Philology, Pedagogy, and Psychology* 4. 31–36. (In Russ.)].
- Обелюнас Н.В. О вымогательстве // *Юрислингвистика*. 2014. № 3 (14). С. 106–127. <https://elibrary.ru/item.asp?id=26251914> [Obelunas, Nina. 2014. About extortion. *Yurislingvistika* 2 (14). 106–127. (In Russ.)].
- Плотникова А.М. Лингвокреативные механизмы конструирования речевого акта угрозы // *Уральский филологический вестник. Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива*. 2017. № 2. С. 81–88. <https://elibrary.ru/item.asp?id=29246424> [Plotnikova, Anna M. 2017. Linguistic creativity in threat speech and its mechanisms. *Ural Philological Herald. Series Language. System. Personality: The Linguistics of Creativity* 2. 81–88. (In Russ.)].

- Потапова Р.К., Потапов В.В., Комалова Л.Р. Восприятие мультимодальной моно- и полиэтнической коммуникации. М.: ИНИОН РАН, 2020. [Potapova, Rodmonga K., Vsevolod V. Potapov & Liliya R. Komalova. 2020. *Perception of multimodal mono- and poly-ethnic communication*. Moscow: INION RAN. (In Russ.)].
- Романов А.А., Новоселова О.В. Дискурсивная реализация угрозы в предвыборной коммуникации // *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Т. 24. № 2. С. 419–448. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-2-419-448> [Romanov, Aleksey & Olga Novoselova. 2020. Discursive realization of threat in pre-election communication. *Russian Journal of Linguistics* 24 (2). 419–448. (In Russ.)].
- Романов А.А., Новоселова О.В. Менасивные конструкты предвыборной дискурсии: лингвокогнитивный анализ материалов программ президентской кампании 2018 года. М.: Флинта, 2021. [Romanov, Alexey & Olga Novoselova. 2021. *Menaissive constructs of pre-election discursions: Lingvogenerative analysis of materials of the 2018 presidential campaign programs*. Moscow: Flinta. (In Russ.)].
- Рылова Е.В. Категории вербальных преступлений в УК РФ // *Юрислингвистика*. 2014. № 3. С. 10–25. <https://elibrary.ru/item.asp?id=26251902> [Rylova, Elena V. 2014. Category of verbal offences in the CC of the RF. *Yurilingvistika* 3. 10–25. (In Russ.)].
- Стексова Т.И. Угроза как речевой жанр // *Жанры речи*. Саратов: Колледж, 1997. С. 6–7. [Steksova, Tatiana I. 1997. Ugroza kak rechevoj zhanr (Threats as a speech genre). In *Zhanry Rechi*. 6–7. Saratov: Kolledzh. (In Russ.)].
- Ярошук И.Я., Жукова Н.А., Долженко Н.И. Лингвистическая экспертиза. Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2020. [Jaroshuk, Inna Ja., Natalia A. Zhukova & Natalia I. Dolzhenko. 2020. *Lingvisticheskaya ehkspertiza* (Linguistic Expertise). Belgorod: Belgorod State National Research University. (In Russ.)].
- Kaur, Simrat, Sarbjeet Singha & Sakshi Kaushal. 2021. Abusive content detection in online user-generated data: A survey. *Procedia Computer Science* 189. 274–281. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2021.05.098>
- Kocoń, Jan, Alicja Figas, Marcin Gruza, Daria Puchalska, Tomasz Kajdanowicz & Przemysław Kazienko. 2021. Offensive, aggressive, and hate speech analysis: From data-centric to human-centered approach. *Information Processing and Management* 58. 102643. <https://doi.org/10.1016/j.ipm.2021.102643>
- Komalova, Liliya, Anna Glazkova, Dmitry Morozov, Rostislav Epifanov, Leonid Motovskikh & Ekaterina Mayorova. 2022. Automated classification of potentially insulting speech acts on social network sites. In Daniel A. Alexandrov, Alexander V. Boukhanovsky, Andrei V. Chugunov, Yury Kabanov, Olessia Koltsova, Ilya Musabirov & Sergei Pashakhin (eds.), *Digital transformation & global society. DTGS 2021. Communications in computer and information science series* 1503, 365–374. Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-93715-7_26
- Ljubešić, Nikola, Darja Fišer & Tomaž Erjavec. 2019. The FRENK datasets of socially unacceptable discourse in Slovene and English. In Kamil Ekštejn (eds), *Text, speech, and dialogue. TSD 2019. Lecture notes in computer science* 11697, 103–114. Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-27947-9_9
- Nick, I.M. 2018. In the wake of hate: A mixed-method analysis of anonymous threatening communications sent during the 2016 US presidential election. *Nordic Journal of Linguistics* 41 (2). 183–203. <https://doi.org/10.1017/S0332586518000148>
- Ozyumenko, Vladimir I. & Tatiana V. Larina. 2021. Threat and fear: Pragmatic purposes of emotionalisation in media discourse. *Russian Journal of Linguistics* 25 (3). 746–766. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-746-766>

- Probst, Nikita, Tatiana Shkapenko, Arina Tkachenko & Alexey Chernyakov. 2018. Speech act of threat in everyday conflict discourse. *Lege Artis. Language Yesterday, Today, Tomorrow. The Journal of University of SS Cyril and Methodius in Trnava* 3 (2). 204–250. <https://doi.org/10.2478/lart-2018-0019>
- Sagredos, Christos & Evelin Nikolova. 2022. 'Slut I hate you' A critical discourse analysis of gendered conflict on YouTube. *Journal of Language Aggression and Conflict* 10 (1). 169–196. <https://doi.org/10.1075/jlac.00065.sag>
- Sourander, Andre, Anat Brunstein Klomek, Maria Ikonen, Janra Lindroos, Terhi Luntamo, Merja Koskelainen Terja Ristkari & Hans Helenius. 2010. Psychosocial risk factors associated with cyberbullying among adolescents: A population-based study. *Archives of General Psychiatry* 67 (7). 720–728. <https://doi.org/10.1001/archgenpsychiatry.2010.79>
- Walton, Douglas. 2000. *Scare Tactics*. Dordrecht: Springer.
- Walton, Douglas. 2014. Speech acts and indirect threats in ad baculum arguments: A reply to Budzynska and Witek. *Argumentation* 28 (3). 317–324. <https://scholar.uwindsor.ca/crrarpub/14>
- Watt, Dominic, Sarah Kelly & Carmen Llamas. 2013. Inference of threat from neutrally-worded utterances in familiar and unfamiliar language. *York Papers in Linguistics Series* 2 13. 99–120.

Legislation and Internet resources / Правовая информация и интернет-ресурсы

- Гражданский кодекс Российской Федерации. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/fd6980fe6d3f891c65ca00040c9d100eeb2ef3ee/ [*Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federacii (Civil Code of the Russian Federation)*] (accessed 16 August 2022).
- Интернет в России в 2022 году: самые важные цифры и статистика // WeCanape. 2022. <https://www.web-canape.ru/business/internet-v-rossii-v-2022-godu-samyie-vazhnye-cifry-i-statistika/> [Internet v Rossii v 2022 godu: samye vazhnye tsifry I statistika (Internet in Russia in 2022: Main figures and statistics). 2022. *WeCanape*] (accessed 16 August 2022).
- Уголовный кодекс Российской Федерации. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_10699/ [*Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federacii (Criminal Code of the Russian Federation)*] (accessed 16 August 2022).
- Digital civility index – 2021 report. 2022. <https://www.microsoft.com/en-us/online-safety/digital-civility#coreui-banner-q42zgbu> (accessed 16 August 2022).

Article history:

Received: 09 January 2022

Accepted: 21 April 2022

Сведения об авторах:

Лилия Ряшитовна КОМАЛОВА – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языкознания Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук, профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики Московского государственного лингвистического университета. Научные интересы: экспериментальная лингвистика, лингвоконфликтология, речевое поведение и речевая деятельность, интернет-лингвистика, психолингвистика, психология поведения, перцептивная лингвистика, корпусная лингвистика.

e-mail: komalova@ion.ru

ORCID: 0000-0002-0955-5315

Любовь Викторовна КАЛЮЖНАЯ – бакалавр кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики Московского государственного лингвистического университета. Научные интересы: прагматика текста, корпусная лингвистика, лингвистическая экспертиза.

e-mail: lybov13000@bk.ru

ORCID: 0000-0002-9678-4473

Bionotes:

Liliya KOMALOVA is Doctor Habil. (Linguistics), Leading Research Fellow of the Linguistics Department at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of Applied and Experimental Linguistics at Moscow State Linguistic University. Her research interests include experimental linguistics, linguaconflictology, speech behavior and speech activity, Internet linguistics, psycholinguistics, behavioural psychology, perceptual linguistics, and corpus linguistics.

e-mail: komalova@inion.ru

ORCID: 0000-0002-0955-5315

Lyubov KALYUZHNAYA is an undergraduate student of the Department of Applied and Experimental Linguistics at Moscow State Linguistic University. Her research interests include linguistic pragmatics, corpus linguistics, and forensic linguistics.

e-mail: lybov13000@bk.ru

ORCID: 0000-0002-9678-4473

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-27360>

Research article / Научная статья

Principles of libretto translation and problems of multimodal text interpretation

Albina BOYARKINA

Herzen University, Saint Petersburg, Russia

 al.bojarkina@mail.ru

Abstract

The multimodal nature of texts to music involves the complex interaction of verbal, auditory, in some cases visual and other components, which determines the functioning of the textual unity. In this regard, the translation of multimodal texts, and in particular the translation of opera librettos, puts forward special requirements for the translator, due to which even the knowledge of the subject area, terminology and style of the source text is not always sufficient to achieve high quality translation. Based on the analysis of the translation principles of one of the most prominent translators of opera librettos Viktor Kolomiitsov (1868–1936) and his translated texts, the article aims to determine the basic requirements to the translation of libretto as a multimodal text, combining the verbal and auditory components in the text unity. It also aims to answer the research question: what exactly is the special feature of multimodal text translation focused on auditory mode, and in case of opera libretto translations – what resources can be used to perform the translation? The material for the study included the texts to L. Beethoven and R. Wagner’s works and their translations. The comparative analysis of V. Kolomiitsov’s translations and several other translators’ approaches allowed us to confirm the assumption about the complexity of auditory multimodal texts translation, identify the main problems of libretto translation, and demonstrate different translation solutions in the transfer of the rhythmic logic of the source text, its syntactic features, alliteration and vocabulary. The procedure of text analysis involved elements of philological and comparative analyses of translations, as well as statistical calculations. It was revealed that the connection of the verbal component with the melodic line, its accents and rhythm predetermines the structure of the text to vocal works. For the translator, this means additional limitations, which are quite difficult to overcome. Equirhythmic translation correlated with music is one of the most difficult types of translation, in which preservation of “form” (rhyme, meter, number of syllables, coincidence of accents, etc.) plays an important role and predetermines the quality of auditory multimodal text translation.

Keywords: *multimodal text translation, libretto, equirhythmic translation, auditory linguistics, Victor Kolomiitsov*

For citation:

Albina Boyarkina. 2022. Principles of libretto translation and problems of multimodal text interpretation. *Russian Journal of Linguistics* 26 (3). 807–830. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-27360>

Принципы перевода либретто и проблемы интерпретации мультимодального текста

А.В. БОЯРКИНА

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия*
 al.bojarkina@mail.ru

Аннотация

Мультимодальная природа текстов к музыке предполагает сложное взаимодействие вербального, аудиального, в некоторых случаях визуального и других компонентов, которое обуславливает функционирование текстового единства. В связи с этим перевод мультимодальных текстов, и, в частности, перевод оперного либретто, выдвигает особые требования к переводчику, при этом даже знание предметной области, терминологии, стилевого своеобразия исходного текста не всегда оказывается достаточным для достижения высокого качества перевода. На основе анализа переводческих принципов одного из виднейших переводчиков оперных либретто Виктора Коломийцова (1868–1936) и его переводных текстов в статье ставится задача определить основные требования к переводу либретто как мультимодального текста, объединяющего вербальный и аудиальный компонент в текстовом единстве, чтобы ответить на исследовательский вопрос: в чем именно состоит особенность перевода мультимодального текста, ориентированного на аудиальный модус, а в случае с переводом оперных либретто – с помощью каких ресурсов можно осуществить подобный перевод? Материалом для исследования послужили тексты произведений Л. Бетховена и Р. Вагнера и их переводы. В результате сопоставительного анализа переводов В. Коломийцова и подходов других известных переводчиков подтверждается предположение об особой сложности перевода аудиальных мультимодальных текстов, выявлены основные проблемы перевода либретто, продемонстрированы различные переводческие решения при передаче ритмической логики исходного текста, синтаксических и лексических особенностей. В процедуре анализа переводов применены элементы филологического, переводческого анализа текста, сравнительный анализ переводов и статистический подсчет. Выявлено, что связь вербальной составляющей с мелодической линией, ее акцентами и ритмом предопределяет структуру текста к вокальным произведениям. Для переводчика это означает дополнительные ограничения, которые довольно трудно преодолеть. Соотнесенный с музыкой эквиритмический перевод – один из самых сложных видов перевода, в котором особенное значение имеет сохранение «формы» (рифмы, метра, количества слогов, совпадение акцентов и т.д.) – и стремление к нему предопределяют качество перевода аудиального мультимодального текста.

Ключевые слова: *перевод мультимодального текста, либретто, эквиритмический перевод, аудиальная лингвистика, Виктор Коломийцов*

Для цитирования:

Бояркина А.В. Принципы перевода либретто и проблемы интерпретации мультимодального текста. *Russian Journal of Linguistics*. 2022. Т. 26. № 3. С. 807–830. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-27360>

1. Введение

Перевод текстов к музыке представляет особую сложность и даже знание предметной области, терминологии, стилового своеобразия исходного текста не всегда оказывается достаточным для обеспечения высокого качества. Тесная связь вербальной составляющей с музыкальной, а в случае с либретто еще и опосредованная связь с возможным визуальным рядом (то есть мультимодальная природа данных текстов), порождает текстовое единство, в котором каждый из компонентов конкретизирует и обуславливает целое. В связи с этим возникает исследовательский вопрос – в чем именно заключаются проблемы перевода мультимодального текста, ориентированного на аудиальный модус, а в случае с переводом либретто – какими именно ресурсами должен обладать переводчик и на что ориентироваться, чтобы осуществить подобный перевод.

В современном музыкальном театре переводы практически не осуществляются – исполнение опер на языке оригинала породило традицию сопровождать музыкальный спектакль супратитрами (суртитрами, сюртитрами), для создания которых имеющийся перевод либретто подвергается адаптации (Бояркина, Пузейкина 2019: 26–33, Бояркина 2021: 151–163). То есть задача переводчика в этом случае упрощается и сводится к обработке готового перевода, который, благодаря распространенной традиции исполнения оперных произведений на понятном зрителю языке, был выполнен скорее всего еще в XIX–XX вв. (либретто практически всех известных оперных произведений прошлого имеют несколько вариантов перевода). Таким образом, перевод либретто, предполагающий эквиритмию и учитывающий еще и особенности развития музыкальной линии, оказывается в современных условиях не востребуемым.

Пик перевода либретто в России пришелся на начало XX века и был связан с расцветом музыкального театра. Одним из выдающихся переводчиков этого периода считается Виктор Павлович Коломийцов (1868–1936)¹, в арсенале которого насчитывается более 2000 эквиритмических переводов с

---

¹ **Виктор Павлович Коломийцов** (1868–1936) окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета и фортепианное отделение Высших музыкальных курсов Е.П. Раппгофа. С 1894 года служил юрисконсультom в Министерстве финансов, с 1904 года возглавил музыкальный отдел газеты «Русь». В качестве музыкального критика сотрудничал с другими изданиями (в том числе газетами «Молва», «XX век», «Речь», «День» и др., журналами «Жизнь искусства», «Вестник театра и искусства» и др.), публиковал отдельные статьи (Коломийцов 1971) и исследования (о Р. Вагнере (Коломийцов 1913, Коломийцов 1923), Ф. Шуберте (Коломийцов 1927), К.М. фон Вебере (Коломийцов 1928)). Опубликовал переводы не только музыкально-критических работ (Шюрэ 1909, Бузони 1912, Вагнер 1912) и

немецкого, французского, итальянского, польского, английского и испанского языков (Коломийцов 1971: 9). Опираясь на свой обширный опыт, переводчик постепенно выработал принципы перевода текстов к вокальным произведениям. На примере его «системы» в статье анализируется переводческий подход, который обеспечил переводчику высокий уровень результата и признанное образцовое качество перевода либретто. В результате сравнения предложенных принципов и переводческих решений Виктора Коломийцова предпринимается попытка выявить важнейшие компоненты перевода либретто как мультимодального текста, актуализирующего аудиальный модус.

2. Мультимодальный текст и особенности перевода текстов к вокальным произведениям

2.1 «Музыкальный перевод»

Мультимодальность – одно из важнейших свойств современных текстов, она представляет собой, с одной стороны, формат, способ передачи информации, с другой стороны, предполагает объединение вербального и невербального компонентов в текстовом единстве (Kress 2001, Kress 2010, Медова 2016, Омеляненко, Ремчукова 2018, Загидуллина 2019). Сложное взаимодействие различных модусов подразумевает интегрированный подход при анализе текста (Кресс 2016: 82) и даже кросс-модальный подход (Кибрик 2010: 148), учитывающий поликодовую природу современного текста. При этом в литературе пристальное исследовательское внимание уделяется мультимодальным текстам, объединяющим в основном вербальный и визуальный компоненты (Чернявская 2015, Чернявская 2021, Гаврилова 2016), в редких случаях визуальный и музыкальный компоненты (Контрерас 2022) или трансмедиальный контекст (Симян 2022: 201–208). Что касается перевода, то недостаточно только констатировать возникающие проблемы при передаче текстов, объединяющих различные модусы, например, при аудиовизуальном переводе (Козуляев 2013), назрела серьезная необходимость исследовать особенности и способы перевода мультимодальных текстов, используя междисциплинарный подход (Сдобников 2019, Massey 2021).

Тексты музыкального дискурса, к которому, безусловно, можно отнести либретто опер, являются априорно мультимодальными – в них объединяются несколько модусов: вербальный и музыкальный, а если речь идет о представленном в театре/ концертном зале произведении, то добавляются также визуальный (изображение). Однако в отличие от интерсемиозиса мультимодальных текстов, ориентированных на визуальность, в мультимодальных текстах, актуализирующих аудиальный модус, взаимодействие вербального и

многочисленных камерно-вокальных произведений (в частности, Ф. Шуберта, Г. Малера, И. Штрауса, Р. Штрауса), но и оперных либретто (почти все тексты к музыкальным драмам Р. Вагнера, либретто к операм К.В. Глюка «Орфей и Эвридика», Ж. Массне «Манон», отдельные номера из опер «Дон Жуан» В.А. Моцарта, «Мадам Баттерфляй» Дж. Пуччини и др.).

музыкального компонентов «жестко» фиксируется в форме и практически не предполагает вариативности интерпретации. Именно эта особенность аудиальных мультимодальных текстов, к которым можно отнести либретто, определяет дополнительные требования к переводу: соблюдение ритма исходного текста и соответствие перевода музыкальной фразе (то есть совпадение грамматических и музыкальных акцентов).

Данные особенности перевода либретто многие переводчики учитывали интуитивно, однако впервые на них обратил внимание и последовательно воплощал в жизнь Виктор Коломийцов. Как переводчик Коломийцов громко заявил о себе переводом «Тристана и Изольды» Рихарда Вагнера в 1900 году (Вагнер б.г.) и «Нюрнбергских мастеров пения» в 1905 году (Вагнер 1909), хотя еще в студенческие годы он опубликовал в своем переводе отрывки из «Лоэнгрина» (Вагнер 1890). Необходимо подчеркнуть, что становлению особой переводческой системы В. Коломийцова и формированию его творческих интересов способствовало три события.

В 1908 году, имея уже определенный переводческий опыт, Коломийцов участвовал и стал одним из победителей в конкурсе переводов вокальных произведений Ф. Шуберта, организованном известной камерной певицей Марией Алексеевной Олениной-д'Альгейм (1869–1970) к открытию ее «Дома песни» в Москве². Отдельная заслуга Коломийцова – перевод практически всех опер Вагнера на русский язык (девять музыкальных драм были изданы на протяжении 13-ти лет) (Бояркина 2021: 154–155). Несмотря на то, что музыкальные драмы Вагнера были переведены на русский язык практически

² С 1908 по 1916 годы было проведено 7 музыкальных и поэтических конкурсов. Сохранились свидетельства, что в 1910 году (через два года после открытия «Дома песни») проводился уже IV конкурс «Дома песни» М.А. Олениной-д'Альгейм и победителю (перевод на немецкий текстов 12 песен М.П. Мусоргского, по выбору) присуждалась премия в размере 400 рублей. На конкурс было прислано 27 рукописей (то есть конкурс пользовался явным успехом). В жюри конкурсов приглашались известные композиторы и музыкальные критики, переводчики С.И. Танеев, Н.К. Метнер, А.Т. Гречанинов, Н.Д. Кашкин, Ю.Д. Энгель (История русской музыки 2011: 152).

По воспоминаниям современников (А. Белого, В. Брюсова), концерты «Дома песни» имели огромное значение для развития камерно-вокального исполнительства в России, но что особенно важно, организаторы концертов инициировали создание новых вокальных произведений и новых переводов (История 1935: 368). На данном конкурсе выполнялись переводы на русский язык текстов Вильгельма Мюллера из цикла Ф. Шуберта «Прекрасная мельничиха» (название цикла было предложено переводчиком И. Тюменевым при первом переводе цикла в 1883 году). Победителями конкурса стали Л.И. Изюмов, О.Г. Каратыгина, В.П. Коломийцов, М.И. Ливеровская, Г.А. Рачинский, С.И. Рерберг, В.И. Фаненштиль-Рамм и В.М. Фишер. В следующем 1909 году вокальный цикл Шуберта с новыми переводами победителей конкурса был опубликован под названием «Любовь мельника». Цикл Шуберта с данными переводами публиковался еще в 1937 году (Шуберт 1937), но переводы первого переводчика этого цикла И. Ф. Тюменева пользовались большим успехом и переиздавались минимум десять раз. Участие Коломийцова в данном конкурсе имело важные последствия – переводчик постоянно обращался к текстам вокальных произведений Шуберта, а в 1933 году опубликовал «Тексты песен Франца Шуберта» (Тексты 1933) отдельной книгой, в которой были собраны переводы 100 стихотворений.

сразу после их появления в России и продолжали переводиться еще в начале XX в., когда увлечение творчеством Вагнера достигло своего апогея, переводы Виктора Коломийцова публиковались регулярно³. И, наконец, важным этапом творчества Коломийцова стало сотрудничество с издательством «Всемирная литература» в 1919–1920 году (эквиритмические переводы цикла «Цветы зла» Ш. Бодлера, «Книги песен» Г. Гейне, по просьбе А. Блока – перевод «Фауста» И.В. Гете (Кукушкина 2002: 400)⁴.

Переводческая деятельность Виктора Коломийцова была интенсивной и охватывала не только разнообразные типы текста (оперные либретто, драму, циклы стихотворений, тексты к вокальным произведениям, музыкально-теоретические произведения), но и различные языки (в основном немецкий и французский), что в целом способствовало формированию определенного переводческого подхода, который Коломийцов описал во вступительной статье к переводу «Золота Рейна» Р. Вагнера (1910).

2.2. Переводческое «Credo» и терминология

Статью «О музыкальном переводе драм Вагнера» (Вагнер 1910) можно считать одной из первых попыток формулирования принципов перевода текстов к вокальным произведениям на русском языке. Эти принципы затрагивают фундаментальные проблемы не только работы с вагнеровскими текстами, но и «музыкального перевода»⁵ в целом. Под данным термином переводчик подразумевает не просто перевод в сфере музыки (перевод любого текста, тематически близкого к музыке – научной статьи или учебника, анонса, текста к музыке, паратекстов к либретто и др.), а перевод именно текстов к вокальным произведениям. Термин «музыкальный перевод» (по аналогии можно было бы предложить «балетный перевод», «архитектурный перевод», «скульптурный перевод») указывает только на сферу функционирования текста, но не на особый вид перевода. В литературе, особенно начала XX века, можно встретить также термин «вокальный перевод», который также лишен точности: в некоторых случаях подразумевается перевод только текстов к вокальным произведениям (камерно-вокальным и вокально-сценическим) и поэтический перевод текстов к музыке, в других – эквиритмический перевод. В современной научной литературе, посвященной переводу, также

---

³ Необходимо заметить, что в этот период Коломийцов был особенно продуктивен: в 1912 году вышли в свет переводы довольно крупных музыкально-теоретических произведений с немецкого – «Бетховен» Рихарда Вагнера (Вагнер 1912) и «Эскиз новой эстетики музыкального искусства» Ф. Бузони (Бузони 1912), а также переводы с французского – опер «Манон Леско» Ж. Массне (1907) и «Орфей и Эвридика» К. В. Глюка (1908).

⁴ В фондах ИРЛИ РАН (Пушкинский дом) хранятся документы, связанные с переводами Коломийцова (Ф. 730; 27 ед. хр.), в том числе письма Александра Блока, который высоко ценил переводчика, отмечая в его переводах особую точность и близость к оригиналу. Результатом работы над переводами из Г. Гейне стала публикация книги «Избранные стихотворения» в 1929 году (Гейне 1929).

⁵ Термин, часто используемый В. Коломийцовым.

не наблюдается единообразия в использовании терминологии – перевод текстов к вокальным произведениям может быть назван «переводом текстов музыкальных произведений», «переводом музыкально-поэтических текстов», «переводом текстов, положенных на музыку». В случае, если речь идет о переводе либретто, то можно встретить «перевод либретто музыкально-драматического спектакля», «художественный перевод в сфере музыки». Практически все предложенные варианты имеют свои ограничения по сфере функционирования и не могут претендовать на универсальность. Формулировка *перевод текстов к вокальным произведениям* без уточнения жанра произведения и техники перевода могла бы снять большинство противоречий.

В. Коломийцов выделяет семь требований, которые «музыкальный переводчик» (то есть переводчик, работающий с текстами в сфере музыки, в частности, с переводами текстов к вокальным произведениям) должен иметь в виду:

1. Текст перевода обязан быть «удобным для певца». То есть автор признает, что тексты драм Вагнера не всегда легко произносятся в пении, но переводчик, по его мнению, должен стремиться к этому, а также учитывать особенности русской вокальной школы (проблемы с дикцией и постановкой голоса), избегать скопления согласных и гласной «у» на акцентах. К таким выводам Коломийцов пришел благодаря многолетнему сотрудничеству с молодыми певцами при подготовке концертных программ (Вагнер 1910: 9).

2. «Близость к оригиналу», – то есть отсутствие смысловых искажений и сохранение «формы» (количества слогов в строке, фразе, слове).

3. Особое значение имеет «язык перевода», то есть стилистическая ровность, учет особенностей авторского стиля и стиля произведения в целом.

4. «Неприкосновенность музыки» – важное требование, которое касается бережного отношения к вокальной строке и запрет на ее изменение, то есть добавление слогов возможны только на слабых долях такта. Дробление нот на более мелкие длительности допустимо без нарушения характеристик просодии и «уродования природы стиха».

5. При переводе текстов к вокальным произведениям подразумевается «сохранение формы стиха; рифмы», то есть предполагается эквиритмический перевод с полным совпадением количества слогов, учетом чередования сильных и слабых, долгих и кратких слогов. Рифмы сохраняются в зависимости от общей концепции перевода, при этом предпочтительны простые, «идентичные», а не «изысканно-приблизительные, утонченные».

6. Совпадение грамматического акцента с музыкальным, то есть переводчик обязан владеть «музыкально-просодической грамотностью». Сильные и слабые слоги в переводе должны быть переданы точно (например, при выборе местоимения «меня», «моя», «себя», нельзя допускать, чтобы в мелодии акцент приходился на первую долю).

7. «Внутренняя связь поэзии с музыкой» – самый сложный пункт «кредо», в котором переводчик пытается сформулировать интуитивно воспринимаемый интерсемиозис вербального и аудиального компонентов в

мультимодальном тексте либретто. Коломийцов считает, что эта особенность является для перевода текстов к вокальным произведениям едва ли не самой главной, то есть перевод должен производить впечатление, что музыка написана именно на эти слова. Таким образом, если продолжить размышления автора, – переводчик может свободнее интерпретировать содержание и чаще использовать трансформации, чтобы добиться целостного восприятия переводного текста.

Необходимо заметить, что некоторые «пункты» переводческого кредо В. Коломийцова пересекаются, хотя и не полностью. Так, например, во втором и четвертом правиле подчеркивается важность сохранения количества слогов во фразе и условия добавления слогов. Об этом же упоминается в пятом. В пятом и шестом «пункте» говорится о важности совпадения грамматического и музыкального акцента. Такие повторы можно объяснить стремлением автора подчеркнуть важность своих идей – избегать при переводе буквализма, стилистических недочетов, стремиться к эквиритмичности, не внедряться в рисунок мелодии, не игнорировать ритмическую логику исходного поэтического текста и следить за совпадением грамматического и музыкального акцента.

Вступительные слова от переводчика, которыми Коломийцов стал сопровождать практически все свои переводы, раскрывают не только «переводческую кухню» мастера, но и показывают эволюцию развития его мастерства. Так, например, во вступлении к тексту перевода оперы Вагнера «Золото Рейна» переводчик обращает внимание на аллитерацию вагнеровского текста, которую воспроизводит не целиком, а частично, исходя из понимания того, что в тексте на русском языке аллитерация не произведет аналогичного впечатления. А вот во вступлении к переводу «Заката богов» Вагнера он делает акцент на удобстве исполнения переводного текста (в зависимости от типа голоса предлагает использовать определенные гласные на акцентированных нотах, призывает воспроизводить внутреннюю связь музыки и слова и, прежде всего, передавать смыслы).

Любопытно, что многие принципы, выдвинутые Коломийцовым для перевода вокальных текстов, перекликаются с работой К. Чуковского и Н. Гумилева «Принципы художественного перевода» (Чуковский, Гумилев 1919), которая была написана в 1919 году (через девять лет после опубликованного переводческого «кредо» Коломийцова) и которая считается своего рода «началом» теории перевода в России (Федоров 1983: 159, Гарбовский 2019). В этой небольшой брошюре авторы обобщают опыт перевода и редактирования художественной литературы (прозы и поэзии), выполненных в рамках работы издательства «Всемирная литература». Чуковский обращает внимание на передачу стиля произведения, а также сохранения ритмики и «фонетических, звуковых» особенностей текста, «внутренней музыки автора» (Чуковский, Гумилев 1919: 9). Гумилев выдвигает девять важнейших компонентов перевода поэтического текста, а именно: сохранение при пере-

воде метра и размера, числа строк, чередование рифм, характера анжамбемана, рифм, словаря, типа сравнений, особых приемов и переходов тона (Чуковский, Гумилев 1919: 30). Нетрудно заметить, что многие пункты из «кредо» Коломийцова находят отражение в статьях Чуковского и Гумилева: сохранение ритмики и «звуковых» особенностей текста, «формы» – числа строк, метра и размера, чередования рифм, а также характера словаря и типа сравнений, то есть точности при передаче содержания. Нельзя утверждать, что разработанная теория «спетого стихотворения» Коломийцова (Кукушкина 2002: 400) имела непосредственное влияние на создание «Принципов перевода» Чуковского и Гумилева, но не знать о работах Коломийцова авторы брошюры не могли. Во-первых, Коломийцов был их коллегой по издательству «Всемирная литература». Во-вторых, имели успех его вагнеровские переводы, во вступлениях к которым обсуждались переводческие проблемы, к тому же, например, Александр Блок, коллега по «Всемирной литературе», был страстным вагнерианцем (Порфирьева 1994: 19). Идеи Коломийцова, к сожалению, не были особенно популярны, но некоторое продолжение они все-таки имели – так, например, эквиритмический перевод, которым занимался Коломийцов, активно разрабатывался в 30-е годы (Маликова 2017: 23). Продолжали создаваться и эквиритмические переводы либретто – работы М. Кузмина, В. Рождественского, М. Лозинского (Учитель 2015: 525).

3. Материал и методология исследования

Сформулированные Коломийцовым в 1910 году требования к переводу текстов вокальных произведений были результатом обобщения его собственной многолетней практики. Представленный ниже анализ переводов 1910–1913 годов (фрагмента «Оды к радости» Ф. Шиллера (1910-е), фрагментов из опер Р. Вагнера «Тангейзер» (1913), «Парсифаль» (1910) и «Зигфрид» (1911)) приводится в порядке усиления сложности переводческих проблем: точность при передаче ритмической логики исходного текста, выбор лексики, синтаксическое дробление/укрупнение, аллитерация, изоморфизм.

В процедуре анализа текста применены элементы филологического, переводческого анализа текста, статистический подсчет. При сравнительном анализе переводов разных авторов учитывался подход самого В. Коломийцова, декларированный в «кредо», оценивалась точность передачи содержания, формы, обращалось внимание на особенности отдельных переводческих решений.

4. Анализ переводов В. Коломийцова

Сравнение переводных вариантов знаменитой оды «К радости» Ф. Шиллера⁶ показывает особую точность и близость к оригиналу перевода именно

⁶ Текст перевода В. Коломийцова приводится по изданию *Л. Бетховен* Заключительный хор из 9-й симфонии «К радости»; соч. 125 / переложение для ф-но К. Рейнке. М., СПб: Н. и С. Кусевицкие [1910-е].

Виктора Коломийцова (в примере представлены также переводы Ф.И. Тютчева и И.В. Миримского) (табл. 1).

**Таблица 1. Переводы оды «К радости» Ф. Шиллера /
Table 1. Translations of Schiller's «Ode to Joy»**

Ф. Шиллер	Ф.И. Тютчев	И.В. Миримский	В.П. Коломийцов
<i>Freude, schöner Götterfunken, Tochter aus Elysium!</i>	Радость, первенец творенья, Дщерь великого Отца,	Радость, пламя неземное, Райский дух, слетев- ший к нам,	Радость! Дивной искрой Божьей Ты слетаешь к нам с небес!
<i>Wir betreten feuertrunken, Himmlische, Dein Heiligtum.</i>	Мы, как жертву прославленья, Предаем тебе сердца!	Опьянённые тобою, Мы вошли в твой светлый храм.	Мы в восторге беспредельном Входим в храм твоих чудес!
<i>Deine Zauber binden wieder, Was die Mode streng geteilt, Alle Menschen werden Brüder, Wo Dein sanfter Flügel weilt.</i>	Всё, что делит прихоть света, Твой алтарь сближает вновь, И душа, тобой согрета, Пьёт в лучах твоих любовь!	Ты сближаешь без усилия Всех разрозненных враждой, Там, где ты раскинешь крылья, Люди – братья меж собой.	Ты волшебнo вновь связуешь Всё, что делит мир сует: Там мы все – друзья и братья , Где горит твой кроткий свет!

**Рис. 1. Нотный фрагмент финала 9 симфонии Л. Бетховена /
Fig. 1. Note fragment of the finale of Beethoven's 9th Symphony**

В представленном фрагменте оды Ф. Шиллера – четырехстопный хорей, мужские и женские рифмы чередуются с перекрестной рифмовкой (рис. 1). Переводчики передают рифмы и полностью следует музыкальным акцентам. Рифмы в приведенном немецком фрагменте текста оканчиваются на согласный и являются закрытыми. Коломийцов сохраняет эту особенность в отличие от других переводчиков – у Тютчева в первом четверостишье все строки оканчиваются на гласный, что смягчает ударность исходного текста, во втором чередуются гласный и согласный звук. Миримский в первом четверостишье дает чередование звуков, во втором использует только гласный, также смягчая текст Шиллера. Коломийцов практически везде очень близок

к оригиналу по смыслу за счет сохранения лексики исходного текста: *Götterfunken* – «искра Божья» (у Миримского «пламя неземное», Тютчев дает другой образ – «первенец творенья»); *Deine Zauber binden wieder* – «Ты волшебю внювь связуешь», точность во фразе удаётся сохранить за счет выбора глагола («связуешь») и замены существительного на однокоренное наречие («волшебю»), варианты других переводчиков с оригиналом не совпадают; *Alle Menschen werden Brüder* – «Там мы все – друзья и братья», концептуально важный образ «братья» Коломийцов усиливает за счет лексического добавления «друзья», в вариантах других переводчиков в этой строке используются замены, у Миримского образ «братьев» переносится в следующую строку. К некоторым заменам вынужден прибегнуть и Коломийцов: во второй строке первого четверостишья «**Tochter** aus Elysium» предлагается не совсем точный по образу вариант «Ты слетаешь к нам с небес!». Тютчев здесь намного ближе к оригиналу «**Дщерь** великого Отца». Но с точки зрения исполнителя устаревшая церковно-книжная лексема «дщерь» практически непригодна для пения из-за скопления труднопроизносимых согласных. В целом в тексте Коломийцова практически везде сохранена ритмическая логика исходного поэтического текста, совпадают грамматические и музыкальные акценты, не изменен рисунок мелодии.

Та же особая точность отличает переводы вокальных текстов Рихарда Вагнера, выполненные Коломийцовым (в примере представлен фрагмент арии Вольфрама из 3 действия оперы Р. Вагнера «Тангейзер», для сравнения дан довольно распространенный перевод Эм. Орловой) (табл. 2).

Текст «Тангейзера» написан разностопным ямбом, при этом рифмованные фрагменты могут чередоваться с ритмической прозой. В представленном примере мужские и женские рифмы чередуются в смежной рифмовке, причем в первом четверостишье встречаются только мужские рифмы, две следующие строки повторяются и имеют женские рифмы. Коломийцов передает смежную рифмовку, следует музыкальным акцентам, однако не всегда сохраняет характер рифм – в первом четверостишье в оригинале все рифмы оканчиваются на согласный и являются закрытыми, в переводе сохраняется эта особенность только в первых двух строках, все последующие строки оканчиваются на гласный. Из-за стремления переводчика сохранить согласный в конце строки Коломийцев отказывается от образа «вечерней звезды» в первой строке (что делает Орлова) и дает «вечерний свет», который рифмует в следующей строке с лексемой «привет». Эти сложные трансформации, нацеленные на сохранение характера рифмы, несколько отдаляют переводчика от образного строя оригинала, зато в следующих строках Коломийцов очень близок к исходному тексту при выборе лексики – сохранены «от сердца» и «ангел». В целом переводчик везде дает эквиритмический перевод, грамматические и музыкальные акценты совпадают, рисунок мелодии остается неизменным (рис. 2).

**Таблица 2. Перевод арии Вольфрама, «Тангейзер» /
Table 2. Translation of Wolfram's aria, «Tannhäuser»**

Р. Вагнер

*O du, mein hol der **Abendstern**,
wohl grusst' ich immer dich so
gern;
vom **Herzen**, das sie nie verriet,
grusse sie, wenn sie vorbei dir
zieht,
wenn sie entschwebt dem Tal
der Erden,
ein sel'ger **Engel** dort zu
werden,
wenn sie entschwebt dem Tal
der Erden,
ein sel'ger Engel dort zu
werden!*

Эм. Орлова

*О, ты, **вечерняя звезда**,
шлю тебе привет всегда!
Молю, приветствуй ты ее
от сердца верного моего,
Мир наш печальный
покидая,
ее ты встретишь
в селеньях рая.
Мир наш печальный
покидая,
ее ты встретишь,
в селеньях рая.*

В. Коломийцов

*О, нежный луч, **вечерний свет!**
Я шлю звезде моей **привет!**
Приветствуй ты ее, звезда,
От сердца, верного ей
всегда!
Над темным миром слез
витая,
Уходит **ангел** к звездам рая!
Над темным миром слез
витая,
Уходит ангел к звездам рая!*

38 *p* O du mein

43 *pp* hol - der A - bend stern, wohl grüss't ich im - mer

**Рис. 2. Нотный фрагмент арии Вольфрама из 3 действия оперы Р. Вагнера «Тангейзер» /
Fig. 2. Note fragment of Wolfram's aria from act 3 of R. Wagner's opera Tannhäuser**

Переводы В. Коломийцова текста вагнеровского «Парсифаля» имеют также более точные решения по сравнению с другими переводами, в частности, переводами Вс. Чехихина, причем как в авторских ремарках, так и в тексте партий (начало 3 действия) (табл. 3).

Таблица 3. Перевод фрагмента «Парсифаля» /
Table 3. Translation of «Parsifal»

В. Вагнер

GURNEMANZ (Wagner 1877)

DRITTER AUFZUG

Freie, anmutige

Frühlingsgegend auf dem Gebiete des Grales. Nach dem Hintergrunde zu sanft ansteigende Blumenäue. Den Vordergrund nimmt der Saum des Waldes ein, der sich nach rechts zu, auf steigendem Felsengrund, ausdehnt. Im Vordergrunde, an der Waldseite, ein Quell; ihm gegenüber, etwas tiefer, eine schlichte Einsiedlerhütte, an einen Felsblock gelehnt. Frühester Morgen.

GURNEMANZ

zum hohen Greise gealtert, als Einsiedler, nur in das Hemd des Gralsritters gekleidet, tritt aus der Hütte und lauscht.

Von dorthen kam das **Stöhnen**: so jammervoll klagt kein Wild, und gewiss gar nicht am heiligsten Morgen heut.

Dumpfes Stöhnen von **Kundrys** Stimme

Mich dünkt, ich kenne diesen Klageruf?

Er schreitet entschlossen einer Dornenhecke auf der Seite zu: diese ist gänzlich überwachsen; er reißt mit Gewalt das Gestrüpp auseinander: dann hält er plötzlich an

Ha! Sie – wieder da?
Das winterlich rauhe Gedörn hielt sie verdeckt, – wie lang schon?

Пер. Вс. Чешихина

ГУРНЕМАНЦ (Вагнер 1898: 15)

Третье действие

(В области Граля. – Привольная, приветливая весенняя местность с цветочным лугом, постепенно поднимающимся к глубине сцены. Передний план занимает опушка леса, простирающегося направо. На переднем плане, у леса, ручей; напротив, в углублении почвы, простая лачужка пустынного, прислоненная к скалам.

Раннее утро. – Гурнеманц, состарившийся до полной седины, бедно одетый в хитон рыцаря Граля, выходит из хижинки и прислушивается).

Гурнеманц.

Не стон ли я услышал! – Так скорбно не стонет зверь, – Да притом в сей день священный, всех дней святых!

Я мню: знаком мне этот грустный зов.
(Глухой стон, как бы спящего человека, мучимаго кошмаром. Гурнеманц, сообразив, направляется к терновым кустам в стороне, но не может пробраться через них; он с силою раздирает кусты. Внезапно он останавливается в изумлении).

Пер. В. Коломийцова

ГУРНЕМАНЦ (Вагнер 1914: 49–50)

ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ

(В области Грааля. Привольный, прелестный весенний пейзаж. Цветочный луг, отлого поднимающийся к заднему плану. Авансцену окаймляет опушка леса, который простирается вправо на скалистой почве, идущей в гору. На переднем плане, в стороне леса, – родник; на противоположной стороне, несколько ближе к заднему плану, – простая хижина отшельника, прислонившаяся к скале. Раннее утро. – Гурнеманц, достигший глубокой старости и живущий отшельником, бедно одетый только в хитон рыцарей Грааля, выходит из хижинки и прислушивается).

Гурнеманц

В кустах там кто-то стонет... Так жалобно не плачет зверь, – да ещё в такой святой и великий день...

(Раздаётся глухой стон женщины, словно в глубоком сне мучимой бредом.)

Ну да, – я знаю этот скорбный вопль...

(Гурнеманц решительно идёт в сторону густой, непроницаемой заросли терновника и с силой раздвигает кусты. Внезапно он останавливается).

Auf! Kundry! Auf!
Der Winter floh, und Lenz ist
da!

Как! Ты – снова здесь? –
Кустарник осенний от глаз
Прятал тебя – как долго?
Встань! Кундри! Встань!
Зима прошла, весна при-
шла!

Гурнеманц

Ха! Ты снова здесь!
Терновник от суровой
зимы
спрятал тебя, – давно ли?

Встань! – Кундри! – Встань!
Зимы уж нет, – весна при-
шла!

В данном фрагменте монолога, который произносит один из рыцарей Грааля, Вагнер придерживается ритмической прозы, чередуя количество ударений в строках и не используя рифму. Перевод Вс. Чешихина довольно точный, эквиритмический, тем не менее встречается много лексических добавлений («Гурнеманц, *сообразив, направляется к терновым кустам в стороне, но не может пробраться через них; он с силою раздирает кусты. Внезапно он останавливается в изумлении*»), переносов («Глухой стон, как бы спящего человека, мучимаго кошмаром») и даже пропусков в ремарках. Перевод Коломийцова близок к оригиналу по содержанию («*Im Vordergrund, an der Waldseite, ein Quell*» – «На переднем плане, в стороне леса, – родник», в отличие от варианта Чешихина «На переднем плане, у леса, *ручей*»), максимально сохраняет вагнеровскую ритмическую структуру. Так, во фразе «Von dorthier kam das **Stöhnen**» особенно удачен вариант «В кустах там кто-то **стонет**...», в котором Коломийцеву удается сохранить в ударной позиции однокоренную лексему, в отличие от варианта Чешихина, в котором переводчик использует глагол «услышал», с не очень удобным для пения «ы» в ударной позиции, а глагол «стонет» переносит в следующую строку: «Не стон ли я услышал! – Так скорбно не **стонет** зверь». В начале представленного отрывка можно обратить внимание на перенос обстоятельства места («**В области Граля**»), причем этот перенос практически не мотивирован. Важно заметить, что этот перенос, а также синтаксическое дробление фразы, впервые появились в переводе Чешихина, что наталкивает на мысль, что Коломийцов был знаком с предшествующими переводами и, вероятно, находился под их влиянием. У Чешихина наблюдается более свободное обращение с синтаксическими структурами, в переводах Коломийцова синтаксические дробление или укрупнение встречаются крайне редко.

Подобный пиетет Коломийцова к исходному тексту можно заметить и в переводах «Зигфрида» Р. Вагнера (начало I действия, для сравнения дается перевод И.Ф. Тюменева) (табл. 4).

**Таблица 4. Перевод фрагмента «Зигфрида» /
Table 4. Translation of the «Siegfried» fragment**

Р. Вагнер SIEGFRIED (Wagner 1876) MIME	Пер. И. Тюменева ЗИГФРИД (Вагнер 1897) Миме	Пер. В. Коломийцова ЗИГФРИД (Вагнер 1911) МИМЕ
Zwangvolle Plage! Müh' ohne Zweck! Das beste Schwert, das je ich geschweisst, in der Riesen Fäusten hielt es fest; doch dem ich's geschmiedet, der schmäähliche Knabe, er knickt und schmeisst es entzwei, als schüf' ich Kindergeschmeid!	Даром я мучусь! – Даром весь труд! – Недавно меч Сковать удалось: – Великана силу Вынес бы он, – А этот мучитель, Несносный мальчишка, Разнес его на куски, сломал, как щепку его! –	<i>(прерывая работу)</i> Плохо пришлось мне! Просто хоть плачь! Крепчайший меч, что выковал я, великану мог бы верно служить, но он, мой мучитель, бессовестный мальчик, ломает вдребезги сталь, мой труд швыряет, как хлам!
<i>Mime wirft das Schwert unmutig auf den Amboss, stemmt die Arme ein und blickt sinnend zu Boden</i>	<i>(Сердито бросает меч на наковальню, подбоченивается и в раздумье смотрит на землю).</i>	<i>(С неудовольствием бросает меч на наковальню, подбоченивается и задумчиво глядит в землю.)</i>
Es gibt ein Schwert, das er nicht zerschwänge: Notungs Trümmer zertrotzt' er mir nicht, könn't' ich die starken Stücke schweissen, die meine Kunst nicht zu kitten weiss! Könn't' ich's dem Kühnen schmieden, meiner Schmach erlangt' ich da Lohn!	Один был меч, – Тот удар бы вынес: Нотунг старый, Тот бы был по нем, Когда б скрепить Я мог обломки, Когда б сумел Сделать меч из них! Если б его сковал я, Награжден я был бы за все!	Один лишь меч не швырнул бы Зигфрид: Нотунг был бы ему по руке, когда б я мог осколки сплавить и новый меч из кусков сковать... Будь это мне по силам, испулил бы я мой позор!
<i>Er sinkt tiefer zurück und neigt sinnend das Haupt</i>	<i>(опускается назад, задумчиво склонив голову).</i>	<i>(Задумывается, низко склонив голову.)</i>
Fafner, der wilde Wurm, lagert im finstren Wald; mit des furchtbaren Leibes Wucht der Niblungen Hort hütet er dort. Siegfrieds kindischer Kraft erläge wohl Fafners Leib: des Niblungen Ring erränge er mir.	Фафнер свирепый змей, Грузно залег в лесу И хранит, придавив собой, Он Нибелунга клад От всех людей. Зигфрид эти мечом Наверно б справился с ним: Кольцо Нибелунга Досталось бы мне.	Фафнер, свирепый змей, в чаще во тьме лежит; под ужасной громадой своей он Ниблунгов клад там стережёт... Зигфрида юная мощь могла бы змея сразить: золотое кольцо досталось бы мне...
Nur ein Schwert taugt zu der Tat; nur Notung nützt meinem	Но только Нотунг один, Когда б им Зигфрид владел, Злодея мог бы сразить.	Лишь Нотунг дело свершит, насытит зависть мою, с ним Зигфрид непобедим!

<p>Neid, wenn Siegfried sehrend ihn schwingt: und ich kann's nicht schweissen, Notung, das Schwert!</p> <p><i>Er hat das Schwert wieder zurechtgelegt und hämmert in höchstem Unmut daran weiter</i></p> <p>Zwangvolle Plage! Müh' ohne Zweck! Das beste Schwert, das je ich geschweisst, nie taugt es je zu der einzigen Tat! Ich tappe und hämmre nur, weil der Knabe es heischt: er knickt und schmeisst es entzwei, und schmäht doch, schmied' ich ihm nicht!</p> <p>Er lässt den Hammer fallen. <i>Siegfried, in wilder Waldkleidung, mit einem silbernen Horn an einer Kette, kommt mit jähem Ungestüm aus dem Walde herein; er hat einen grossen Bären mit einen Bastseile gezäumt und treibt diesen mit lustigem Übermüte gegen Mime an</i></p> <p>SIEGFRIED Hoiho! Hoiho! Hau' ein! Hau' ein! Friss ihn! Friss ihn! Den Fratzenschmied!</p>	<p>Но, увы, я не в силах Нотунг скрепить!</p> <p><i>(с величайшей досадою снова принимается сту- чать молотком).</i> Даром я мучусь! – Даром весь труд! – Какой бы меч Я здесь ни сковал, Не может подвиг Он тот совершить! Стучу, колочу, Стараюсь для Зигфрида я, А он ломает их все; Все новых требует он!</p> <p><i>(Из леса с буйной быстро- той появляется Зигфрид в грубой лесной одежде, с серебряным рогом на це- почке. Он ведет большого медведя, взнузданного лы- ковой мочалою и со сме- хом, шая, уськает его на Миме).</i></p> <p>Зигфрид Хой-хо! Хой-хо! Возьми его! Ну же, Мишка, Хватай скорей!</p>	<p>Но не в силах Миме Нотунг сковать!</p> <p><i>(Снова берётся за меч и продолжает ковать с ве- личайшим неудоволь- ствием.)</i></p> <p>Плохо пришлось мне! Про- сто хоть плачь! Крепчайший меч, что выко- вал я, великий подвиг бессилён свершить! С утра и до ночи мальчик велит мне стучать, а сам, ломая мой труд, за леность Миме бранит!</p> <p><i>(Роняет молот. Зигфрид в диком лесном одеянии, с серебряным рогом на це- почке, стремительно по- является из леса, он взнуз- дал лыком большого мед- ведя и в шутку натравли- вает его на Миме.)</i></p> <p>ЗИГФРИД Хой-хо! Хой-хо! Хватай! Хватай! Съешь же дурня, сожри его!</p>
---	---	--

В данном фрагменте из «Зигфрида» Вагнер придерживается ритмической прозы, чередуя различное количество ударений в строке, без рифм, но с использованием аллитераций как на сильном времени, так и на слабом («**Z**wangvolle Plage! Müh' ohne **Z**weck! wenn Siegfried sehrend ihn **s**chwingt: und ich kann's nicht **s**chweissen, Notung, das **S**chwert!»). В переводе Тюменева сохраняется ритмическая структура, но аллитерация не всегда выдерживается, не сохраняются также гласные в сильных позициях. Смысловые акценты смещаются («nur Notung nützt meinem **N**eid, wenn Siegfried sehrend

ihn schwingt» – «Когда б им Зигфрид владел, Злодея мог бы сразить»), возникают случайные неточные рифмы («Злодея мог бы сразить. Но, увы, я не в силах Нотунг скрепить!»), сокращены авторские ремарки (фраза «**Er lässt den Hammer fallen**» в переводе Тюменева не отражена), переводчик жертвует совпадением гласных на акцентированных нотах. В переводе Коломийцова передается исходный ритм полностью, по возможности сохраняются повторы, аллитерация (особенно удачен изоморфизм при передаче строки: «**Ho!ho! Ho!ho! Hau' ein! Hau' ein!**» – «Хой-хо! Хой-хо! **Хватай! Хватай!**»), в отличие от варианта Тюменева: «Хой-хо! Хой-хо! **Возьми его!**»), авторские ремарки переданы полно и точно.

5. Обсуждение результатов

Анализ исследуемого материала показал, что в переводах В. Коломийцова заметно особое внимание к «форме» исходного текста – всегда обеспечивается эквиритмия, по возможности характер рифм, ударения, аллитерация, выбираются удобные для пения гласные на сильных долях. При этом выбор лексики максимально близок к оригиналу, то есть для переводчика очень важно сохранение образности и по возможности изоморфизм. Близость к оригиналу в переводе у Коломийцова проявляется еще и в бережном отношении к синтаксису (практически не допускаются дробление или укрупнение фраз), точно передаются ремарки автора – то есть проявление визуального компонента в тексте (описания сценического оформления произведения) передаются с максимальной близостью к оригиналу.

Если сравнить переводные тексты Коломийцова с «пунктами» его кредо, то заметен любопытный феномен: на первое место в своей системе Коломийцов ставит прагматический аспект – переводной текст должен быть удобным для исполнения, гармоничным (это коррелирует с пунктом о единстве мультимодального текста, объединяющего вербальный и аудиальный компонент). Именно этой цели подчинены все остальные требования к переводу – смысловая точность, стилистическая ровность и сохранение формы. «Музыкальный» компонент в переводе проявляется на уровне сохранения ритма исходного поэтического текста (обеспечение эквиритмии) и неизбежности музыкальной линии (совпадение грамматических и музыкальных акцентов, сохранение длительностей на сильных долях). Но в действительности анализ материала показывает, что сам переводчик такой строгой иерархии не придерживается, он стремится передать и сохранить все компоненты исходного текста.

Продолжая мысль В. Коломийцова о переводе текстов к вокальным произведениям и распространяя ее в целом на мультимодальные тексты с аудиальным компонентом, требования к переводу можно было бы схематически представить следующим образом (табл. 5).

**Таблица 5. Требования к переводу аудиального мультимодального текста /
Table 5. Requirements for translating an auditory multimodal text**

Прагматический аспект	Переводческий аспект	Мультимодальный аспект
– удобство исполнения	– смысловая точность – стилистическая ровность	интерсемиозис вербального и музыкального компонентов текста: – эквиритмический перевод – совпадение грамматических и музыкальных ударений – сохранение ритма музыкальной линии

Важно подчеркнуть, что сравнительный анализ переводов Коломийцова и известных в свое время переводчиков либретто К. Званцова, Вс. Чешихина, И. Тюменева и др. показывает довольно широкий спектр возникающих переводческих проблем мультимодального текста с аудиальным компонентом, которые касаются и техники перевода (сохранение либо формы, либо смысла; буквализмы; стилистические дефекты; сбой в ритме), и концептуального подхода (упрощенные образы и лексика; невнимание к удобству исполнения переводного текста), что еще раз доказывает необходимость в рамках аудиальной лингвистики изучения мультимодальных текстов с аудиальным компонентом и проблем их перевода.

6. Заключение

В данной статье на основе анализа переводческих принципов Виктора Коломийцова и его переводных текстов ставилась задача определить основные требования к переводу либретто как мультимодального текста, объединяющего вербальный и аудиальный компонент в текстовом единстве, чтобы ответить на исследовательский вопрос – в чем именно состоит особенность перевода мультимодального текста, ориентированного на аудиальный модус, а в случае с переводом оперных либретто – с помощью каких ресурсов можно осуществить подобный перевод.

В переводческом кредо Виктора Коломийцова, одного из самых известных переводчиков либретто начала XX века, было выдвинуто семь принципов, главными из которых стали стремление к эквиритмичности, сохранение ритмической логики музыкальной линии вокального текста и удобство для исполнения. Сравнительный анализ переводов фрагмента оды «К радости» Ф. Шиллера и фрагментов либретто Р. Вагнера выявил основные проблемы перевода аудиального мультимодального текста, которые могут касаться как «технического», так и концептуального плана.

Результаты исследования показали, что мультимодальные тексты либретто действительно представляют особую сложность для переводчика и требуют дальнейшего изучения в рамках аудиальной лингвистики. Связь текста с мелодической линией, с ее акцентами и ритмом, предопределяет структуру подобного текста. «Жесткая спаянность» музыки и слова практически не

оставляет свободы для вариативности интерпретаций исходного мультимодального текста – определены формы, кульминации, интонация фраз, отчасти объемы дополнительных смыслов. То есть музыкой «прописан» вариант прочтения текста. Для переводчика это означает дополнительные ограничения, которые довольно трудно преодолеть. Как известно, соотнесенный с музыкой эквиритмический перевод – один из самых сложных видов перевода, и потери в виде смысловых неточностей либо в виде нарушения «формы» (изменение рифмы, метра, количества слогов, несовпадение акцентов и т.д.), к сожалению, неизбежны. Поэтому особенно ценны переводные тексты Виктора Коломийцова, который первым попытался осмыслить и преодолеть сложности подобного перевода. На закате переводческой деятельности он пришел к выводу, что главными требованиями к переводу либретто являются сохранение «внутренней связи поэзии с музыкой» и «вокальное» удобство, интуитивно указывая, таким образом, на основные проблемы перевода аудиального мультимодального текста.

REFERENCES / СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бояркина А.В. Виктор Коломийцов: переводы Вагнера // *Сравнительное искусствознание – XXI век*. 2. Санкт-Петербург, РИИИ. 2021. С. 151–163. [Boyarkina, Albina V. 2021. Viktor Kolomiitsov: perevody Wagnera (Viktor Kolomiytsov: Wagner translations). *Sravnitel'noe Iskusstvoznanie – XXI vek* 2. St. Petersburg, RIII. 151–163. (In Russ.).]
- Бояркина А.В., Пузейкина Л.Н. Субтитры к операм Вагнера: перевод либретто или сочинение нового текста? // *Материалы X международной научно-практической конференции*, Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А.С.Пушкина. Ответственный редактор И. Л. Гарбар. 2019. С. 26–33. [Boyarkina, Albina V. & Larisa N. Puzeikina 2019. Subtitry k operam Wagnera: perevod libretto ili sochinenie novogo teksta? (Subtitles for Wagner operas: Translating the libretto or writing a new text?) In Irina L. Garbar (ed.), *Perevod. Yazyk. Kul'tura. Materialy` X Mezhdunarodnoi Nauchno-prakticheskoi Konferenczii*, 26–33. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University. (In Russ.).]
- Гаврилова М.В. Социальная семиотика: теоретические основания и принципы анализа мультимодальных текстов / М.В. Гаврилова // *Политическая наука*. 2016. № 3. С. 101–117. [Gavrilova, Marina V. 2016. Social'naya semiotika: teoreticheskie osnovaniya i principy analiza mul'timodal'nyh tekstov (Social semiotics: Theoretical foundations and principles for the analysis of multimodal texts. *Politicheskaya Nauka* 3. 101–117. (In Russ.).]
- Гарбовский Н.К. 100 лет отечественной теории перевода (к 100-летию выхода в свет «Принципов художественного перевода» К. Чуковского и Н. Гумилёва) / Н.К. Гарбовский // *Вестник Московского университета*. Серия 22: Теория перевода. 2019. № 2. С. 36–51. [Garbovskij, Nikolai K. 2019. 100 let Otechestvennoi teorii perevoda (k 100-letiyu vyhoda v svet “principov hudozhestvennogo perevoda” K. Chukovskogo i N. Gumilyova) (100 years of Russian translation theory (to the 100th anniversary of the publication of “Principles of Literary Translation” by K. Chukovsky and N. Gumilyov). *Vestnik Moskovskogo Universiteta*. Seriya 22: Teoriya perevoda 2. 36–51. (In Russ.).]
- Загидуллина М.В. Мультимодальность: к вопросу о терминологической определенности // *Знак: проблемное поле медиаобразования*. 2019. № 1(31). С. 181–188. [Zagidullina,

- Marina V. 2019. Mul'timodal'nost': k voprosu o terminologicheskoi opredelennosti (Multimodality: On the issue of terminological certainty). *Znak: Problemnoe Pole Mediaobrazovaniya* 1(31). 181–188. (In Russ.).
- История музыки: сжатый очерк. Е. М. Браудо. 2-е изд., испр. и доп. М.: Музгиз, 1935. [Istoriia muzyki: szhatyi ocherk (History of music: A concise essay). 1935. Evgeny M. Braudo. 2nd issue. Moskow: Muzgiz. (In Russ.).]
- История русской музыки. Т. 10В, кн. 1: 1890–1917: хронограф [под общ. науч. ред. Е.М. Левашева]. Москва: Языки славянских культур: издатель А. Кошелев, 2011. [Istoriia russkoi muzyki (History of Russian music). 2011. V. 10B, b. 1: 1890–1917: chronograph. In Evgeny M. Levashev (ed.). Moskow: Iazyki slavianskikh kul'tur: izdatel' A. Koshelev. (In Russ.).]
- Кибрик А.А. Мультимодальная лингвистика // *Когнитивные исследования: сборник научных трудов*. Москва: Издательство «Институт психологии РАН». 2010. С. 135–152. [Kibrik, Andrej A. 2010. Mul'timodal'naya lingvistika (Multimodal linguistics). *Kognitivnye Issledovaniya: Sbornik Nauchnyh Trudov*. Moskow: Izdatel'stvo "Institut psikhologii RAN". 135–152. (In Russ.).]
- Козуляев А.В. Аудиовизуальный полисемантический перевод как особая форма переводческой деятельности и особенности обучения данному виду перевода / А.В. Козуляев // *XVII Царскосельские чтения: Материалы международной научной конференции 23–24 апреля 2013 г. Том I, Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2013 года / Под редакцией профессора В.Н. Скворцова*. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2013. С. 374–381. [Kozlyayev, Aleksey V. 2013. Audiovizual'ny polisemanticheskii perevod kak osobaya forma perevodcheskoi deyatel'nosti i osobennosti obucheniya dannomu vidu perevoda (Audiovisual polysemantic translation as a special form of translation activity and features of teaching this type of translation). *XVII Tsarskosel'skie Chteniya* 1. St. Petersburg: Pushkin Leningrag State University. 374–381. (In Russ.).]
- Контрерас Кооб А., Бояркина А.В. Городской звуковой ландшафт в фантастическом кино // *Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города*. 2022. Т. 1. № 2. С. 86–100. [https://doi.org/10.34680/urbis-2022-1\(2\)-86-100](https://doi.org/10.34680/urbis-2022-1(2)-86-100) [Contreras Koob, Alejandra & Albina V. Boyarkina. 2022. Gorodskoi zvukovoi landshaft v fantasticheskom kino (Urban soundscape in fantasy cinema). *Urbis et Orbis. Mikroistoriya i Semiotika Goroda* 1 (2). 86–100. (In Russ.).]
- Кресс Г. Социальная семиотика и вызовы мультимодальности / пер. с англ. Т.Ш. Адильбаев, И.В. Фомин // *Политическая наука*. 2016. № 3. С. 77–100. [Kress, Günter. 2016. Social'naya semiotika i vyzovy mul'timodal'nosti (Social semiotics and challenges of multimodality). *Politicheskaya Nauka* 3. 77–100. (In Russ.).]
- Кукушкина Т.А. Из литературного быта Петрограда начала 1920-х годов (Альбомы В.А. Сутугиной и Р.В. Румы) / вступ. ст., подгот. текста, коммент. Т.А. Кукушкиной // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год*. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 341–402. [Kukushkina, Tatiana A. 2002. Iz literaturnogo byta Petrograda nachala 1920-kh godov (Al'bomy V. A. Sutuginoi i R. V. Rury) (From the Literary Life of Petrograd in the Early 1920s (Albums by V. A. Sutugina and R. V. Rura)). *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1997 god*. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin. 341–402. (In Russ.).]
- Маликова М.Э. К описанию 'филологического перевода' в 1930-е гг.: А.А. Франковский переводчик английского романа XVIII в. // *Studia Litterarum*. 2017. Т. 2. № 3. С. 10–45. [Malikova, Maria E. 2017. K opisaniuu 'filologicheskogo perevoda' v 1930-e gg.: A. A. Frankovskii perevodchik angliiskogo romana XVIII v. (To the

- description of ‘philological translation’ in the 1930s: A. A. Frankovsky is a translator of the English novel of the 18th century). *Studia Litterarum* 2 (3). 10–45. (In Russ.).
- Медова А.А. Онтология модальности: дисс. ... д-ра философских наук: 09.00.01 / А.А. Медова. Омск, Омский государственный педагогический университет. 2016. [Medova, Anastasiya A. 2016. *Ontologiya modal'nosti: dissertatsiya ... d-ra filosofskih nauk: 09.00.01*. Omsk: Omsk Pedagogical University. (In Russ.).]
- Омельяненко В.А. Поликодовые тексты в аспекте теории мультимодальности / В.А. Омельяненко, Е.Н. Ремчукова // *Коммуникативные исследования*. 2018. Т. 3. № 17. С. 66–78. [Omel'yanenko, Victoria A. & Elena N. Remchukova. 2018. *Polikodovye teksty v aspekte teorii mul'timodal'nosti* (Polycode texts in the aspect of the theory of multimodality). *Kommunikativnye Issledovaniya* 3 (17). 66–78. (In Russ.).]
- Порфирьева А.Л. Блок и Вагнер // Россия – Европа. Контакты музыкальных культур. *Problemata musicologica* 7. Санкт-Петербург: РИИИ. 1994. С. 186–220. [Porfir'eva, Anna L. 1994. *Blok i Wagner*. Rossiia – Europa. Kontakty muzykal'nykh kul'tur (Blok and Wagner. Russia – Europe. Contacts of musical cultures). *Problemata Musicologica* 7. St. Petersburg. 186–220. (In Russ.).]
- Сдобников В.В. Переводоведение сегодня: вечные проблемы и новые вызовы // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. №2. С. 295–327. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-2-295-327> [Sdobnikov, Vadim V. 2019. *Perevodovedenie segodnya: vechnye problemy i novye vyzovy* (Translation studies today: Eternal problems and new challenges). *Russian Journal of Linguistics* 23 (2). 295–327. (In Russ.).]
- Симян Т.С. Сергей Параджанов и Тифлис: «гид» культурной памяти, городское пространство и его трансформация // *Критика и семиотика*. 2022. № 1. С. 198–215. [Simyan, Tigran S. 2022 *Sergej Paradzhanov i Tiflis: “gid” kul'turnoi pamyati, gorodskoe prostranstvo i ego transformatsiya* (Sergei Parajanov and Tiflis: a “guide” of cultural memory, urban space and its transformation). *Kritika i Semiotika* 1. 198–215. (In Russ.).]
- Учитель К.А. Михаил Лозинский: неизвестный перевод оперного либретто. *Искусствознание*. 2015. № 1–2. С. 525–537. [Uchitel', Konstantin A. 2015. *Mikhail Lozinskii: neizvestnyi perevod opernogo libretto* (Mikhail Lozinsky: Unknown translation of opera libretto). *Iskusstvoznanie* 1–2. 525–537. (In Russ.).]
- Федоров А.В. Искусство перевода и жизнь литературы: Очерки. Ленинград, Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1983. [Fedorov, Andrey V. 1983. *Iskusstvo perevoda i zhizn' literatury: Ocherki*. Leningrad: Sov. pisatel'. Leningr. otd-nie (The Art of Translation and the Life of Literature: Essays). Leningrad: Soviet writer. Leningrad branch. (In Russ.).]
- Чернявская В.Е. Медиальность: опыт осмысления формирующейся парадигмы в лингвистике // *Медиалингвистика*. 2015. Т. 1. № 6. С. 7–14. [Chernyavskaya, Valeria E. 2015. *Medial'nost': opyt osmysleniya formiruyushchejsya paradigmy v lingvistike* (Mediality: The experience of comprehending the emerging paradigm in linguistics). *Medialingvistika* 1 (6). 7–14. (In Russ.).]
- Чернявская В.Е. Визуальность в социокультурной проекции // *Праксема. Проблемы визуальной семиотики*. 2021. Т. 2. № 28. С. 96–109. [Chernyavskaya, Valeria E. 2021. *Vizual'nost' v sociokul'turnoj proekcii* (Visuality in sociocultural projection). *Praksema. Problemy vizual'noi semiotiki* 2 (28). 96–109. (In Russ.).]
- Чуковский К.И., Гумилев Н.С. Принципы художественного перевода. Статьи К. Чуковского и Н. Гумилева. Петербург: «Всемирная литература», 1919. 30, [1] с. [Chukovsky, Korney I. & Nikolay S. Gumilev. 1919. *Printsipy khudozhestvennogo perevoda*. Stat'i K. Chukovskogo i N. Gumileva (Principles of literary translation. Articles by K. Chukovsky and N. Gumilyov). Peterburg: “Vsemirnaia literatura”. 30, [1]. (In Russ.).]

- Kress, Günter. 2010. *Multimodality. A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication*. London: Routledge.
- Kress, Günter. 2001. *Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication*. In Günter Kress & Theo van Leeuwen (eds.). London: Edward Arnold.
- Massey, Gary. 2021. Applied translation studies and transdisciplinary action research: Understanding, learning and transforming translation in professional contexts. *Russian Journal of Linguistics* 25 (2). 443–461. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-2-443-461>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Бетховен Л. Заключительный хор из 9-й симфонии «К радости»; соч. 125 / переложение для ф-но К. Рейнеке. М., СПб: Н. и С. Кусевицкие [1910-е]. [Beethoven, Ludwig von. 1910. *Zaklyuchitel'nyj hor iz 9-j simfonii "K radosti"*; soch. 125 / pereložhenie dlya f-no K. Reineke. M., SPb: N. i S. Kusevickie [1910] (In Russ.)].
- Бузони Ф. Эскиз новой эстетики музыкального искусства, пер. с нем. [и предисл.] В. Коломийцова. Санкт-Петербург: А. Дидерихс, 1912. [Buzoni, Ferruccio. 1912. *Eskiz novoi estetiki muzykal'nogo iskusstva*, per. s nem. [i predisl.] V. Kolomiitsova. Saint Petersburg: A. Diderikhs. (In Russ.)].
- Вагнер Р. Бетховен, в пер. и с предисл. Виктора Коломийцова. 2-е изд. Санкт-Петербург; М.: изд. С. и Н. Кусевицких, 1912 (тип. С.Л. Кинда в Спб.). [Wagner, Richard. 1912. *Beethoven*. V per. i s predisl. Viktora Kolomiitsova. 2-e izd. Saint Peterburg; Moskow: izd. S. i N. Kusevitskikh, 1912 (tip. S.L. Kinda v Spb.). (In Russ.)].
- Вагнер Р. Зигфрид = Siegfried. Von Richard Wagner; Vollständiger Klavierauszug; Erleichterte Bearbeitung von R.Kleinmichel. Рус. пер. И.Тюменева. М.: П.Юргенсон, ценз. 1897. [Wagner, Richard. 1897. *Siegfried*. Von Richard Wagner; Vollständiger Klavierauszug; Erleichterte Bearbeitung von R.Kleinmichel. Rus. per. I.Tyumeneva. M.: P. Jurgenson, tsenz. (In Russ.)].
- Вагнер Р. Зигфрид: Второй день трилогии «Кольцо Нибелунга», Рихард Вагнер; Пер. Виктора Коломийцова. (Пер. этот вполне приспособлен для пения). М.: П. Юргенсон, 1911. [Wagner, Richard. 1911. *Siegfried: Vtoroi den' trilogii "Kol'tso Nibelunga"*. Richard Wagner; Per. Viktora Kolomiitsova. (Per. ehtot vpolne prisposoblen dlya peniya). Moskow: P. Jurgenson. (In Russ.)].
- Вагнер Р. Золото Рейна: Предвечерие трилогии «Кольцо Нибелунга»: (Перевод этот вполне приспособлен для пения); Пер. В. Коломийцова. М.: П. Юргенсон, 1910. [Wagner, Richard. 1910. *Zoloto Reina: Predvecherie trilogii "Kol'tso Nibelunga"*: (Perevod etot vpolne prisposoblen dlia peniia); Per. V. Kolomiitsova. Moskow: P. Jurgenson. (In Russ.)].
- Вагнер Р. Нюренбергские мастера пения: Муз. комедия в 3 д.: (Пер. этот вполне приспособлен для пения). Рихард Вагнер; Пер. Виктора Коломийцова. М.: П. Юргенсон, 1909. [Wagner, Richard. 1909. *Niurenbergskie mastera peniia*: Muz. komediia v 3 d. : (Per. etot vpolne prisposoblen dlia peniia). Richard Wagner; Per. Viktora Kolomiitsova. Moskow: P. Jurgenson. (In Russ.)].
- Вагнер Р. Парсифаль = Parsifal: Ein Bühnenweihfestspiel, Von Richard Wagner; Vollständiger Klavierauszug; Erleichterte Bearbeitung von R.Kleinmichel. М.: П. Юргенсон, ценз., 1898. [Wagner, Richard. 1898. *Parsifal' = Parsifal*: Ein Bühnenweihfestspiel. Von Richard Wagner; Vollständiger Klavierauszug; Erleichterte Bearbeitung von R.Kleinmichel. Moskow: P. Jurgenson, tsenz. (In Russ.)].
- Вагнер Р. Парсифаль: Драма-мистерия в 3 д.: (Пер. этот вполне приспособлен для пения). Рихард Вагнер; Пер. Виктора Коломийцова. [3-е изд.]. М.: П. Юргенсон, 1914.

- [Wagner Richard. 1914. *Parsifal'*: *Drama-misteriya v 3 d.*: (Per. ehtot vpolne prisposoblen dlya peniya). Richard Wagner; Per. Viktora Kolomiitsova. [3-e izd.]. Moskow: P. Jurgenson, 1914. (In Russ.)].
- Вагнер Р. Прощание Лоэнгрин = Lohengrin beim Abschied: “О, лебедь мой! Ты в грустный и тоскливый час...” : из оперы “Лоэнгрин” : [для голоса с сопровождением фортепиано : e¹-a²] , Р. Вагнер: перевод В. Коломийцова. М.: П. Юргенсон, [1890]. 5 с. [Wagner, Richard. 1890. Wagner R. *Proshchanie Lohengrina = Lohengrin beim Abschied*: “O, lebed' moi! Ty v grustnyi i tosklivyi chas...” : iz opery “Lohengrin” : [dlia golosa s soprovozhdeniem fortepiano : e¹-a²]. R. Wagner: perevod V. Kolomiitsova. Moskow: P. Jurgenson. 5. (In Russ.)].
- Вагнер Р. Тристан и Изольда = Tristan und Isolde: Драма в 3-х актах Рихарда Вагнера. Пер. В. Коломийцова; Полн. и упрощ. изд. для пения с фортепиано Рихарда Клейнмихеля. Лейпциг [и др.], [Б. г.]. [Wagner, Richard. [B. g.]. *Tristan i Izol'da = Tristan und Isolde*: Drama v 3-kh aktakh Richarda Wagnera, Per. V. Kolomiitsova; Poln. i uproshch. izd. dlia peniia s fortepiano Richard Kleinmichel. Leipzig [i dr.] (In Russ.)].
- Гейне Г. Избранные стихотворения. Собрала и снабдила словарем А. Черняк. Москва, Ленинград: Гос. изд-во, 1929. 51, [2] с., [3] с. [Heine, Henrich. 1929. *Izbrannnye stikhotvoreniia*. Sobrala i snabdila slovarem A. Cherniak. Moskow, Leningrad: Gos. izd-vo. 51, [2], [3]. (In Russ.)].
- Коломийцов В. П. Карл Мария фон-Вебер: К столетию со дня его смерти. (1826–1926): Критико-биографич. очерк. Ленинград: кооп. музыкально-изд-ское т-во «Тритон», 1927. [Kolomiitsov, Victor P. 1927. *Karl Maria von Weber: K stoletiiu so dnia ego smerti. (1826-1926)*: Kritiko- biografich. ocherk. Leningrad: koop. Muzykal'no-izd-skoe t-vo “Triton”. (In Russ.)].
- Коломийцов В. П. Кольцо Нибелунга: Трилогия Рихарда Вагнера. Пб.: Поляр. звезда, 1923 (обл. 1922). [Kolomiitsov, Victor P. 1923. *Kol'tso Nibelunga: Trilogiia Richarda Wagnera*. Saint Petersburg: Poliar. zvezda. (In Russ.)].
- Коломийцов В. П. Рихард Вагнер и музыкальная драма в России. *Музыкальный календарь А. Габриловича*: Справ. и запис. книжка.... .. на 1913 г. Санкт-Петербург: Руслан. С. I-XXXII. [Kolomiitsov, Victor P. 1913. Richard Wagner i muzykal'naia drama v Rossii. *Muzykal'nyi kalendar' A. Gabrilovicha* : Sprav. i zapis. knizhka.... .. na 1913 g. St. Petersburg: Ruslan. S. I-XXXII]. (In Russ.)].
- Коломийцов В. П. Статьи и письма. Сост. и авт. прим. Е. В. Коломийцовой-Томашевской. Ленинград: Музыка. Ленинградское отделение, 1971. [Kolomiitsov, Victor P. *Stat'i i pis'ma*. Sost. i avt. prim. E. V. Kolomiitsovoi-Tomashevskoi. Leningrad: Muzyka. Leningradskoe otdelenie. (In Russ.)].
- Коломийцов В. П. Франц Шуберт: К 100-летию со дня смерти. Ленинград, 1928. [Kolomiitsov, Victor P. 1928. *Franz Schubert: K 100-letiiu so dnia smerti*. Leningrad. (In Russ.)].
- Тексты песен Франца Шуберта (100 стихотворений Шиллера, Гете, Гейне и др. нем. поэтов в эквиритмич. переводах). Виктор Коломийцов. Ленинград: Тритон, 1933. [Teksty pesen Franza Schuberta. 1933. (100 stikhotvorenii Schillera, Goethe, Heine i dr. nem. poetov v ekviritnich. perevodakh) Viktor Kolomiitsov. Leningrad: Triton. (In Russ.)].
- Шуберт Ф. Любовь Мельника = Die schöne Müllerin: соч. 25: цикл песен на слова Вильгельма Мюллера: для голоса с фортепиано. Ф. Шуберт; ред. П. Ламм; пер.: Л. И. Изюмов [и др.]. Москва: Музгиз, 1937. [Shubert, Franz. 1937. *Liubov' Mel'nika = Die schöne Müllerin* : soch. 25: tsikl pesen na slova Vil'gel'ma Miullera: dlia golosa s fortepiano. F. Shubert; red. P. Lamm; per.: L. I. Iziumov [i dr.]. Moskow: Muzgiz. (In Russ.)].

Шюрэ Э. Драма Рихарда Вагнера «Тристан и Изольда». Пер. [и предисл.] Виктора Коломийцова. Москва: П. Юргенсон, 1909. [Schuré, Édouard. 1909. *Drama Richarda Wagnera "Tristan i Izol'da"*. Per. [i predisl.] Viktora Kolomiitsova. Moskow: P. Jurgenson. (In Russ.)].

Wagner, Richard. 1877. *Parsifal*: ein Bühnenweihfestspiel. Mainz: Verlag von B. Schott's Söhne.

Wagner, Richard. 1876. *Siegfried*: zweiter Tag aus der Trilogie Der Ring des Nibelungen. Mainz: Verlag von B. Schott's Söhne ... [4], 98, [10].

Article history:

Received: 05 September 2021

Accepted: 21 April 2022

Сведения об авторе:

Альбина Витальевна БОЯРКИНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии РГПУ им. А.И.Герцена, Санкт-Петербург, Россия. Переводчик в сфере культуры и искусства, член общества теории музыки. Автор более 50 публикаций по теории перевода, лингвистике текста и аудиальной лингвистике.

e-mail: al.bojarkina@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3619-5885

Bionote:

Albina V. BOYARKINA holds a Ph. D. in linguistics. She is an Associate Professor of the Department of German Philology at Herzen University, Saint Petersburg, Russia, a translator in the sphere of culture and art, member of the Music Theory Society and an author of over 50 publications. Her research interests include translation theory, text linguistics and audial linguistics.

e-mail: al.bojarkina@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3619-5885

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-31170>

Book review / Рецензия

**Review of Seongha Rhee. 2021.
*Linguistic Forms at the Border of Lexis and Grammar:
Grammaticalization of Adpositions across Languages.*
Seoul, Global Contents Publisher. ISBN 979-11-5852-358-9**

Sunhee YAE

Da Vinci College of General Education, Chung-Ang University, Seoul, Republic of Korea
 syae@cau.ac.kr

For citation:

Yae, Sunhee. 2022. Review of Seongha Rhee. 2021. *Linguistic Forms at the Border of Lexis and Grammar: Grammaticalization of Adpositions across Languages*. Seoul, Global Contents Publisher. *Russian Journal of Linguistics* 26 (3). 831–836. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-31170>

**Рецензия на книгу
Seongha Rhee. 2021. *Linguistic Forms at the Border
of Lexis and Grammar: Grammaticalization of Adpositions
across Languages*. Seoul, Global Contents Publisher.
ISBN 979-11-5852-358-9**

Сунхи ЯЭ

*Общеобразовательный колледж Да Винчи, Университет Чун-Анг,
Сеул, Республика Корея*
 syae@cau.ac.kr

Для цитирования:

Yae, Sunhee. Review of Seongha Rhee. 2021. *Linguistic forms at the border of lexis and grammar: Grammaticalization of adpositions across languages*. Seoul, Global Contents Publisher. *Russian Journal of Linguistics*. 2022. V. 26. № 3. P. 831–836. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-31170>

Adpositions, encompassing prepositions and postpositions, constitute an interesting grammatical category since they signal diverse grammatical functions of the nouns they host. Despite the wide spectrum of their functions, there seem to

---

© Sunhee Yae, 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

be certain notions that are often found across languages, which are realized as ‘grammatical cases’ (Lehmann 2004, Blake 2004 [1994]). In addition to these grammatical cases, there are local cases denoting spatial relationship and non-local cases denoting various non-spatial concepts, of which the range widely varies across languages. Adpositions occur with differential morphosyntactic cohesion, from very loosely attached periphrasis to very tight bound morphemes. For this reason, the development of adpositions has been a topic of interest for students of grammaticalization. Rhee (2021) provides a comprehensive analysis of the grammaticalization of adpositions in six typologically and genetically diverse languages: Korean, Japanese, English, Spanish, Chinese and Thai, and offers a fresh insight on grammaticalization patterns influenced by human cognition and linguistic typology. A particular focus is on spatial adpositions and those that are supposed, according to frequency criteria, to be currently undergoing grammaticalization.

The book consists of eleven chapters. The first two chapters set the background of research. Chapter 1 provides a detailed introduction: identifying objectives, research methods, language typology and language samples, grammaticalization theory, and the scope of the research. Chapter 2 includes a preliminary exposition on space in language and adpositions, focusing on the status of adpositions in theories of grammar, issues surrounding terminologies, and functions carried by adpositions. In particular, it adopts a three-way distinction based on morphosyntactic complexity, i.e., primary, composite, and complex adpositions.

Chapters 3 through 8 are analyses of the six individual languages. Chapter 3 describes the grammaticalization of 24 primary, 15 composite, and 165 complex postpositions in Korean, which developed from nominal, verbal, and deictic sources. Forty-two spatial postpositions are currently undergoing active grammaticalization processes. Chapter 4 describes the grammaticalization of 33 primary, 4 composite, and 42 complex postpositions in Japanese that developed from nominal, verbal, and unidentified lexical sources. Twenty-eight spatial postpositions are being actively grammaticalized. Chapter 5 describes the grammaticalization of 97 primary, 64 composite, and 523 complex prepositions in English, many of which developed from nouns. Those of foreign origins (Spanish and Latin) are numerous. The number of prepositions is phenomenal (684) but only 25 of them are spatial prepositions actively undergoing grammaticalization. Chapter 6 describes the grammaticalization of 25 primary, 136 composite, and 690 complex prepositions in Spanish, totaling 851, the largest among the sampled languages. Their lexical sources are predominantly nominal although many develop from adverbial sources, as well. Verbal sources are limited. Of these, 33 spatial prepositions are currently in active grammaticalization. Chapter 7 describes the grammaticalization of 42 primary and 14 composite prepositions and 18 primary, 7 composite, and 10 complex postpositions in Chinese, totaling 91. Prepositions tend to develop from verbal sources, whereas postpositions tend to develop from verbal sources encoding spatial relationships. Only 2 prepositions and

5 postpositions are in active grammaticalization. Finally, chapter 8 describes the grammaticalization of 101 primary, 71 composite, and 9 complex prepositions in Thai, most of which developed from verbal and nominal sources with a few from adjectival and adverbial sources. Sixteen spatial prepositions are actively undergoing grammaticalization.

Chapters 9 and 10 address some issues of theoretical significance. Chapter 9 discusses principles and hypotheses. In addition to Kuteva et al.'s (2019) desemanticization, extension, decategorialization and erosion, discussed in each chapter for individual languages, other noteworthy principles and hypotheses are extensively discussed, i.e., divergence, persistence, source determination, unidirectionality, universal path, analogy, reanalysis, and reinterpretation. Chapter 10 discusses issues in typology and language contact. It presents commonalities across the sampled languages and analyzes them with respect to restrictive and expansive motivations and propensity for positivity. In addition, it discusses the influence of the differences determined by word order (SOV vs. SVO) and morphological patterns (inflection vs. agglutination vs. isolation). It further discusses the effect of language contact, notably Sinitic influence on Korean and Japanese, French influence on English, Latin influence on Spanish and English, and Chinese influence on Thai.

Overall, this book provides a useful overview of the issues surrounding the grammaticalization of adpositions, especially from a comparative and typological perspective. There are a few particularly noteworthy insights and strengths this book offers for grammaticalization research.

First of all, from the early times of grammaticalization studies in the 1980s, a large body of research has focused on individual exemplars, whereas paradigm-based or crosslinguistic studies have been underrepresented. In this regard, this book addressing a whole paradigm of adpositions in typologically and genealogically diverse languages presents an insight from a global perspective, a welcome addition to grammaticalization scholarship. In particular, it elaborates on the current state of affairs and compares the grammaticalization processes in individual languages based on general cognitive mechanisms, typological characteristics, and external factors such as language contact.

Formal categorization inherently involves difficulties because of the indeterminacy of forms and arbitrariness of criteria. It is difficult to establish an indisputable inventory of adpositions in individual languages because of the fuzzy boundary between complex adpositions and syntactic constructions. Even within the adpositions delineating the subcategories, such as primary, composite, and complex adpositions, is equally difficult largely because individual forms constitute a cline along a continuum instead of discrete categories. Setting up the criteria for categories for individual languages for direct comparison is even more problem-ridden because of their widely varying typological differences. The author uses multiplicity of components and morpho-syntactic complexity as the key criteria for

setting up the subcategories. Considering typological differences, such criteria seem to be intuitively adequate.

Another important issue relates to the degree of grammaticalization. Quantifying the degree of grammaticalization is particularly problem-ridden because grammaticalization occurs at all levels of grammar, e.g. phonology, semantics, morphology, and syntax, and advancement in each of these levels does not go in tandem. Thus, when a form exhibits extensive development in one parameter and limited development in another, there is no way of assigning proper weighting across these parameters. Among the popularly used criteria is frequency (Hopper & Traugott 2003 [1993], Bybee 2011, Diessel & Hilpert 2016), even though its adequacy has been challenged (Hundt 2001, Hoffmann 2005, Fischer 2011, Rhee 2014, Yae 2018). The book under review relies solely on token frequency for categorization, and thus may need to be supplemented by more elaborate sets of criteria. For instance, in recent research Correia Saavedra (2021) suggests a comprehensive quantitative model incorporating token-frequency, letter counts, collocate and colligate diversity, and dispersion. Methodological issues notwithstanding, the book shows that Spanish has the largest number of prepositions (851), whereas Japanese has the smallest number (79), claiming that the two languages differ in their level of use of the structural templates. It also shows that Korean has the largest number of spatial postpositions undergoing active grammaticalization (42), whereas Chinese has the smallest number of adpositions undergoing active grammaticalization (7), proposing that the Korean adpositional system is the most fluid and Chinese the most stable.

Another noteworthy aspect of the book is its discussion of a number of issues surrounding language contact. Echoing the findings of Narrog and Rhee (2013) and Narrog et al. (2018), the author elaborates on the influence of written Chinese on Korean and Japanese, which led to proliferation of complex postpositions through Sinitication, and on how these innovative forms carry divergent specialization. Considering that most research to date has addressed ‘internally-motivated’ grammaticalization (Heine and Kuteva 2005, 2008), i.e. natural, language-internal process, the discussion of ‘contact-induced’ grammaticalization, especially in East Asian languages, is a much-needed addition. It is an interesting observation that the grams from borrowing, thus supposedly newer forms, specialize in more abstract notions, which are normally associated with more extensive development, whereas older, native grams specialize in more concrete notions.

Still another noteworthy contribution of the book is that it addresses asymmetries between polar notions, especially in axial terms (e.g., top-bottom, inside-outside, front-back, goal-source, etc.). The goal vs. source asymmetry (‘the goal bias’, Ungerer & Schmid 1996), in particular, has been addressed in earnest in a number of recent studies, notably Kepecka and Vuillermet (eds.) (2021). A crosslinguistic direct comparison elaborated in the book is helpful for a better understanding of cognitive and linguistic asymmetries across languages.

Everything considered, this book, by virtue of adopting a crosslinguistic comparative perspective, based on typologically- and genealogically-balanced language samples, makes a significant contribution to the study of the grammaticalization of adpositions, linguistic typology, and cognitive linguistics in general. Researchers of various persuasions will benefit from reading it.

REFERENCES

- Blake, Barry J. 2004[1994]. *Case* (2nd ed.). Cambridge: Cambridge University Press.
- Bybee, Joan L. 2011. Usage-based theory and grammaticalization. In Heiko Narrog and Bernd Heine (eds.), *The Oxford Handbook of Grammaticalization*, 69–78, Oxford: Oxford University Press.
- Correia Saavedra, David. 2021. *Measurements of Grammaticalization: Developing a Quantitative Index for the Study of Grammatical Change*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Diessel, Holger & Martin Hilpert. 2016. Frequency effects in grammar. In Mark Aronoff (ed.), *Oxford Research Encyclopedia of Linguistics*. New York: Oxford University Press.
- Fischer, Olga. 2011. Grammaticalization as analogically driven change? In Heiko Narrog and Bernd Heine (eds.), *The Oxford Handbook of Grammaticalization*, 31–42. Oxford: Oxford University Press.
- Heine, Bernd & Tania Kuteva 2005. *Language Contact and Grammatical Change*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hoffmann, Sebastian. 2005. *Grammaticalization and English Complex Prepositions: A Corpus-Based Study*. London: Routledge.
- Hopper, Paul J. & Elizabeth C. Traugott 2003[1993]. *Grammaticalization* (2nd ed.). Cambridge: Cambridge University Press.
- Hundt, Marianne. 2001. What corpora tell us about the grammaticization of voice in *get*-constructions. *Studies in Language* 25. 49–88.
- Kopecka, Anetta & Marine Vuillermet (eds.) 2021. Source-Goal (a)symmetries across languages. Special issue of *Studies in Language* 45.1.
- Kuteva, Tania, Bernd Heine, Bo Hong, Haiping Long, Heiko Narrog & Seongha Rhee. 2019. *World Lexicon of Grammaticalization* (2nd ed.) Cambridge: Cambridge University Press.
- Lehmann, Christian. 2004. Interlinear morphemic glossing. In Herbert Ernst Wiegand (ed.), *Morphologie: Handbuecher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft*, Band 172. 1834–1857. Berlin: Walter de Gruyter.
- Narrog, Heiko & Seongha Rhee. 2013. Grammaticalization of space in Korean and Japanese. In Martine Robbeets and Hubert Cuyckens (eds.), *Shared Grammaticalization. With Special Focus on the Transeurasian Languages*, 287–315. Amsterdam: John Benjamins.
- Narrog, Heiko, Seongha Rhee & John Whitman. 2018. Grammaticalization in Japanese and Korean. In Heiko Narrog and Bernd Heine (eds.), *Grammaticalization from a Typological Perspective*, 166–188. Oxford: Oxford University Press.
- Rhee, Seongha. 2014. Analogy-driven grammaticalization: A case of grammaticalization of sentence-final markers from concomitance-connectives. *Linguistic Research* 31 (3). 591–614.
- Yae, Sunhee. 2018. Grammaticalization of ‘Case particle + *-taka*’ in Korean. *Studies in Modern Grammar* 86. 31–46.
- Ungerer, Friedrich & Hans-Jörg Schmid. 1996. *An Introduction to Cognitive Linguistics*. London: Longman.

Article history:

Received: 06 June 2022

Accepted: 20 July 2022

Bionote:

Sunhee YAE is Associate Professor of Da Vinci College of General Education, Chung-Ang University, Seoul & Anseong-si (Gyeonggi-do), Korea. She received her MA in Language and Linguistics from University of Essex in 1998 and her Ph.D. in English Linguistics from Hankuk University of Foreign Studies in 2002. Her research interests are grammaticalization, discourse analysis, pragmatics and cognitive linguistics.

e-mail: syae@cau.ac.kr

ORCID: 0000-0002-3313-9725

Сведения об авторе:

Сунхи ЯЭ – доцент Общеобразовательного колледжа Да Винчи Университета Чун-Анг (Сеул, Республика Корея). Получила степень магистра языков и лингвистики в Эссекском университете (Великобритания) в 1988 г. и степень доктора английской лингвистики в Хангукском университете иностранных языков (Республика Корея) в 2002 г. Сфера ее научных интересов включает грамматикализацию, дискурс-анализ, прагматику и когнитивную лингвистику.

e-mail: syae@cau.ac.kr

ORCID: 0000-0002-3313-9725

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-31695>

Book review / Рецензия

**Review of Anna Wierzbicka. 2021. Vo chto veryat khristiane:
Istoriya Boga i lyudei [What Christians Believe:
The Story of God and People]. Moscow, YaSK Publishers,
2021. ISBN 978-5-907290-71-6**

Alexei D. SHMELEV

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
 shmelev.alexei@gmail.com

For citation:

Shmelev, Alexei. 2022. Review of Anna Wierzbicka. 2021. Vo Chto Veryat Khristiane: Istoriya Boga i Lyudei [What Christians Believe: The Story of God and People]. Moscow: YaSK Publishers, 2021. *Russian Journal of Linguistics* 26 (3). 837–843. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-31695>

**Рецензия на книгу
Анна Вежбицкая. Во что верят христиане:
История Бога и людей. М.: Издательский дом ЯСК, 2021.
ISBN 978-5-907290-71-6**

А.Д. ШМЕЛЕВ

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия
 shmelev.alexei@gmail.com

Для цитирования:

Шмелев А.Д. Рецензия на книгу: Анна Вежбицкая. Во что верят христиане: История Бога и людей. М.: Издательский дом ЯСК, 2021. *Russian Journal of Linguistics*. 2022. Т. 26. № 3. С. 837–843. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-31695>

Книга Анны Вежбицкой «Во что верят христиане: История Бога и людей» представляет собою сокращенный перевод ее книги *What Christians Believe: The story of God and People in Minimal English* (Wierzbicka 2019);

© Alexei Shmelev, 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

переведена лишь ядерная часть книги; перевод выполнен Анной Гладковой¹. Как в большинстве работ Вежбицкой последних десятилетий, в качестве инструмента описания используется универсальный «естественный семантический метаязык» (ЕСМ). В данной книге он несколько расширен. Наряду со словами, соответствующими элементарным смыслам (семантическим примитивам) и, как представляется, имеющими эквиваленты во всех языках, в книге используется ограниченное число слов, которые не универсальны и не имеют эквивалентов во многих языках мира. Но эти слова, глубоко укорененные в истории и культуре Палестины I в., составляют неотъемлемую часть истории, рассказанной в Евангелиях. Сюда относятся, напр., такие слова, как *царь, солдат, пастух, рыбак, хлеб, вино, гвоздь, овца*. Впрочем, русским читателям, даже самым неискушенным (за исключением, может быть, малолетних детей, едва научившихся читать), эти слова, несомненно, известны.

Использование в качестве инструмента описания ЕСМ во многом соответствует природе вещей. То, что большинство книг Ветхого Завета в оригинале было написано на библейском иврите, евангельская история была первоначально в разных вариантах рассказана на греческом языке, а слова Христа, обращенные к слушателям, были в большинстве случаев сказаны на арамейском языке, не может служить основанием для того, чтобы отказаться видеть, что христианская весть имеет универсальный характер.

Книга встраивается в ряд работ Анны Вежбицкой, в которых объектом описания оказывается предмет христианской веры и способы ее языкового выражения (Wierzbicka 2001, 2017, 2018, 2019, 2020a, 2020b). При этом следует иметь в виду, что направленность работ, в которых результат анализа представлен на ЕСМ, различна и в некоторых случаях может казаться противоположной. В некоторых работах ЕСМ используется для экспликации значений лингвоспецифичных выражений тех или иных языков, а в других – для описания смыслов, взятых в отвлечении от обертонов, которые могут вноситься лингвоспецифичными выражениями или обуславливаться культурными скриптами, часто непонятными людям иных культур. Но «противоположность» здесь мнимая. Чтобы «очистить» сообщение от смыслов, специфичных для того или иного языка и той или иной культуры, необходимо посредством тщательного семантического анализа выявить эти смыслы.

Структура книги (всего 40 глав) отвечает поставленной в ней цели. В ней последовательно излагаются основы христианской веры. В первой главе дается общее понятие о Боге; затем рассказывается о творении мира (название второй главы – «Мир существует, потому что Бог хочет, чтобы он существовал») и дается более полное представление о Боге, а также рассказываются отдельные эпизоды ветхозаветной истории, более подробно – евангельские события, упоминаются некоторые эпизоды из «Деяний апостолов» и рассказывается, что произойдет, когда Иисус снова придет на землю.

---

¹ Стоит упомянуть также книгу на польском языке (Wierzbicka 2017).

Для лингвистов самое интересное в книге – используемая в ней расширенная версия ЕСМ. Как уже говорилось, в этой расширенной версии, наряду с семантическими «примитивами» (словами, выражающими элементарные и предположительно универсальные смыслы), используются семантические молекулы, т. е. слова, смысл которых не элементарен. Здесь можно отметить сближение методов построения толкований в школе ЕСМ с методами Московской семантической школы, в которой в толкованиях регулярно используются некоторые слова, выражающие смыслы, более сложные, чем семантические примитивы (с помощью аналитических толкований они в конечном счете сводятся к определенной структуре элементарных смыслов)².

В книге «История Бога и людей» используется два вида семантических молекул.

С одной стороны, это слова, которые можно считать известными всем умеющим читать носителям русского языка. Излишним педантизмом была бы установка на то, чтобы всякий раз, когда возникает потребность в том, чтобы использовать данный смысл в толковании более сложного смысла, заменять соответствующее слово его аналитическим толкованием. При необходимости можно было бы приложить к книге словарик, в котором были бы приведены толкования всех таких слов. При этом толкования могут включать слова, смысл которых тоже не элементарен, тогда таким словам должно быть дано отдельное толкование. Напр., в книге несколько раз используется неэлементарное слово *гвоздь* (когда рассказывается о том, как человек в те времена мог умирать на кресте, или о том, как Фома говорил, что хочет прикоснуться к рукам Иисуса в тех местах, где были гвозди). В толковании слова *гвоздь*, по-видимому, пришлось бы использовать неэлементарные (но более простые, чем *гвоздь*) слова *острый* и *длинный*. Глагол *прибить*, используемый в книге, тоже не элементарен и, возможно, его толкование должно включать единицу *гвоздь*. В толковании каждого неэлементарного слова будут использоваться семантически более простые слова, пока наконец мы не дойдем до уровня семантических примитивов. Такой словарик был бы свидетельством системности лексики, но для целей рассматриваемой книги, как кажется, потребности в нем нет.

Можно, впрочем, заметить, что использование таких, казалось бы, самоочевидных семантических молекул иногда чревато возможным неверным пониманием. Так, в тексте книги не раз используются слова *рука* и *нога*. В частности, они используются, когда речь идет о распятии Иисуса:

Когда Иисус был на Голгофе,
римские солдаты прибили его тело к кресту.
Они прибили его ноги к одной длинной части креста,
его руки к другой части.

² Отказ от жесткого требования ограничиваться в толкованиях на ЕСМ семантическими примитивами был обоснован в ряде работ представителей ЕСМ, напр. (Goddard 2012, 2016).

Но ведь очевидно, что русские слова *рука* и *нога* далеки от того, чтобы претендовать на универсальность. Каждому из них во многих языках соответствует не одно, а два слова: английские *hand* и *arm*, *foot* и *leg*, французские *main* и *bras*, *pied* и *jambe* и т. д. Само по себе это не препятствие тому, чтобы использовать слова *рука* и *нога* в толкованиях; но в рассматриваемом контексте возникает неожиданный нетривиальный вопрос: куда именно были вбиты гвозди при распятии Иисуса?

Многие живописные и даже иконописные изображения побуждают нас думать, что гвозди были вбиты в кисти рук (*hands*). В частности, именно это изображает фрагмент триптиха Дуччо ди Буонинсенья «Распятие» (1302–1308), воспроизведенный в рассматриваемой книге. В то же время многие соображения побуждают нас думать, что гвозди при распятии вбивались в запястья. В самом деле, если гвозди вбивать в кисти, то слишком велик шанс, что тело под действием собственного веса сорвется с креста. Русский вариант ЕСМ позволяет сохранять «нейтралитет» в этом вопросе. Но в общетеоретическом плане вопрос не снимается. Обращение к греческому оригиналу здесь мало что дает. Так, не вполне очевидно, допускает ли выражение, посредством которого в Евангелии от Иоанна передан фрагмент фразы апостола Фомы (ἐν ταῖς χερσὶν αὐτοῦ ‘на руках Его’) понимание, отнесенное к запястьям. А ведь Фома, очевидно, говорил на арамейском языке, и не вполне ясно, к чему могло относиться употребленное им арамейское выражение. Разумеется, такие детали не изменяют содержания христианской веры, однако, стремясь к максимально точному ее изложению, нельзя пренебрегать и такими в целом малозначащими подробностями.

С другой стороны, к семантическим молекулам можно отнести слова, важные для изложения основ христианской веры, но которые нельзя считать самоочевидными для всех рядовых носителей русского языка. Это такие слова, как *Бог*, *пророк*, *Мессия*; но сюда же относится, напр., и слово *крест*. Им дается детальное истолкование в соответствующих главах, после чего они используются как законные семантические молекулы.

Слово *Бог* подробно описывается в первой главе. Почти вся первая глава сводится к экспликации значения слова *Бог*, но завершается глава фразой, которая выходит за рамки толкования языкового выражения: «Люди могут многое узнать о Боге, если они читают одну книгу, она называется Библия». В дальнейшем слово *Библия* неоднократно используется в тексте. Однако едва ли его можно отнести к семантическим молекулам в собственном смысле слова. Мы обнаруживаем, что в книге используется еще один класс выражений, выходящих за рамки ЕСМ: выражения, вводимые посредством метаязыковых комментариев.

Иногда семантическая экспликация сопровождается метаязыковым комментарием. Так, в главе 3, озаглавленной «Люди могут жить с Богом», эксплицируется смысл ‘дьявол’, и эта экспликация сопровождается метаязыковым комментарием: «Некоторые части Библии называют этого кого-то “сатана”»,

некоторые говорят “дьявол”». Концовка третьей главы тоже весьма характерна: она содержит отсылку к Священному Писанию, ясно давая понять, что автор не предполагает свое изложение основ христианской веры исчерпывающим: «Люди во всех странах могут много знать об этом, если они читают Библию», – и дальше рассказывается о Библии (стоит заметить, что этот оборот: «Люди могут многое узнать об этом, если они читают Библию» – еще не раз используется в книге).

Различные части Писания часто вводятся при помощи метаязыкового комментария, и это делает возможным последующую отсылку к ним. Так, книга Бытия вводится в главе 4 посредством фразы:

Одна часть Библии называется Бытие,
она перед всеми другими частями.

В конце главы говорится о том, что люди могут знать некоторые вещи, «если они читают книгу Бытия».

Экспликация значения языкового выражения внешне иногда строится как метаязыковой комментарий. Так, значение слова *пророк* поясняется следующим образом:

После того, как Моисей умер, было так:
Когда Бог хотел сказать что-то народу Израиля,
Бог говорил это кому-то, непохожему на многих других людей,
после чего этот кто-то говорил это народу Израиля.
Такого человека называли пророком.

Хочется отметить, что перевод Анны Гладковой вполне адекватен оригинальному английскому тексту. Иногда возникает ощущение шероховатости, но я думаю, что это может быть связано с тем, что идиолект Анны Гладковой и мой собственный не вполне совпадают. Так, для меня местоимения на *-то* (в таких контекстах, как *сказать что-то* или *ты – кто-то выше других людей*) – не лучший экспонент значения соответствующего семантического примитива, поскольку включают нетривиальный семантический компонент ‘я считаю, что надо было бы сказать нечто большее, но не знаю этого’; однако похоже, что в языке Анны Гладковой это не так. В некоторых случаях спорным представляется выбор русской передачи заимствованного имени собственного. Так, имя жены Исаака (и матери Иакова) принято по-русски передавать как *Ревекка* (а не *Ребекка*). Имя *Иаков* регулярно передается в книге именно так (т. е. в соответствии с традицией), но в одном случае почему-то используется передача *Яков*. И, разумеется, слово *Цезарь* по отношению к императору Октавиану Августу, Тиберию и прочим римским императорам может ввести в заблуждение. В русской традиции имя *Цезарь* устойчиво ассоциируется с Юлием Цезарем. В традиционной передаче используется обозначение *кесарь*; если же считать его несколько устаревшим, можно было бы ввести слово *император*.

Впрочем, все это мелочи. Русский текст книги читается легко и понятен любому носителю русского языка. В целом книга довольно точно передает основы христианской веры; каждое слово в ней значимо как лингвистически, так и с исторической и с богословской точки зрения.

Разумеется, все сказанное не означает, что появление «истории Бога и людей» на ЕСМ делает ненужной работу по переводу Священного Писания на различные языки или богословские изыскания и размышления (собственно, книга Вежбицкой и не ставит себе такой задачи, и в предисловии к книге ясно сказано: «Новый Завет рассказывает историю Бога и людей в основном через метафоры. Такой способ передавать эту историю всегда был и всегда будет необходим»). Текст Писания имеет и поэтическую составляющую, которая часто бывает сопряжена с эмоциональной реакцией; а богословские размышления, результаты которых могут быть представлены на том или ином естественном языке во всей его полноте и богатстве, нередко позволяют увидеть какие-то новые стороны христианства. Но можно повторить, что книга «Во что верят христиане: История Бога и людей» представляет собою чрезвычайно полезное введение в основы христианской веры для тех, кто с христианством совсем незнаком или имеет о нем искаженное представление. Таких людей, несомненно, очень много. Поэтому книга может быть интересна не только лингвистам, но широкому кругу читателей (ее могут читать и понимать даже дети, потому что используемый в ней расширенный вариант ЕСМ включает в себя только очень простые слова и предложения). Остается пожалеть, что она опубликована совсем небольшим тиражом – всего 300 экземпляров.

REFERENCES / СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Goddard, Cliff. 2012. Semantic primes, semantic molecules, semantic templates: Key concepts in the NSM approach to lexical typology. *Linguistics* 50 (3). 711–743. <https://doi.org/10.1515/ling-2012-0022>
- Goddard, Cliff. 2016. Semantic molecules and their role in NSM lexical definitions. *Cahiers de Lexicologie* 109. 13–36.
- Wierzbicka, Anna. 2001. *What Did Jesus Mean? Explaining the Sermon on the Mount and the Parables in Simple and Universal Human Concepts*. New York, Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/0195137337.001.0001>
- Wierzbicka, Anna. 2017. *W co wierzą chrześcijanie? Opowieść o Bogu i o ludziach* [What Christians Believe: The Story of God and People]. Cracow: Znak.
- Wierzbicka, Anna. 2018. Emotions of Jesus. *Russian Journal of Linguistics* 22 (1). 38–53. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-1-38-53>
- Wierzbicka, Anna. 2019. *What Christians Believe: The Story of God and People*. New York: Oxford University Press.
- Wierzbicka, Anna. 2020a. The Meaning of the Christian Confession of Faith: Explaining the Nicene Creed through Universal Human Concepts. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences* 2 (24). 150–170.
- Wierzbicka, Anna. 2020b. Addressing God in European languages: Different meanings, different cultural attitudes. *Russian Journal of Linguistics* 24 (2). 259–293. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-2-259-293>

Article history:

Received: 16 August 2022

Accepted: 28 August 2022

Alexei D. SHMELEV is Doctor Habil., Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences. Chief Researcher and Chair of the Department of Russian Linguistic Standards at the Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences; Professor of Russian Linguistics at Moscow Pedagogical State University. His work spans several disciplines including cultural studies and linguistics. He is the author of numerous books, the most recent of which is *Issledovanija po russkoj i komparativnoj semantike* [Studies in Russian and Comparative Semantics] (2021, co-authored with Anna Zalizniak)

e-mail: shmelev.alexei@gmail.com

ORCID: 0000-0002-5019-1525

Сведения об авторе:

Алексей Дмитриевич ШМЕЛЕВ – доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук; главный научный сотрудник и заведующий отделом культуры русской речи Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН; профессор кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета; председатель Орфографической комиссии Российской академии наук. Его научные интересы охватывают целый ряд дисциплин, включая культурологию и лингвистику. Он опубликовал множество книг, последняя из которых – «Исследования по русской и компаративной семантике» (2021, в соавторстве с Анной Зализняк).

e-mail: shmelev.alexei@gmail.com

ORCID: 0000-0002-5019-1525

ПАМЯТИ УЧЕНЫХ

**Марина Яковлевна ГЛОВИНСКАЯ –
известный аспектолог, лексикограф,
исследователь разговорного языка и языка эмиграции,
специалист по грамматике ошибок**

11.12.1936–25.08.2022

Ушла из жизни Марина Яковлевна Гловинская – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Сектора теоретической семантики Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, замечательный, разносторонний и тонкий ученый-лингвист.

М.Я. Гловинская родилась в 1936 г. в г. Саратове. Училась на русском отделении филологического факультета МГУ у академиков В.В. Виноградова, Н.К. Гудзия, члена-корреспондента Р.И. Аванесова, академика В.П. Аникина, профессоров П.С. Кузнецова, А.А. Реформатского, М.В. Панова, К.В. Горшковой, В.А. Белашапковой, доцентов В.К. Чичагова и О.Г. Гецовой. После окончания МГУ с 1959 г. и до конца своей жизни работала в Институте русского языка, с 01.07.2013 г. – должности главного научного сотрудника. До октября 2019 г. она работала в Отделе современного русского литературного языка, затем – в Секторе теоретической семантики.

Свою кандидатскую диссертацию на тему «Фонологическая подсистема редких слов в современном русском литературном языке» (научный руководитель М.В. Панов) М.Я. Гловинская защитила в Институте русского языка в 1967 г. Докторская диссертация на тему «Теоретические проблемы видо-временной семантики русского глагола» была защищена ею в МГУ им. Ломоносова в 1986 г.

В середине 1990-х и с 2004 по 2010 гг. М.Я. Гловинская вела исследовательские семинары по темам «Русские глаголы речевых актов», «Семантика вида и времени» и «Семантическое описание глаголов речевых актов» на кафедре теоретической и прикладной лингвистики РГГУ.

М.Я. Гловинская – автор двух основополагающих монографий по теории русского вида, соавтор более десятка коллективных монографий и автор многочисленных статей по разговорной речи, языку эмиграции, активным процессам в грамматике, речевым актам и некоторым другим темам, а также соавтор трех инновационных словарей – Нового объяснительного словаря синонимов, Толкового словаря русской разговорной речи, Активного словаря русского языка. Над Активным словарем Марина Яковлевна работала вместе со своим мужем и соавтором Юрием Дерениковичем Апресяном до самых последних дней своей жизни.

Кроме того, М.Я. Гловинская внесла значительный вклад в преподавание и популяризацию лингвистики. Она соавтор трех учебников – по современному русскому литературному языку (2015 и 2017 гг.) и по активным процессам в современном русском языке (2010), а также автор статей о виде глагола и речевых актах в Энциклопедическом словаре юного лингвиста и Словаре юного филолога.

В области аспектологии М.Я. Гловинская реализовала то, что она называет «смысловым подходом» к видовому значению. Отойдя от «признакового» описания, она разработала семантический метаязык для описания индивидуальных видовых значений, развила и уточнила классификацию возможных типов видовых противопоставлений и предложила «смысловые корреляты» различных граммем совершенного и несовершенного вида. Описания М.Я. Гловинской имеют в основе лексикографические толкования глаголов обоих видов, из которых «вычленяется» общая часть – т.е. лексическое значение – и различающиеся части – т.е. смыслы, выражаемые граммемами вида. Кроме того, важным элементом аспектологической концепции М.Я. Гловинской является соотнесение типов видовых противопоставлений с семантическими классами глаголов. Предвосхищая многие более поздние лингвистические теории, например, грамматику конструкций, М.Я. Гловинская описывает контекстуальные условия реализации тех или иных видовых значений и использует единый семантический язык при анализе лексических и грамматических единиц.

В области изучения активных языковых процессов, сравнения языка эмиграции и метрополии, русской разговорной речи М.Я. Гловинская, опять-таки, формулирует многие важные для современной лингвистики вопросы и

принципы, опережая многие последующие направления. Например, ее наблюдения по поводу параллелизма между ошибками в речи эмигрантов и в речи говорящих метрополии, ее замечания об общем направлении активных языковых процессов в сторону «расшатывания» слабых зон языка, в которых людям свойственно ошибаться, были подтверждены многими более поздними работами по корпусному изучению грамматики ошибок.

Еще одно интересное направление работ М.Я. Гловинской – языковая коммуникация. В сферу ее научных интересов входили коммуникативные неудачи, языковая агрессия, языковая толерантность – темы, получившие развитие и популярность в современной лингвистике, в том числе благодаря исследованиям Марины Яковлевны.

М.Я. Гловинской принадлежит множество тонких и точных описаний различных семантических классов русского языка – в первую очередь, речевых актов, в области изучения которых она является признанным авторитетом. Разработанные ею стандарты описания были положены в основу лексикографической трактовки нескольких важных лексикографических типов русского языка – речевых актов, эмоций, вопросительных местоимений, лексики травм и других.

М.Я. Гловинской был в высшей степени свойствен научный перфекционизм – она всегда подолгу отработывала и переписывала свои тексты, достигая краткости, ясности и точности в изложении. По-видимому, именно это требовательное отношение к себе и, возможно, полное отсутствие амбициозности однажды помешало ей опубликовать интересную научную работу. В начале 60-х годов М.Я. Гловинская работала в Свято-Успенском Псково-Печерском монастыре над чтением так называемых *керамид* – надгробных керамических плит из обожженной глины с зеленоватым поливом. Одно лето она целиком провела над их чтением и расшифровкой – с утра приходила в подземные пещеры, где находятся сотни погребений, и весь день разбирала надписи на керамидах. Однако, когда работа была сделана, она не стала ее публиковать – считала незаконченной. К счастью, в будущем ее высокие научные стандарты не помешали ей опубликовать сотни прекрасных исследований!

Марина Яковлевна была прекрасной научной наставницей и тонким и доброжелательным критиком. Ее дипломники и диссертанты – те, кто написал свои первые серьезные труды под ее руководством и научился от нее высоким научным стандартам – тепло вспоминают ее внимательность, самоотдачу, научную щедрость. В последние годы Марина Яковлевна не всегда себя хорошо чувствовала, физические силы начинали ей изменять. Но она до последнего момента сохраняла теплое отношение к людям, интерес к жизни и к науке, поразительное чувство юмора и самоиронию. Мы всегда будем помнить нашу замечательную коллегу и друга. Светлая ей память.

Друзья и коллеги

**Марк Яковлевич БЛОХ –
основоположник школы
коммуникативно-парадигматической лингвистики**

16.08.1924–16.09.2022

16 сентября ушел из жизни Марк Яковлевич Блох – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой грамматики английского языка Института иностранных языков МПГУ, блистательный ученый-лингвист, основавший школу коммуникативно-парадигматической лингвистики. Вся его долгая и яркая жизнь – служение науке и людям, любовь к слову и творчеству.

Марк Яковлевич родился 16 августа 1924 г. в Киеве. Вернувшись с фронта, куда он ушел в семнадцать лет, поступил в Московский государственный педагогический институт иностранных языков имени Мориса Тореза, который окончил в 1951 г. В 1951–1957 гг. преподавал в Иркутском государственном педагогическом институте иностранных языков.

В 1961 г. он вернулся в Москву и поступил в аспирантуру МГПИ им. В. И. Ленина, который стал для Марка Яковлевича домом на 60 лет. В 1962 г. он защитил кандидатскую диссертацию «К вопросу о рамочной конструкции предложения (на материале английского и немецкого языков)» под руководством профессора Натальи Фердинандовны Иртеневой, а в 1978 г. – докторскую диссертацию «Проблемы парадигматического синтаксиса». В этой диссертации Марк Яковлевич переосмыслил положения трансформационной грамматики и заложил основу для своей теории коммуникативно-парадигматической лингвистики, которая была окончательно сформулирована

в 1983 г., когда в издательстве «Высшая Школа» вышло первое издание учебника-монографии на английском языке «Теоретическая грамматика английского языка». В 1986 г. была написана русскоязычная монография «Теоретические основы грамматики», дополнившая учебник. Этот комплект стал классикой, пережил 7 переизданий и до сих пор является программным в изучении теоретических основ грамматики английского языка. В своей теории Марк Яковлевич показал, что парадигматические отношения лежат в основе построения текста-дискурса, выполняют кардинальную роль в формировании речи вообще, объединяя грамматический строй как центральную строевую область языка, ввел понятие диктемы как тематической единицы текста-дискурса.

Более 34 лет, с 1988 г. М.Я. Блох заведовал кафедрой грамматики английского языка факультета иностранных языков, а затем Института иностранных языков МПГУ. За это время им было написано свыше 200 научных работ, под его руководством было защищено более ста кандидатских и десятки докторских диссертаций. Марк Яковлевич был необыкновенно талантливым педагогом и мудрым руководителем, он наладил научные и академические связи как с университетами нашей стране – в Барнауле, Брянске, Туле, Нижневартовске, Костроме, Ярославле, Смоленске, Тобольске, Коломне, так и с зарубежными университетами: Университетом Вирджинии (США), Колумбийским университетом (США), Университетом Бохума (ФРГ), Варшавским университетом (Польша) и рядом других.

Вместе со своими учениками он проводил исследования в области теории английского языка, общего, типологического и германского языкознания, теории перевода, лингводидактики, философии языка. Последним изданным трудом стала монография – обобщение его 49 теорий «Человек и мир сквозь призму языка. Философские раздумья».

М.Я. Блох был главным редактором научного журнала «Язык. Культура. Речевое общение», членом редакционного совета журнала «Преподаватель XXI век», научного альманаха «Язык: мультидисциплинарность научного знания» и многих других.

За вклад в развитие науки и образования М.Я. Блох был награжден премией Правительства РФ в области образования (2005). За выдающиеся академические и педагогические достижения ему присвоено звание Почетного профессора МПГУ, почетного члена Российской академии естественных наук, почетного академика Международной академии наук педагогического образования, действительного члена Американского биографического института, вице-президента Московской ассоциации лингвистов-практиков, входящей в Международную ассоциацию прикладной лингвистики. За заслуги перед Отечеством он был награжден Орденом Отечественной войны II степени, медалью княгини Екатерины Романовны Дашковой «За служение Свободе и Просвещению», Почетной грамотой Президента РФ В.В. Путина «За большой личный вклад и развитие принципиальных положений общей теории языка,

создание научно-лингвистической школы и руководство целой плеядой ученых» (2014).

Под литературным псевдонимом Марк Ленский М.Я. Блох создал ряд замечательных произведений разных жанров – стихи, романсы, басни, сказки, рассказы и романы. За успехи в литературном творчестве он был принят в ряды членов Союза писателей России, Союза журналистов России, Нью-Йоркского клуба русских писателей.

Марк Яковлевич Блох был образцом настоящего ученого, увлеченного языком и наукой, истинным интеллигентом, обаятельным, глубоким, энциклопедически образованным и мудрым человеком. Нам еще предстоит осознать всю тяжесть и невосполнимость утраты, осмыслить значимость его теорий, глубину его мыслей и масштаб его личности. Светлая память.

Друзья и коллеги